ПЕНЗЕНСКИЙ ИНСТИТУТ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. В.Г.БЕЛИНСКОГО
ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

М.Р. Полесских (1908 - 1992)

АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Сборник материалов
II Международной научной конференции
«Археология восточноевропейской лесостепи»,
посвященной 100-летию со дня рождения археолога,
заслуженного работника культуры **М.Р. Полесских.**
(25 - 27 сентября 2008 г.)

Выпуск 2, том I

Пенза, 2008

ББК63.4(2)
94.3

Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 2. Том. 1 / Сб. материалов. — Пенза, 2008. — 252 с.

Отв. редактор: д.и.н. В.В. Ставицкий.

В сборнике собраны материалы выступлений на 2-ой Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.Р. Полесских, статьей об исследованиях которого открывается сборник. Среди авторов — представители российской археологии более десятка городов и регионов, которые представили материалы от эпохи камня до позднего средневековья. Большинство материалов носят дискуссионный характер и позволяют по-новому взглянуть на устоявшиеся представления о путях развития материальной культуры на территории как восточноевропейской лесостепи. Кроме того, в научный оборот вводится большое количество новых материалов из исследований последних лет.

Сборник представляет интерес, прежде всего, для профессиональных археологов и историков.

© Пензенский государственный
краеведческий музей, 2008

В.В. Ставицкий (Пенза)

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МИХАИЛА РОМАНОВИЧА ПОЛЕССКИХ ПО АРХЕОЛОГИИ ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ

Михаил Романович Полесских родился 15 сентября 1908 (по старому стилю) в с. Зяногурт Тыловайской волости Вятской губернии. Его отец служил выборным членом уездной Земской управы. С 17 лет М.Р. Полесских работал заведующим начальной школы Тыловайской и Бурановской волости Дебесского района Удмуртии, пока в 1929 году не поступил в Ленинградский педагогический институт им. А.И. Герцена, где получил специальность преподавателя психологии и педагогики. По окончании института в 1933 г. М. Р. Полесских поступил на работу заведующим педагогической лабораторией в г. Лысьва, где работал недолго. В 1933 - 1934 гг. он служит в армии, после чего устраивается на работу научным сотрудником профлаборатории. С 1936 по 1937 г. он работает в г. Иркутске директором Педтехникума, в 1940 г. заочно оканчивает Иркутский педагогический институт.

После ликвидации техникума он, как пишет в своей автобиографии, «долгое время не находил себе настоящего места», пока в 1947 г. не поступил на работу в Иркутский краеведческий музей заведующим отделом истории и науки. Здесь под влиянием известных археологов А.П. Окладникова, И.В. Артемова окончательно сформировались его научные интересы. В г. Иркутске он месте с П.П. Хороших участвует в раскопках неолитического могильника у стадиона «Локомотив», проводит самостоятельные разведочные исследования в долинах рек Ангары, Оки, Лены, Илима.

В 1948 г. М. Р. Полесских развелся с женой и принял решение уехать из Иркутска. В Москве он обращается в Комитет по делам культуры, где его командируют в Пензенский краеведческий музей. С 25 декабря 1949 г. по 30 июня 1979 г. его трудовая деятельность проходила в Пензенском областном краеведческом музее, где он сначала работал зам.директора по науке, затем научным сотрудником отдела истории и заведующим отделом дореволюционного прошлого.

В Пензенский краеведческий музей М. Р. Полесских пришел работать не на пустое место. До него неплохой задел в исследовании Пензенского края был сделан В.М. Терехиным, Н.И. Спрыгиной, П.В. Харламповичем и др. Эпизодические изыскания в крае проводили также А.А. Спицын, Б.С. Жуков, А.Е. Алихова, П.П. Иванов, О.А. Кривцова-Гракова, В.В. Кротков, П.С. Рыков. Однако иногородние исследователи преследовали более глобальные задачи, нежели изучение Пензенского края, кроме того, никто из них не работал в области больше одного-

двух лет. Местные же археологи до М.Р. Полесских в основном занимались сбором материала, не делая особых попыток к его обобщению. В результате до исследований М.Р. Полесских о древней и средневековой истории края имелись единичные и крайне отрывочные сведения, которые были собраны воедино А.Л. Хвощевым *(1922).* Констатируя весьма слабую изученность края в археологическом отношении, А.Л. Хвощев писал, что большинство археологических памятников совсем не обследовано или случайно осмотрено, поэтому вывести какое-либо заключение о жителях Пензенского края в неолите, бронзовом и раннем железном веке не представляется возможным *(Хвощев, 1922, с.* 8).

Уже в первый год своей работы в музее М.Р. Полесских приступает к археологическим исследованиям. В августе **1950** г. им была организована первая археологическая экспедиция по исследованию памятников Пензенской области. В своем отчете он скромно назвал ее разведочной поездкой и даже экскурсией. Основной задачей данной экспедиции было «обследование известных местонахождений памятников, в частности городищ, поиски новых местонахождений и уточнение археологической карты по району избранного маршрута» *(Полесских, 1950, с.* 1). Маршрут разведки проходил через территорию Бессоновского, Городищенского, Лунинского и Большевьясского районов.

Главное внимание было уделено обследованию трех городищ: Селиксенского, Юловского и Николо-Райского. Два первых городища были известны ранее, а Николо-Райское открыто впервые. На Селиксенском городище был зафиксирован двойной пояс оборонительных сооружений в виде валов и рвов, было заложено несколько шурфов и произведена зачистка обнажений. Кроме того, был собран подъемный материал, состоявший из обломков гончарной красноглиняной керамики и крупных кусков железного шлака *(Полесских, 1950, с. 4-5).*

На Юловском городище были описаны оборонительные сооружения, состоящие из мощного тройного ряда валов и рвов, огибающих мыс с севера, северо-запада и юга. Кроме указанного оборонительного пояса еще был зафиксирован внешний малый вал, расположенный в 360 м к западу, который получил название дозорного. До его обследования данный вал считался засечным укреплением, достроенным русскими в ходе колонизации края. Однако Полесских пришел к выводу о связи вала с остальными укреплениями городища *(Полесских, 1950, с. 11-15).*

На всех городищах была собрана красноглиняная керамика сходного облика, незначительно отличающаяся друг от друга. Это плоскодонная керамика, изготовленная на гончарном круге с тщательной отделкой стенок. Ближайшие аналоги данной посуды были отмечены в керамике Наровчатского городища из раскопок А.А. Кроткова и Б.Н.

Гвоздева 1925-1927 гг., в посуде Водянского, Терновского и Ахматского городищ *(Полесских, 1950, с. 21-22).*

На основе данных аналогий обследованные городища были датированы золотоордынским временем, а именно XIV-XV веками. После чего была опровергнута существовавшая в тогдашней литературе точка зрения, о том, что данные городища являются укреплениями засечной черты XVII века. При этом из числа возможных насельников была исключена и мордва, поскольку для нее не был характерен инвентарь, собранный с городищ. Вместе с тем, было отмечено, что места, занимаемые городищами селиксенского типа, в прошлом находились на территории сплошного лесного массива, служившего естественным укрытием для преследуемых аборигенов этого края. Поэтому вряд ли они могли принадлежать золотоордынским татарам. В итоге было выдвинуто предположение, что, по всей вероятности, строителями данных городищ были земледельцы, разводившие домашний скот, знавшие разные ремесла - аборигены долин Суры и Мокши, каковыми могли быть буртасы[1] *(Полесских, 1950, с.24).*

В следующем **1951** г. были продолжены исследования средневековых городищ, кроме того, были предприняты раскопки двух поврежденных курганов, также велись поиски новых памятников. В Шемышейском р-не была открыта и подвергнута исследованиям дюнная стоянка, расположенная в пойме р. Суры близ деревни Старая Яксарка. Здесь на развеянных песчаных отложения были собраны фрагменты лепной неорнаментированной керамики, отнесенные к концу финальной бронзы - раннему железному веку[2]. Кроме керамики были найдены: заготовка недосверленного пряслица из куска песчаника, железный наконечник стрелы, куски железного шлака *(Полесских, 1951, с.* 4).

У с. Абалдуевки Каменского р-на и с. Загоскино Кучкинского р-на были предприняты раскопки курганов, оказавшиеся неудачными. Погребальная камера Загоскинского кургана, по всей видимости, была полностью разрушена кладоискателями, и кроме остатков луба и двух мелких костей животного здесь ничего найдено не было. По результатам раскопок Абалдуевского кургана, где также не было обнаружено следов погребения, а найдены только отдельные фрагменты лепной керамики, был сделан вывод, что данный курган представляет собой искусственную насыпь, сложенную из чернозема, супеси и глины с незначительными прослойками подзола. Данная насыпь не является

[1] Подчеркнуто у М.Р. Полесских.

[2] Датировка ранним железным веком данного поселения впоследствии не подтвердилась. При последующих исследования В.В. Ставицкого здесь была собрана древнемордовская керамика, а при раскопках Г.Н. Белорыбкина и керамика срубной культуры.

могилой и представляет собой памятник иного происхождения *(Полесских, 1951, с. 13).* В поисках аналогий подобным курганным сооружениям Полесских обратился за консультацией к профессорам А.П. Смирнову и И.В. Синицину, но они ничем помочь ему не смогли.

После неудачных раскопок курганов М.Р. Полесских снова возвращается к исследованиям средневековых городищ. Для того, чтобы сравнить материалы городищ селиксенского типа с керамикой Наровчатского городища, им проводятся здесь рекогносцировочные исследования, изучается устройство оборонительных сооружений, закладываются 2 небольших шурфа. На основе собранной в шурфах и на поверхности памятника керамики, он делает вывод о принадлежности Наровчатского городища к памятникам селиксенского типа. При этом им было высказано предположение, что Наровчатское городище возникло значительно раньше: до захвата его золотоордынцами и до появления Наручадской орды *(Полесских, 1951, с. 19).*

Кроме Наровчатского городища разведочные исследования и шурфовка были проведены на Канаевском, Трескинском, Сундровском и Неклюдовском городищах. Рядом с последним было обнаруженное одновременное городищу селище. На основе произведенных изысканий был сделан ряд важных выводов:

1) Все обследованные городища однокультурные. 2) Характерно расположение городищ на приовражных мысах, с распространением находок с напольной стороны за валами городищ. 3) Главные находки представлены гладкостенной или орнаментированной гончарной красноглиняной керамикой. 4) Собранный инвентарь свидетельствует об оседлом земледельческо-скотоводческом быте, а наличие сильных земляных укреплений — о постоянной угрозе нападения извне. 5) Пензенские памятники связаны с поволжскими городищами татаро-булгарской культуры, которая оказывала влияние на местное население. 6) Насельники городищ были связаны с культурой Волжской Болгарии, а затем вошли в состав золотоордынского государства. Учитывая данные летописей, сведения восточных писателей, этнографические параллели и топонимические данные можно предположить, что это были предки мишарей - Можары, обитатели земли буртасов. 7) Начало существования городищ, вероятно, относится еще к домонгольскому периоду и строились они для защиты от степных кочевников. Но основное время их существования 13-14 века - время оформления татарско-булгарской культуры. Судя по инвентарю, Наровчатское и Юловское городища относятся к поздним, а Сундровское и Неклюдовское - к ранним. Возможно, что самым ранним является Неклюдовское селище, которое могло существовать еще в 11-12 вв. *(Полесских, 1951, с. 34-35).*

В **1952** г. М.Р. Полесских был взят открытый лист по форме №2 для проведения разведочных исследований средневековых городищ и селищ, а также для поиска новых памятников. Разведка была произведена по двум маршрутам. Первый, рекогносцировочный, по северо-западной части области в поймах рек Вада и Выши производился попутно со сбором бытового и этнографического материала. Второй маршрут проходил по южной и восточной части области по поймам рек Сура и Хопер.

В ходе разведки по р. Вад было открыто Большеполянское селище, указанное В. Д. Сафроновым, где была собрана лепная и гончарная керамика преимущественно серого, реже красноватого цвета. Здесь же было обследовано Кармалейское городище, ранее известное по литературным данным и исследованное сотрудниками Вадинского музея. На городище была собрана лепная гладкостенная керамика с примесью мелкотолченой дресвы. Время существования данного городища было определено как послегородецкое и был сделан вывод о его однокультурности с Большеполянским селищем *(Полесских, 1952, с.* 4).

На правом берегу р. Вад в окрестностях с. Большая Лука было открыто Лысополянское селище, расположенное в 2,5 км к СЗ от села на надпойменной террасе. В заложенном шурфе была собрана грубая лепная керамика с прямостенными венчиками. Рядом с селищем на вершине горы в лесу был обследован могильник, состоящий из курганообразных насыпей с ямой посередине — всего 163 могилы. Еще одно селище, получившее название Большеполянское, было обследовано в лесу в 500 м к северу от Лысополянского селища. Со всех этих селищ была собрана керамика аналогичная кармалейской. Два селища с лепной и гончарной красноглиняной керамикой было обследовано у подошвы Кладовой горы, в окрестностях с. Серго-Поливаново. На самой горе был зафиксирован могильник, состоящий из курганообразных насыпей, аналогичных лысополянским. Гончарная красноглиняная керамика была выявлена на селище у с. Кириллово в Земетчинском районе. Ближайшие аналогии материалам данных селищ были отмечены в керамике Селиксенского городища, при этом было отмечено отсутствие укрепленных поселений среди памятников Вадинской группы *(Полесских, 1952, с. 10).*

В окрестностях с. Выши, на берегу озера Инерка была обследована дюнная стоянка, открытая В.Д. Софроновым в 1935 г. В шурфе и на поверхности стоянки была собрана лепная керамика с плоскими днищами и профилированными венчиками, украшенная оттисками зубчатого штампа и ямочными вдавлениями различной формы, кремневые скребки, листовидный наконечник стрелы, отщепы и ножевидные

пластины. Материалы стоянки при описании в научном отчете ошибочно были отнесены к городецкой культуре *(Полесских, 1952, с.12).* Помимо стоянки в окрестностях села было обследовано городище, расположенное на Кудеяровой горе. На городище было выявлено четыре вала и собрано несколько фрагментов лепной и гончарной керамики. Еще одно городище было обследовано в 7 км к югу от с. Ушинка. Здесь были зафиксированы остатки оборонительного вала и рва, имеющих Г-образную форму. Никаких находок на городище сделано не было *(Полесских, 1952, с.15).*

В 1952 г. в результате производства земляных работ по выкапыванию ям для силоса в окрестностях с. Селикса был открыт древнемордовский могильник. Силосными ямами было разрушено два погребения, инвентарь которых был собран, а дальнейшие хозяйственные работы на территории могильника остановлены. Одно из погребений было расчищено и в нем были собраны пастовые и сердоликовые бусы, мелкие бронзовые колечки, бронзовая подвеска, спиральный медный перстень. Исследованное захоронение предварительно было продатировано VII веком. При поисках аналогий полученным материалам Полесских обратился к Армиевскому могильнику, с артефактами которого ознакомился при поездке в Саратов *(Полесских, 1952, с.23).*

Наряду с Селиксенским могильником главным открытием этого года стало Золотаревское городище, расположенное в лесу на границе Пугачевского лесничества. Уже тогда было отмечено обилие кладоискательских ям на городище. Одна из ям была расчищена и в ее заполнении были собраны фрагменты красноглиняной гончарной керамики. Городище было отнесено к селиксенскому типу, и при этом была повторно высказана гипотеза о принадлежности этих городищ и селищ к булгарской культуре, а по традиции[3] и к сармато-аланской *(Полесских, 1952, с.34).*

Под занавес полевого сезона были исследованы памятники срубной культуры на р. Хопер. Среди них поселение у с. Куракино, известное ранее по работам А. А. Кроткова и П.С. Рыкова. Недалеко от него, у слияния рек Хопер и Сердоба, было открыто еще одно такое селище. Несколько фрагментов керамики с сильно затертой поверхностью было найдено на расположенном неподалеку от того же села городище «Еврейка», однако установить по ним культурную принадлежность памятника не удалось, хотя предположительно он был отнесен к городецкой культуре. В окрестностях с. Нарышкино было осмотрено известное по известиям Нижневолжского института поселение срубной культуры. Еще одно подобное поселение было открыто на южной окраине с. Бековo *(Полесских, 1952, с.41).*

Вероятно, имеется в виду — по происхождению (прим. автора).

Главной целью полевого сезона **1953** г. было поставлено проведение разведочных исследований, поиск новых археологических памятников, обследование и культурно-хронологическое определение известных местонахождений, продолжение исследований Селиксенского могильника и Золотаревского городища, принятие мер по охране разрушающихся памятников.

Кроме того, была сделана экскурсия на Пензенские стоянки, которая показала, что большинство из них практически полностью разрушено. На трех местонахождениях в окрестностях Барковки был собран небольшой подъемный материал, анализ которого, в совокупности с ранее полученными с пензенских поселений находками, позволил сделать вывод, о том, что данные памятники являются многослойными. Среди присутствующих здесь культур были отмечены: балахнинская, волосовская, срубно-хвалынская, ранняя и поздняя городецкая, а также материалы кошибеевского, пьяноборского, лядинского и ефаевско-старосотенского (позднемордовского) типов *(Полесских, 1953, с.4).*

В Городищенском р-не было исследовано Кичкинейское городище, расположенное на остроугольном мысу, окруженном оврагами. Здесь было выявлена система укреплений, состоящая из двух поперечных валов и рвов. Подъемного материала на памятнике найдено не было, и предположительно городище было отнесено к булгаро-татарскому времени. В Нижнеломовском р-не было открыто срубное поселение у с. Новая Нявка *(Полесских, 1953, с.7-11).*

В Вадинском районе исследования были проведены в окрестностях сел Кармалейки, Котел и Луговое. У с. Кармалейка было обследовано и прошурфовано городище. Шурфовка показала наличие здесь мощного культурного слоя (до 60 см), содержащего мордовскую лепную керамику лядинского типа. В окрестностях того же села было вскрыто 5 погребений на Кармалейском могильнике. При этом было отмечено, что полученный из могильника инвентарь весьма своеобразен. Он не находит полных аналогий ни в захоронениях древнемордовского Старосотенского могильника XIV века, ни среди типично татарских захоронений Наровчатского могильника XIV века, хотя явные черты той и другой культур в могильнике у Кармалейки присутствуют, что может свидетельствовать об их смешении *{Полесских, 1953, с.25-27).* В окрестностях с. Котел были исследованы два селища и одно городище с красноглиняной гончарной керамикой, причем на 2-ом Котельском селище также была обнаружена и древнемордовская лепная посуда *(Полесских, 1953, с.32-36).* В с. Луговое было раскопано одно древнемордовское погребение IX-X вв., выявленное им на краю силосной ямы *(Полесских, 1953, с.37-39).*

Исследование Петрунинского поселения, расположенного в Башмаковском р-не, позволило оспорить его принадлежность к неолиту-энеолиту, о чем ранее писал член Тамбовской ученой комиссии П.Г. Тарасов. Произведенная здесь шурфовка выявила слой срубной культуры, который не содержал никаких признаков более ранних эпох *(Полесских, 1953, с.40-42).* На Золотаревском городище был расширен шурф прошлого года, вскрытие которого дало обильный керамический материал. Кроме того, были собраны кости животных, обломки металлических предметов, остатки зерен проса, фрагменты ушек медного котла и др. *(Полесских, 1953, с.43-45).*

Подводя предварительные итоги исследования памятников с красноглиняной гончарной керамикой, М.Р. Полесских констатировал, что городища и селища данного типа в Пензенской области расположены исключительно по линии СЗ-ЮВ, т.е. на границе схождения леса и степи. Сравнение полученных здесь материалов с керамикой болгарских городищ позволил сделать вывод, что местная керамика больше всего напоминает булгарскую посуду XIII-XVI вв., хотя ряд находок свидетельствуют об их существовании и в более раннюю домонгольскую эпоху *(Полесских, 1953, с.50).*

Небольшие раскопки были предприняты на Селиксенском могильнике, где было вскрыто 5 погребений. Наиболее близкие аналоги им были найдены среди захоронений Кошибеевского и Армиевского могильников, причем было отмечено, что кошибеевские черты проявляются более ярко. В заключение было сделано предположение, что по мере накопления материала селиксенские погребения, возможно, заполнят хронологическую лакуну между данными могильниками и позволят доказать их этническое единство *(Полесских, 1953, с.73-74).*

В **1954** г. из-за нехватки времени на археологические исследования больших работ не проводилось. Разведки были в основном посвящены обследованию средневековых городищ. Кроме того, небольшой участок раскопа, расположенный между двумя силосными ямами, был вскрыт на Селиксенском могильнике. Приступая к этим раскопкам, ставилась задача: выяснить, не представляют ли собой захоронения могильника два хронологических пласта, поскольку ранее одной из силосной ям было разрушено захоронение армиевского типа, а второй - кошибеевского. На участке между ямами было вскрыто 5 погребений, материалы которых подтвердили разновременность совершенных на могильнике захоронений. В итоге автором раскопок был сделано предположение, что Селиксенский могильник дает два типа погребений: кошибеевские и армиевские, относящиеся по времени к IV-VI - вв. и VII-VIII вв. *(Полесских, 1954, с.37).*

В окрестностях с. Селикса М. Р. Полесских было выявлено средневековое селище с красноглиняной гончарной керамикой в местности «Трофимлашма». Кроме керамики здесь была найдена сюлгама XIV века, аналогичная застежкам Старосотенского могильника. В 6 км к ЮВ от с. Селикса в лесу было обнаружено городище «Балабанов родник», где была зафиксирована двухвальная система укреплений, и собрана красноглиняная гончарная керамика, найден клинок изогнутого двулезвийного кинжала, а сам памятник был датирован XIII - XIV вв. *(Полесских, 1954, с.15).*

В этом же году *(1954, с.2)* был предпринят осмотр пензенских стоянок в окрестностях озер Ерня и Долгое, а также у протока Целибуха, где были обследованы 4 выдува. В результате обследования собраны фрагменты срубной керамики и железного века. В Сосновоборском р-не было обследовано два городища: Средне-Липовское и Катмисское. Было установлено, что Среднелиповское городище состоит из двух площадок, расположенным по разным сторонам оврага, по которому протекает речка Средняя Липовка. На городище была собрана лепная и красноглиняная гончарная керамика продатированная XII-XV вв. *(Полесских, 1954, с.7).* На Катмисском городище находок сделано не было. Здесь была зафиксирована мощная система земляных укреплений, состоящая из 3 рядов валов и 4 рядов рвов. *(1954,* с.9). Было высказано предположение, что данное городище, как и ранее исследованные Трескинское (1951 г.) и Кичкинейское (1953 г.), не являлось местом постоянного проживания населения, а выполняло функцию городища-убежища, возможно, резервного.

В Наровчате вновь были обследованы остатки г. Мохши в местности «Бугры», где вскоре планировалось построить МТС, а в окрестностях Наровчата было исследовано Скановское городище, расположенное на мысовидном участке второй надпойменной террасы р. Мокши. Здесь были зафиксированы укрепления, состоящие из вала высотой 2-3 м, подковой огибающего края противоположенных оврагов, и рва, довольно широкого и глубокого. Вблизи вала был заложен разведочный шурф, в котором собрана лепная и несколько фрагментов гончарной керамики *(Полесских, 1954, с.18).*

В **1955** г. М.Р. Полесских больших исследований не проводилось. Были сделаны кратковременные выезды в Пачелмский, Вадинский и Шемышейском районы, где были обследованы отдельные памятники. В Пачелмском р-не было осмотрено селище, расположенное в окрестностях с. Черкасское у оврага «Студенка», с распахиваемой поверхности которого была собрана лепная и гончарная керамика красного, желтого и коричневого цветов, отнесенная М. Р. Полесских к XIII-XV

вв. В Шемышейском р-не было проведено повторное обследование селищ «Сырнень-Каямо» и Смычка, собранная керамика с которых была связана с древней мордвой IX-XI вв. *(Полесских, 1955, с.1-2,7-11).*

В Вадинском р-не были продолжены исследования Кармалейского городища. Здесь был расширен шурф 1953 года, давший материал, аналогичный полученному ранее. Это укрепило М.Р. Полесских во мнение, что данный памятник оставлен мордвой IX-XI вв., непосредственно связанной с Кармалейским могильником, на котором в этом году было вскрыто одно погребение, продатированное XIII в. *(Полесских, 1955, с.2-7).* Еще 8 погребений М.Р. Полесских было раскопано на Селиксенском могильнике, материалы которых подтвердили наличие генетической связи между древностями кошибеевского и армиевского типа *(Полесских, 1955, с.24).*

В **1956** году основное внимание М.Р. Полесских было уделено раскопкам Селиксенского и Ражкинского могильников. На Селиксенском могильнике было вскрыто 20 погребений. Среди раскопанных погребений этого года М. Р. Полесских были выделены мужские захоронения с богатым инвентарем №32 и 38. Впервые в этом могильнике встретились поясные и уздечные наборы из бляшек, подвесок и наконечников, которые в могильниках Северного Кавказа, Крыма и Нижнего Поволжья устойчиво датируются VI-VII вв. По мнению М.Р. Полесских, факт проникновения поясных и уздечных наборов, предметов и украшений конской верховой экипировки в бассейне р. Суры и Оки нельзя связывать с проникновением в эти края южных этнических групп, поскольку погребения с кочевническими вещами содержат материалы, характерные для древнемордовских племен. Близкие аналогии ряду селиксенских вещей (височные подвески с грузиком, фигурная кольцевая бляха из детского погребения №33, красные пастовые бусы и т.д.) были указаны М.Р. Полесских в материалах поселения Ош Пандо. Это позволило М.Р. Полесских подтвердить вывод П.Д. Степанова о том, что для древнемордовских племен VI, VII и отчасти VIII века характерны поселения типа Ош Пандо и могильники типа Младшего Селиксенского *(Полесских, 1956, с.33-35).*

В Ражкинском могильнике в 1956 г. было вскрыто 7 погребений, анализируя материалы которых М. Р. Полесских пришел к выводу, что они в основных чертах совпадают с материалами Старшего Селиксенского могильника, а отличия между ними несущественны. К ним относятся находки некоторых новых вещей (треугольная подвеска с выпуклинами и крючком, массивный фигурный браслет, пластинчатая бляха с узором в виде звезды, бронзовые несомкнутые бусы, прототипами которых являются бусы из ананьинских могильников) и больший ук-

лон ражкинских погребений в северную сторону. Менее резко здесь выражены отличия от погребений армиевского типа. Так, по ритуалу ражкинские погребения №1-3 совпадают с захоронениями Старшего Селиксенского могильника, а по керамике — с посудой Младшего Селиксенского могильника. Присутствие в Ражках височной подвески с грузиком и спиралью объединяет этот могильник с Селиксенским, в то же время отделяя его от Кошибеевского и Сергачского могильников *(Полесских, 1956, с.31).*

В отчете 1956 года М.Р. Полесских обосновал выделение особого селиксенского типа мордовских могильников. Им говорится здесь, что на секции средневековья Казанского совещания по археологии и этнографии Поволжья А.Е. Алиховой была высказана мысль о возможности выделения особого комплекса могильников Селиксенского типа, отличных от могильников кошибеевского типа, и, наконец, о явной генетической связи селиксенских погребений с захоронениями армиевского типа. При этом М.Р. Полесских отмечает, что он также склонялся к подобному выводу при интерпретации результатов раскопок предыдущих лет Селиксенского могильника, однако недостаточность раскопочного материала и близость селиксенских материалов к кошибеевским мешали обосновать данную точку зрения ранее *(Полесских, 1956, с.31-32).*

При проведении разведочных исследований М. Р. Полесских вместе с краеведом Г. Д. Смагиным в окрестностях с. Атмис было обследовано урочище «Косая Дорога», где были собраны осколки костей, фрагменты керамики конца XVII - начала XVIII вв. Также было обследовано местонахождение каменных орудий в местности Соломенный овраг, где было найдено три скребковидных кремневых орудия. На правом высоком берегу р. Атмис М.Р. Полесских было открыто селище срубной культуры у с. Новая Пятина, расположенное на противоположенном берегу р. Мокши *(Полесских, 1956, с.3-4).*

В Колышлейском р-не в 1,5 - 2 км к ЮВ от ж/д станции Скрябино М.Р. Полесских был обследован курган. Первоначально М.Р. Полесских планировал провести его раскопки, и даже взял открытый лист для этого, но из-за слишком больших размеров насыпи раскопки не состоялись. В Головинщинском (ныне Нижнеломовский) р-не было открыто средневековое селище у с. Кобяки, расположенное в 1 км к северу от села. На песчаных всхолмлениях надпойменной террасы были собраны фрагменты лощеной керамики бурого или розоватого цвета, хорошего обжига, с примесью шамота, железные шлаки и кости животных *(Полесских, 1956, с.1-2).*

В **1957** г. главное внимание М.Р. Полесских было уделено продолжению раскопок Селиксенского (вскрыто 20 погребений) и Ражкинс-

кого (13 погребений) могильников. При подведении итогов раскопок было отмечено, что Селиксенский могильник, как старший, так и младший, дал в минувшем году ряд богатых погребений и интересных находок. По сравнению с находками предыдущих лет, получены новые, не встречавшиеся прежде. Это удила с большими кольцами, подобные удилам из Кошибеевского могильника; кольцевые застежки с завернутыми концами пьяноборского типа; перевитая гривна в виде согнутого деревянного прута, обвитого узкой бронзовой лентой; нагрудная пластинчатая бляха, имеющая рисунок из прочерченных кругов; красные пастовые бусы шаровидной формы; бляха-накосник с сережковидными губчатыми колечками и др. Серия погребений старшего Селиксенского могильника, имеющая в составе инвентаря бляхи с прочерченным орнаментом, подвески-птички дубровического типа, единичные красные пастовые бусы и др., была выделена М.Р. Полесских в особый второй комплекс погребений Селиксенского типа, датирующийся временем III-IV вв. В заключении М. Р. Полесских был сделан вывод, что все погребения младшего Селиксенского могильника датируются VI-VII вв. и что эта датировка подтверждается присутствием кольцевых застежек с выступающими трубочками-усами (по П. П. Ефименко присущим стадиям С1 и D Рязанских могильников) *(Полесских, 1957, с.25-27).*

В Ражкинском могильнике было вскрыто 13 погребений, в том числе: женских — 3, мужских — 6, детских — 2, не определенных — 1. Раскопом была охвачена относительно широкая площадь с редкими включениями могил. М.Р. Полесских было отмечено, что все найденные в прошлом 1956 году погребения (с ориентировкой на северо-запад) относятся к погребениям Селиксенского типа 2-го комплекса, т.е. — Ш-IV вв. Среди прочих было отмечено особенно выразительное женское погребение №10. Его ритуал традиционный: положение умершей головой на север, вытянуто, на спине, с использованием лубяной обкладки вещей. Набор предметов сходен с тем, что было в иных погребениях. Но есть новые черты, отчетливо выделяющие данное погребение. Височные подвески обладают грузиком не биконическим, а гранчатым - армиевского типа. Среди бус — множество звеньевых или четковидных, разного калибра, изготовленных из ярко-красной пасты. Нововведением являются красные пастовые бусы с инкрустацией, аналогичные бусам из раннего погребения №63 Кошибеевского могильника *(Полесских, 1957, с.27-28).*

Кроме раскопок могильников в 1957 г. М.Р. Полесских была проведена шурфовка Золотаревского городища. В заполнении шурфа были собраны фрагменты керамики, обуглившиеся зерна пшеницы, железный замок и 5 наконечников стрел *(Полесских, 1957, с.34).* В Нижнеломовском р-не было исследовано Старопольское селище, расположенное

в окрестностях д. Дворики. Здесь был заложен шурф, собрана лепная керамика бурого цвета и гончарная красноглиняная, кости животных, два точильных камня, обломки кремня и галек. Селище датировано XIII - XIV вв. *{Полесских, 1957, с.30-31).*

В **1958** г. главное внимание было уделено раскопкам Беднодемьяновского и Тезиковского могильников. Беднодемьяновский могильник был обнаружен при рытье водоотводной канавы из пруда на мысовидном участке береговой террасы р. Парца. Было вскрыто 20 погребений: 5 мужских, 6 женских, 4 детских. Погребения ориентированы головой на ЮВ или Ю. Мужские костяки (кроме полускорченного погребения 12) лежали вытянуто на спине, женские скорченно на правом боку с согнутыми руками. Одно из мужских погребений было обложено досками. Необычна поза погребенного №10, лишенного всяких вещей. Он лежал на спине, руки вытянуты по бокам, ноги сильно расставлены и слегка согнуты в коленях, кости стоп и части голени отсутствуют. М. Р. Полесских сделал предположение, что данное погребение могло принадлежать рабу, либо оно является самым поздним на могильнике. По составу вещей и погребальному ритуалу могильник был отнесен к мордве-мокше XIV века *(Полесских, 1958, с.12).*

Тезиковский могильник также был обнаружен при проведении хозяйственных работ. При рытье 5 силосных ям было разрушено множество погребений. Часть найденных при этом вещей Б.И. Петровым были переданы в музей, после чего было принято решение о проведении раскопок могильника. На могильнике было вскрыто 15 погребений. М.Р. Полесских было отмечено, что ближайшим аналогом им являются поздние захоронения Ражкинского могильника, а к датирующими вещам относятся красные пастовые бусы, отдельные гладкие, инкрустированные звеньевые, плоская бусина мощинского типа, стеклянный голубой бисер, ажурная брошь и некоторые другие женские украшения. Все они аналогичны вещам развитого периода Кошибеевского могильника, по классификации П.П. Ефименко это стадия В1, датирующаяся IV веком, что хорошо укладывается в общую систематику ранних пензенских могильников. Комплексы вещей из Тезиковского и Ражкинского могильников занимают вторую ступень после древнейших комплексов селиксенского типа *(Полесских, 1958, с.24).* Конкретизируя данное положение, М. Р. Полесских отметил, что захоронения Тезиковского могильника занимают по времени промежуток между погребениями Старшего Селиксенского (II-IV вв.) и погребениями Армиевского (IV-VII вв.) могильников. Весь облик вещей из погребений Младшего Ражкинского и Тезиковского могильников носит черты переходных форм (звеньевые пастовые бусы, височные подвески, нагрудные бляхи) от

ранних типов к более поздним и соответствует ранней фазе существования Армиевского могильника. Наличие в захоронениях Тезиковского могильника находок височной подвески с грузиком и спиралью не оставляет сомнений в древнемордовской принадлежности Тезиковского могильника *(Полесских, 1958, с.24)*.

Весной 1958 г. в Пензенский краеведческий музей поступили вещи из с. Шемышейки, где при строительстве погреба было разрушено два погребения. М. Р. Полесских выехал на место и доисследовал данные захоронения, полученный при этом погребальный инвентарь был синхронизирован со временем существования Старшего Селиксенского могильника II-IV вв. *(Полесских, 1958, с.22)*. У с. Самодуровка Наровчатского р-на М.Р. Полесских было открыто селище и собран подъемный материал, состоящий из фрагментов лепной керамики бурого и коричневого цвета с отогнутым краем венчика, плоские днища с закраинами, которые были отнесены к материалам лядинского типа IX-XI вв. Найденная здесь же красноглиняная гончарная керамика была продатирована XII-XIV вв. Также на территории Наровчатского р-на было обследовано городище Прумзай, известное еще по работам 1920-х гг. Б. С. Жукова, одно погребение было вскрыто на могильнике «Казбек» IX-XI вв. *(Полесских, 1958, с.26)*.

В **1959** г. основное внимание М.Р. Полесских было уделено раскопкам Селиксенского могильника, где было вскрыто 84 погребения. Все костяки оказались в плохой сохранности, но 10 сравнительно сохранившихся черепов были отправлены в Москву для краниологического изучения. Главным результатом раскопок этого года М.Р. Полесских назвал открытие нового слоя погребений, аналогичного ражкинским и тезиковским погребениям IV века, представляющим собой переходный тип погребений: от «Селиксы» к «Армиеву». Кроме того, на могильнике были впервые выявлены два погребения с трупосожжением. Кремация совершалось на стороне, после чего останки и некоторые вещи подвергались погребению в могилу по существовавшему обряду. Третьим важным моментом явилось наличие двух парных и одного тройного погребения. Причем парные погребения содержали костяки с весьма богатым инвентарем на одном погребенном и бедным — на другом. В погребениях «армиевского типа» на Селиксенском могильнике были впервые найдены лунницы, весьма характерные для Армиевского могильника, спиральные перстни с подвесками, плоский браслет с завернутыми концами, совершенно оригинальные нашивные бляшки с конусовидными подвесками *(Полесских, 1959, с.59-62)*.

На Золотаревском городище М. Р. Полесских были продолжены исследования предыдущих лет. Здесь в юго-восточной части городи-

ща было вскрыто 94 кв.м. Собранные при раскопках материалы были представлены: фрагментами гончарной и реже лепной керамики, пряслицами, фрагментами костей домашних животных, кусочками древесного угля, остатками обгорелых зерен, металлическими изделиями и др. В качестве жилых площадок М.Р. Полесских были интерпретированы скопление культурных остатков со следами кострищ и темного углистого слоя. По его мнению, на этих небольших по размеру площадках стояли легкие, постоянно и длительное время возобновляемые шалаши, в которых люди жили и готовили пищу. С целью получения точного профиля городища и выявления культурного слоя приблизительно посередине городища от напольного вала к 3-му межзонному валу была начата прокладка метровой траншеи. Выраженного культурного слоя в траншее зафиксировано не было, но в поддерновом слое супеси поблизости от третьего вала были собраны: гончарная керамика, наконечник стрелы, нож, обломок иглы, и часть каменной булавы, занесенной сюда, по-видимому, с какого-то древнейшего поселения *(Полесских, 1959, с.66).*

Собранная на городище керамика принадлежала гончарным (83%), и лепным сосудам (17%). Большое число найденных черепков, в том числе крупных, позволило воспроизвести в графике целые сосуды: одноручные и двуручные кувшины, горшки, корчаги, сковороды-жаровни. Сопоставление керамики из разных горизонтов культурного слоя позволило М. Р. Полесских сделать вывод об ее однородности. Впервые были найдено пряслице из розового шифера, два железных кольца для натягивания тетивы лука. Среди собранных наконечников преобладали черешковые с длинным и узким пером, утолщенным посередине, и прямым срезом острия. Один из наконечников втульчатый. Бытование подобных наконечников стрел было определено М.Р. Полесских XП-XШ вв. *(Полесских, 1959, с.68-69).* Металлографический анализ одного из железных топоров, проделанный кандидатом технических наук В. П. Реминым, показал, что обушок состоит из нескольких слоев малоуглеродистого железа, имеющего значительные включения шлака. Одна щековица обушка сварена с лезвием, это рисует технологию изготовления проуха топора. Особый интерес представляет находка серебряных украшений, найденных в слабо насыщенном верхнем культурном слое вместе с прямоугольной железной пластинкой, обложенной прикипевшей к ней тканью, и несколькими черепками коричневой гончарной посуды. Это две серьги с желудевыми подвесками на цепочках, украшенными мелкой зернью, и две височные подвески или серьги, состоящие из тонкопроволочного кольца с нанизанными на нем пустотелыми бусинами, имеющими вид крупных желудей. На кольце сохранились

обрывки шерстяных нитей, при помощи которых, по-видимому, украшения были связаны между собой *(Полесских, 1959, с.69-70).*

По итогам раскопок М.Р. Полесских было констатировано, что данные серебряные украшения, так же как и шиферное пряслице, могли попасть на городище только до начала татаро-монгольского нашествия. Следовательно, Золотаревское городище закончило свое существование к сороковым годам ХШ века, и, несомненно, существовало ранее — в ХП веке *(Полесских, 1959, с.70).*

В 1959 г. М.Р. Полесских были проведены разведки в Земетчинском р-не, где им был открыт Малоижморский могильник, расположенный в 4 км к СВ от поселка за околицей дер. Верейки, на мысу «Рог», испещренном невысокими холмиками и ямами, покрытом кустарником и мелколесьем. Было раскопано 5 погребений и 2 скопления костей животных. Среди находок: глиняные сосуды, топор, женские украшения из бронзы и др. Могильник был отнесен к мордве-мокше VIII-XI вв. *(Полесских, 1959, с.72-75*). В этом же районе им были обследованы: поселение позднего бронзового века «Трашкин Бугор», Сядемское селище №4 раннего железного века, селище с красноглиняной гончарной и мордовской лепной керамикой «Попов угол», мордовское селище «Калмы» VIII-XI вв., а также были осмотрены Пановской могильник и Вышинская стоянка *(Полесских, 1959, с.76-81).*

Основные изыскания **1960** г. были проведены М.Р. Полесских в Шемышейском р-не в окрестностях с Армиево. Здесь были исследованы два городища, известные ранее по работам П.С. Рыкова. На городище Ош-Панда М. Р. Полесских были заложены два шурфа: один возле старого раскопа П.С. Рыкова, другой за валом городища; также было зачищено обнажение вала. При этом культурный слой нигде не был выявлен *(Полесских, 1960, с.1-2).* На внутренней мысовой части второго городища Ошка-Латка М.Р. Полесских также был заложен шурф, в котором зафиксирован мелкий сосновый уголь и два зуба животных. Других находок сделано не было *(Полесских, 1959, с.3).*

В местности «Потма» М.Р. Полесских была раскопана курганная насыпь №7, которую он вслед за П.С. Рыковым принял за остатки жилого сооружения. При вскрытии насыпи были зафиксированы остатки обугленных бревен, фрагменты лепной керамики, осколки костей и зубов животных. На глубине около 1 м под насыпью М.Р. Полесских была найдена медная монета 1757 г., по которой он и датировал данное сооружение, как и все «...так называемое «Армиевское селище» *(Полесских, 1960, с.8-9).* В 3 км к северу от с. Армиево, рядом с городищем Ош-Панда М.Р. Полесских было исследовано селище Васькансад, где на пашне были собраны гладкостенные фрагменты керамики желтого

и бурого цвета. На краю пахотного поля у оврага было заложено два шурфа, в которых был выявлен культурный слой темно-серой супеси мощностью 15-20 см. В этом же году были начаты раскопки Армиевского могильника, на котором было вскрыто 9 погребений *(Полесских, 1960, с.17)*.

Кроме того, М.Р. Полесских было сделано два выезда в районы области для исследования отдельных памятников. В Сердобском р-не было осмотрено поселение срубной культуры, расположенное у с. Байка, где было зачищено обнажение оврага и собрана представительная коллекция керамики и костей домашних животных (корова, коза, овца, свинья, лошадь). Культурный слой на поселении был перекрыт слоем чистого чернозема, не содержащего находок, толщиной до 1 м. Ниже него были зафиксированы зольные пятна, густо насыщенные культурными остатками. В Сосновоборском р-не у с. Вязовка в обрыве оврага было расчищено позднесредневековое мордовское погребение XVII-XVIII вв. *(Полесских, 1960, с.18-19)*.

В **1961** г. главное внимание М.Р. Полесских было уделено исследованию Армиевского могильника, где было вскрыто 99 погребений. Был получен богатый археологический материал, в т. ч. уникальные предметы вооружения — мечи, палаши, копья, стрелы, обрывки кольчужной брони, портупейные и наборные пояса. В качестве погребения женщины-воина и наездницы М.Р. Полесских были интерпретированы материалы захоронения № 177 с богатым набором украшений и полным комплектом боевого вооружения и снаряжения. Политические события IV-VI вв., связанные с «великим переселением народов», по мнению М.Р. Полесских, вызвали у местных племен сильную военную организацию, которая имела не только оборонительное значение (защита стад скота), но и наступательное; об этом говорит обилие оружия и военного снаряжения, часть которого можно рассматривать как военные трофеи. Материалы Армиевского могильника позволили М.Р. Полесских сделать некоторые выводы о занятиях и социальном строе мордвы-мокши рассматриваемого времени. Основой хозяйственной жизни населения являлось скотоводство (крупный и мелкий рогатый скот, свиньи), разведение коней, мотыжное земледелие с применением «подсеки». Накопление богатств у родовой знати и военные столкновения с соседними племенами привели местные племена в армиевское время к высшей форме родовой организации — военной демократии, когда выделилась военная дружина, военачальники *(Полесских, 1965а, с.100)*.

Кроме раскопок в 1961 г. М. Р. Полесских были проведены рекогносцировочные разведки в ряде районов области. В окрестностях Пензы было исследовано Кривозерское селище срубной культуры, здесь был

заложен шурф, который показал полную перемешанность культурного слоя в результате перепахивания. Аналогичное селище было открыто М. Р. Полесских в устье р. Ардым на левом возвышенном берегу р. Пензы неподалеку от Кривозерья. В Каменском районе М. Р. Полесских было зафиксировано 3 кургана в 8-9 км к югу от с. Кевдо-Мельситово *(Полесских, 1961, с.65-69).* В Городищенском р-не М.Р. Полесских был обследован ряд городищ, в том числе открыто два новых памятника: одно у с. Канаевка (Шигайское), другое у с. Мордовский Ишим. Шигайское городище расположено в непосредственной близости от западного конца села, на мысовидном участке возвышенного поля. Оборонительный пояс состоит из вала и рва. На городище было заложено два шурфа, но культурного слоя выявить не удалось. Мордово-Ишимское городище расположено к югу от села, в лесу на мысовидном участке поля, обращенном к ручью Аляксе. Оборонительные укрепления состоят из двойного ряда валов и рвов. На территории городища находок сделано не было. На селище, расположенном возле городища, на взгорье, были собраны фрагменты красной гончарной керамики, кости домашних животных *(Полесских, 1961, с.70-74*).

В **1962** г. М. Р. Полесских снова занялся раскопками курганов, и снова им был получен не очень выразительный материал. В Каменском районе был раскопан курган у с. Кевдо-Мельситово. На глубине одного штыка от древней поверхности в разных местах насыпи встречены куски дерева (дуба), остатки костров с золой, пеплом, угольками и мелкими костями домашних животных, осколки глиняной посуды XVIII в. В центральной части насыпи по восточному радиусу зафиксировано две ямы. Первая - в центре - кладоискательская, глубиной 0,8-1 м, была заложена в конце прошлого века. Вторая яма - остатки землянки, врытой в насыпь, с кострищем на дне и костями животных (барана, коровы), черепками грубой круговой и лепной посуды XVII-XVIII вв. Дно этой ямы, имеющей чашевидную форму, выстлано древесным углем; при этом пережженная с углем рыхлая земля уходит на глубину до 2,5-3 м. По углам ямы сохранились остатки обгорелых столбов от стен землянки. В центральной части насыпи на глубине 1,8 - 1,9 м находились остатки погребения. Очертания могильной ямы не выявлены. Сохранились остатки сгнивших дубовых бревен от накатника. Между кусками дерева встретились остатки погребения, в том числе нецелый череп взрослого человека, обращенный теменем на юго-восток. На расстоянии 1,2 м к юго-западу на том же уровне и в тех же почвенных условиях найдено два бронзовых шила. В восточной части насыпи на глубине 2,3-2,8 м встречена очажная яма, размер которой 0,7 х 1 м, заполненная золой, пеплом, мелкими угольками и русской керамикой XVIII в. В засыпке кургана

на глубине около 1,5 м был найден черепок срубного сосуда с остатком нарезного орнамента *(Полесских, 1962)*.

Также был раскопан курган №2, расположенный в 8 км к югу от с. Кевдо-Мельситово, по дороге в г. Белинский. Курган находится на возвышенной части пахотного поля по соседству с двумя другими курганами. Насыпь была разделена двумя взаимно перпендикулярными бровками на четыре сектора и в последовательном порядке раскопана на снос. На глубине 2 м в центре кургана было выявлено темное могильное пятно подчетырехугольной формы 2,9 х 1,7 м. На грунте лежали остатки погребения, в т.ч. череп, лопаточная кость, ключица, фрагменты ребер — все эти кости находились на месте шеи и груди. Сбоку погребения у правой ноги находятся остатки жертвенного костра и полуобгорелое дерево. Каких-либо вещей в захоронении не оказалось. Этнокультурная принадлежность погребения не была определена *(Полесских, 1962, с.6-7)*.

В этом же году М.Р. Полесских были проведены археологические разведки в окрестностях с. Степановки Пензенского р-на, где им были обследованы два кургана, и Степановского селища позднего средневековья *(Полесских, 1962, с.9)*.

Еще было обследовано Третье Селиксенское селище позднего средневековья, где на полностью разрушенной поверхности пашни был собран дополнительный археологический материал: керамика, железные шлаки. При этом была обнаружена новая часть селища на противоположном, восточном пологом склоне оврага, в непосредственной близости от южного конца с. Селикса и неподалеку от Селиксенского городища. Местонахождение сохранило только подъемный материал — красную круговую керамику, характерную для поселений поздних буртасов XIV - XV вв. *(Полесских, 1962, с.10)*.

В **1963** г. исследования проводились М.Р. Полесских в двух направлениях — раскопки и разведки. На двух памятниках (Ахунском городище и Тезиковском могильнике) продолжались ранее начатые работы. На поселении эпохи бронзы у с. Тезиково раскопки преследовали цель спасения остатков этого памятника, находящегося в центре села. Кроме того, были начаты раскопки Казбекского («Красный Восток») могильника, где не очень давно совхозом проводились бульдозерные работы, засыпка болота землей с могильника, что привело к разрушению части памятника. Также были предприняты поиски новых памятников в Наровчатском, Городищенском и Шемышейском районах. В раскопках этого года, в качестве практикантки, принимала участие студентка МГУ В. А. Калмыкова, работе которой М.Р. Полесских был дан положительный отзыв *(Полесских, 1963, с.2)*.

На Ахунском городище был заложен раскоп размером 10 х 10 м в северном углу памятника на месте ранее заложенного шурфа, на ровной, частью поросшей лесом площадке. На всей площади раскопа М. Р. Полесских были зафиксированы однородные почвенные условия. Наблюдение за стратиграфией позволило сделать вывод, что памятник является однослойным. Культурный слой отличается однородностью и слабой насыщенностью находками. Толщина его в целом редко превышает 35-40 см, часто утоньшается до 10 см, иногда исчезает совсем. Небольшой процент (1,85%) керамики, орнаментированной «рогожными» отпечатками, находка остроребeрного сосуда и сарматского наконечника стрелы позволили М.Р. Полесских продатировать Ахунское городище I - III вв. н.э. и отнести его к поздней поре городецкой культуры *(Полесских, 1963, с.10-11)*.

В Наровчатском р-не М.Р. Полесских было открыто селище, расположенное в центральной части села Тезиково, на левом крутом берегу протока р. Мокши. Территория селища занята жилыми и хозяйственными постройками. На поселении было вскрыто 32 кв.м. Толщина культурного слоя составила приблизительно 85-120 см. При зачистке материка зафиксированы темно-коричневые пятна, резко отличающиеся по цвету от ярко желтого материка. Пятна расположены беспорядочно, тем не менее, по мнению М.Р. Полесских, они представляют собой остатки сгнившего и сожженного дерева от основания какой-то хозяйственной постройки, оставленной древними обитателями поселения. В культурном слое собрана керамика и кости животных. Керамика лепная и гончарная. Большая часть лепной керамики отнесена М.Р. Полесских к позднему периоду срубно-хвалынской культуры, остальная — к раннему железному веку. Для последней характерны Т-образные венчики, фрагменты с текстильными отпечатками и мелкими различной формы ямками. При этом М.Р. Полесских были отмечены признаки смешения позднесрубной и городецкой керамики, присущие обеим культурам: 1) орнамент в виде штрихов и «имитации» сетки, 2) сильно отогнутые и приостренные венчики. Гончарная керамика была отнесена М.Р. Полесских к XVIII-XIX векам, что подтверждается находкой монеты 1801 года недалеко от раскопа *(Полесских, 1963, с.16-18)*.

На территории с. Тезиково М.Р. Полесских были продолжены раскопки 1958 г. Тезиковского могильника (вскрыто 40 погребений), после чего был сделан вывод, что памятник можно считать практически исчерпанным, поскольку его оставшаяся, возможно, довольно значительная часть, уходит под хозяйственные постройки. Могильник устойчиво датируется IV — отчасти V веком и относятся к типу селиксенских памятников переходного периода со значительной примесью призна-

ков, характерных для могильников кошибеевского типа *(Полесских, 1963, с.18-19).*

С целью спасения сильно разрушенного хозяйственными работами могильника у поселка «Красный Восток» М.Р. Полесских было вскрыто 4 нарушенных погребения. В 3 км от с. Тезиково М.Р. Полесских было открыто Главинское селище раннего железного века, расположенное на мысовидном участке правобережной террасы р. Мокши. В Городищенском р-не было обследовано известное по работам П.С. Рыкова Чаадаевское городище. В заложенном шурфе была собрана красная гончарная керамика XII-XIV вв. *(Полесских, 1963, с.42-47).*

В **1964** г Пензенскому краеведческому музею не было отпущено средств на проведение полевых археологических исследований. М.Р. Полесских проводил экспедицию со студентами-практикантами Пензенского педагогического института им. В.Г. Белинского, и поэтому он выбрал для исследования те памятники, которые, по его мнению, могли быть интересны студентам-практикантам. Для раскопок был выбран яркий могильник мордвы-мокши у поселка Красный Восток, раскопки которого начались годом ранее, и известное многослойное поселение, расположенное неподалеку от могильника. Кроме того, осенью небольшие исследования были проведены на Ахунском городище. На поселении Озименки М.Р. Полесских первоначально был заложен шурф размерами 3 х 1 м с восточной стороны от раскопов 1951, 1953 гг. М.Е. Фосс в юго-западной части дюны. Но здесь не было обнаружено ни культурного слоя, ни каких-либо находок. После чего был заложен второй шурф, затем преобразованный в раскоп площадью 60 кв.м. Площадь третьего раскопа также составила 60 кв.м. После чего раскопы 2 и 3 были соединены траншеей 1 х 60 м. При этом было отмечено, что прекрасная сохранность культурного слоя, зафиксированная при раскопках М.Е. Фосс, навсегда утрачена в результате перепахивания дюны мощными тракторами. Исследования М.Р. Полесских в целом подтвердили те выводы, которые были сделаны в свое время М. В. Фосс. Полученные материалы были отнесены к неолитической культуре ямочно-гребенчатой керамики, к срубной культуре и к эпохе раннего железа. Кроме того, М.Р. Полесских была выявлена керамика, украшенная разреженными отпечатками зубчатого штампа и ямчатыми вдавлениями, отнесенная им к поздняковской культуре *(Полесских, 1964, с.15).* Как оказалось впоследствии, данные находки относятся к особому аким-сергеевскому типу керамики *(Ставицкий, 2005).*

Небольшой раскоп площадью 36 х 2 м был заложен на поселении, расположенном в 1 км к югу от поселка Малая Кавендра на бугре Высокий (другое название бугор Сосновка). При раскопках был обнаружен

выраженный культурный слой и очажные ямы. Собранная керамика была разделена на: 1) гладкостенную, 2) орнаментированную мелкозубчатым штампом, образующим «елочные» узоры, 3) украшенную ямочными продолговатыми углублениями, 4) с сетчатым или рябчатым орнаментом. Часть орнаментированной керамики была отнесена М.Р. Полесских к эпохе неолита-энеолита, другая - к полтавкинской культуре. Последующие исследования данного памятника позволили установить, что керамика, описанная М.Р. Полесских в качестве полтавкинской, относится к катакомбной культуре, а керамика неолита-энеолита на памятнике не представлена *(Ставицкий, 2005)*.

Еще один небольшой раскоп (12 кв.м) был заложен на краю мысовидного выступа, рядом с могильником у поселка Красный Восток. Под слоем дерна (5-7 см) здесь был выявлен слой гумусированного песка (20-30 см), содержащий позднюю гончарную керамику, ниже залегал интенсивно насыщенный гумусом слой с керамикой бронзового века и неолита (55-65 см), далее располагался светлый материковый песок (*Полесских, 1964, с.24)*. Тонкостенные, довольно крупные сосуды имели округлое или плоское дно, пышную орнаментику по верхней части и отпечаток сетки на тулове и дне, если оно круглое. Орнаменты разнообразны: в одних случаях это длинные, рядами, оттиски зубчатого штампа на верхней части и на площадке бортика в сочетании с мелкими ямками и сетчатой поверхностью на нижней части сосуда; в других — крупные ямки с легкой штриховкой или оттиски зубчатого штампа зигзагом по сплошной поверхности, или густой гребенчатый штамп в сочетании с рядами ямок и наколов по прихотливо изогнутой шейке и верхней поверхности тулова. Эта керамика сопровождается типичной (по мнению М.Р. Полесских) поздняковской керамикой с ее орнаментированными валиками по краю венчиков, фестончатыми и «жемчужным» или гребенчатыми узорами. М.Р. Полесских отмечает, что подчас трудно сказать, где кончается поздняковская традиция и где начинается новая — текстильная. Этот факт, а также и тот, что текстильный отпечаток занимает здесь еще скромное место, позволяет предполагать, что селище у пос. Красный Восток относится к поздней поре поздняковской культуры и самой ранней поре культуры текстильной керамики *(Полесских, 19776)*.

На могильнике Красный Восток М.Р. Полесских было вскрыто 27 погребений. Погребенные лежали головой преимущественно на юг. Наблюдаются случаи трупосожжений, при этом кремация совершалась на стороне, захоронение производилось по принятым тогда правилам. В женском захоронении найдены глиняная льячка для разлива жидкого металла, лепешечка из какого-то металла и много пряслиц. В мужских погребениях есть находки оружия и снаряжения. Среди жен-

ских украшений этнически определяющее значение имеют височные подвески с грузиком. К новым украшениям, появившимся в эту эпоху относятся: особая форма накосника-пулокери, гривны с запором лодочкой, ажурные шумящие подвески, новые фасоны браслетов и другое. Вместе с тем в могильнике отсутствуют красные пастовые бусы, накосники с шумящими подвесками и т. п. По мнению М.Р. Полесских, эту и предыдущие эпохи как бы соединяют височные подвески и кольцевые застежки с сильно выступающими «усами»-трубочками. Не очень значительное изменение претерпела и керамическая посуда. Ее в могильниках по-прежнему много. Все эти вещевые комплексы вплетаются в эволюционный ряд характерных женских украшений древней мордвы и относят рассмотренный памятник к VIII—IX векам, что подтверждается серебряной монетой (арабский дирхем Гарун ал Рашида, погребение № 20) *(Полесских, 19776, с.56-57).*

На Ахунском городище раскопками этого года было вскрыто 80 кв. м., при этом были получены материалы, аналогичные прошлогодним, и никаких дополнительных выводов М.Р. Полесских сделано не было *(Полесских, 1964, с.48).*

При разведочных исследованиях в Городищенском районе М.Р. Полесских вместе с топографом В.Н. Рубцовым было открыто Садовское городище 2. Система укреплений состоит из трех рядов валов и рвов, полукольцом соединяющих боковые овраги западной (напольной) стороны. Оборонительная система включает в себя: 1-й большой (напольный) ров, 1-й большой вал, межвальная площадка, 2-й ров, 2-й вал, межвальная площадка, 3-й малый ров, 3-й малый вал. Культурный слой выражен слабо, в его заполнении встречаются мелкие фрагменты красноглиняной керамики. На гребне третьего вала, в бороздах, проделанных тракторным плугом, обнажились комки желтой прокаленной глины, что было интерпретировано М. Р. Полесских в качестве возможных следов какого-то производства, связанного с употреблением глины *(Полесских, 1964, с.48-49).*

На поверхности внутренней площадки городища собраны фрагменты красноглиняной круговой гладкостенной керамики, иногда с полосками лощения, иногда покрытые желтым ангобом. Небольшое число фрагментов покрыто желтой или коричневатой поливой. М.Р. Полесских было сделано предположение, что основная жизнь насельников поселений у дер. Садовки проходила на открытом селище, а 1-ое и 2-ое городища использовались только в качестве убежищ, а также, возможно, как загоны для скота *(Полесских, 1964, с.49).*

Попутно М. Р. Полесских было обследовано Садовское селище, расположенное на противоположном городищу пологом склоне оврага.

Здесь из культурного слоя вымывается огромнее количество красной и коричневой круговой керамики; встречаются пряслица, железные шлаки, металлические изделия, кости и зубы домашних животных. Керамика и все остальные вещи, найденные на Садовском селище, совершенно идентичны находкам с Садовского городища. По мнению М.Р. Полесских, селище существовало одновременно с городищем и принадлежало буртасским татарам позднего средневековья *(Полесских, 1964, с.50).*

В Наровчатском р-не М.Р. Полесских была осмотрена дюна «Полынный бугор» и Потодеевское селище, которые расположены в полукилометре к востоку от деревни Потодеево и в 200 м от русла реки Мокши, на левом берегу. Здесь был заложен пробный шурф размерами 3 х 1 м. В темном слое встретился один черепок от гладкостенного сосуда кирпичного цвета. Аналогичные черепки изредка встречаются и на поверхности поселения. Напротив дюны, но ближе к реке, за пустошью находится пахотное поле, где М.Р. Полесских был собран подъемный материал. Заложенный на пустоши шурф не выявил культурного слоя. Керамика, собранная в поле, делится на лепную, неорнаментированную невыразительную посуду, и на гончарную красноглиняную и коричневую, очень хорошего обжига. По мнению М. Р. Полесских, она характерна для селищ золотоордынского времени (XIV-XV вв.) и в особенности напоминает находки на городище Мохши. Также найден большой точильный камень из песчаника *(Полесских, 1964, с.51).*

У поселка «Красный Восток» М.Р. Полесских обследовал могильник «Казбек», расположенный за околицей села, к востоку от него, на выступе террасовидного возвышения, обращенного склоном к речке Печинке. Почва, сложенная из четвертичных глин и суглинка, изрезана промоинами, вследствие чего могильник стремительно разрушается. В одном из обнажений было расчищено погребение. Могильная яма имела подпрямоугольную форму, глубиной около 60 см. Умерший был погребен головой на юг, в положении с согнутыми ногами и согнутыми в локтях руками, на правом боку. В погребении найдены: обломки медных плоских браслетов, лопастные сюлгамы и пряслице. Погребение было датированное по сюлгамам XIV в. *(Полесских, 1964, с.52).*

В окрестностях поселка «Красный Восток» М.Р. Полесских были исследованы два селища с красноглиняной круговой керамикой. Первое расположено в 0,5 км от поселка на возвышенном распахиваемом поле. Границы селища неясны, культурный слой не выявлен. Кроме керамики найден обломок кресала с волнистым внутренним краем, аналогичный кресалу XII-XIII в. с золотаревского городища *(Полесских, 1964, с.52).*

Второе селище расположено на месте могильника «Красный Восток», где в верхних слоях почвы встречаются находки красной круговой посуды. Также найдено пряслице, изготовленное из стенки красноглиняного сосуда *(Полесских, 1964, с.52)*.

В окрестностях г. Пензы М. Р. Полесских было осмотрено поселение «Барковка», при этом им было отмечено, что «от некогда блистательных археологических памятников в окрестностях г. Пензы - Барковки, Долгое и Ерня, Целибуха и др. — остались ничтожные следы. Всюду грандиозная картина карьеров, выемок и т.д.» *(Полесских, 1964, с.53)*.

В **1965** г. М.Р. Полесских были продолжены раскопки Золотаревского городища (вскрыто около 410 кв. м). Основные работы были проведены на мысовой оконечности городища. В остальных местах между линиями оборонительных укреплений были заложены шурфы и небольшие раскопы. Раскоп №1 (площадью 208 кв. м) был заложен в ЮВ углу мысовой зоны на ровной площадке вблизи от вала. В раскопе кв. 6 и 7 на глубине 42 см встречены остатки нецелого костяка человека, кости которого рассосредоточены по квадрату. Кости находились в окружении гончарной керамики, осколков костей животных, множества зубов лошади, углей и золы. Пониже таза найден кусок обуглившегося зерна, выше таза - бронзовый браслет с приплюснутыми концами. В раскопе М.Р. Полесских также были зафиксированы остатки нескольких очажных пятен, различных размеров и очертаний, содержащих угли, золу, обожженные камни, кости животных, фрагменты керамики и др. *(Полесских, 1965, с.2-17)*.

С целью выявления более древнего слоя, предшествующего появлению «золотаревского» слоя XII-XIII вв., от раскопа №1 к мысу была заложена траншея шириной 1 м, длиной 80 м, и выполнен разрез первого межзонного вала. На одном из центральных участков траншеи на глубине 22 см встречено беспорядочное нагромождение человеческих костей, перемешанное с фрагментами керамики. Без анатомической последовательности здесь залегали трубчатые кости с эпифизами. Обломки черепа были разбросаны в трех разных местах. В центре скопления лежала челюсть с зубами взрослого человека. Мелких костей и ребер нет. Здесь же найдено два железных наконечника стрелы. Поотдаль от костей у западной стенки квадрата зафиксирована находка сюлгамы с неширокими лопастями, отдельные угольки, комок обугленного зерна. В южной части квадрата обнаружено скопление костей лошади, один конский зуб. Здесь же находилась бедренная кость человека. Данное скопление костей первоначально было интерпретировано М. Р. Полесских в качестве вторичного захоронения мордвы-мокши *(Полесских, 1965, с.22)*.

В юго-восточной части мысовой зоны на ровной возвышенной площадке был заложен раскоп №2 площадью 20 кв.м. В раскопе было зафиксировано очажное пятно, собраны фрагменты керамики и кости животных *(Полесских, 1965, с.25).*

В юго-восточной части 3 зоны, в 8,2 м за третьим валом был заложен раскоп №3 площадью 56 кв.м. М.Р. Полесских было отмечено, что здесь в 1953 г. произвел самовольные раскопки преподаватель пединститута В.И. Лебедев, поэтому почва в ряде мест беспорядочно перекопана. Культурный слой здесь тонкий, слабо выраженный, местами перекопанный. Из сооружений в раскопе была зафиксирована зерновая яма воронкообразной формы, густо насыщенная остатками обугленного зерна. Размеры вскрытой части 1,6х0,9 м. Яма не была довскрыта, так как уходила под корни деревьев *(Полесских, 1965, с.26-28).*

Два шурфа были заложены М.Р. Полесских в местах, нарушенных лесопосадками, с целью получения вещевого материала, залегание которого уже не поддается точной фиксации. Один шурф площадью 20 кв.м был заложен рядом с проемом третьего вала. В шурфе были собраны две бронзовые, возможно, поясные бляхи с орнаментом в виде геральдических животных, синяя стеклянная бусина, поясная железная пряжка, фрагмент каменной полированной мотыги (эпохи бронзы), фрагмент железного замка, керамика и кости животных. Второй шурф площадью 12 кв. м был заложен в северном углу четвертой зоны, примыкающей к напольному валу. В шурфе были собраны: обломок железного крючка, керамика и много мелких костей и зубов домашних животных (лошадь, корова) *(Полесских, 1965, с.29-30).*

В кратких выводах по раскопкам М.Р. Полесских было сказано, что на городище отчетливо выявлены два культурных слоя, в т.ч. слой, содержащий керамику городецкого времени, сохранившийся только в основании вала. Второй слой XII-XIII веков содержит красную круговую керамику. Кроме того, несомненно присутствие мордовско-мокшанского вещевого комплекса X-XI вв. и комплекса эпохи бронзы, вероятно, позднесрубного времени. Встреченные в раскопе №1 и в траншее остатки человеческих костяков, по-видимому, представляют собой останки убитых, наскоро закопанных людей. Трудно сказать, к нижнему или верхнему культурному слою относятся встреченные в двух местах основания жилищ, В траншее, возможно, они относятся к городецкому времени. Собственно «Золотаревский комплекс» является ранним среди памятников данной культуры и, несомненно, относится к домонгольскому времени *(Полесских, 1965, с.32).*

В Мокшанском районе М.Р. Полесских были обследованы 5 курганов в окрестностях с. Рамзай, один из которых был раскопан. Насыпь

кургана имела округлую, слегка вытянутую форму. На глубине 1,4 м от поверхности в средней части насыпи обозначилось явственное могильное пятно. На уровне 1,8 м от поверхности и 0,7 м ниже уровня материка темное пятно приобрело четкую подпрямоугольную форму размерами 2,65 х 1,65 м. Почти в центре ямы найден изогнутый железный стержень неясного назначения, длиной 5,5 см. М.Р. Полесских было сделано предположение, что, вероятно, данная яма является остатками трупосожжения. Насыпь была снесена полностью до основания, но следов других погребений выявлено не было. По аналогии с курганами Волгоградской области, М.Р. Полесских отнес Яндовинский курган к кругу позднекочевнических древностей *(Полесских, 1965, с.34-35).*

Ряд поселений был исследован М.Р. Полесских в Земетчинском районе. В 200 м к северу от околицы деревни Разин было открыто поселение Матчерка 1. В толстом слое перемешанной пахотой земли М.Р. Полесских были зафиксированы зольные пятна, остатки пережженной глины, кости крупного и мелкого рогатого скота, обожженные в огне кости лошади, фрагменты керамики с примесью песка в тесте. На поселении также найден кварцитовый нож с обоюдоострым лезвием, обработанный двусторонней ретушью. Комплекс керамики был отнесен М.Р. Полесских к эпохе бронзы *(Полесских, 1965, с.36).*

В 250 м к западу от этого памятника, на противоположенном берегу озера М.Р. Полесских было открыто Второе Матчерское поселение, расположенное на террасовидном образовании, выдающемся к озеру в форме остроугольного мыса, имеющего вид подушки. Собранная здесь керамика менее многочисленна, и по основным параметрам близка посуде первого поселения. Характерно преобладание баночных сосудов с зауженным верхом, большинство которых украшено ямчатыми вдавлениями. Особого внимания заслуживает сосуд с налепным орнаментом в виде фигурки лошади, у которой утрачена голова. Фигурка была налеплена в вертикальном положении на фрагмент венчика, покрытый слабо заметными расчесами зубчатого штампа и украшенного ямчатыми вдавлениями. Поселение было отнесено М.Р. Полесских к развитому периоду срубной культуры *(Полесских, 1965, с.37).*

Ниже по течению р. Выши М. Р. Полесских было открыто Второе Земетчинское поселение, которое расположено в 4 км к северу от поселка Земетчино на левом высоком (7-8 м) берегу р. Выша. Собрана орнаментированная керамика, кремневые скребки, лепешечка белого металла, вероятно, олова. Значительное количество подъемного материала собрано также на пашне, на расстоянии 100-120 м от берега. У кромки берега М.Р. Полесских был заложен шурф в виде траншеи (3,7 х 0,7 м). Из шурфа и с поверхности поселения собрано 137 фрагментов

керамики и 65 обломков костей, принадлежавших птицам и рогатому скоту. Фрагменты керамики украшены оттисками зубчатого штампа и ямчатыми вдавлениями различной формы. На внешней поверхности ряда венчиков имеются вертикальные следы штриховой зачистки, есть фрагмент с налепным валиком. На поселении также найдено два песта-терочника цилиндрической формы с закругленным концом и костяной обломок треугольного наконечника стрелы с ромбическим сечением пера и уплощенным основанием. Кроме срубной керамики, на Земетчинском поселении собраны также отдельные фрагменты посуды городецкой культуры, а также фрагменты красноглиняной гончарной керамики XIII-XIV вв., кусочки железного шлака и сюлгама с расплющенными лопастями *(Полесских, 1965, с.38-39).*

В окрестностях села Выша-Пристань М.Р. Полесских был произведен осмотр дюнных образований в обширной древней пойме правого берега реки Выши. Местность расположена в 1 км к северу от села. В разных местах здесь возвышаются дюнные холмы с котлованами выдувов, на одном из которых встречены очень мелкие осколки кремня и немного керамики. Черепки происходят от лепных тонкостенных сосудов. Орнаментированных черепков не найдено. Возможно, на этих дюнах были неолитические стоянки, ныне безвозвратно исчезнувшие. Осмотрена поздненеолитическая стоянка на возвышенном берегу озера Инерка, где собран подъемный материал - кремневые отщепы, мелкая невыразительная керамика, скребок, наконечник стрелы с прямой базой и обломленным острием, обломок абразива из розоватого песчаника *(Полесских, 1965, с.38-39).*

Ряд памятников был обследован М.Р. Полесских в Вадинском р-не в окрестности сел Котел и Коповка. У с. Котел было проведено повторное обследование первого городища, происхождение которого было неясным[4]. Городище расположено на склоне высокой террасы, плавно спускающейся ко дну широкого оврага, с северо-западной стороны от села. Укрепления городища состоят из Г-образного вала и рва, ограничивающих площадку от «напольной» возвышенной стороны, от вершины террасы и расстилающегося за ней поля. От концов вала перпендикулярно отходят два небольших вала. На площадке заложено 2 шурфа размерами 1 х 1 м. Культурный слой не выявлен, но на поверхности встречается мелкая керамика, осколки костей. Вся немногочисленная керамика была разделена М.Р. Полесских на 2 группы: 1) лепная гладкостенная керамика розоватого цвета, ее культурно-хронологическая принадлежность неясна (возможно, относится к позднему или после-

[4] Вероятно, 1-ое Котельское городище является селищем, обнесенным валом очень позднего происхождения. Не исключено, что им было отгорожено место скотомогильника, либо что-то иное.

городецкому времени); 2) гончарная серого или коричневатого цвета, черепки иногда покрыты зеленой или желтой глазурью. Это позднесредневековая керамика, вероятнее всего XV-XVI вв. М. Р. Полесских было сделано предположение, что Котельское городище сооружалось в пору существования лепной керамики 1-ой группы и впоследствии использовалось вторично, как это наблюдается на Кармалейском городище (EX-X! и XIII-XIV вв.) *{Полесских, 1965, с.43).*

В 400 м к западу от 1-го городища М.Р. Полесских было открыто 2-ое Котельское городище, расположенное в местности «Разбойничья поляна» на ровной, слегка покатой поляне, окруженной молодым лесом. Укрепления состоят из многоугольного замкнутого вала и рва. С восточной и западной сторон площадка ограничена крутыми склонами оврагов. Культурный слой не выявлен. Не встретился и подъемный материал на площадке городища, представляющей собой давно заброшенную и, следовательно, сильно задернованную пашню. Но на подходе к памятнику встретилось несколько черепков глиняных сосудов, совершеннно идентичных черепкам с первого городища *(Полесских, 1965, с. 44).*

В 3 км к югу от с. Коповка М.Р. Полесских было открыто 1-ое Коповское селище «Лисьи норы», расположенное на пологом склоне обширного поля, на краю большого лога, по которому протекает ручей. Поле издавна распахивается, и на его поверхности в большом количестве ранее выпахивали керамику, бусы, украшения и др. Много красной и коричневой гончарной керамики было собрано и при обследовании М. Р. Полесских. Также найден каменный сверленый топорик с сильно сработанными рабочими краями. Керамика была продатирована XШ-XIV вв. На поле, прилегающим с восточной стороны к селу Коповка, М.Р. Полесских было открыто 2-ое Коповское селище «Сурочинское». На поверхности пашни собран небольшой подъемный материал, характеризующий это селище в качестве памятника позднего средневековья и аналогичный артефактам 1-го Коповского селища «Лисьи норы» *(Полесских, 1965, с.45-46*).

В Шемышейском р-не М.Р. Полесских было обследовано городище, расположенное за северной и восточной околицей села Новый Мачим, на правом возвышенном берегу речки Мачимки (приток р. Кадады). Место, занимаемое укрепленной площадкой, ровное, одну часть занимает поляна, по словам местных жителей не бывшая под распашкой, другую часть - лес. С северо-запада укрепление граничит с берегом оврага, с юго-востока с Г-образным валом, сооруженным, по словам старожилов, в дореволюционные годы для защиты от пожаров. Г-образный вал перекрывает кольцевой древний вал городища. Система

укреплений состоит из двухрядного вала и рва, и по очертаниям напоминает две чашки, на которых одна вписана в другую. Рвы сильно заплыли, но все еще хорошо просматриваются. В осыпи оврага собрано небольшое количество фрагментов керамики. Культурный слой тянется по линии осыпи лишь местами. Найдена небольшая отливочка из белого металла, возможно, имеющая отношение к данному памятнику. М.Р. Полесских было выдвинуто предположение, что Новомачимское городище - это памятник позднего этапа городецкой культуры или послегородецкого времени. Его необычная форма и незначительная внутренняя площадь, возможно, свидетельствуют о ритуальном назначении этого укрепления. Не исключено, что это городище — древнемордовское святилище *(Полесских, 1965, с.47-48).*

В Камешкирском р-не М.Р. Полесских было обследовано местонахождение у с. Пестровка, где, по записям саратовского краеведа Д.В.Наумова, им у села была обнаружена неолитическая стоянка. На западной окраине села был обследован отлогий участок поля (место находок Наумова), в результате чего было найдено два гладкостенных фрагмента, напоминающих керамику эпохи бронзы *(Полесских, 1965, с.49).*

В Кузнецком р-не М.Р. Полесских было обследовано селище золотоордынского времени, расположенное в окрестностях села Никольское в полукилометре от его северной окраины. Площадь селища занята пахотным полем. Лишь на узкой, не тронутой распашкой полосе, примыкающей к берегу р. Труев, сохранился непотревоженный культурный слой. В центральной части селища в стенке обрыва, имеющего извилистые очертания, прослеживается выход культурных остатков в виде керамики, костей животных, угольков, зольных пятен. В большей части обрыва заметна темная полоса культурного слоя, содержащая красную гончарную керамику. В нижнем горизонте темного слоя встречается грубая лепная керамика срубной культуры. С целью уточнения стратиграфии залегания находок в месте скопления костей животных у стенки обрыва заложена траншея 10 х 1 м. Вскрытие траншеи подтвердило наличие двух культурных слоев, из которых верхний связан с селищем XIII-XIV вв., нижний - содержит материалы раннего периода срубной культуры *(Полесских, 1965, с.52-53).*

В **1966** г. М.Р. Полесских были продолжены раскопки Рамзайских (Яндовинских) курганов. Был раскопан курган №2. В центре насыпи располагалась могильная яма, глубиной 70 см. Форма ямы в плане овально вытянутая, стенки относительно прямые — по контуру и по вертикали. Погребение оказалось покрытым остатками дубовых бревен, несомненно, рухнувших с места перекрытия ямы. По расположению 7 сохранившихся фрагментов бревен М.Р. Полесских было сделано

предположение, что яма была перекрыта в поперечном направлении. На глинистом ложе, без признаков гробовища или покрытия, вытянуто на спине лежал костяк женщины, головой на СВ. Руки были слегка согнуты в локтях, особенно правая. В погребении с правой стороны шеи зафиксированы: бусы стеклянные округлые мелкие, в т.ч. 3 штуки голубоватого цвета, 2 шт. - бесцветные, 1 бусина четырехгранная бесцветная, 1 бусина крупная шаровидная пустотелая с синеватым оттенком. Среди бус находились половинка медного бубенчика и подвеска (?) из стекловидной массы в медной обоймочке. На предплечьях располагались: серьга медная в виде знака вопроса, нижний конец которой оформлен четырьмя бусинками, нанизанными на загнутый конец проволочки, два бронзовых пластинчатых браслета. У левого бедра найдены: лоскуток парчовой ткани, ножницы овечьи пружинные, частью разрушенные; зеркало круглое из белого сплава с одной тщательно отполированной стороной, другой - орнаментированной четырьмя концентрическими линиями рельефа и шишечкой посередине. Тут же оказались кости грызуна. Погребение было определено М.Р. Полесских как позднекочевническое XIII-XIV вв. *(Полесских, 1966, с.2).*

Насыпь кургана №3 имела форму неровного по краям полушария, высотой 60 см. Курган опоясан ровиком, очень слабых очертаний, шириной около 1 метра. Насыпь состоит из однородного, сильно гумированного суглинка. Могильное пятно проявилось на глубине 45 см, с этой же глубины начинается жесткая материковая глина. Яма имела форму вытянутого овала с относительно ровными краями; размерами 164 х 68 мм; ориентирована по линии З-В с некоторым уклоном к Ю и С. В западном конце ямы на глубине 53 см выявлена трухлявая древесина, по-видимому, от конструкции могилы. Стенки ямы относительно ровные, равномерно суживающиеся. Дно слегка корытообразное, бугристое. Остатки дерева (очевидно, перекрытия могильной ямы) встретились в головах и в ногах. Умерший лежал вытянуто, очевидно, на спине, при этом правая нога несколько согнута в колене. Череп, фрагменты трубчатых костей ног сохранились in situ. Кости плечевого пояса и трубчатые кости рук разобщены и занимают положение вразброс. Это результат деятельности грызунов, нора которых зафиксирована в центре ямы. К ритуальным особенностям относятся присутствие на месте груди мелких древесных угольков. У правого плеча погребенного молодого мужчины собраны: кварцитовый отщеп; остатки ножа или кресала, между стопами ног зафиксированы осколки железных предметов, в т. ч. острие ножа, части наконечников стрел, пластинка -обойма, как будто со штифтиками. Курган, так же как и предыдущий, был отнесен к кругу позднекочевнических памятников *(Полесских, 1966, с.3).*

В 1966 г. М.Р. Полесских также были проведены разведочные исследования в Шемышейском районе. Разведочный раскоп был заложен на Каргалейском поселении эпохи бронзы, расположенном в 0,6-0,7 км к северу от села Каргалейка на правом берегу древнего оврага. Для раскопа площадью 80 кв.м был выбран участок края оврага с наиболее значительным выпадом культурных остатков. Полученные при раскопках материалы были отнесены М. Р. Полесских к раннему периоду срубной культуры *(Полесских, 1966, с.3-6).*

На левом берегу р. Узы, близ ее впадения в Суру было выявлено Усть-Узинское селище эпохи бронзы, которое М.Р. Полесских соотнес с поселением, открытым экспедицией П.С. Рыкова, указавшего, что на селище есть все типы орнамента эпохи бронзы. Селище находится в 3 км к СЗ от села Усть-Уза на высоком и обрывистом берегу, который разрушается осыпью. Был заложен шурф (2 х 2 м). Слабо выраженный и тонкий культурный слой содержал мелкие осколки костей животных, вкрапления угля и керамику. Два крупных фрагмента сосудов имеют бурый цвет без штрихового покрытия, слегка отогнутый край, в одном случае с прямым срезом, в другом — приостренный; первый — гладкий, второй орнаментирован нарезками в виде заштрихованных ромбов. Аналогия данной керамике была найдена М.Р. Полесских в керамике раннего этапа срубной культуры Среднего Поволжья, известной по Кайбельским курганам *(Полесских, 1966, с.7).*

К югу от с. Старое Захаркино была открыта курганная группа на территории пахотного поля, ограниченного с востока оврагом и ручьем, с севера—ручьем, с запада полевой дорогой и полем, смыкающимся с р. Веж-Няньга; с южной стороны пролегает полоса лесопосадок, по которой идет полевая дорога. В группе зафиксировано 5 курганов, четыре из которых — в одном месте, пятый - поодаль *(Полесских, 1966, с. 7-8).*

На территории Кривозерской восьмилетней школы, граничащей с городской чертой Пензы, в этом году была заложена пробная траншея, для уточнения месторасположения могильника, из которого учителями Арямовым и Камышонковой были переданы в музей вещи с места происходивших бульдозерных работ. Разведочными раскопками вскрыто одно женское погребение с набором украшений, типичных для могильников «лядинского типа» мордвы-мокши X-XI вв. (серебряные височные подвески вытянутой формы, бронзовые кольцевые застежки с длинными «усами», парные спиральки из бронзовой проволочки на кожаных ремешках), однако имеющее редкую для подобных захоронений северную ориентировку *(Полесских, 1966, с.10).*

При обследовании городища «Балабанов родник» было зафиксировано варварское разрушение памятника, совершенное органами лесно-

го хозяйства, которые сняли бульдозером дерн на открытой площадке городища и засадили ее соснами. На местах распашки собран некоторые подъемный материал: красная и коричневая, сделанная на круге керамика, медное ушко от котла, железный крюк с одним обломленным концом для подвешивания котла, железный наконечник стрелы, медная пластинка неопределенного назначения. По мнению М.Р. Полесских, все найденные вещи хорошо датируют городище домонгольским временем XI-XШ вв. *(Полесских, 1966, с.11).*

В **1967** г. М.Р. Полесских были проведены раскопки срубного поселения, расположенного в 6 км к югу от с. Старое Захаркино на левом берегу оврага Прамалаткай. На двух ровных площадках, возвышавшихся одна над другой, были заложены траншеи площадью 2 х 20 м. По итогам раскопок М.Р. Полесских был сделан вывод, что общая площадь поселения составляла около 300 кв.м. Это было небольшое, вероятно, сезонное поселение срубной культуры с остатками жилого сооружения, представляющего собой легкое шалашеобразное строение. Жители поселения, вероятно, занимались пастьбой скота на прилегающих обширных выгонах с проточной водой. Во многих местах рассеяны остатки кострищ, скопления керамики, кости домашнего рогатого скота и отдельные кости лошади. Вероятно, основным занятием жителей было молочное хозяйство, требовавшее много глиняной посуды, изготовление которой, видимо, осуществлялось неподалеку. Есть признаки и занятия земледелием. Орнаментация и форма сосудов позволяет отнести 1-ое Старозахаркинское поселение к раннему и развитому этапу срубной культуры *(Полесских, 1967, с.16-17).*

В 240 м к СВ от первого поселения М.Р. Полесских был заложен еще один раскоп (32 кв.м) и две траншеи (12 и 24 кв.м) на поселении Старое Захаркино 2. Культурный слой с находками выражен слабо. Большая часть находок залегала на глубине не более 22-25 см. Вся собранная керамика срубная, аналогичная посуде первого поселения. От данной керамики выделяются два фрагмента венчиков с плавно отогнутым бортиком, подлощенные снаружи, не содержащие видимых примесей, украшенные параллельными поясками зубчатого штампа. Первоначально эти фрагменты были отнесены М.Р. Полесских к абашевской культуре, но затем он пересмотрел свою точку зрения и отнес их к балановской керамике *(Полесских, 1967, с.18-20).*

В 1967 М. Р. Полесских был раскопан срубный курган, расположенный в окрестностях с. Старое Захаркино Шемышейского района. Курган представляет собой довольно правильную, слегка вытянутую по линии север-юг, округлую и полусферическую насыпь с равномерной поверхностью склонов, одной центральной точкой высоты, составля-

ющей от подножия 0,75 м (по северному радиусу) и 1,24 м (по южному радиусу). Величина насыпи: диаметр север-юг - 34,7 м; запад-восток - 34 м; длина периметра - 105 м. По линии север-юг в процессе раскопок оставлена центральная бровка шириной 0,9-1 м - довольно широкая ввиду сыпучести земли. В западной части кургана встречены находки: мелкие кости, трудно определимые без специального анализа, в том числе 2 зуба жвачных животных; зольные пятна, смешанные с погребенным дерном, в двух случаях, на глубине 0,6 и 1,1 м; глиняный сосуд в северо-западном секторе, на глубине 1,4 м - сосуд лепной, гладкостенный, баночной формы, высотой 7 см и диаметром горла 12 см; лежал днищем вверх около зольного пятна *(Полесских, 1967, с.21).*

Зачистка материка под насыпью выявила неровную, бугристую поверхность. На глубине 1,4-1,5 м западной половине кургана, в центре встречены перекопанные в большей своей (верхней) части остатки могильной ямы с незначительными следами захоронения. Выявлены незначительные остатки погребения в неглубоко врезанной в грунт яме, размер которой условно определяется, как 2 х 1 м, а форма близкая к овалу, вытянутому по линии северо-запад - юго-восток. Дно могилы ровное, каковы были стенки - не выяснено. От костяка остались следующие разбросанные части: затылочная и лобная с носовой частью кости - обе в аморфном виде, большая берцовая кость (диафиз) с сильными обломами по концам, эпифиз трубчатой кости. При погребении встречен глиняный остроребeрный сосуд, раздавленный на крупные части. Высота сосуда 12 см, диаметр горла — 14,5 см. Сосуд орнаментирован по верхнему поясу крупнозубчатым штампом и - на части того же пояса - косыми насечками. Прямой срез бортика украшен мелкими круглыми ямочками. Излом сосуда черного цвета, в примеси очень мелкий песок *(Полесских, 1967, с.23-24).*

В этом же году М. Р. Полесских приступил к раскопкам Селикса-Трофимовского могильника, который был открыт в сезоне прошлого года как средневековое селище, одновременное Селиксенскому могильнику. Могильник находится на правом берегу оврага Ржавец, в 1 км к СВ от села. В этом году было вскрыто 28 погребений (№1-28). Встречен богатый погребальный инвентарь, в т.ч.: орудия труда — железные втульчатые топоры, ножи, шилья, оружие и боевое снаряжение — мечи, стрелы и копья; женские украшения — цветные и золоченые стеклянные бусы, бронзовые и серебряные бляхи, гривны, пряжки, подвески, браслеты; глиняные сосуды и многое другое. Умершие захоронены вытянуто, на спине, головой на СВ. Памятник был отнесен М.Р. Полесских ко второму этапу существования мордовских могильников типа Старшего Селиксенского и датируется IV веком н. э. При

этом был зафиксирован ряд различий со Старшим Селиксенским могильником при полном совпадении с Тезиковским могильником, что, по мнению М.Р. Полесских, свидетельствует о некоторых этнических отличиях населения этих соседних памятников *(Полесских, 1967, с.49-50; 1970в, с.129).*

В Мокшанском р-не М.Р. Полесских были докопаны Рамзайские курганы №4 и 5. В центре кургана №4 зафиксирована могильная яма глубиной 2 м от высшей точки курганной насыпи, и глубиной 1 от дневных краев. Размер ямы: 2 х 0,6 м. Дно ровное материковое. На глубине 77 см от уровня современней почвы в засыпке ямы зафиксирована куча угля с пятнышками золы, залегавшая над ногами погребенного. Яма, по-видимому, была закрыта накатником, судя по большому числу гнилушек от дуба, встретившихся мелкими кусками на разной глубине. Какого-либо порядка в расположении накатника, если он был, установлено не было. Умерший лежал вытянуто на спине головой на восток с незначительным отклонением к северу. Руки были вытянуты по бокам. Сохранность костей довольно хорошая, но многие кости растащены грызунами, норы которых зафиксированы в насыпи. Одно ребро залегало выше черепа, левое предплечье, один поясничный позвонок и особенно кости таза сильно смещены. Некоторые кости: часть позвонков, ребра, кости рук и ног, — сохранились не полностью. Правое бедро, кость руки, кости таза сильно приподняты. Череп сохранился хорошо, нижняя челюсть находится почти под черепной коробкой. В погребении найдены: у левого виска — золотая височная подвеска или серьга в виде знака вопроса, на левой стороне груди - перстень из бронзовой плоской проволочки с глазком из сердолика (?), справа у поясницы - кусок ткани парчи (?) золотистого цвета, две кости барана. Погребение женское *(Полесских, 1967, с.51-52).*

Курган №5 расположен между курганами №2 и 3, приблизительно на равном от них расстоянии. Его насыпь сильно попорчена каким-то рыхлением по краям. В южной стороне зафиксирована глубокая (до 50 см) яма диаметром 4 м. Форма насыпи грушевидная. В центре насыпи на глубине 1,6 м от ее вершины выявлено могильное пятно е четкими и контурами, врезанное в материк на 0,7 м. Стенки прямые слегка сужающиеся ко дну, дно бугристое. Размеры ямы 1,6 х 0,6 м. Умерший лежал по линии В-З. От костяка сохранились кости: диафиз трубчатой кости, лежащий поперек ямы по ее середине, осколки мелких и более крупных трубчатых костей, посредине ямы лежали зубы взрослого человека и ребенка. В погребении собраны: в районе головы — бусина черная стеклянная, с белыми полосками, пятно с остатками ржавчины; посредине ямы - круглое железное кольцо, вероятно, пряжка; округ-

лая железная пряжка с язычком, обойма железная ржавая, кварцитовая галька. М.Р. Полесских было сделано предположение, что в могиле было совершено парное погребение - взрослого мужчины и ребенка, возможно, девочки *(Полесских, 1967, с.53-54).*

В Шемышейском р-не М.Р. Полесских было осмотрено 1-ое Усть-Узинское селище. Зачистка береговой линии показала, что культурный слой на селище практически полностью разрушен осыпями. Никаких находок при осмотре сделано не было.

Приблизительно в 300 м ниже по течению, на том же высоком берегу р. Узы, М. Р. Полесских было открыто еще одно селище №2, где вдоль берега зафиксирована полоска уцелевшего от распашки культурного слоя. Очень редкие культурные остатки рассеяны на глубине около 25 см от поверхности *(Полесских, 1967, с.56-57).*

В раскопе собраны черепки буроватой или красноватой посуды с примесью очень мелкого, очевидно, речного песка. Обжиг хороший, поверхность фрагментов небрежно заглажена. Все черепки мелкие, невзрачные, неясной культурной принадлежности. Есть фрагменты от остроребенного сосуда. Найден венчик сосуда сосудов городецкой культуры с уплощенным утолщением на верху, украшенный «рогожной» орнаментацией. В шурфе встречено небольшое скопление угольков и зольные пятна — очевидно остатки кострища. На пашне, примыкающей к площадке поселения, встретился довольно обильный подъемный материал — керамика того же облика, что и в раскопе *(Полесских, 1967, с.57-58).*

По сообщению ученика Сядемской восьмилетней школы В. Широкова в окрестностях села Сядемки был открыт древнемордовский могильник, расположенный в 300-400 м за восточной окраиной села на правом берегу сухого оврага «Гавриловка». С целью проведения раскопок разведочного характера на берегу оврага, на узкой 6-8-метровой целинной полосе, далее которой идет пашня и лесопосадка, заложены 2 траншеи 10 х 1 м по линии З-В. В них вскрыто 6 погребений, которые находились на глубине 45-50 см, в толще черноземной почвы. В погребениях собраны массивные железных орудия, проушные и бортевые топоры, наконечники копий, ножи. Инвентарь женских погребений представлен множеством серебряных и иных импортных вещей. Особенно выразительно погребение № 3, где умершая лежала в яме без гроба на полуметровой глубине, головой на юг. Среди предметов — накосник, заключенный в лубяную трубку, плотно обвитую спиралью уплощенной бронзовой проволоки, височные, серебряные подвески с 11-сантиметровым стержнем, перстень спиральный серебряный со щитком посредине, ожерелье, браслет в виде согнутой широкой сереб-

ряной пластины с суженными крючкообразными концами, серебряная кольцевая застежка и несколько лопастных сюлгам. Связи с русской культурой носителей этого могильника подчеркиваются наличием гончарного сосуда русского, а не болгарского типа; все остальные сосуды лепные, очень тщательного изготовления. Дата памятника определяется XII — началом XIII веков *(Полесских, 19776, с.59).*

Кроме могильника в окрестностях села было обследовано еще три селища. 1-ое Сядемское селище расположено на склоне поля южной экспозиции. Оно граничит с запада с оврагом, с востока — с сосновой лесопосадкой. Памятник сильно поврежден глубокой вспашкой, размывом и эрозией почвы, частично занят лесопосадками. Распахана даже узкая целинная полоска, разделяющая пашню и лес. С целью поиска остатков культурного слоя в пограничной полосе заложено 3 небольших шурфа. В шурфах в переотложенном слое найдено 30 фрагментов керамики. За лесом на поле, в 50 м от шурфов, найден черепок красной круговой керамики *(Полесских, 1967, с.66).*

2-ое Сядемское селище расположено в полукилометре к СЗ от с. Сядемка, справа от дороги в с. Красная Дубрава, на правом высоком берегу древнего оврага, по дну которого течет речка. Берег подвержен сильнейшей эрозии, сопровождающейся стремительным оползанием верхних почвенных слоев и разрушением культурного слоя. Берега оврага и поле завалены огромным количеством черепков глиняной посуды. Культурный слой выражен слабо, в ряде мест он полностью исчезает. Собраны образцы керамики, не особенно выразительные. Это фрагменты лепных сосудов, выделанные из хорошо промешанного теста, примесь - песок. Цвет розоватый, серый, поверхности гладкие, заглаженные. Края венчиков валикообразные или приостренные, слабо отогнутые. Найден комок железного шлака. М.Р. Полесских было отмечено, что памятник нуждается в доследовании, а пока его можно предварительно отнести к позднему средневековью *(Полесских, 1967, с.67).*

Аналогичный вышеописанному подъемный материал был собран М. Р. Полесских на соседней площадке, расположенная на мысовидных участках поля. Большую часть площади этого местонахождения занимает поле, недавно занятое лесопосадками. По соседству с посадками, с восточной стороны склона зафиксированы два участка, свободные от леса, пригодные для проведения исследования *(Полесских, 1967, с.68).*

3-е Сядемское селище расположено в непосредственной близости со вторым селищем, с его северо-восточной стороны. Площадь селища, занятая пахотным полем, имеет легкий наклон в южную и западную стороны, где ее ограничивают овраги. С северной стороны селища проходит дорога в с. Красная Дубрава. На местах, свободных от посевов,

собрана лепная и гончарная керамика. Лепная посуда имеет гладкую поверхность и по своей фактуре аналогична керамике Сядемского и Старосотенского могильников XIV вв. К этому времени относится и гончарная посуда красного и коричневого цвета, покрытая полосками лощения. Также найдено два пряслица, одно овальное, другое битрапециевидное, точильный брусок из шиферного сланца *(Полесских, 1967, с.69)*.

Три селища были открыты М.Р. Полесских в Пензенском р-не. Трофимовское селище расположено в 1 км к югу от с. Трофимовка, у оврага «Крутой» на мысовидных приовражных распахиваемых участках. Почва супесчаная каменистая. Здесь собрана красная и коричневая гончарная и лепная керамика от горшков, кувшинов, корчаг, мисок. Часть фрагментов украшена резными линиями и оттисками зубчатого штампа. Подобная посуда характерна для городищ типа Золотаревского и датируется XII- XIII вв. Культурный слой на селище полностью разрушен многолетней распашкой *(Полесских, 1967, с.69)*.

Панциревское селище находится в полукилометре к востоку от с. Бакшеевка, граничащей с с. Трофимовка. Расположено на пологом склоне поля, где на поверхности пашни встречается немногочисленный подъемный материал, ничем не отличающийся от находок на вышеописанном Трофимовском селище. Интересна находка фрагмента дна сосуда с крупными отверстиями. Панциревское селище также полностью разрушено распашкой *(Полесских, 1967, с.70)*.

В 1967 г. М.Р. Полесских было открыт и исследован Бессоновский комплекс дюнных неолитических стоянок, расположенный на правом берегу Суры при слиянии с ней реки Вяди, в 1,5-2 км к юго-востоку от поселка Бессоновки. На широкой древней пойме то тут, то там желтеют котловины выдувов или возвышаются задернованные бугры. В этом году М. Р. Полесских было исследовано 4 местонахождения. Возвышение №1 издавна распахивается под посев и развеивается. На поверхности рассеян обильный подъемный материал — остатки разных эпох. Заложен шурф 1 х 1 м. Признаков культурного слоя не сохранилось. Культурные остатки залегают в верхнем слое в полностью перемешанном состоянии. Среди собранных находок особый интерес представляет неолитический комплекс керамики. Черепки орнаментированы линейным мелкозубчатым (иногда «елочным») или гребенчато-ямочным штампом. Цвет - коричневый, поверхность гладкая, иногда с прилощением, примесь в тесте — дресва, мелкий песок. Стенки черепков тонкие, хорошего обжига, форма дна не ясна. Среди кремневых изделий много скребков, часто правильной формы, иногда с высоким профилем. Есть наконечники стрел и копий листовидной формы, скобели, проверки, ножи, острия, очень мало ножевидных пластинок и всего

один невзрачный нуклеус, множество отщепов. Среди находок — наконечник дротика, выделанный из бронзы (?) *(Полесских, 1967, с.72).*

К раннему железному веку М.Р. Полесских были отнесены черепки тонкостенной посуды с текстильным орнаментом, пряслице с ямчатым орнаментом. К вещам, аналогичным находкам с городищ и селищ XII-XIII вв., относятся: гончарная, красная или коричневая керамика, часто с полосками лощения, ручки гончарных сосудов, железные стрелы, нож, шлаки. Кроме того, встречается керамика ранних русских поселенийXVII-XVIII вв. *{Полесских, 1967, с.72-73).*

Возвышение № 2 находится в 200 м к югу от первого возвышения. Оно значительно меньше по размерам, ниже и его высота - около 50 см, оно также издавна распахивается. Подъемный кремневый материал встречается лишь изредка. Здесь найдены фрагменты ручного жернова. Шурфовка и топографическая съемка бугра М.Р. Полесских не проводились *(Полесских, 1967, с.73).*

Возвышение №3 находится в 250 м к ЮВ от первого возвышения, также близ левого берега р. Вяди. Имеет вид бугра куполообразной формы, вытянутой по линии В-З, возвышающегося на 2 м среди пахотного поля. Края сильно опаханы, поверхность задернована и изрыта ямами позднейшего происхождения с осколками кирпичей. Бугор напоминает собой курган, но это, несомненно, всхолмление из наносных песков, возможно, связанное с неолитическим поселением *(Полесских, 1967, с.73-74*).

Возвышение № 4 находится в 400 м к С от описанной выше группы, на правом берегу р. Вяди. Высота возвышения 4 м. Дюна имеет две большие котловины выдува — западную №1 и восточную №2. На поверхности восточного выдува встречается подъемный неолитический материал, другой выдув почти лишен находок. На западной стенке котловины на расстоянии 5 м друг от друга были сделаны в двух местах зачистки обнажения. Обе зачистки дали идентичную стратиграфию: под нетолстым дерновым покровом, залегает чистый песок толщиной около 20 см, далее — слой слабо гумусированного с углем песка, глубже — очень чистый песок толщиной 10—20 см и, наконец, сильно окрашенный гумусом слой в 20—30 см. Это слой с вещественными остатками эпохи неолита. Неолитический материал — керамика и кремневые изделия — встречается также в рытвинках, на высокой поверхности возвышения *(Полесских, 1967, с.74*).

Кроме того, М. Р. Полесских были бегло осмотрены еще пять дюнных образований разной степени сохранности. Все они находятся на правом берегу р. Вяди. Шурфовка и обмеры на этих возвышениях (№5-9) не производились. Собраны и зарегистрированы лишь единичные

находки кремневых изделий, в основном отщепы. Неолитическая керамика представлена фрагментами с гладкой поверхностью, украшенными очень мелкими отпечатками гребенчатого штампа, в технике отступающей лопаточки и др. В целом собранный материал аналогичен находкам с первого возвышения *(Полесских, 1967, с.75*).

По итогам произведенных исследований М.Р. Полесских был сделан вывод, что бессоновские местонахождения представляют собой группу небольших неолитических стоянок, в ряде случаев разрушенных до основания и, тем не менее, представляющих большой научный интерес, особенно на фоне скудости неолитических памятников по правобережью Среднего Поволжья. Керамика с накольчатым, накольчато-прочерченным, зубчатым и редко ямочным орнаментом относится к волго-камской неолитической культуре. Среди керамики эпохи бронзы встретились черепки абашевидных сосудов, венчик с бронзовой скрепой. Третий комплекс находок дает вещи ранней поры городецкой культуры — керамику с текстильным орнаментом, орнаментированное пряслице и др. Четвертый комплекс — красная гончарная керамика XII-ХШ вв. Разведочные работы в окрестностях Бессоновки не закончены *(Полесских, 1967, с.75-76).*

В **1968** г. М.Р. Полесских были продолжены раскопки Селикса-Трофимовского могильника. За этот сезон здесь было раскопано 36 погребений с трупоположениями, кроме одного, где обнаружено трупосожжение в могильной яме. Погребенные были вытянуты на спине головой на северо-восток, руки сложены на животе. Ямы имели овально-вытянутую, иногда прямоугольную форму. В них (в засыпи и на дне) часто встречались угли, зубы лошади. Нередки вторичные захоронения, изредка имели место и парные. Некоторые погребения содержали богатые комплексы вещей, в которых легко различаются местные и привнесенные элементы. Предметами степного юга следует считать мечи сарматского типа — обоюдоострые, без перекрестий (один стальной), кольчугу, некоторые пряжки и поясные наборы, зеркальце, римскую провинциальную фибулу, стеклянные бусы. К часто встречаемым относятся вещи прикамских культур. Таковы круглые пластинчатые с выступами по краю броши, наборные пояса с полусферическими бляхами мазунинского типа, плоские железные и бронзовые гривны со стилизованным изображением змеи, витая гривна, халцедоновый диск-подвеска, обувные наборы, состоящие из бронзовых пряжек с круглоконечной обоймой и орнаментированных шарнирных подвесок. Впервые в ранних пензенских могильниках встречены гривны — бронзовые или железные, снабженные обмоткой из медной проволоки и с напущенными бронзовыми бусами. Ве-

щевые комплексы были продатированы М. Р. Полесских по южным и камским вещам IV в. н. э. В итоге был сделан вывод, что Селикса-Трофимовский могильник близок Тезиковскому и 2-му Сергачскому могильникам. Возможно, люди, оставившие Селикса-Трофимовский могильник, были пришельцами с Волго-Окского междуречья, вошедшими в мирное соприкосновение с древними селиксенцами и в дальнейшем по-видимому, с ними слившиеся *(Полесских, 19696, с.158-159).*

В этом же году были продолжены раскопки Селиксенского могильника, где было вскрыто 17 погребений. При этом были получены материалы, в целом аналогичные раскопанным ранее.

В 1968 г. были проведены разведочные исследования в ряде районов Пензенской области. В Бековском р-не было обследовано Нарышкинское поселение срубной культуры, которое было открыто в 1952 г. Обследование показало, что исследованное ранее поселение полностью исчезло в результате размыва и застройки. Однако было открыто другое аналогичное поселение, расположенное на 2-ой надпойменной террасе правого берега р. Хопер, в 350-400 м от реки, в 600 м к западу вниз по течению Хопра, от местонахождения 1952 года. Поселение находится на краю крутого обрыва высотой 9 метров. У восточной границы местонахождения заложен шурф №1 размером 1 х 1 м. Культурные остатки в слое залегают на всем его протяжении, но насыщенность ими слоя слабая. В шурфе найдены: зуб коровы и срубная керамика, в том числе венчики сосудов баночной формы, покрытые орнаментом из рядов мелких подтреугольных ямок, косыми штрихами и поперечными нарезками, стенка остроребернoго сосуда *(Полесских, 1968, с.43-44).*

За оврагом к СЗ расположена вторая площадка поселения. Береговая терраса здесь более пологая. Наклонное положение поверхностных слоев свидетельствует о том, что здесь имеет место сползание почвы по склону. Собранная здесь керамика аналогична керамике с первой площадки и, вероятно, относится к раннему периоду срубной культуры. В осыпях обрыва также найдены обломки песта терочника и грузило, изготовленные из песчаника *(Полесских, 1968, с.44-45).*

Вблизи от срубного поселения М.Р. Полесских были зафиксированы следы неолитической (?) стоянки. На размытой покатой площадке сыпучего песка найдены единичные осколки кремня и мелкие фрагменты керамики, напоминающей неолитическую. Местонахождение полностью разрушено *(Полесских, 1968, с.44-45).*

В Бековском районе М.Р. Полесских также было проведено рекогносцировочное (без составления планов и чертежей) обследование

ряда курганов: одного кургана у с. Нарышкино и 4 курганов в окрестностях с. Миткирей *(Полесских, 1968, с.47).*

На границе Бековского р-на и Саратовской области М. Р. Полесских была обследована Вертуновская неолитическая стоянка, расположенная близ ж/д станции Вертуновка на левом берегу р. Хопер на 1-ой надпойменной террасе в непосредственной близости от железнодорожного моста. Стоянка практически полностью разрушена карьером и размывом весенних вод. Осталась лишь небольшая подтреугольной формы площадка. На выдувах по склону в южной части площадки, встречен подъемный материал, скребок из желтоватого полупрозрачного кремня, ножевидная пластинка, отщепы; тонкостенная керамика с прямым, слегка приостренным краем. Отдельные черепки орнаментированы, в одном случае — мелкозубчатым штампом, напоминающим параллельные оттиски веревочки. Поиски культурных остатков в других местах дюны не дали результатов *(Полесских, 1968, с.48-49).*

На р. Хопер М.Р. Полесских также было обследовано Куракинское дюнное поселение №3, расположенное на левом высоком берегу р. Хопер на 2-ой надпойменной террасе, в 300-450 м к северу от с. Куракино Сердобского р-на. Оно представляет собой группу песчаных выдувов, поверхность которых в некоторых местах окрашена в темный цвет. Здесь изредка встречается подъемный материал: керамика и единичные кремневые отщепы. М.Р. Полесских было отмечено, что собранная на выдувах керамика напоминает посуду абашевской культуры *(Полесских, 1968, с.49-50).*

В Башмаковском районе М.Р. Полесских было исследовано место древнего захоронения, обнаруженного при рытье траншеи между зданием школы с. Гаугеровки и проезжей дорогой. При прокладывании водопровода, из траншеи с глубины около 60 см был выброшен костяк человека вместе с керамикой. М.Р. Полесских были осмотрены находки и место захоронения. Большие трубчатые, хорошей сохранности, кости ног и рук принадлежали взрослому человеку. Кроме того, найден фрагмент черепа — лобная и теменная кости. Черепок крупного глиняного сосуда содержал примесь очень мелкого песка и шамота. Он был орнаментирован крупными ромбовидными углублениями, характерными для керамики и примокшанской культуры эпохи бронзы. Место находки слегка возвышается на 30-35 см и, по мнению М.Р. Полесских, может представлять собой остатки кургана. По уверению учителя Бирюкова, на глубине около 60 см он приметил кости ног еще одного скелета, находившиеся рядом, но забыл их точное местонахождение. Шурфовкой (2 х 1 м) места находки не выявлено *(Полесских, 1968, с.51-52).*

В Земетчинском р-не М. Р. Полесских было обследовано селище у поселка «Красное Знамя» расположенное в 0,5 км к северу от села, недалеко от Малоижморского могильника К ^ I вв. Здесь тянется лесистая гряда — вторая надпойменная терраса правого берега р. Выши, состоящая из глауконитов, подстилаемых супесями. В одном месте склона, сильно поврежденном эрозией, найдены редкие черепки лепных сосудов с примесью мелкого песка и дресвы (?), аналогичные Малоижморскому могильнику мордвы-мокши рубежа I и II тысячелетий н.э. *(Полесских, 1968, с.53).*

В Вадинском р-не М.Р. Полесских было открыто селище у с. Серго-Поливаново, расположенное у подножия лесистой гряды, на плоском песчаном возвышении правого берега р. Вад. Издавна распахивается, культурный слой разрушен. С поверхности собран подъемный материал представленный обломком точильного бруса, лепной керамикой серого цвета с примесью дресвы, украшенной тычковыми вдавлениями. Селище было датировано М.Р. Полесских ранним железным веком *(Полесских, 1968, с.54).*

Между селами Серго-Поливаново и Свищево было обследовано городище, ранее известное только по архивным материалам. Находится на вершине «Кладовой горы» сложенной из юрских песчаников и содержащей пещеры (результат вымывания мягких пород). Вершина горы плоская, покрытая лиственным лесом. Система укреплений состоит из одного довольно ровного по конфигурации вала и сопутствующему ему рва, которые в виде слегка изогнутого барьера соединяют склоны двух оврагов. Длина вала и рва 230 м, ширина основания 6 м, глубина рва 0,55 м, ширина рва 1,2 м. Ров выкопан с напольной стороны. Сделан небольшой шурф, в котором не было обнаружено культурного слоя *(Полесских, 1968, с.55).* Памятник предварительно был продатирован М.Р. Полесских XII-XIII вв. *(Полесских, 19706, с.34).*

Непосредственно у подножия Кладовой горы М.Р. Полесских было выявлено селище, полностью разрушенное распашкой. Находки — красная гончарная керамика, датирующаяся XIII-XIV вв. *(Полесских, 1968, с.55).*

У с. Кармалейка того же района М.Р. Полесских было открыто селище «Попова поляна», расположенное на пологом склоне правобережной террасы р. Вад. в 1 км к западу от села, чуть ниже русского оборонительного вала XVII в. Местность — пахотное поле площадью около 1,4 га. Культурный слой разрушен, сохранилась лишь узкая полоска целины, прилегающая к валу. Подъемный материал представлен: пестом-терочником из окремнелой гальки, частью железного замка болгарского типа, красной и коричневой гончарной керамикой. Сели-

ще датировано М.Р. Полесских по находкам вещей XII-XIV вв. *(Полесских, 1968, с.56).*

Было также осмотрено соседнее Большеполянское селище, расположенное за валом. На пашне собран небольшой подъемный материал — керамика ХШ - XIV вв.[5]

У д. Пеньки М.Р. Полесских была обследована русская сторожевая крепость XVII в., ранее известная по архивным данным. Она находится на гребне высокой горы в системе русской оборонительной черты XVII века и представляет собой подчетырехугольную площадку, обнесенную довольно мощным земляным валом и рвом *(Полесских, 1968, с.61).*

В окрестностях с. Рахмановка М.Р. Полесских был осмотрен «Могильный бугор», расположенный в 6 км к СВВ от села, в лесу, на левом возвышенном берегу речки Ушлейки. Здесь на площади около 2 га находятся могильные бугры округлой формы и впадины. Местные жители находили здесь железные кольца, кости человека и др. Вероятно, здесь расположен могильник XVII-XVIII вв. *(Полесских, 1968, с. 56-57).*

В Наровчатском р-не М.Р. Полесских была осмотрена разрушенная неолитическая стоянка в окрестностях с. Потодеево. Здесь располагается песчаный бугор, возвышающийся над уровнем р .Мокши приблизительно на 3 м. Осмотр показал, что на месте стоянки устроен громадный карьер, в осыпях которого были собраны 4 кремневых скребка, отщепы, два осколка ямочно-гребенчатой керамики. Рядом обследовано еще одно разрушенное селище «Потодеевское», содержащее красноглиняную гончарную керамику золотоордынского времени. М.Р. Полесских было также отмечено, что под застройкой коровниками последнего года погиб замечательный многослойный памятник у поселка Красный Восток *(Полесских, 1968, с.57).*

В окрестностях г. Пензы М.Р. Полесских было обследовано Барковское поселение, где на месте раскопок 1964-1965 гг., там где стояли хозяйственные постройки, были проведены бульдозерные работы со сносом строений с целью расчистки места под карьер. Осмотр места показал что культурный слой, занятый прежде строениями, полностью разворочен и здесь был собран подъемный материал: керамика эпохи бронзы, бронзовый (?) серп. Кроме того, встречена серия черепков с ярко выраженными чертами неолита: фрагменты коричневато-желтоватого цвета, с примесью песка или дресвы, иногда имеющие утолщенный венчик, орнаментированные сочетаниями полулунных ямок и рядов вдавлений отступающей лопаточки. Также найден один черепок с гребенчато-ямочным орнаментом. Вся эта керамика была отнесена М.Р. Полесских

[5] По всей вероятности, оба селища относятся к одному поселению, разделенному позже валом оборонительной черты (прим. автора).

к балахнинской культуре. Было найдено небольшое количество кремневых изделий: скребки и отщепы *(Полесских, 1968, с.58)*.

На Бессоновской неолитической стоянке М.Р. Полесских были продолжены разведочные исследования предыдущего года. Им было сделано два выезда на стоянку с целью поиска новых местонахождений. Зафиксировано два выдува у коровника. Они находятся на правом берегу р. Вяди, приблизительно в 250 м от берега к В и рядом со строящимся зданием коровника. На площади выдува №1 размером 140 х 90 м, на плотной поверхности очень мелкого песка найдены два развала керамики в окружении угольков и зольной земли — остатки очагов, находящихся теперь уже в переотложенном состоянии. Керамика с выдува представлена крупными фрагментами темно-коричневой, слабо обожженной толстостенной лепной посуды. В ее примеси — песок и шамот, орнамент состоит из рядов мелкогребенчатого штампа. Много кремневых изделий, в особенности скребков, часто с тщательной подправкой рабочего края, иногда со скошенным (без ретуши) рабочим краем, есть провертки, скобели, наконечники дротиков, стрел листовидной и почти ромбической формы, обломки ножей *(Полесских, 1968, с.59-60)*.

Выдув №2 имеет размеры 30 х 40 м. На западном краю котловины М. Р. Полесских было собрано скопление керамики и несколько кремней. Керамика — от одного сосуда коричневого цвета с очень хорошо заглаженной, почти подлощенной внешней поверхностью с примесь песка и шамота. Фрагменты орнаментированы мелкозубчатым штампом в виде елочки. Под бортиком идет ряд круглых ямок. Из кремневых поделок интересны скребок на широкой пластинке, обработанный по одному краю мелкой ретушью и скребок четырехугольной формы. По мнению М.Р. Полесских, оба выдува дали керамику волго-камской неолитической культуры и черепки раннего железного века. Небольшие сборы сделаны также на месте наибольших находок 1967 года, на возвышении №1, полностью разрушенном. Здесь встречены образцы накольчатой и ямочно-гребенчатой керамики, наконечники стрел, керамика абашевской культуры и фрагменты с рогожным орнаментом *(Полесских, 1968, с.61)*.

В **1969** г. М.Р. Полесских были продолжены исследования Армиевского курганно-грунтового могильника, насыпи которого он, вслед за П.С. Рыковым, по-прежнему принимал за остатки жилищных сооружений. В этом году им были раскопаны насыпи №2 и №3. При раскопках насыпи №2 находок было сделано немного. Это несколько железных наконечников стрел, обломок бронзовой сюлгамы и глиняного пряслица, фрагменты керамики. При этом был сделан вывод, что раскопанная насыпь, несомненно, не землянка и не полуземлянка, а наземное жи-

лище с легкой деревянной конструкцией, которая в свое время сгорела *(Полесских, 1969, с.3-5).*

Значительно больше находок было сделано при исследовании насыпи №3. Высота насыпи составляла 0,75 м, диаметр от 10 до 11,7 м. Уже в верхней части насыпи на первом штыке были найдены два железных наконечника стрелы с плоским пером ромбической формы, подвеска из бронзы в виде буквы «Е» с остатком ремешка. На втором штыке был найден развал остроребернoго сосуда и еще нсколько наконечников стрел. В насыпи в перемешанном слое, содержащем керамику, кости животных, угольки и зольные пятна, встретились угольные остатки бревен и жердей. В центральной части насыпи была выявлена яма, вкопанная в материк на глубину 35-40 см. Яма имела подтреугольную форму, на ее дне располагалось 4 угольных пятна, интерпретированные М.Р. Полесских в качестве очагов, и три ямки от столбов. Здесь же было встречено скопление предметов вооружения и снаряжения: три узкоперых наконечника копий с выраженным ребром жесткости, залегавших компактно, 10 наконечников стрел, рассеянных по одному, вильчатый наконечник стрелы, скопление из 14 черешковых наконечников ромбической формы, фрагменты ножей, обломки коррозированного железа. В другом скоплении были найдены: крюк от колчана, два точильных бруска, 5 наконечников стрел, подпрямоугольная и овальная железные пряжки, бесформенные кусочки железа. Отдельно залегали: боевой топорик салтовского типа, два ножа, трое удил, три пары стремян, боевой наборный пояс с бляшками из белого сплава, несколько бляшек в россыпи, три серебряных кольца, видимо, от пояса, фрагменты плоского бронзового браслета и двух сюлгам с длинными усами. М.Р. Полесских было отмечено, что, вероятно, не случайным является тот факт, что основные предметы представлены в трех экземплярах (копья, стремена, удила), и что, быть может, они принадлежали трем вооруженным всадникам *(Полесских, 1969, с.12-14*).

В целом же М.Р. Полесских пришел к выводу, что данные раскопок этого года не соответствуют выводам проф. П.С. Рыкова по этому памятнику. Во-первых, не верна его датировка армиевским временем, т.е. серединой I тыс. н. э. Совершенно отчетлива дата селища — салтовское время или время ранних могильников лядинского типа, т.е. VIII-XI вв. Во-вторых, селище не имеет никакого отношения к Армиевскому могильнику (не считая общих генетических связей). В-третьих, не подтверждается реконструкция жилища, данная П.С. Рыковым в его «Культура древних финнов в районе р. Узы». Не исключено, что Армиевское селище носило какой-то особый характер, возможно, военного лагеря *(Полесских, 1969, с.15).*

Три погребения (№237-239), уходящие в овражную осыпь, были вскрыты М.Р. Полесских на Армиевском могильнике *(Полесских, 1969, с.23-26)*.

При проведении археологической разведки М.Р. Полесских было обследовано Екатериновское городище, ранее известное только по лаконичным упоминаниям в старой литературе. Памятник расположен на правом берегу р. Суры, в 250 м от с. Екатериновка Лунинского р-на, на высоком отроге древней береговой террасы, обтекаемом с двух сторон глубокими оврагами. По восточному и западному краям площадки заметны остатки валов. Восточный вал имеет длину 12 м, его высота — 80 см, ширина основания — около 3 м. Западный вал имеет длину 17 м, высота - около 1 м, ширина основания 5 м. Восточный вал разрушен осыпью, поглотившей значительную часть площадки и, очевидно, внешний ров вала. В осыпи собрана сетчатая, рогожная и гладкостенная керамика, скребло из кварцита, каменное грузило, глиняная бусина *(Полесских, 1969, с.16-17)*.

В западной части площадки был заложен разведочный шурф в виде траншеи размером 7,6 х 1 м. Шурф показал довольно значительную насыщенность темного слоя культурными остатками. Вся собранная здесь керамика, по мнению М. Р. Полесских, характерна для ранних памятников городецкой культуры. На первом месте идет керамика с рогожным орнаментом. Кроме того, присутствуют единичные фрагменты с неолитоидным мелкогребенчатым орнаментом и отпечатками веревочки *(Полесских, 1969, с.17-18)*.

В Лунинском районе также была обследована Проказнинская дюна, имеющая аллювиальное происхождение и расположенная в 850 м к ЮВ от ж/д ст. Проказна, в древней пойме левого берега р. Суры. На поверхности выдува кое-где выступают слабые темные пятна, на которых встречается подъемный материал, а именно осколки кремня: ножевидные пластинки, скребок, отщепы. В двух местах на вертикальных стенках котловины выдува была сделана зачистка, при которой найден развал сосуда эпохи бронзы. Подстилающий слой — чистопородный желтый песок. Вероятно, дюна представляет собой остатки древней стоянки *(Полесских, 1969, с.19)*.

Дюнная стоянка была обследована М.Р. Полесских также у с. Грабово в пойме левого берега р. Суры, где тянется гряда аллювиальных песчаных наносов, не заливаемых весенним половодьем На выдуве у северной оконечности гряды (20 х 30 м), был зафиксирован разрушенный культурный слой и неопределенные фрагменты лепной керамики *(Полесских, 1969, с.19)*.

В окрестностях с. Бессоновки М.Р. Полесских были продолжены исследования Бессоновской стоянки. Здесь на выдуве №2 (у коровни-

ка) была произведена зачистка культурного слоя и сбор подъемного материала. Составлен общий топографический план этой части Бессоновской стоянки. Было отмечено, что памятник пока не разрушается, но соседство строящегося коровника представляет постоянную угрозу для существования стоянки. С поверхности выдува была собрана керамика волго-камской неолитической культуры и кремневый материал *(Полесских, 1969, с.21).*

В полутора километрах к югу от Бессоновской неолитической стоянки были обследованы еще два невысоких бугра наносного происхождения. Размер бугров (не развеваемых, распаханных) 20 х 35 м, при высоте около 1 м, расстояние между ними 80 м. Здесь был собран лишь небольшой подъемный материал: лепная гладкостенная керамика с отогнутым, иногда резко отчерченным краем, которая была отнесена М.Р. Полесских к древней мордве VIII-IX вв. *(Полесских, 1969, с.20).*

В окрестностях с. Шемышейка М.Р. Полесских было открыто селище, расположенное в местности «Девяносто десятин», в 2 км к северу от села, на мысовидном выступе правобережной части оврага, где была обследована обширная котловина выдува. На ее поверхности встречена грубая лепная керамика, часть которой была предварительно отнесена к поздней поре эпохи бронзы, часть к концу I тыс. н. э. *(Полесских, 1969, с. 21-22).*

В Пачелмском районе было обследовано Андреевское городище, представляющее собой остатки крепости русского сторожевого укрепления XVII в., находящееся в 2 км к С от деревни. На четырехугольной площадке сохранились два замкнутых вала. Длина внешнего вала 173 м, внутреннего 75 м, высота не превышает 0,5 м. Найден фрагмент керамики позднего средневековья *(Полесских, 1969, с.26).*

В **1970** году М.Р. Полесских были начаты раскопки Екатериновского городища раннего железного века. Культурный слой относится к ранней поре городецкой культуры — V-IV вв. до н. э. На значительной части вскрытой площади (480 кв. м) встречается в переотложенном состоянии неолитический материал — керамика и кремень. Разрез остатков вала показал наличие на глубине 0,8 м еще одного темного слоя, отделенного от верхнего городецкого стерильным слоем толщиной 0,2 м. Последний слой был связан М. Р. Полесских с неолитической культурой. Большая часть керамики является фрагментами сосудов довольно тщательной формовки, тонкостенных, крепкого обжига. Черепки имеют гладкую поверхность. Венчики обычно прямые, с прямым или скошенным краем, часто приостренным и орнаментированным гребенчатым штампом. Дно плоское или уплощенное. Орнамент верхней части сосудов отличается разнообразием и тщательностью исполнения. Ор-

наментированы сосуды в большинстве случаев оттисками мелкогребенчатого штампа — отступающая лопаточка — и оттисками гребенчатого штампа в сочетании с рядами мелких ямок, подтреугольных и зубчатых углублений, оттисков средней и тонкой веревочек. Гладкая керамика составляет около 25% общего числа. Вся описанная керамика характерна для поздней поры балахнинской неолитической культуры, представленной на территории Пензенской области рядом памятников. В раскопе встречены единичные черепки с накольчатым или прочерченным орнаментом, характерным для стоянок волго-камского неолита и имеющим ближайшую аналогию в материале Бессоновской неолитической стоянки. Интересны фрагменты сосудов с орнаментом, похожим на вафельный, а также продолговатый сосудик, возможно льячка, покрытый ногтевым узором. Эти последние находки относятся уже к эпохе бронзы. Кремневый инвентарь малочислен и невыразителен *(Полесских, 19716)*.

На Садовском селище было проведено исследование горна. Селище расположено на правом террасовидном берегу ручья, протекающего через д. Садовку, напротив Садовского городища, расположенного на другом берегу. Местность — пахотное поле. Почва — суглинок и глина, насыщенные мелким камнем (серый песчаник). В 50 метрах в противоположную от ручья сторону, в поле, у промоины обнаружена частично размытая обжигательная печь. Зачисткой выявлена кольцевая стенка шириной 18-20 см, ограждающая камеру-яму. Камера заполнена смешанной черной землей, в составе которой также мелкие камни, керамика, осколки костей, угли. На глубине 35 см стенки ямы приняли форму, близкую овалу, диаметром 1,7 х 1,9 м. Ширина боковины приблизительно 24-30 см. На поверхности зачистки и глубже нее зафиксированы кусочки угля, керамика, кости, в т.ч. астрагал лошади, фрагменты обожженной глины, по-видимому, кирпича, керамические шлаки. Внутренние стенки выложены кирпичом, в верхней части в виде беспорядочной укладки, в нижней более правильной, так что сохранились небольшие участки, где кирпичи соединялись между собой узкими боковыми краями. На глубине 80-95 см стенки сузились и образовали округлое дно, заполненное обвалившимся стеновым кирпичом, шлакированной керамикой и др. Кроме того, встречены ноздреватые тяжелые куски шлакированного пода, с прикипевшими к нему фрагментами керамики, что достаточно ясно говорит о назначении ямы, как горна для прокаливания глиняных сосудов, а, возможно, и кирпичей. На глубине 95 см встречен незначительный слой угля, челюсть лошади, ребро и зубы лошади. Здесь же черепки тонкостенной красной и коричневой керамики, в т.ч. крупный фрагмент венчика корчаги с сильно

отогнутым профилированным краем и резным волнистым орнаментом, а также стенки сосудов с полосками лощения. Есть несколько фрагментов лепной керамики. Это материал заполнения разрушенной ямы. Поверхность дна, округлого по форме, прямая, неровная; какой-либо выкладки не отмечено, есть лишь несколько лежащих плашмя кирпичей со следами обожженности, а также керамика, битый кирпич. Внутренняя кирпичная облицовка у дна состоит уже не из целых кирпичей, а из крупных обломков, выложенных без особого порядка. По предположению М.Р. Полесских, камера была разрушена еще до того, как оказалась заваленной наносной землей с содержащимися в ней культурными остатками, поскольку не обнаруживается даже следов от таких элементов устройства, как топочное и обжигательное отделения *(Полесских, 1970, с.36-39)*.

В этом году М.Р. Полесских открыл и начал исследования Степановского могильника, расположенного на высоком бугре, ограниченном с севера ручьем, с запада жилыми строениями с. Степановки (Пензенский р-н). Бугор перерезан автотрассой Москва-Куйбышев, разрушившей, по-видимому, основную часть могильника. Обнаруженные погребения оказались на восточной стороне проезда почти на поверхности, будучи по счастливой случайности не потревожены или почти не потревожены ножом автодорожной землеройной машины *(Полесских, 1970, с.40)*.

В отчете 1970 г. М.Р. Полесских не дается развернутой культурно-хронологической оценки данного памятника. Она была проделана им несколько позже и опубликована в сборнике «Материалы по археологии и этнографии Мордовии» (1974), где говорится, что раскопанные пять погребений Степановского могильника дали весьма характерный и однородный материал. Ритуал погребений ничем не отличается от ритуала Селикса-Трофимовского могильника. Одинаков с Селикса-Трофимовским и вещевой материал. Особо интересны по разнообразию и характерности украшений два женских погребения — 4 и 5. Во втором погребении оказались две височные подвески: одна селиксенского типа с бипирамидальным грузиком, другая лопастная, окского типа. Всюду обилие золоченого, голубого и красного звеньевого бисера, отдельных красных пастовых бус разной формы и величины, бус стеклянных синих и голубых гороховидных и чечевицеобразных; есть рифленая синяя бусина, обломки двух римских провинциальных фибул, оригинальное украшение в виде прямоугольной пластинки с двумя плоскими спиральками с одного края *(Полесских, 19746, с.17-18)*.

В погребении 5 был обнаружен своеобразный тайничок, сбоку, в особой ямке, содержавший огромное число разнообразных бус, разные

мелкие украшения из бронзы; все было покрыто круглой пластинчатой бляхой с крестовидной накладкой. В том и другом погребении оказалось по паре пластинчатых браслетов, орнаментированных насечками в елочку. Оригинальна керамика (погр. 4). Венчики имеют орнаментированный густыми насечками налепной валик, площадка тоже покрыта насечками. Близка к армиевской глиняной посуде керамика из погр. 5 с резко отогнутым прямым краем. Остальные вещи, в т. ч. бляшки полусферные, кисти из спиралек и плоских обоймиц, бляхи выпуклые камского типа, гривны — круглая в сечении и с напущенными бусами, звездчатые и иные подвески, кольцевые застежки и др. не отличаются от соответствующих вещей из Селикса-Трофимовского могильника. Однако присутствие здесь набора лунниц (погр. 5), пластинчатые браслеты, керамика, височные подвески с гранчатым грузиком заставляют думать, что Степановский могильник больше относится к пятому, нежели к четвертому веку *(Полесских, 1974б, с.18)*.

В 1,8 км к югу от с. Степановки и от Степановского могильника было открыто Степановское селище, расположенное близ левого берега оврага на пахотном поле, покатом в сторону оврага. На довольно значительном пространстве поля рассеяна керамика. Собран небольшой подъемный материал — керамика. Черепки происходят от лепных гладкостенных сосудов бурого и коричневатого цвета довольно грубой выделки. В примеси — песок, шамот. Это горшки с прямым, иногда отогнутым краем, имеющем относительно прямую площадку. Край дна нередко выступает, будучи отмят пальцами, следы которых заметны. Есть черепки с приостренным отогнутым краем. Встречены ручка от льячки, осколок точильного бруска. М. Р. Полесских было отмечено, что облик этой керамики напоминает керамику армиевского времени, следовательно, селище могло принадлежать людям, оставившим Степановский могильник на поздней поре его существования. Вместе с тем, во многих случаях в керамике проявляются черты более позднего, послеармиевского времени *(Полесских, 1970, с.44-45)*.

В зоне будущего затопления, от с. Засечного до устья р. Узы по левому берегу р. Суры и частично по правому (лесистому), была проведена глубокая археологическая разведка, в результате которой открыто Алферовское селище, которое, судя по массовому керамическому материалу, относится к ранней поре срубной культуры. Селище расположено в полукилометре к востоку от с. Алферовки Пензенского р-на, на первой надпойменной террасе левого берега реки Суры в зоне затопления Сурского водохранилища. Пологая площадка селища обращена своим мысом к СЗ. Со стороны древней поймы Суры (ныне надпойменная терраса) площадка окаймлена порослью молодого леса. Ее вы-

сота над этой террасой на 3-3,2 м. Юго-западную сторону мысовидной площадки огибает ручей, сильно заболоченный. Площадка довольно хорошо задернована, не тронута пахотой и не испорчена закопушками. На поселении было заложено три шурфа *(Полесских, 1970, с.45).*

Иных памятников при обследовании зоны затопления обнаружено не было. В ходе разведки были осмотрены поселения эпохи бронзы и раннего железного века у с. Усть -Уза (левый берег р. Узы), известные по работам прежних лет, и местонахождение эпохи бронзы у с. Колдаис, открытое П.С.Рыковым. Было установлено, что Колдаисское поселение полностью и бесследно разрушено *(Полесских, 1970, с. 48).*

Полевой сезон **1971** г. начался в мае с исследования Бессоновской стоянки, информация о котором была дополнительно включена в отчет 1970 г. и была опубликована в сборнике «Археологические открытия 1970 года». Причем в сборнике говорится, что открыта большая группа дюнообразных возвышений с котловинами выдувов, с которых собран обильный подъемный материал, прослежены остатки культурного слоя. Разнообразная по орнаменту керамика, а также богатый ассортимент кремневых орудий позволяют отнести стоянки к памятникам волго-камской неолитической культуры, возможно в пензенском локальном варианте *(Полесских, 19716).* В добавление к отчету указано, что «особых прибавлений в этом году не было, не проводились шурфовки или зачистки культурного слоя. Собран небольшой подъемный материал... с дюны у коровника и с полностью разрушенного возвышения №1» *(Полесских, 1970, с. 49).*

В 1971 г. М.Р. Полесских были завершены раскопки Екатериновского городища (вскрыто 716 кв.м). Площадка городища была раскопана практически полностью, только на восточной оконечности мыса, по кромке северного склона был оставлен небольшой нераскопанный участок для возможного будущего доисследования этого памятника *(Полесских, 1971, с.47).* Итоги раскопок этого городища были подведены М.Р. Полесских позднее в его книге «Древнее население Верхнего Посурья и Примокшанья» (1977), где говорится, что Екатериновское городище относится к раннему железному веку, но это место было и раньше обитаемо, на нем жили люди поздней бронзы. Сыпучая песчаная почва не сохранила порядка в хронологических наслоениях. Зато многое рассказало богатое собрание керамики. Значительная ее часть была определена А^. Халиковым как чирковско-сейминская. Черепки-венчики имеют то плоско скошенный, то приостренный и прямой или изогнутый край. Примесями к глиняному тесту служили мелкий песок и толченые черепки (шамот). Поверхности сосудов были хорошо заглажены и часто украшались затейливыми узорами. Это композиции

мелкогребенчатого штампа и углублений разных форм; иногда на черепках фигурируют насечки рядами или крестиками, фигурные углубления; есть отпечатки тонкого шнура и т. д. *(Полесских, 1977б, с.24).*

Земляные валы — характерная деталь устройства — здесь сохранились в виде останцев. В разрезе восточного вала прослеживается два культурных напластования: нижний — древний и верхний — городецкий. На вскрытой площади в 1200 квадратных метров был обнаружен обильный археологический материал, в том числе керамика, рыболовные грузила и пряслица, кости животных, железные шлаки, кострища, остатки летнего жилища. Самые интересные массовые находки — керамика, украшенная отпечатками, как бы воспроизводящими следы сетки, рогожи; они получались при помощи особого клеточного штампа, или как отпечаток грубой ткани и коры дерева. Есть черепки со следами мелких ямок; немало черепков и от гладкостенных сосудов. Процентное соотношение городецкой керамики таково: «рогожная» керамика — 58,2%, сетчатая — 15,9%, гладкостенная — 25,2%. Очень характерны Т-образные профили некоторых венчиков. Встретилась в раскопе стеклянная бусина, поступившая сюда откуда-то с юга. На ней орнамент — черно-белые глазки по голубому полю. Подобные бусины относятся исследователями к V—III векам до н. э. Вот это и есть наиболее подходящая дата существования Екатериновского городища. Из других находок надо упомянуть о множестве грузиков из обожженной глины. Характерны грузики блоковидной формы, некоторые из них орнаментированы. Считается, что они служили подвесками к нитям примитивного ткацкого станка. Есть пряслица, глиняная бусина, железные шлаки, осколки мелких железных вещей, точильные бруски *(Полесских, 1977б, с.27-28).*

Особенное внимание в этом году М.Р. Полесских было уделено исследованиям памятников Шемышейского района, особенно тем, которые были расположены в прирусловой части рек Уза и Сура, и попадали в зону затопления Сурского водохранилища. В окрестностях Шемышейки, а именно на южной окраине села в поселке Чиндяссы были проведены раскопки Шемышейского могильника, в ходе которых было вскрыто 16 погребений (№3-18). Памятник располагается на первой надпойменной террасе левого берега р. Уза (левый приток р. Сура) и в значительной степени занят жилыми постройками с. Шемышейка. В краткой публикации, посвященной результатам раскопок, исследователь отметил, что с учетом работ 1958 г. «здесь вскрыто 19 погребений, в том числе 5 мужских, 8 женских, 1 детское, 5 неопределенных». М.Р. Полесских продатировал Шемышейский могильник II-IV вв. и отнес его к селиксенскому типу *(Полесских, 1974б, с.* 73).

Были также продолжены раскопки Армиевского курганно-грунтового могильника, который М. Р. Полесских по-прежнему принимал за селище. В этом году был раскопан курган № 17. Насыпь имела довольно правильную полусферическую форму, в центре насыпи находилась кладоискательская яма размером 1,8 х 1,2, глубиной около 1 метра. При раскопках были оставлены две центральные бровки. Вскрытие производилось по слоям и квадратам 2 х 2 м. В насыпи кургана были обнаружены остатки обгорелого дерева, зольные пятна, угольки, кости животных, фрагменты керамики и железный наконечник стрелы. М. Р. Полесских был сделан вывод, что раскопанная насыпь первоначально являлась небольшим возвышением и, вероятно, была связана с ритуальными действиями населения мордовского поселка конца I тыс. н.э. С этими действиями, видимо, связаны остатки поперечно обрубленного действия, плоский, возможно, жертвенный камень с пережженной поверхностью. Впоследствии на этом месте раскинулось поселение нашего времени *(Полесских, 1971, с.72)*

С целью выяснения вопроса о распространении культурного слоя за пределами курганов М.Р. Полесских была заложена траншея шириной 1 м и длиной 23 м, между насыпями курганов №3 и 8. В траншее была собрана керамика, продатированная М.Р. Полесских VIII-IX вв. Подобная керамика была собрана еще с ряда соседних селищ, планы и описания которых не вошли в отчет *(Полесских, 1971, с.73)*.

В Шемышейском р-не были проведены разведочные исследования в бассейне р. Узы в предполагаемой зоне затопления Сурского водохранилища. На 1-ом Усть -Узинском селище была произведена зачистка берега. На глубине 67 см встречен черепок лепного сосуда, похожего на керамику эпохи бронзы, на глубине около 1 м встречен еще черепок лепного толстостенного сосуда эпохи бронзы с примесью в тесте толченой раковины. На примыкающей к обрыву части поля рассеяна керамика. Из 75 собранных черепков 63 принадлежали эпохе бронзы, вероятно, срубной культуре *(Полесских, 1971, с.76)*. Раскоп № 1 площадью около 22 кв. м был заложен на целинной части местонахождения, примыкающей к бровке террасы. В 8 м южнее на ровной площадке был заложен раскоп №2 (площадь 104 кв.м). Полученные при раскопках материалы позволили М. Р. Полесских сделать вывод о том, что основная масса керамики относится к концу I тыс. н.э. В верхнем слое встречается и более поздняя керамика. Срубные материалы поселения незначительны *(Полесских, 1971, с.84)*

В 150 м к северу (к устью р. Узы) от селища Усть -Уза 2 было обследовано поселение Усть-Уза 1а. Оно расположено на речной террасе и занимает довольно широкую целинную полосу, прилегающую к бров-

ке террасы с одной стороны и к полю с другой. На ближней к целине части собран редкий подъемный материал. Это фрагменты керамики от лепных сосудов грубой работы, гладкостенные розовато-коричневатого цвета. В примеси толченая раковина, шамот (?). Предположительно керамика была отнесена М.Р. Полесских к поздней бронзе *(Полесских, 1971, с.85).*

На середине ровной площадки была заложена траншея 8 х 1 м. Немногочисленные находки представлены гладкостенной керамикой бурого цвета, датирующейся концом I тыс. н.э. *(Полесских, 1971, с.85-86).*

В 0,5 км к югу от селища Усть-Уза 1 обследовано местонахождение Усть -Уза (могильник и селище), расположенное на 1-ой надлуговой террасе левого берега р. Узы. Селище занимает поверхность целины и прилегающую к ней часть пашни. На пашне собран подъемный материал — керамика и железный предмет неопределенного назначения (пластинка с отверстиями). Керамика поздняя, не считая 2-3 фрагментов, предположительно относящихся к эпохе бронзы. Эта керамика происходит от сосудов, выделанных на гончарном круге, и включает черепки красного цвета с полосками лощения. Лепная керамика немногочисленна. Единична находка фрагмента абашевской культуры. В обрыве обнаружен обломок человеческого черепа и развал позднего гончарного сосуда, которые связаны с могильником XVIII века *(Полесских, 1971, с.88).*

У западной окраины поселка Чиндяссы (окраина Шемышейки) М. Р. Полесских были выявлены следы селища, расположенного на второй надпойменной изрезанной овражками террасе левого берега р. Узы. Терраса прорезается сухим оврагом шириной 35-45 м, глубиной 3,5-4 м. На склоне встречен подъемный материал: черепки посуды толстостенных лепных сосудов эпохи бронзы *(Полесских, 1971, с.89).*

В 300-350 м западнее селища Чиндяссы 1 открыто Второе Чиндясское селище, расположенное на 2-ой надпойменной террасе левого берега р. Узы. На одном из овражков террасы в обнажении осыпи М.Р. Полесских была собрана керамика позднего средневековья, гончарная, с полосками лощения, желтоватая и красная *(Полесских, 1971, с.89).*

В местности Сырень Каяма у с. Старая Яксарка был заложен раскоп на дюнной стоянке (вскрыто 124 кв.м). Стоянка расположена в пойме р. Суры, на расстоянии 0,5-0,8 км от реки. Тонкий культурный слой, толщиной 1-3 см, сохранился только на отметке около 3 м. Ниже этой отметки - переотложенный слой с фрагментами керамики, выше — наносы песка. Только в юго-восточном конце дюны культурный слой достигает полуметра. Но он погребен наносами песка толщиной до 2,5 м. Отсутствие у дюн правильной геометрической формы побудило М.Р.

Полесских расположить квадраты раскопа по следам выходов культурного слоя в откосах дюны по дуге. Найденная на селище керамика делится на две группы. Первая представлена лепными гладкостенными горшками со слегка отогнутым краем и характерной чертой по шейке (с «отчеркнутым краем»). По аналогии с многочисленными памятниками на территории местного края и соседних областей, подобная керамика была отнесена М.Р. Полесских к древностям «лядинского типа» конца I тыс. — начала II тыс. н. э. Вторая группа керамики — это лепные гладкостенные сосуды, имеющие крутые бока, выраженную шейку и отогнутый край. Единичными экземплярами представлены фрагменты эпохи бронзы *(Полесских, 1971, с.94).*

В Лунинском районе у с. Кутля М.Р. Полесских были осмотрены песчаные дюны, известные по исследованиям М.В. Воеводского. Было установлено, что в настоящее время данные памятники полностью разрушены *(Полесских, 1971, с.94).*

В **1972** г. в зоне затопления Сурского водохранилища М.Р. Полесских проводил исследования в составе отряда Сурской экспедиции Института археологии АН СССР. Под его руководством было раскопано Алферьевское поселение на площади 1364 кв.м. Площадка селища — часть надлуговой террасы, выступающая в виде узкого и длинного мыса вдоль левого берега р. Суры. С речной стороны площадка имеет крутой склон высотой 3,5 м, с противоположной ограничена по всей длине древней промоиной, ныне луговиной. Слой с находками залегает тотчас под дерновым покровом до глубины 35-40 см. Материалы поселения в своей основной части были отнесены М. Р. Полесских к срубной культуре развитой и отчасти поздней поры. Кроме того, им были выделены керамические комплексы абашевской и поздняковской культур, а также культуры раннего железного века в ее начальном варианте. Из общего числа первобытной керамики на долю срубной приходится 91,3%, поздняковской — 5,3%, абашевской — 0,4%, раннего железного века — 3%. Стратиграфически разнородная керамика не разделяется, верхний пласт содержит 90% керамики, второй и начало третьего — 10%. Вместе со срубной керамикой найдено много пестов-терочников, массивная мотыга или молот из кварцита. Оригинален пест — это использованный топор с незавершенной обработкой (сверлины) и, очевидно, обломанным лезвием. К данному же комплексу относятся обломки литейных формочек, льячек,

Кроме раскопок Алферьевского поселения в зоне затопления Сурского водохранилища был обследован бугор Казеевский, расположенный на левом берегу р. Суры в древней пойме в 2,5 км от реки, в 0,5 км к С от дер. Казеевка. Это древние аллювиальные отложения реки,

сложенные из песка, супеси и мелкого камня. Высота бугра от уровня пойменной террасы — ок. 2,5 м. По рассказу жителя Т.К. Блинова, в былые годы на песках находили разные бронзовые вещи. Ныне поверхность обезображена тракторами, всюду хлам и мусор. На поселении заложен разведывательный шурф 1 х 1 м. Поселение датируется эпохой позднего средневековья *(Полесских, 1972, с.88).*

В этом же году были продолжены исследования Степановского могильника. Раскоп был заложен в непосредственной близости от погребения №5 выше по склону, где почва меньше срезана грейдерными работами по шоссе Москва-Куйбышев. Было вскрыто 4 погребения (№6-9). Все погребения женские, ориентированные по линии СВ-ЮЗ, среди находок бронзовые украшения и глиняная посуда *(Полесских, 1972, с.84-87).*

В Городищенском районе М.Р. Полесских было обследовано Садовское дюнное поселение. Памятник располагается на двух смежных местах: на песчаных всхолмлениях у старицы р. Суры и на левом берегу р. Суры и прилегающих развеянных дюнах. Второе место полностью уничтожено береговыми осыпями и лесопосадкой. На первом месте еще сохранились: остатки утрамбованных площадок с темным углистым заполнением, здесь встречается керамика и другие находки, подразделяющиеся на два комплекса: керамика позднего бронзового века и вещи позднего средневековья (керамика, пряслица, железные и костяные изделия, оригинальные бляшки и подвеска) *(Полесских, 1972, с.89).*

В **1973** г. М.Р. Полесских были предприняты раскопки Алферьевского могильника. Памятник располагался на мысовидном выступе надпойменной террасы р. Сура недалеко от впадения в нее безымянной речки на территории современного с. Алферьевка Пензенского района. Основная площадь могильника занята школьной усадьбой. В одной из разведочных траншей, разбитых по направлению З-В вдоль забора усадьбы размером 35 х 3 м, были обнаружены 5 погребений, в том числе 1 женское, 2 мужских и 2 неопределенных. Вскрытые погребения были сосредоточены в западной части траншеи и, по-видимому, входили в два параллельных ряда, вытянутых по линии С-Ю. Все погребения — индивидуальные, совершены по обряду трупоположения вытянуто на спине. Хорошая сохранность костяков позволила точно установить ориентировку погребенных — головой на ВЮВ. Памятник был отнесен М.Р. Полесских к могильникам селиксенско-трофимовского типа *(Полесских, 1973, с.5).*

Одно погребение (№11) было вскрыто на Степановском могильнике. Оно было обнаружено на склоне грейдерных работ автотрассы Москва-Куйбышев. В погребении были собраны: две бронзовых пряжки,

обломок железного неопределенного предмета, развал сосуда. Погребение предположительно мужское, совершенное по обряду вторичного перезахоронения *(Полесских, 1973, с.*7).

В Лунинском р-не было обследовано Чертеимское городище, известное по «Материалам к археологической карте Пензенской области» Н.И. Спрыгиной. Городище находится в юго-восточной части Лунинского района в лесных окрестностях с. Чертеим, в 4-5 км к ЮВ от села. Памятник расположен на мысу, образованном двумя ручьями, впадающими в р. Осна. Площадка городища перегорожена двумя поперечными почти прямыми валами и четырьмя рвами, пролегающим по обе стороны валов. На городище заложено пять небольших шурфов. Среди найденной здесь керамики два куска шлакированных черепков, мелкие стенки с шероховатой поверхностью, небольшой венчик тонкостенного сосуда Т-образной формы, фрагменты стенок с «рогожным» орнаментом. Найден фрагмент миниатюрного сосудика, возможно, часть льячки. На глубине около 25-30 м, в верхней части подстилающей породы встречена плита-зернотерка, имевшая продолговатую форму длиной 24 см и одну стертую, слегка вогнутую поверхность. Она изготовлена из серого песчаника *(Полесских, 1973, с.7-10).*

В Городищенском районе М.Р. Полесских была открыта Кададинская стоянка, расположенная на правобережном выступе надпойменной террасы р. Кадада в 1,5 км к северу от с. Нижняя Елюзань. Подъемный материал представлен фрагментами керамики с примесью песка, украшенными мелко- и крупногребенчатым штампом. Также найдены наконечники стрел и копья: наконечник листовидной формы, изготовленный из ножевидной пластинки с односторонней подправкой, наконечник ромбической формы, двустороннеретушированный, обломок наконечника копья из кварцита, кремневые и кварцитовые отщепы. «Воротничковый» венчик предположительно был отнесен М.Р. Полесских к поздняковской культуре, остальная керамика и кремневые вещи к более раннему периоду *(Полесских, 1973, с.12)*[6].

В этом году М. Р. Полесских были закончены многолетние разведочные исследования поселений у пос. Бессоновка и подведены их итоги. Исследования показали, что по обоим берегам р. Вяди (правого притока р. Суры) расположена группа дюнных образований, сложенных из намывных песков, разрушаемых ветровой эрозией, кроме того, часть дюн подвержена многолетней распашке. На других дюнах заметны обширные котловины выдувов с рассеянным археологическим материалом. Для археологических раскопок сохранилось лишь одно место - дюна №4. где имеется культурный слой с поздненеоли-

[6] На наш взгляд, «воротничковый» венчик относится к кругу памятников мариупольской культурно-исторической области.

тической керамикой. Дюна №1, ранее представлявшая собой сложный археологический памятник, в результате давней распашки полностью разрушена. Но каждая новая вспашка выдает некоторое количество находок, иногда уникальных. Аналогичное положение на дюнах-выдувах у коровника, которые полностью развеяны, а сейчас еще разрушаются и при выпасе коров. Сборы с выдувов у коровника дали прекрасную коллекцию керамики и кремневых изделий волго-камской неолитической культуры *(Полесских, 1973, с.13).*

На дюне № 1 выявлены следы той же неолитической культуры, а также образцы ямочно-гребенчатой керамики. Большой интерес представляет небольшая коллекция керамики эпохи бронзы, особенно керамика абашевской и приказанской культуры (определенной А.Х. Халиковым). Интересны также изделия из бронзы и кремня, собранные в прежние годы. Наконец, на этой дюне многочисленны находки эпохи средневековья: гончарная керамика, железные изделия, части жерновов, точильные камни и другие остатки поселения буртасов *(Полесских, 1973, с.14).*

В **1974** г. М.Р. Полесских были возобновлены раскопки Ахунского городища, открытого им в 1958 г. Во вступлении к отчету о раскопках городища М. Р. Полесских говорится, что с его согласия на данном памятнике проводила раскопки В.А. Калмыкова, которой получен интересный материал, не нашедший, однако, правильной интерпретации. Основная ошибка заключается в неумении расчленить «городецкую» керамику на два комплекса: второй и третий, вследствие чего датировка памятника повисла в воздухе. Неправильно В. А. Калмыковой была определена и культурная принадлежность первого комплекса находок эпохи бронзы, ничего общего не имеющего с поздняковской культурой *(Полесских, 1974, с.1).*

М.Р. Полесских было начато составление нового топографического плана городища, т.к. старый план уже не отвечал нужным требованиям. Для начала возобновления работ выбраны два участка: один вблизи мысовой части городища (раскопы №1 и 3), другой на внутренней площадке, у подножья первого вала (раскоп №2). Полученные при раскопках материалы подразделяются на три разновременных керамических комплекса. Основной из них, связанный с мощной системой земляных укреплений, городецкий. Он характеризуется находками сетчатой, бороздчатой, рогожной и гладкой с дресвой в тесте керамики, грузиками блоковидной формы. Эти находки датируют городище последними веками до нашей эры. Керамике эпохи бронзы присуща пышная орнаментация из сочетаний оттисков штампа и углублений разной формы. Это керамика редкой для местного края

чирковско-сейминской культуры, впервые обнаруженной на городецком Екатериновском городище. Третий комплекс (более 80% всей найденной керамики) относится к мордовскому поселению середины I тысячелетия н. э. и несколько более позднего времени. Сосуды гладкостенные, часто остроребернные, край отогнут, иногда как бы отчеркнут. Также изучалась система оборонительных сооружений городища *(Полесских, 19756, с.177*).

В 4 км к юго-западу от 1-го Ахунского городища было открыто Второе Ахунское городище, имеющее слабые укрепления и небольшую площадь обитания. Его укрепления занимают приовражный мыс и состоят из прямого поперечного вала и рва, отстоящих от мыса в 35 м. Вал невыразителен. Его длина около 40 м, ширина 2,5-3 м, высота 0,3-0,35 м. Ширина рва 1-1,4 м, глубина 0,28-0,3 м. В культурном слое встречены фрагменты керамики с невыразительным сетчатым орнаментом. В предварительном плане городище было отнесено к кругу памятников городецкой культуры. Было сделано предположение, что, возможно, данное городище не было полностью достроено и мало использовалось в свое время. Ахунское городище №2, отстоящее от 1-го Ахунского городища в 4 км к юго-западу, по-видимому, являлось своеобразным спутником этого основного укрепленного поселения *(Полесских, 1974, с.10-11).*

Небольшие разведочные исследования были проведены М.Р. Полесских в Городищенском районе на р. Кадада, где было открыто два поселения в окрестностях с. Иванисовка. Первое поселение расположено на возвышениях правого берега р. Кадады, левого притока Суры, в 1,5 км к югу от села в широкой древней, ныне сухой пойме. Подъемный материал представлен скоплениями керамики, которая делится на две группы — эпохи бронзы и раннего железа. К первой относятся венчики сосудов баночной формы с гладкой поверхностью с примесью мелкого песка. Орнамент состоит из крупнозубчатого штампа, густых рядов продолговатых вдавлений, прочерченных линий, рядов мелких углублений, выпуклин и т.д. Ко второй группе относятся черепки с бороздчатым штриховым «рогожным» орнаментом и гладкие черепки с примесью дресвы. В эту же группу входит фрагмент рыболовного грузила и фрагмент зернотерочной плиты. Культурный слой находками насыщен слабо *(Полесских, 1974, с.12-13).*

2-ое Иванисовское местонахождение находится на левом берегу реки Кадады, в 300 м к северо-востоку от с. Иванисовка и приблизительно в 1,5 км к СЗ от 1-го Иванисовокого поселения на террасе, возвышающейся на 1-1,5 м над луговой поймой. Почва — сильно задернованная супесь. В местах обнажений собран редкий подъемный материал,

представленной керамикой с примесью песка и шамота, украшенной крупнозубчатым штампом и рядами продолговатых вдавлений. Есть фрагменты с бороздчатой поверхностью. Найдено кварцитовое орудие неопределенного назначения, скребло из кварцита, два точильных бруса. Керамика во многом сходна с керамикой 1-го Иванисовского поселения *(Полесских, 1974, с.12-13)*.

Еще одно поселение было выявлено М.Р. Полесских у с. Поляшщино, на первой надпойменной террасе правого берега р. Кадада, в 1,5-2 км выше по его течению от поселения Иванисовка 1 и напротив деревни Поляшщино. Поселение занимает небольшие песчаные бугры, находящиеся от реки на расстоянии 200 м, с незначительными выдувами, на которых встречены находки. Это грубая лепная керамика со штрихами выглаживания, в одном случае с оттиском «гусеничного» штампа, наконечники стрел довольно искусной обработки из светлого кварцита, кварцитовые отщепы, скобель кремневый. Поселение было отнесено М.Р. Полесских к эпохе бронзы *(Полесских, 1974, с.12-13)*.

В устье р. Кадада было открыто Второе Чаадаевское местонахождение. Оно расположено на левом берегу Кадады в 2 км к северу от с. Чаадаевка, между излучиной реки и туберкулезным санаторием, на низкой береговой террасе, на невысоких песчаных буграх, практически разрушенных и истоптанных стадами домашнего скота. Собрана керамика эпохи бронзы со штриховой зачисткой, невыразительные кремневые отщепы, пест терочник. Поселение относится к эпохе бронзы *(Полесских, 1974, с.14-15*).

В Городищенском р-не М.Р. Полесских также было обследовано Вышелейское городище «Городок», упоминания о котором имелись в старинных источниках. Городище находится в лесных окрестностях с. Вышелей в 6 км к западу от села. Оно занимает остроугольный приовражный мыс, образованный двумя глубокими (до 30 м) оврагами. Мысовая зона ограничена от напольной полукружным земляным валом высотой 3 м и внешним рвом глубиной 3 м, что создает внушительное укрепление внутренней площади городища. По периметру внутренней зоны тянется огибающий вал высотой около 1 м, и внутренний неглубокий ров. Напольная, вторая, зона отделяется от внешней стороны валом, имеющим длину 90 м и высоту 1 м. С внешней стороны этого вала пролегает неглубокий ров. Никаких признаков культурного слоя или находок обнаружить на городище не удалось. Вышелейское городище было предположительно отнесено М.Р. Полесских к городецкой культуре *(Полесских, 1974, с.14-15*).

В Нижнеломовском р-не М.Р. Полесских было осмотрено Ново-Нявкинское селище, где была собрана небольшая коллекция лепной

керамики. Среди нее представляет интерес гладкостенный венчик со следами заглаживания. Прямой край венчика резко отогнут, так что внутри сосуда получилось ребро. М.Р. Полесских было сделано предположение, что, возможно, это не срубная керамика, ранее выявленная на этом поселении, а какая-то другая. Кроме того, найден фрагмент, на внешней поверхности которого слабо проступает рогожный орнамент *(Полесских, 1974, с.16-17*).

С целью проверки сохранности М.Р. Полесских было осмотрено Юловское городище, по территории которого строительной организацией была проложена большая траншея глубиной 2 м и шириной 1 м. На ее северо-восточной стенке были зафиксированы остатки врезанной в грунт гончарной печи в хорошей сохранности. Гончарная печь, очевидно, имела относительно простую конструкцию цилиндрической формы. При этом уничтоженным оказалось отверстие для загрузки топки топливом. Судя по оставшейся части, основу горна составляла топка котловидной формы. Ее размеры — 110-120 см в диаметре, высота 65-70 см. Дно топки подстилалось слоем камней округлой формы. Топка сверху закрыта кирпичным сводом, состоящим из кирпичиков квадратной формы. Они сильно прокалены, с нижней стороны дочерна, имеют правильные грани и одинаковые размеры. Свод выведен весьма искусно, так, что в поперечном разрезе верхняя плоскость образует лестничное строение. Всего в оставшейся части свода оказалось около 40 кирпичей и несколько половинок. Сохранились четырех продуха (отверстия для выхода горячего воздуха) размерами 5 х 8 см. Они, несомненно, были по всей окружности свода. Возможно, было и центральное отверстие в своде. Образованная сводом верхняя площадка в условном диаметре 150 см явилась подом, местом загрузки глиняных изделий, предназначенных для прокаливания. Толщина его 10 см. Целых сосудов нет, зато много черепков красной и коричневой гончарной посуды, лежавших иногда стопками по пониженному краю свода. Стопки керамики лежали на заплечиках топочной камеры, для опоры кирпичного свода *(Полесских, 1974, с.19-20).*

В **1975** г. М.Р. Полесских были продолжены раскопки 2-го Ахунского городища, расположенного в окрестностях г. Пензы, на левом берегу р. Суры. Был произведен разрез вала траншеей шириной 1 м. Вал состоял из темного поддернового песка, более или менее окрашенного гумусом. Толщина этого слоя увеличивается в центре вала, достигая 50-52 см, уменьшаясь к его краям до 10-12 см. Всюду этот слой подстилается слоем мелкозернистого желтого со светлыми линзами материкового песка. Подавляющая часть керамики раннего железного века залегала в верхнем слое (224 фрагмента из 262). Керамика эпохи

бронзы залегала в обоих слоях примерно в равном количестве (89 экз. в верхнем, 85 экз. в нижнем), но большинство фрагментов верхнего слоя залегало на контакте 1 и 2 пластов *(Полесских, 1975, с.11)*. Керамика эпохи бронзы, украшенная разнообразными штампованными узорами в верхней части сосудов была отнесена М.Р. Полесских к чирковско-сейминской культуре *(Полесских, 1976б)*.

Керамический комплекс раннего железного века был датирован М. Р. Полесских ранним периодом городецкой культуры, поскольку на городище преобладала сетчатая керамика, а «рогожная» посуда, судя по ее немногочисленности, только лишь входила в употребление *(Полесских, 1975, с.11)*.

Летом этого года учителем из г. Городища Пимановым было без открытого листа вскрыто одно погребение на Степановском могильнике, после чего М. Р. Полесских вынужден был выехать на место, чтобы запротоколировать результаты этих раскопок. Погребение было мужское (№11) и в нем, кроме обычных для этого могильника предметов — ножа, удил, глиняного сосуда, — находились фрагменты кольчуги и панциря из широких пластин на шарнирах. На пластинах сохранились серебряные заклепки.

Еще один подобный выезд М.Р. Полесских был вынужден сделать на 1-ое Ахунское городище. Это городище раскапывалось им в прошлом году, но на этот год открытый лист на его раскопки не был получен, несмотря на заявку. Несколько предыдущих сезонов его изучала В. А. Калмыкова, и, видимо, по ее просьбе М.Р. Полесских было отказано отделом полевых исследований в выдаче листа. В. А. Калмыкова это городище в 1975 г. не копала, зато раскопки были предприняты местными школьниками. М.Р. Полесских закончил начатый ими раскоп, зафиксировал стратиграфию и собрал небольшую коллекцию находок *(Полесских, 1975, с.17)*.

Помимо раскопок могильника в окрестностях с. Степановки М.Р. Полесских было открыто Третье Степановское селище, расположенное в 2 км к югу от села, на правом пологом берегу р. Степановка. Территория селища — пахотное поле, равномерно повышающееся к востоку, усеянное песчаниковым камнем и щебенкой. Селище пересекает глубокая промоина, идущая к ручью почти в перпендикулярном направлении. Обследование участка промоины показало, что под тонким дерновым покровом идет слой каменистой опоки толщиной 40-60 см, глубже наблюдаются выходы крупных блоков той же опоки вперемешку с глинистой почвой. М. Р. Полесских было сделано предположение, что, очевидно где-то поблизости залегают четвертичные глины, пригодные для гончарного производства, поскольку на селищах подобного

типа повторяется закономерность: каменистое поле — селище с красной гончарной керамикой. Так было, например, на Садовском и других селищах, где прослежена высококачественная гончарная глина *(Полесских, 1975, с.12)*.

Дополнительные исследования были проведены на Чаадаевском поселении у туберкулезного санатория, открытом в прошлом сезоне. По обрыву берега р. Суры было заложено три зачистки. В культурном слое встречены угольки, осколки костей животных, кремневые и кварцитовые отщепы и лепная керамика срубного типа. Сосуды имеют прямые или отогнутые края, иногда украшенные насечками. Орнаментация состоит из: штампованных оттисков парных рифленых линий, образующих зигзаг, мелкозубчатого штампа, крестовидных насечек, ямок различной формы. Примесь в тесте — песок, изредка ракушка. М.Р. Полесских было сделано предположение, что некоторые фрагменты с внутренним ребром, возможно, относятся к абашевской керамике. При этом было отмечено, что данные черепки залегали на границе с подстилающим материковым слоем (*Полесских, 1975, с.15*). Поблизости была зафиксирована яма, насыщенная осколками кремня и кварцита, что позволило исследователю выдвинуть предположение о нахождении поблизости мастерской для изготовления каменных орудий. Кроме отщепов в обрыве была найдена капля цветного металла — меди или бронзы *(Полесских, 1975, с.16)*.[1]

В **1976** г. М.Р. Полесских были продолжены раскопки Золотаревского городища, которые велись на свободной от разрушений мысовой части памятника, к северо-востоку от раскопов прошлых лет (вскрыто 248 кв.м). Как и при более ранних исследованиях, было выделено три комплекса находок: городецкий — с характерной текстильной керамикой и блоковидными грузиками; мордовский, близкий именьковской культуре (лепная керамика с защипами и ямками по венчику) и домонгольский, собственно «золотаревский» комплекс с коричневой и красной гончарной керамикой (кувшины, горшки, миски, корчаги с профилированным краем), связанный с буртасами позднего средневековья. Помимо зафиксированных ранее следов пожарища в разных местах раскопа встречены костные останки людей без признаков захоронения. Это убитые обитатели городища при штурме земляной крепости. Близость к дневной поверхности обусловила плохую сохранность костей, за исключением одного мужского черепа. Вместе с

[7] По всей вероятности, данное поселение содержало энеолитический комплекс материалов алтатинского типа, керамика которого была принята М.Р. Полесских за абашевскую. Подобное предположение подтверждается обилием найденных на поселении кварцитовых отщепов, которые для абашевских древностей не характерны (прим. автора).

костями найдены наконечники стрел, различные предметы из железа (ножи, ключи от замков болгарского типа, цепи для коновязи, долото, разные обоймы). Много костей домашних животных, особенно лошади и коровы, обугленных зерен злаков. У остатков одного черепа встречена железная гранчатая булава с отверстием. Интересны впервые найденные здесь глиняные слегка конические затычки от сопла металлургического горна — одно из свидетельств высокоразвитого ремесленного производства буртасов домонгольского времени. Впервые найдена и гончарная корчага, на днище которой оттиснуто рельефное клеймо в форме птичьей лапки *(Полесских, 1977б, с.175*).

Исследования также были продолжены на 2-ом Ахунском городище городецкой культуры. Раскоп площадью 72 кв. м был заложен здесь по краям раскопа прошлого года, к северу и югу от него. Кроме того, за валом на напольной стороне был заложен шурф 2 х 2 м. В шурфе найдено два фрагмента городецкой керамики, в основном раскопе помимо городецких материалов был выявлен новый комплекс находок — глиняная посуда мордвы VIII-IX вв. *(Полесских, 1977б, с.175*).

Кроме раскопок, М.Р. Полесских был сделан выезд на Чаадаевскую стоянку у тубсанатория, где в двух местах была выполнена зачистка речного обрыва и собрано несколько фрагментов гладкостенной керамики *(Полесских, 1976, с.27).*

В Наровчатском районе у с. Акимовщина М.Р. Полесских был зафиксирован мордовский могильник XIII века, часть которого была разрушена при строительстве плотины на речке, протекающей через село. С помощью местных сотрудников учреждений культпросвета удалось собрать некоторые вещи: железные топоры с цапфами, наконечники стрел с лопастным пером, ножи с притупленной спинкой, пряжки, булава с остатком гвоздя в отверстии, накосники-полукери, круглопроволочные браслеты, перстни с орнаментированным щитком, бронзовые и серебряные лопастные сюлгамы и др. *(Полесских, 1976, с.29).*

Кроме того, с помощью художника А. А. Красильникова в Белинском районе была зафиксирована стоянка у с. Чернышево. Стоянка была обнаружена художником при выезде на этюды. Она расположена на левом берегу р. Вороны в 500 м к СЗ от с. Чернышево, напротив речной излучины, на песчаных буграх и выдувах. Собранная здесь керамика подразделяется на три группы: 1) тонкостенные фрагменты с ямочно-гребенчатым орнаментом и примесью песка в тесте, 2) более толстостенные черепки, украшенные косыми линиями зубчатого штампа и рядами глубоких ямок с примесью песка и дресвы, 3) фрагмент сосуда с псевдорогожным орнаментом *(Полесских, 1976, с.27-28).*

В **1977** г. М. Р. Полесских были продолжены раскопки Золотаревского городища, где было вскрыто 260 кв.м. Работы велись по общепринятой методике, квадратами 2 х 2 м с оставлением бровок и их последующим съемом. Основной слой дал ярко выраженный домонгольский вещевой комплекс. Как в прошлые годы, в слое встретились останки незахороненных людей, главным образом черепа. Это обстоятельство, а также слой пожарища, присутствие типичных монгольских наконечников стрел (наряду с местными образцами) укрепил М. Р. Полесских во мнении, что причиной запустения поселения был его разгром, связанный с прохождением через сурско-мокшанские земли монголо-татар. Раскопками получен значительный археологический материал данного комплекса, но практически не было зафиксироано остатков жилья. По мнению М.Р. Полесских, это было связано с тем, что, во-первых, на мысовой части жилища или отсутствовали, или были недолговременными, и что, вероятно, постройки находились в третьей и особенно в четвертой зонах; во-вторых, жилища буртасов, подобно жилищам поздних булгар, очевидно, были наземными деревянными, сгоревшими при пожаре *(Полесских, 1977, с.2).*

Второй комплекс находок связан с жизнью на городище мордвы, с ее характерной лепной керамикой с отчеркнутым краем венчика, остроребернностью сосудов и яркими образцами женских украшений (височная подвеска, кольцевые застежки и др.). Этот комплекс уверенно датируется VIII-X вв. Третий и наиболее ранний комплекс — керамика городецкой культуры: сетчатая, псевдорогожная, гладкостенная. К сожалению, эти комплексы стратиграфически не расчленяются *(Полесских, 1977, с.1-2).*

В этом году был произведен разрез бокового восточного вала с целью выявления следов крепостных сооружений из дерева. Разрез шел от внутреннего подножия вала, высота которого в этом месте один метр. Ров выражен слабо, под толстым дерновым покровом начинается и уходит вглубь толща песка, слабо гумусированного в верхнем горизонте. Ширина разреза по глубине — 1 метр, ширина съема верхних пластов по гребню и склонам вала 3 метра *(Полесских, 1977, с.13).*

В южной части раскопа, рядом с валом, на глубине 45-50 см был найден череп хорошей сохранности, но без нижней челюсти. Череп лежал на левом виске лицом к северу. Рядом собраны осколки тазовых и трубчатых костей, два позвонка, фрагмент черепной крышки другого человека, много костей животных, обгорелые зерна, множество фрагментов гончарной керамики, пряслице, 4 наконечника стрел, обойма от ножен, овальное кресало, железная круглая пряжка, плетеный серебряный браслет. В этом же квадрате на глубине 1 метра был зафиксирован слой мелкого угля и череп невзрослого человека, лежавший теменем

вверх, также без нижней челюсти. Здесь же найдены: фрагмент берцовой кости (?), аморфные кости животных, серебряный плетеный браслет с незавершенными концами, две части железной фигурной пряжки, сломанная обойма от ножен, два железных (упряжных?) кольца, осколки железной крицы и железная дужка. М.Р. Полесских было сделано предположение, что данный череп не относится к захоронению, даже вторичному, и что, по-видимому, яма с черепом служила местом каких-то обрядовых действий *(Полесских, 1977, с.14-15).*

В этом же году были проведены разведочные раскопки Фелицатовского городища, расположенного в 1,5 км к северу от деревни Троицкое Пачелмского р-на, на горе, в лесу. Здесь на берегу р. Толковка идет гряда террасовидных возвышений, расчлененных глубокими оврагами. На одном мысовидном выступе расположено городище. Оборонительные сооружения построены соответственно конфигурации узкого мыса, имеющего округлое окончание. Мощные валы окружают по периметру мыс и делят его на две неравные части: возвышенную, свободную от лесных зарослей, и пониженную, сплошь заросшую мелколесьем. Валы имеют неглубокие проемы, в 1 зоне — шириной 20 м. Здесь высота валов достигает 6,5 м при ширине гребня до 5 к. Поперечный пояс прерывается серединным проемом шириной 5 м, глубиной 4 м и небольшим боковым глубиной 2 м. Поперечный вал крут и высок (до 5,5 м). Внешние признаки внутреннего рва незаметны, а внешние стороны валов почти сливаются со склонами оврагов. Похоже, что земля для насыпей бралась со всей внутренней площадки городища. По-другому устроена 2-я пониженная зона, вероятно, не одновременная первой. Круговой вал здесь ниже — до 3 м, прослеживается четкий внутренний ров, достигавший ширины 4 м, несомненно сильно заплывший (глубина теперь до 0,5 м). На валу 1-ой оборонительной зоны обнаружено много камней *(Полесских, 1977, с.30).*

Находки в слое: керамика, единичные железные вещи, редко кости, в том числе, зубы коровы, угольки. Керамика — гончарная и лепная. Стенки черепков гладкие, без ангобирования, орнаментации нет, если не считать единичных случаев резного линейного орнамента. По форме это горшки и миски. В целом керамика вполне идентична посуде с городищ и особенно селищ поздних буртас домонгольского и монгольского времени, она носит на себе как будто черты упадка. Гончарной керамики золотаревского облика мало. Лепная керамика имеет бурый, серый или коричневый цвет, форма сосудов баночная и горшковидная. Примесь в тесте — песок и шамот, орнамента нет. В целом данная керамика одновременна гончарной или имеет несколько более поздний облик и относится к позднесредневековой мордве. Датирующими на

городище являются железные вещи. Таковы: деформированный ключ от замка булгарского типа, кресало с загнутыми концами мордовского происхождения, плужный резец, который датируется по многочисленными аналогиям X^ веком *(Полесских, 1977, с.30-32).*

В **1978** г. М.Р. Полесских археологических исследований не проводилось, если не считать наблюдений за прокладкой траншеи по ул. Московской, где им были сняты подробные профили стенок. В 1979 г. М.Р. Полесских уходит на пенсию и уезжает на постоянное место жительство в Кострому, где он скончался в 1992 г.

Источники:

Полесских М.Р. 1950-1977. Отчеты об археологических исследованиях в Пензенской области.

Литература:

Полесских М.Р. 19656. Археологическое изучение Пензенской области с 1950 по 1963 г //Пензенский педагогический институт им. В.Г.Белинского. Ученые записки. Серия историческая. - Саратов. С. 94-104.

Полесских М.Р. 19706. Археологические памятники Пензенской области. Путеводитель //Труды Пензенского областного краеведческого музея. Вып. 7. — Пенза.

ПолесскихМ.Р. 1970в. Раскопки жилищ VIII-IX вв. // Археологические открытия 1969 года. М.

Полесских М.Р. 19726. Работы в зоне затопления сурского водохранилища // Археологические открытия 1971 года. М.

Полесских М.Р. 19746. Новые памятники древнейшей мордвы //Труды МНИЯЛИЭ. Саранск. Вып. 45. С.12-32.

Полесских М.Р. 1974в. Сурская экспедиция. // Археологические открытия 1973 года. М.

Полесских М.Р. 19756. Исследование городецких городищ // Археологические открытия 1974 года. М., С. 172.

Полесских М.Р. 19766. Раскопки в Пензенской области // Археологические открытия 1975 года. М., С. 196.

Полесских М.Р. 19776. Древнее население Верхнего Посурья и Примокшанья. — Пенза. 88 с.

ПолесскихМ.Р. 1977в. Раскопки Золотаревского городища // Археологические открытия 1976 года. М., С. 175.

Полесских М.Р. 1980. Алферьевское поселение эпохи бронзы //Краткие сообщения Института археологии. Вып. 161 - М., С. 67-69.

Ставицкий В.В. 2005. Бронзовый век Верхнего Посурья и Примокшанья. Пенза, 2005.

Хвощев А.Л. 1922. Очерки по истории Пензенского края. Пенза.

И.М. Бухтоярова (Воронеж)

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ДОНА В СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ (1920-1930-е гг.)

Особенно важным для изучения советской археологической науки представляется период 1920-1930-х годов, когда археология превращается в историческую дисциплину. В этот момент все археологические древности становятся, прежде всего, источником для воссоздания истории первобытнообщинного строя. В этот период стране было открыто более 200 памятников и были ликвидированы многочисленные белые пятна на карте палеолита СССР, открыты местонахождения более древние, чем мустьерские, обнаружены погребения и костные остатки ископаемых людей, как неандертальцев, так и так и позднепалеолитических *(Археология СССР, 1984, с. 13)*.

В начале 20-х годов полевые исследования палеолита развернулись на Дону под руководством виднейшего советского археолога - Петра Петровича Ефименко, вокруг которого чуть позже сложилась целая археологическая школа. Первые раскопки палеолитических поселений на территории Верхнего Дона были произведены ещё в 1922 году. По поручению Воронежского губернского музея хранитель его Сергей Николаевич Замятнин произвёл раскопки стоянки Борщево I *(Векилова, 1977, с. 208)*.

В 1923 году была организована специальная экспедиция в с. Костенки. П. П. Ефименко один из первых исследователей в археологической науке высказал идею о наличие искусственных жилищ у позднепалеолитических охотников. Несколько позднее данное предположение подтвердит его аспирант - С.Н. Замятнин, благодаря раскопкам в с. Гагарино. Именно им впервые в истории археологической науки в 1926 г. было открыто и изучено позднепалеолитическое жилище *(Бухтоярова, 2007, с.* 9). «Среди других результатов исследований в Гагарине, - писал Сергей Николаевич, - следует отметить открытие остатков сооружения из камней, по-видимому, основания шалаша или чума, впервые позволяющие составить некоторое суждение о характере жилища палеолитического человека...» *(Замятнин, 1929, с. 209)*. С.Н. Замятнину удалось проследить остатки долговременного жилища на стоянке открытого типа. Ранее были известны лишь жилые комплексы в пещерах или под скальными навесами. В результате данных археологических исследований П.П. Ефименко в согласии с С.Н. Замятниным пришел к выводу, что поздний палеолит был временем, когда появилась оседлость.

Таким образом, открытие в с. Гагарино направило археологов на поиски остатков жилых комплексов на других палеолитических стоян-

ках, расположенных на равнинной местности, а так же явилось важной вехой не только в исследовании палеолитических памятников Воронежского края, но и в изучении Европейского палеолита.

На Русской равнине Сергей Николаевич Замятнин обследовал многочисленные местонахождения четвертичной фауны с целью поисков палеолитических поселений. Так, в 1925 году им было открыто древнепалеолитическое местонахождение Шубное в Острогожском районе, Воронежской области *(Замятнин, 1952).* Изучение данного района произошло значительно позднее, в августе 1933 года, когда С.Н. Замятнин совместно с доцентом кафедры геологии Воронежского сельскохозяйственного института П. А. Никитиным и научным сотрудником Воронежского областного музея Д. Д. Леоновым подробно проанализировали находки с. Шубного. В результате проведенных исследований им удалось датировать обнаруженные орудия ашельским или раннемустьерским временем, что говорит о культурной древности остатков.

После исследования палеолита в Костенках и Борщеве в 1928 году появляется работа П.П. Ефименко «Некоторые итоги изучения палеолита СССР», в которой была предложена первая хронологическая схема древнего каменного века СССР, основывающаяся в значительной мере на изучении палеолита на Дону.

В начале 30-х гг. советские исследователи палеолита - П.П. Ефименко и его школа - выработали новую, передовую методику раскопок палеолитических поселений. Эта методика, не отрицая необходимости тщательного изучения стратиграфии, требует вместе с тем вскрывать широкую площадь, захватывающую все древнее стойбище или значительную его часть. Во время расчистки палеолитического культурного слоя более важные находки (кости, образовавшиеся на месте костров скопления золы и углей, скопления кремней, а иногда и отдельные кремневые орудия) оставляются на месте для выяснения их взаимной планировки. Новая методика была предложена П.П. Ефименко при раскопках Костенок I в 1931-1936 гг. *(Палеолит Костёнковско - Борщевского района на Дону, 1982, с. 12).* В результате применения такой методики раскопок наука о палеолите получила достаточно полное представление о типах орудий, о технике эпох палеолита, о природном окружении палеолитических людей, о геологическом возрасте разных памятников.

В связи с возникшей проблемой верхнепалеолитических постоянных жилищ советскими исследователями были поставлены и разрешены некоторые важные вопросы развития верхнепалеолитической техники. Так, было установлено существование в верхнем палеолите костяных мотыг, несомненно, использующихся для выкапывания зем-

лянок (Костенки I, Пушкари I, Борщево II, Елисеевичи и другие поселения), а так же крупных кремневых рубящих орудий типа топоров (Костенки I) *(Борисковский, 1996, с.16).* Они тоже, вероятно, употреблялись при сооружении постоянных жилищ.

Многолетние работы Деснинской, Костенковской, Борщевской и других экспедиций дали важные научные результаты. Так, например, на Дону, у Воронежа, на протяжении 30 км вдоль реки было обнаружено не менее 20 палеолитических поселений различного времени и облика *(Монгайт, 1955).* А в целом, Костенковско-Боршевский район на Дону является одним из важнейших мировых центров сосредоточения памятников верхнего палеолита.

Необходимо также отметить и недостатки в исследованиях советских археологов 1920-1930-х годов. Это, прежде всего, недостаточный учёт конкретного исторического своеобразия различных палеолитических памятников и их групп. Проблема локальных групп в каменном веке будет изучена несколько позднее Сергеем Николаевичем Замятниным (*Замятнин, 1951).* Но именно в это предвоенное десятилетие советским исследователям палеолита удалось открыть и изучить многие стоянки Верхнего и Среднего Дона.

В результате открытых и исследованных палеолитических стоянок был написан ряд статей и созданы обобщающие работы по данной проблематике. Среди всех работ можно выделить фундаментальный труд П.П. Ефименко «Первобытное общество», которая несколько раз переиздавалась и содержит в себе результаты многолетнего изучения эпохи древнего каменного века, а также отметить работу С.Н. Замятнина «Очерки по палеолиту», опубликованную посмертно его женой в 1961 году.

Источники и литература:

Археология СССР. Палеолит СССР / Под ред. Б.А. Рыбакова. - М.: Наука, 1984. - С. 13.

Борисковский П.И. Изучение палеолита в Советском Союзе // Антология Советской археологии (1941-1956).Т.Ш. М., 1996. - С. 16.

Бухтоярова ИМ. С.Н. Замятнин (1899-1958) - выдающийся археолог Воронежского края // Научные труды преподавателей и студентов исторического факультета. Выпуск 2. - Воронеж: ВГПУ, 2007. - С. 9.

Векилова Е.А. Летопись работ Костёнковской палеолитической экспедиции (1922-1976) // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л., 1977. С. 208.

Ефименко П.П. Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени. - Киев: Издательство Академии наук Украинской ССР, 1953. - 596 с.

Замятнин С.Н. Экспедиция по изучению культур палеолита в 1927 г. // Сообщения ГАИМК. Т. II. Л., 1929. - С. 209.

Замятнин С.Н. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода // Тр. Ин-та этнографии АН СССР, 1951. ТXVI. - С. 89 - 152.

Замятнин С.Н. Находки межледниковой фауны и оббитых кварцитов у с. Шубного Воронежской области // Ученые записки МГУ. Вып. 158. М., 1952. - С. 49 - 61.

Монгайт А.Л. Археология в СССР. - М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. - С. 67 - 68.

Палеолит Костёнковско - Борщевского района на Дону (1879-1979). Некоторые итоги полевых исследований. Под ред. Н.Д. Праслова и А.Н. Рогачёва. Л., 1982. — С. 12.

А.В. Вискалин (Ульяновск)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КРЕМНЕВОГО ИНВЕНТАРЯ ПОЗДНЕМЕЗОЛИТИЧЕСКИХ И РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ВОЛГО-УРАЛЬСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ*

Волго-уральская лесостепь располагается на стыке Европы и Азии, лесной и степной природных зон вдали от первичных неолитических очагов и потому открытие здесь в последние десятилетия XX века комплексов архаичной керамики и кремня, известных в научной литературе под названием елшанские, вызвало необыкновенно острый интерес к их происхождению. Елшанские комплексы по полученным к тому времени радиоуглеродным, палинологическим и археологическим данным занимали необыкновенно раннее хронологическое положение в системе неолита Европы и датировались по разным оценкам концом VII - началом VI тыс. до н.э. В ходе развернувшегося обсуждения проблемы истоков елшанских древностей возникла гипотеза их автохтонного происхождения на базе местного мезолита при незначительном участии населения соседних регионов *(Мамонов, 2000, с.157*). Одним из ключевых положений данной гипотезы явилось достаточно распространенное среди исследователей представление о технико-типологическом сходстве кремня позднемезолитических и ранненеолитических комплексов волго-уральской лесостепи.

Впервые вопрос о сходстве мезолитического и ранненеолитического кремня был поднят Моргуновой Н.Л., сопоставившей кремень нижнего (неолитического) слоя Ивановского поселения и Старотокской мезолитической стоянки. Однако достоверность выводов сегодня

* Работа осуществлена при поддержке РГНФ, проект № 08-01-21102 а/в.

вызывает резонные сомнения. Дело в том, что при сравнении кремневых коллекций названных памятников не была учтена разнородность неолитической керамики нижнего слоя Ивановского поселения, содержащей как минимум 3 группы разновременной посуды: слабоорнаментированная елшанская, накольчатая и гребенчатая. Нет особой надобности доказывать, что разнокультурность неолитической керамики нижнего слоя косвенно указывает и на разнокультурность кремневого инвентаря. Не была учтена исследователем и возможность механического нарушения нижних слоев многослойного Ивановского поселения вследствие неизбежных перекопов и иных воздействий в ходе многократного заселения этого места. Механическое смешение слоев неизбежно должна была отразиться и на послойной статистике материала. Наглядным показателем такого смешения является перемещение из нижних в верхние слои архаичных форм кремневых изделий. Так, например, в среднем (энеолитическом) и верхнем (срубном) культурных слоях во время раскопок было найдено не менее 4/5 всех карандашевидных нуклеусов и 9/10 имеющихся в коллекции микропластин *(Моргунова, 1988., табл.* 2). Данному факту есть лишь одно объяснение: микролитический инвентарь оказался в верхних слоях в результате механического нарушения целостности нижних. Допущенная методическая погрешность, безусловно, снижает качество полученных выводов и требует возвращения к проблеме соотношения мезо-неолитического кремневого инвентаря волго-уральской лесостепи.

Новая попытка генетически связать мезолитические и ранненеолитические кремневые комплексы предпринимается самарским исследователем Ластовским А.А. в ходе осмысления культурно-хронологического положения открытых на территории волго-уральской лесостепи новых ранненеолитических памятников *(Кузьмина, Ластовский, 1995, с.44).* Обратив внимание на различие кремневого инвентаря стоянок Чекалино IV - Нижняя Орлянка II и стоянки Красный Городок, содержащих, на первый взгляд, однотипные формы елшанской керамики, исследователь объяснил увеличение пластинчатости кремня стоянки Красный Городок по сравнению со стоянками Чекалино IV и Нижняя Орлянка II более ранним возрастом этого памятника. Последнее обстоятельство, по мнению Ластовского А. А. могло указывать на преемственность наиболее ранних неолитических кремневых комплексов с пластинчатыми комплексами таких местных позднемезолитических стоянок, как Старотокская, Чекалино II, Постников Овраг, Красный Яр.

Выстраивая логическую цепочку генетической преемственности населения волго-уральской лесостепи в эпохи позднего мезолита - ран-

него неолита Ластовский А.А. упускает, на мой взгляд, один существенный момент: керамический и кремневый инвентарь неолитической стоянки Красный Городок выглядит разнородным и, следовательно, разновременным, что ограничивает его использование для культурологических построений. Выявленная здесь неолитическая керамика распадается на 2 культурно-хронологические группы. Ранняя группа представлена небольшими остродонными сосудами, находящими прямые параллели в ранненеолитических комплексах типа Чекалино IV-Нижняя Орлянка II конца VII - начала VI тыс. до н.э., поздняя - крупными плоскодонными горшками с ямочно-жемчужными поясками и вдавлениями по срезу венчика, характерными для таких более развитых памятников, как Ильинка, Луговое III, Виловатое и др., датирующихся по новым радиоуглеродным данным, полученным в киевской радиоуглеродной лаборатории по образцам керамики, первой половины V тыс. до н.э.[8] Наличие на стоянке 2 культурно-хронологических групп керамики предполагает и разнородность кремневой коллекции, что, похоже, подтверждает показатель пластинчатости кремня данной стоянки (55%), занимающий промежуточное положение между комплексами архаичной остродонной посуды типа Чекалино IV - Нижняя Орлянка II и комплексами более развитой Средневолжской культуры типа Лебяжье I (соответственно 32%, 86 %) *(Вискалин, 2007)*.

Приведенные выше примеры без лишних комментариев показывают слабость позиции сторонников автохтонного происхождения елшанских древностей, опирающуюся на спорные свидетельства. В связи с этим очевидно, что вопрос соотношения позднемезолитического и ранненеолитического кремня в настоящее время не может быть закрыт и нуждается в дополнительном изучении. Решение этого вопроса представляется возможным посредством проведения детального технико-типологического (морфологического) анализа и сопоставления каменного инвентаря опорных позднемезолитических и ранненеолитических памятников Волго-Уральской лесостепи.

К числу важнейших позднемезолитических объектов сегодня можно отнести 5 стоянок: Старо-Токская, Чекалино II, Красный Яр I, Постников овраг III, Ховринская.

Старо-Токская стоянка открыта в Красногвардейском районе Оренбургской области на берегу старого русла р. Ток, являющейся правым притоком р. Самара. Поселение исследовано Моргуновой Н.Л. в

[8] Луговое III: К - 14514 6700+100 BP; Ильинка: К - 14111 6740+70 BP, К - 14145 6680+70 BP и др. Даты использованы из доклада Выборнова А.А. на Межрегиональном научно-практическом полевом семинаре в г. Алатыре 31.07. - 4.08.2008 г. «Проблемы абсолютной хронологии археологических памятников Среднего Поволжья».

1978-1979 гг. на площади 124 кв.м. *(Моргунова, 1983).* Мезолитический горизонт выявлен в основании культурных отложений в слое бурого суглинка на границе с материком. Он содержит кремень и костяные изделия, образующие несколько компактных скоплений вокруг углубленных в землю очагов. Коллекция кремня насчитывает свыше 3 тыс. предметов. Её отличительной чертой является ярко выраженная пластинчатость, что следует из большого количества конусовидных и карандашевидных нуклеусов со следами снятия правильных пластин, пластин и их сечений, орудий на пластинах, в том числе концевых скребков, угловых резцов, скошенных острий, сверл и проколок с выделенными плечиками (рис. 1: *3-7, 14).* Примечательно, что по данным исследователя на пластинах и пластинчатых отщепах изготовлено 99 % всех орудий, в том числе 8/10 скребков, а орудия на отщепах единичны. Среди законченных кремневых изделий не выявлено ни одного типологически выраженного наконечника стрелы и рубящего орудия.

Стоянка Чекалино II находится в Самарской области при слиянии рек Сок и Орлянка в топографическом положении, аналогичном с предыдущей стоянкой. Памятник раскопан самарскими археологами в 1993, 1994 гг. на площади 144 кв.м. *(Королев, Ластовский, Мамонов, 1997).* Культурный горизонт мезолитического времени залегает в серо-оранжевом суглинке на границе с материковыми отложениями. С ним связано компактное скопление мезолитического кремня вокруг углубленного очага. Коллекция кремня насчитывает 1394 предмета. Её характеризует высокий уровень пластинчатости. Все нуклеусы служили для получения пластин. Помимо большого количества необработанных пластин найдены многочисленные изделия на пластинах: вкладыши, острия со скошенным концом, угловые резцы, концевые скребки, перфораторы. Отщеповые заготовки использованы лишь у 1/10 скребков и 1/15 резцов. Типологически выраженных наконечников стрел не обнаружено. Найдены единичные рубящие орудия трапециевидной формы без шлифовки (рис. 1: *1, 2, 8-11, 13, 16).*

Стоянка Красный Яр I выявлена поблизости от районного центра с. Красный Яр Самарской области на берегу р. Сок. Памятник занимает дюнное возвышение по краю надпойменной террасы, что отличает его топографическое положение от рассмотренных выше объектов. Стоянка исследована стационарными раскопками в конце 80-х - середине 90-х гг. (1985, 1986, 1988, 1995 гг.) на площади 754 кв. м. *(Ластовский, 1999).* Культурный слой памятника распахан, но локализация находок мезолитического времени на возвышенной части дюны в стороне от зоны концентрации поздних находок позволяет рассматривать их условно чистым комплексом. Всего на памятнике найдено 956 каменных

изделий. Несмотря на широкое использование местного сырья плохого качества, кремневая индустрия сохраняет пластинчатый характер. Широко представлены конические и призматические нуклеусы со следами получения правильных пластин, пластины и их сечения без обработки, пластины с ретушью по краю, с усеченными ретушью и скошенными концами, перфораторы, разнообразные резцы (угловые, нуклевидные, двугранные, ретушные, трансверсальный). На пластинах и пластинчатых заготовках изготовлено до 80 % всех орудий, в том числе не менее половины всех скребков и резцов. Найдены единичные рубящие орудия, изготовленные в технике грубой обивки без применения шлифовки (рис. 1: 12, 15). Отсутствуют в коллекции и типологически выраженные наконечники стрел.

Стоянка Постников овраг III находится в черте г. Самара в приустьевой части одноименного оврага. В ее исследовании принимали участие Гольмстен В.В. (1924, 1925, 1927), Ефименко П.П. (1926), Городцов В.А. (1929). Мезолитические материалы (верхний слой) выявлены в ряде пунктов в слое светлого гумусированного суглинка на глубине до 1 м от поверхности и насчитывают около 700 предметов *(Кузнецова, Юсупова, 1987, с.11-13)*. В информативном отношении кремневая коллекция верхнего слоя стоянки Постников овраг III заметно проигрывает другим опорным памятникам, чему способствует ограниченность коллекции и естественная сортированность кремня. Несмотря на это пластинчатый характер кремневой индустрии памятника проявляется достаточно отчетливо. На это указывают находки конических и торцевых нуклеусов со следами снятия правильных микропластин, скребки и краевые резцы на пластинах, пластины с усеченным концом. Общую малочисленность микропластин среди находок, вероятно, следует объяснять их смывом с обитаемой площадки под воздействием склоновых процессов. Среди законченных изделий нет ни одного шлифованного рубящего орудия и типологически выраженного наконечника стрелы.

Ховринская стоянка находится в Вешкаймском районе Ульяновской области на одной широте с наиболее северными из известных ранненеолитических комплексов елшанского типа. Стоянка занимает оконечность дюны в среднем течении р. Барыш и исследована в 1994, 1999, 2004-2006 гг. на площади 1419 кв.м. *(Вискалин, 2008)*. Мезолитический горизонт выявлен в основании буроватого песка на границе с материком. С ним связано около 1, 5 тыс. изделий из кремня и кварцита, образующих 4 компактных скопления округлой формы диаметром около 5 м. Все скопления размещены по гребню дюны с интервалом в 30-35 м и являются остатками сезонного поселка, состоящего

из наземных жилищ. Кремневая индустрия носит пластинчато-отщеповый характер. Преобладают нуклеусы со следами снятия микропластин торцевой, конической и карандашевидной формы. Высока доля пластин среди находок. В числе орудий выделяются вкладыши, скребки и скребла, резцы, ножи, скобели, наконечники стрел и рубящие орудия. Большинство их изготовлено на пластинчатой заготовке. Для скребков соотношение пластинчатой и отщеповой заготовки находится в пропорции 2:3, резцов 1:1. Наконечники стрел относятся к черешковым типам и отличаются миниатюрными размерами. Среди рубящих орудий имеются как изделия с грубой обработкой, так и шлифованные экземпляры (рис. 2).

Сопоставление опорных позднемезолитических памятников волго-уральской лесостепи между собой выявляет культурно-типологическое сходство большинства из них. Стоянки Старо-Токская, Чекалино II, Красный Яр I, Постников овраг III сближает обилие нуклеусов для пластин, пластин и их сечений, орудий на пластинах, заметное преобладание скребков на пластинах над скребками на отщепах, малочисленность рубящих орудий и отсутствие среди них изделий со шлифовкой, отсутствие типологически выраженных наконечников стрел и геометрических микролитов, сходные типы острий, резцов, скобелей и других изделий. Различие между памятниками не столь существенно и, возможно, являться следствием использования различного по качеству сырья, разной степени сохранности и репрезентативности материала. Памятники подобного типа отнесены Ластовским А.А. к кругу культур т.н. пластинчатого технокомплекса (романовская, камская и др.), распространенных в Приуралье и, отчасти, Зауралье *(Ластовский, 2000, с. 100, 101).*

К иному кругу позднемезолитических древностей следует отнести мезолитические материалы Ховринского поселения. Наличие типологически обедненного пластинчато-отщепового инвентаря, черешковых наконечников стрел, шлифованных рубящих орудий указывает на его близость к распространенным в северо-западной части Среднего Поволжья стоянкам «с наконечниками» типа Яндашевская, Русско-Луговская II, Удельно-Шумецкое X, Ясачное и др., выделенных Никитиным В.В. в особую Русско-луговскую культуру *(Никитин, 2006, с.231).* На близость к очерченному культурному ареалу указывает и сходство использованных сортов кремня.

Среди ранненеолитических памятников, численность которых сегодня приближается к 2 десяткам, опорными могут быть названы лишь 3 стоянки: Чекалино IV, Н.Орлянка II, Елшанка X (Усть-Ташёлка).

Стоянка Чекалино IV обнаружена в Сергиевском районе Самарской области на мысу низкой надпойменной террасы р. Сок и исследована в начале 90-х гг. XX в. на площади 212 кв.м. *(Мамонов, 1995).* Ранненеолитические материалы образуют тонкий горизонт поверх аллювиальных отложений в основании почвенного слоя и содержат архаичную остродонную посуду и небольшую, но выразительную коллекцию кремня из 670 предметов. Кремневая индустрия носит отщепово-пластинчатый характер. Нуклеусы со следами снятия отщепов и неправильных пластинчатых сколов многократно преобладают над микропластинчатыми со следами снятия правильно ограненных пластин. Обращает внимание небольшое количество пластин и изделий на них. Большинство орудий, в том числе 9/10 скребков, резцов, острий, ножей изготовлено на отщепах. Набор приемов вторичной обработки включает одностороннюю краевую, пологую, бифациальную ретушь, выравнивающую подтеску. В коллекции имеются черешковые и листовидные наконечники стрел и дротиков, рубящие орудия на различных стадиях изготовления и использования, в том числе переоформленное тесло со следами тщательной шлифовки.

Стоянка Нижняя Орлянка II обнаружена в Сергиевском районе Самарской области в тех же топографических условиях, что и предыдущий памятник. Стоянка исследована в 1991, 1993 гг. на площади 952 кв.м. *(Колев, Ластовский, Мамонов, 1995).* Маломощный горизонт ранненеолитических находок выделен в слое гумусированной супеси, поврежденной постройками позднего времени. С ним связаны находки остродонной посуды и кремня, насчитывающего 377 единиц. Керамика и кремень демонстрируют заметное сходство с материалами стоянки Чекалино IV. Кремневая индустрия сохраняет отщепово-пластинчатый характер. Доминируют многоплощадочные отщеповые нуклеусы, а нуклеусы со следами снятия правильных пластин представлены единично. Количество пластин и их сечений ограничено, большинство из них не имеет вторичной обработки. К числу орудий относятся скребки, ножи, резцы, скобели, перфораторы, иволистный наконечник стрелы на пластине, рубящие орудия. На отщеповой заготовке изготовлено большинство орудий, в том числе 9/10 резцов, все скребки, ножи и д.т. Из приемов вторичной обработки отмечено использование бифациальной и пологой ретуши. Отличительной чертой коллекции является находка серии рубящих орудий, в том числе с тщательной двусторонней обработкой поверхности, но без следов пришлифовки. Законченные топоровидные и тесловидные изделия имеют линзовидное сечение, подпрямоугольную и подтрапециевидную форму и, вероятно, происходят из клада.

Стоянка Елшанка X (Усть-Ташёлка) обнаружена в окрестностях г. Ульяновска на низкой террасе р. Свияга вблизи впадения в нее р. Ташёлка. Её исследования проведены в 1999, 2000 и в 2002 гг. на площади 208 кв.м. *(Вискалин, 2003).* Культурный слой сильно поврежден распашкой лишь по краю террасы, а на удалении от него сохраняется в хорошем состоянии. Ранненеолитический кремень, керамика и изделия из кости собраны в пахотном горизонте и подстилающем его слое светло-серого гумусированного суглинка на контакте с материком. Кроме ранненеолитических материалов на памятнике обнаружены немногочисленные находки поздней бронзы, раннего железного века и средневековья, что позволяет рассматривать неолитический комплекс условно чистым.

Ранненеолитическая керамика представлена исключительно плоскодонными формами, но по основным технологическим характеристикам, форме венчиков и орнаментации сохраняется преемственность с остродонной посудой стоянок Чекалино IV и Нижняя Орлянка II. Коллекция кремня насчитывает свыше 6 тыс. предметов, в том числе 1, 5 тыс. с вторичной обработкой, что делает ее наиболее репрезентативной среди других опорных памятников. Господствуют отщеповые и грубопризматические нуклеусы при единичности микропластинчатых. Производство пластин носит массовый характер. Большинство из них использовалось без вторичной обработки в качестве вкладышей составных орудий. Несмотря на многочисленность пластин, около половины всех орудий изготовлено из отщепов и осколков, в том числе 8/10 скребков, все резцы и т.д. Вторичная обработка заключается в нанесении краевой, пологой, бифациальной ретуши, резцовом сколе, подтеске, шлифовке. В число изделий с вторичной обработкой входят ножи на крупных пластинах с регулярной ретушью и скошенным концом, вкладыши из пластин с ретушью по краям, скребки и скрёбла разнообразных форм и размеров, ножи на отщепах треугольной формы с выделенным кончиком, резцы краевые на отщепах, скобели с узкими и широкими дугами, острия, сверла с плечиками и арочные, черешковые наконечники стрел постсвидерского типа, трапеции на пластинах и отщепах, шлифованные рубящие орудия (рис. 3). Завершенные рубящие орудия представлены изделиями трапециевидной формы и симметричного сечения с частичной и полной шлифовкой поверхности (рис. 1: 16). Интерес вызывает 2 крупных сечения пластин шириной до 24 мм со следами выравнивающей вентральной подтески, напоминающих собой вкладыши кукрекского типа (рис. 1: *6,* 7).

Несмотря на некоторые различия в керамике опорные ранненеолитические памятники демонстрируют заметное сходство крем-

невой индустрии, выражающееся в единстве техники расщепления, выборе сходных видов заготовок для орудий, единых приемах вторичной обработки, типологическом наборе изделий и соотношении различных категорий орудий. Различия между комплексами проявляются на уровне отдельных типов изделий, что, возможно, является причиной количественной неравноценности коллекций, временных отличий или хозяйственного типа памятников.

Сравнение кремневых индустрий опорных ранненеолитических и позднемезолитических памятников пластинчатого технокомплекса (Старо-Токская, Чекалино II и др.) дает совершенно иной результат. Мезолитические мастера для получения пластин и микропластин используют технику отжима, вследствие чего среди остаточных нуклеусов преобладают изделия конической и карандашевидной формы со следами снятия правильных микропластинок. Примечательно, что высокая микропластинчатость характерна для позднемезолитического кремня вне зависимости от используемого сырья. Ранненеолитическая техника расщепления нацелена на получение пластин и пластинчатых отщепов средней ширины при помощи техники рогового посредника, представленных в коллекциях незначительной серией, а не микропластин. Результатом применения такого приема расщепления являются многочисленные остаточные нуклеусы со следами снятия отщепов, хорошо представленные во всех опорных комплексах.

При выборе заготовки мезолитические мастера предпочтение отдавали пластине и пластинчатому отщепу, из которых изготавливалось большинство орудий. Ориентация на пластинчатую заготовку наблюдается даже в тех случаях, когда в распоряжение было преимущественно некачественное трещиноватое сырье, затрудняющее получение пластин. В ранненеолитических комплексах наряду с пластинами отмечается широкое использование отщепов и иных видов заготовок. Переход к отщеповой заготовке особенно ярко проявляется при изготовлении таких категорий изделий, как скребки, резцы, ножи и др. Преимущественное использование отщеповой заготовки при изготовлении скребков продолжается даже там, где производится большое количество пластин. Последнее обстоятельство указывает на культурную специфику ранненеолитического производства каменных орудий.

Техника вторичной обработки позднемезолитических комплексов ограничена нанесением краевой крутой и полукрутой ретуши и резцового скола. При изготовлении рубящих орудий используется бифациальная обивка. Ранненеолитическими мастерами освоена бо-

лее широкая палитра приемов вторичной обработки: краевая и бифациальная, крутая и пологая ретушь, подтеска, шлифовка. Пологая ретушь заходит далеко на спинку изделия и используется в равной мере при обработке орудий на отщепах и пластинах. Бифациальная ретушь носит частичный характер и еще не покрывает всю поверхность изделия. Шлифовке подвергаются рубящие орудия, среди которых отмечаются изделия с частичной и полной пришлифовкой всей поверхности. Шлифованные рубящие орудия и следы их изготовления отмечаются на основных опорных памятниках, что делает этот признак культурно значимым.

Типологический набор позднемезолитических комплексов является ограниченным и представлен пластинами и сечениями пластин со следами использования без специальной обработки, редкими микролитами, в том числе пластинками с усеченным и скошенным ретушью концом, остриями, концевыми скребками, краевыми, серединными, нуклевидными, ретушными резцами, скобелями, топоровидными и тесловидными рубящими орудиями. Геометрических микролитов, наконечников стрел и шлифованных рубящих орудий не обнаружено ни на одном из перечисленных опорных памятников. Ранненеолитические комплексы, помимо необработанных пластин и их сечений, содержат пластины с регулярной приостряющей ретушью и скошенными концами, микролиты, концевые, боковые, многолезвийные скребки различных размеров и форм, в том числе высокой, ножи устойчивой подтреугольной формы на отщепах и пластинчатых отщепах с выделенным кончиком и тщательной обработкой краев, скобели с ретушированными широкими и узкими выемками, краевые резцы на отщепах, острия, сверла с выделенными плечиками и без них, трапеции на пластинах и отщепах, черешковые наконечники стрел постсвидерского типа, наконечники дротиков, рубящие орудия, законченные формы которых имеют правильное линзовидное сечение, трапециевидную, подтреугольную или подпрямоугольную форму. Среди редких орудий можно назвать вкладыши на широких пластинах с выравнивающей подтеской по брюшку.

Не менее существенные различия обнаруживаются при сравнении елшанских и позднемезолитических кремневых комплексов «с наконечниками» северо-западных районов Среднего Поволжья. Мезолитическая кремневая индустрия носит ярко выраженный микропластинчатый характер, свидетельствующий о распространении вкладышевой техники. Об устойчивости микропластинчатой традиции в этой части Среднего Поволжья говорит ее доживание до начала

атлантического периода и наследование племенами накольчатой керамики в начале V тыс. до н.э. (*Никитин, 2006, с. 256, 257)*. Заметные отличия выявляются и при сравнении ранненеолитических и позднемезолитических рубящих орудий и наконечников стрел. Елшанские тесла и топоры имеют преимущественно симметричное линзовидное сечение, а рубящие изделия лесного мезолита Среднего Поволжья отличает заметная асимметрия. Данная особенность не является случайным, поскольку изготовление асимметричных в сечении топоров и тесел с «горбатой спинкой» в лесной зоне Восточной Европы и Поволжья уходит корнями в мезолит и продолжается до эпохи бронзы включительно. Заметные внешние различия имеют и кремневые наконечники стрел. Ранненеолитические наконечники, похоже, имеют более крупные размеры, чем мезолитические.

Общее снижение пластинчатости кремневой индустрии при переходе от позднего мезолита к раннему неолиту, похоже, неплохо согласуется с сортовыми изменениями кремневого сырья. Кремневый инвентарь таких выразительных позднемезолитических стоянок волго-уральской лесостепи, как Старотокская и Ховринская характеризуются использованием качественных сортов кремня, позволяющих получать правильные пластины. В противовес им, проживающее на этой же территории, ранненеолитическое население утилизирует собранный в легко доступных местах галечный кремень плохого качества, затрудняющий пластинчатое расщепление. Можно предположить, что ухудшение качества кремневого сырья и снижение пластинчатости индустрии в раннем неолите явилось следствием освоения края и его ресурсов пришлым населением, не знакомым на первых порах с источниками хорошего сырья и не имеющим отлаженных каналов его пополнения.

Таким образом, сравнение опорных позднемезолитических и ранненеолитических кремневых комплексов волго-уральской лесостепи выявляет между ними достаточно четкое системное различие, проявляющееся в использовании разных источников кремневого сырья, приемов его расщепления, выборе заготовок для орудий, вторичной обработки и типологическом наборе изделий. Особое внимание обращает на себя появление в раннем неолите геометрических микролитов, наконечников стрел, вкладышей южного облика, шлифованных рубящих орудий симметричного сечения, не имеющих местных истоков. Все это достаточно определенно указывает на проникновение в южные районы волго-уральской лесостепи на рубеже мезолита-неолита новых групп населения, использующего оригинальные традиции кремнеобработки и изготовления орудий.

Литература:

Вискалин А. В. 2003. Ранненеолитический комплекс стоянки Елшанка X (Усть-Ташёлка) (итоги предварительного изучения) // Археология восточноевропейской лесостепи. Пенза.

Вискалин А.В. 2007. О хронологии и периодизации ранних этапов неолита волго-уральской лесостепи // Самарский край в истории России. Вып. 3. Материалы Межрегиональной научной конференции, посвященной 120-летию со дня основания Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В.Алабина. Самара.

Вискалин А.В. 2008. Ховринская мезолитическая стоянка // Человек, адаптация, культура. М..

Колев Ю.И., Ластовский А.А., Мамонов А.Е. 1995. Многослойное поселение эпохи неолита - позднего бронзового века у села Нижняя орлянка на реке Сок // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара.

Королев А.И., Ластовский А.А., Мамонов А.Е. 1997. Мезолитический комплекс стоянки Чекалино II // Историко-археологические изыскания. Сборник трудов молодых ученых. Вып. 2., Самара.

Кузнецова Л.В., Юсупова Т.Ю. 1987. Постников овраг - археологический памятник эпох камня-средневековья // Археологические исследования в Среднем Поволжье. Куйбышев.

Кузьмина О.В., Ластовский А.А. 1995. Стоянка Красный Городок // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара.

Ластовский А.А. 1999. Каменный инвентарь Красноярской мезолитической стоянки // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области. Вып. 1. Самара.

Ластовский А.А. 2000. Мезолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара.

Мамонов А.Е. 1995. Елшанский комплекс стоянки Чекалино IV // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара.

Мамонов А.Е. 2000. Елшанкская культура // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара.

Моргунова Н. Л. 1983. Старо-Токская мезолитическая стоянка // Древние памятники на территории Восточной Европы, Воронеж.

Моргунова Н. Л. 1988. Ивановская стоянка в Оренбургской области // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев.

Никитин В.В. 2006. Мезолит левобережья Средней Волги (к проблеме культурной принадлежности) // ТАС. Вып. 6, том 1. Тверь.

Никитин В.В. 2006. На стыке двух эпох (к вопросу о раннем неолите лесной полосы Среднего Поволжья) // ТАС. Вып. 6, том 1. Тверь.

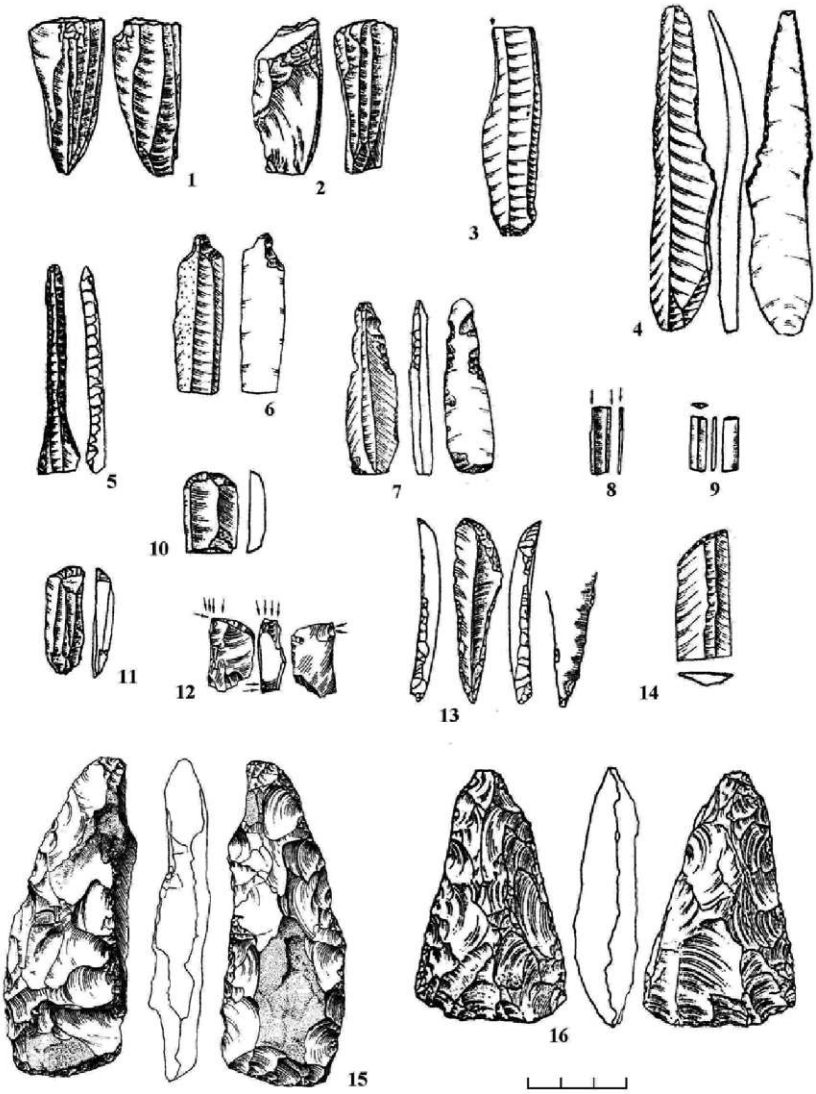


Рис. 1. Каменный инвентарь мезолитических стоянок Старо-Токская (3-7, 14), Чекалино II (1, 2, 8-11, 13 16), Красный Яр I (12, 15).

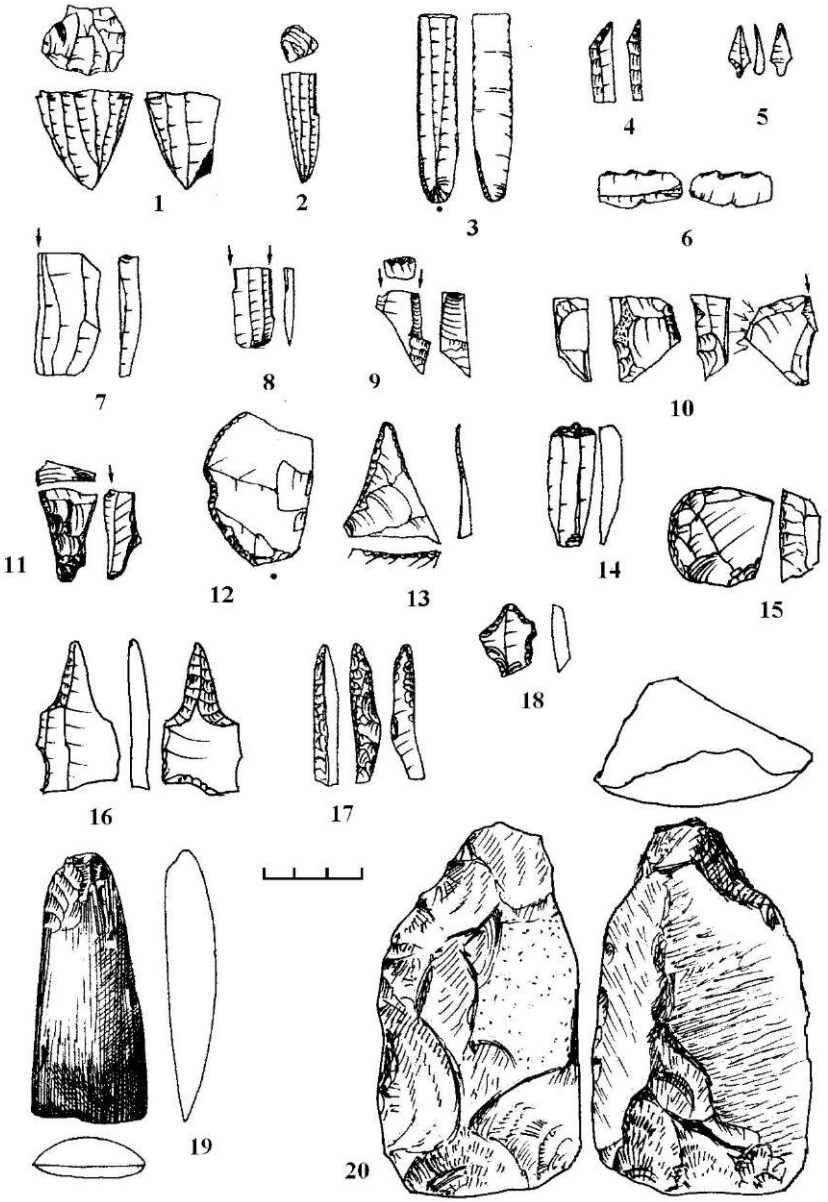


Рис. 2. Каменный инвентарь Ховринской мезолитической стоянки.

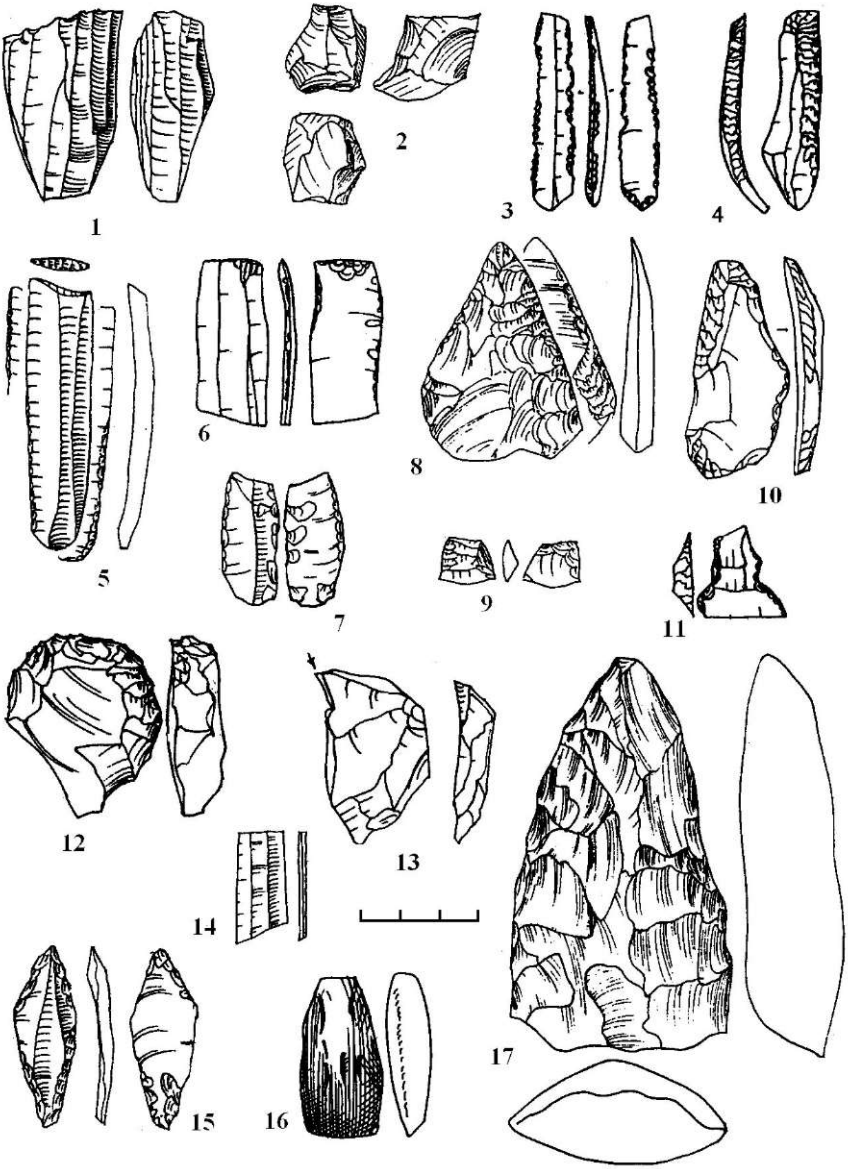


Рис. 3. Каменный инвентарь ранненеолитической стоянки Елшанка X (Усть-Ташёлка).

Р.В. Смольянинов (Липецк)

ПАМЯТНИКИ ЕЛШАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ВЕРХНЕМ ДОНУ

В 1977 году на территории Самарского Поволжья И.Б. Васильевым выделяется керамика елшанского типа как древнейшая и предшествующая всей остальной керамике *(Васильев, Пенин, 1977. С. 18).* До сегодняшнего дня в этом и соседних регионах выделяется десятки памятников, которые связываются с елшанскими. При этом статус этих стоянок определяется по-разному. Н.Л. Моргунова видит эти материалы в рамках первого этапа волго-уральской культуры *(Моргунова, 1984. С. 6-9).* А.А. Ластовский отрицает культурный статус этих коллекций. Он считаем возможным говорить о керамике елшанского типа в неолитических комплексах *(Ластовский, 2006. С. 112).* А.Е. Мамонов выделяет самостоятельную елшанскую культуру *(Мамонов, 1999. С. 42; 2000. С. 147-176; 2006. С. 269-276).* При этом большинство исследователей таких как В.И. Тимофеев, Г.И. Зайцева, А.А. Выборнов, П.М. Долуханов, В.В. Ставицкий, А.В. Вискалин, Н.С. Котова, Е.Л. Костылёва. Д.В. Сурков поддерживают последнюю точку зрения *(Мамонов, 2006. С. 269).* Керамический и кремнёвый комплекс достаточно подробно описан многими исследователями *(Мамонов, 1999; 2000. С. 147-176; 2006. С. 269-276; Кузьмина, Ластовский, 1995. С. 25-50; Колев, Ластовский, Мамонов, 1995. С. 50-110).*

На Верхнем Дону всего выявлено три памятника елшанской культуры. Поселение Устье р. Излегоща в левобережье р. Воронеж в Усманском районе Липецкой области обнаружено в 1991 г. *(Бирюков, 1991).* В 1995 году оно раскапывается И.А. Козмирчуком[9].'

С памятника происходят обломки керамики от четырёх сосудов. Керамика коричневого цвета, с примесью песка. Некоторые фрагменты сильно запесочены. Стенки горшков хорошо заглажены снаружи и изнутри. Обжиг ровный. Толщина стенок 7-10 мм. Посуда орнаментирована горизонтальными рядами крупного треугольного накола. В одном случае (рис. 1,1) эти наколы составлялись в треугольную композицию. Все венчики профилированные. Края у трёх приострены (рис. 1, *1, 2, 5*), у одного он округлый (рис. 1, *3).* У всех четырёх сосудов изнутри на венчике видно небольшое ребро (рис. 1, *1-3, 5*). Наиболее близкое сходство этому керамическому комплексу мы находим на стоянке Чекалино IV[10] (находит-

Отчёт до сего дня не изготовлен. Материалы хранятся в ЛОКМ.

[10] Личные наблюдения с А.А. Выборновым.

ся на р. Сок в Сергиевском районе Самарской области), где также присутствует орнаментированная треугольным наколом профилированная керамика.

Второй исследованной стоянкой, на которой обнаружена керамика елшанской культуры является Ярлуковская Протока на р. Матыра Грязинского района Липецкой области *(Левенок, 1962; 1963; 1964; 1965*). На памятнике получены многочисленные неолитические материалы среднедонской, рязанско-долговской, рыбноозёрской культуры. Автор работ разделил стоянку на семь условных горизонтов (по 20 см). Из седьмого и шестого горизонтов происходит три венчика от профилированных горшков коричневого цвета (рис.1, *6; 2, 5, 14),* девять прямостенных (рис. 2, 1, *2, 6-9,* 11), один открытый (рис. 2, 4) и один закрытый (рис. 2, *3)* сосуды. У одного сосуда срез уплощён (рис. 2, 8), у двух он приострён (рис. 2, *1,* 9), остальные горшки с округлым краем. Встречено два днища. Одно из них неорнаменированное приострённое (рис. 2, *13),* одно плоское, украшенное маленькими овальными наколами (рис. 2, 12). Также с этого слоя происходит фрагмент керамического либо лощила, либо скребка (рис. 2, *10).* Вся посуда, за исключением днища не имела орнамента, за исключением одного (рис. 2, *1,2, 4, 6-9),* либо двух рядов конических ямок (рис. 2, *3, 5).* Закрытый по форме горшок по срезу орнаментировался овальными насечами (рис. 2, *3).* Вся керамика хорошо заглажена, снаружи вплоть до лощения, в тесте имеет примесь песка и мелких красных комочков (примеси возможно естественные). Толщина стенок 7-9 мм. Сосуды вероятно ленились в технике лоскутного налепа, так как большинство фрагментов подпрямоугольной формы, иногда с чёткими углами, нет характерных для ленточного способа лепки утоньшений на краях черепков - следов стыковок лент. На наш взгляд эта выборка горшков с поселения Ярлуковская Протока полностью аналогична керамическому комплексу елшанской кульуры. Здесь есть профилированные горшки, сходна орнаментация, либо её отсутствие, скорее всего, аналогична технология изготовления и сырьё. Материалы среднедонской культуры залегают в слое стоянки от седьмого и до третьего слоя, тогда как елшанская керамика находится в седьмом и шестом слоях.

Типологически очень близки этой посуде обломки от восьми горшков из сборов со стоянки Липецкое Озеро *(Синюк, Клоков, 2000).* Она также хорошо заглажена, не имеет орнамента, за исключением поясков конических ямок или жемчужин. Есть профилированные, но преобладают прямостенные сосуды (рис. 3).

На наш взгляд материалы этих стоянок древнейшие на Верхнем Дону. В позднем мезолите в Лесостепное Подонье приходит население из Северо-Западного Прикаспия *(Синюк, 1986)* транзитом через Среднее Поволжье, а навык изготовления керамики на Верхнем Дону вырабатывается в результате прямого контакта с населением елшанской культуры, пришедшей чуть позднее, которое уже умело изготавливать керамическую посуду. Донское население быстро перенимает готовый рецепт изготовления посуды. Этим, на наш взгляд, объясняется появление практически сразу сформировавшегося керамического комплекса среднедонской культуры. Не случайно самые ранние материалы среднедонской культуры Верхнего Дона стоянки Ярлуковская Протока, украшенные раздельными наколами треугольной формы имеют много общего. В этом керамическом комплексе есть профилированные горшки и другие выше описанные формы, они лепились по тем же рецептам. Исключением стал отказ en лощения внешней поверхности и появление гребенчатых сглаживающих расчёсов снаружи или изнутри сосудов и своя система орнаментации.

Далее, по нашему мнению, на территории лесостепного Подонья складывается ситуация по которой здесь сосуществуют две археологические культуры. Одна из них автохтонная с посудой украшенной треугольными наколами сложившаяся, как сказано выше, на основе местного мезолитического населения. Памятники её территориально локализуются в Среднем Подонье и южной части Верхнего. Появление второй стало результатом продолжения притока населения уже населения средневолжской культуры на исследуемую нами территорию. Это выразилось в наличии памятников карамышевской культуры, впервые выявленных нами в 2001 году *(Смольянинов, 2001).* На сегодняшний день таких поселений - 20, поэтому ставится вопрос о выделении новой карамышевской археологической культуры, занимающей территорию Верхнего Подонья, преимущественно северную её часть в бассейне р. Воронеж. Взаимодействие этих культур видимо было мирное, большая экологическая ёмкость лесостепи позволяла сосуществовать. Не исключено, что это выразилось и в совместном проживании на ряде памятников, что отразилось в появлении синкретичной керамики, например, на поселении Карамышево 19 на р. Воронеж *(Смольянинов, 2004. С. 55-60).*

Литература:

Бирюков И.Е. Отчёт отряда археологической экспедиции Липецкого госпединститута о изучении памятников раннего железного века в Липецкой области в 1991 г. Архив ИА РАН.

Колев Ю.И., Ластовский А.А., Мамонов А.Е. Многослойное поселение эпохи неолита-позднего бронзового века у села Нижняя Орлянка на реке Сок // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара, 1995.

Кузьмина О.В., Ластовский А.А. Стоянка Красный Городок // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара, 1995.

Ластовский А. А. О культурном статусе керамики елшанского типа // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2006. Вып. 4.

Левенок В.П. Отчет о полевых работах Верхне-Донского отряда в 1965 году // Архив ИА РАН.

Левенок В.П. Отчет о полевых работах Верхне-Донской археологической экспедиции в 1963 году // Архив ИА РАН.

Левенок В.П. Отчет о полевых работах Верхне-Донской экспедиции ЛО ИА АН СССР и Липецкого краеведческого музея в 1962 году // Архив ИА РАН.

Левенок В.П. Отчет об археологических раскопках Верхне-Донской экспедиции в 1964 году // Архив ИА РАН.

Мамонов А.Е. Елшанская культура: проблемы изучения и хронологический аспект // Известия Самарского научного центра Российской Академии Наук. Специальный выпуск. «Актуальные проблемы истории, археологии, этнографии». Самара, 2006.

Мамонов А.Е. О культурных статусе елшанских комплексов // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 1999. Вып. 1.

Мамонов А.Е. Ранний неолит. Елшанская культура. История Самарского Поволжья с древнейших времён до наших дней. Каменный век. Самара, 2000.

Моргунова Н.Л. Эпоха неолита-энеолита в лесной зоне Волго-Уральского междуречья. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1984.

Синюк А.Т., Клоков А.Ю. Древнее поселение Липецкое Озеро. Липецк, 2000.

Смольянинов Р.В. Материалы эпохи неолита поселения Карамышево 19 на р. Воронеж // Археологические памятники бассейна Дона. Воронеж, 2004.

Смольянинов Р.В. Отчёт о разведочных исследованиях на левом брегу р. Воронеж в пределах Грязинского района Липецкой области в 2001 году. Архив ИАРАН.

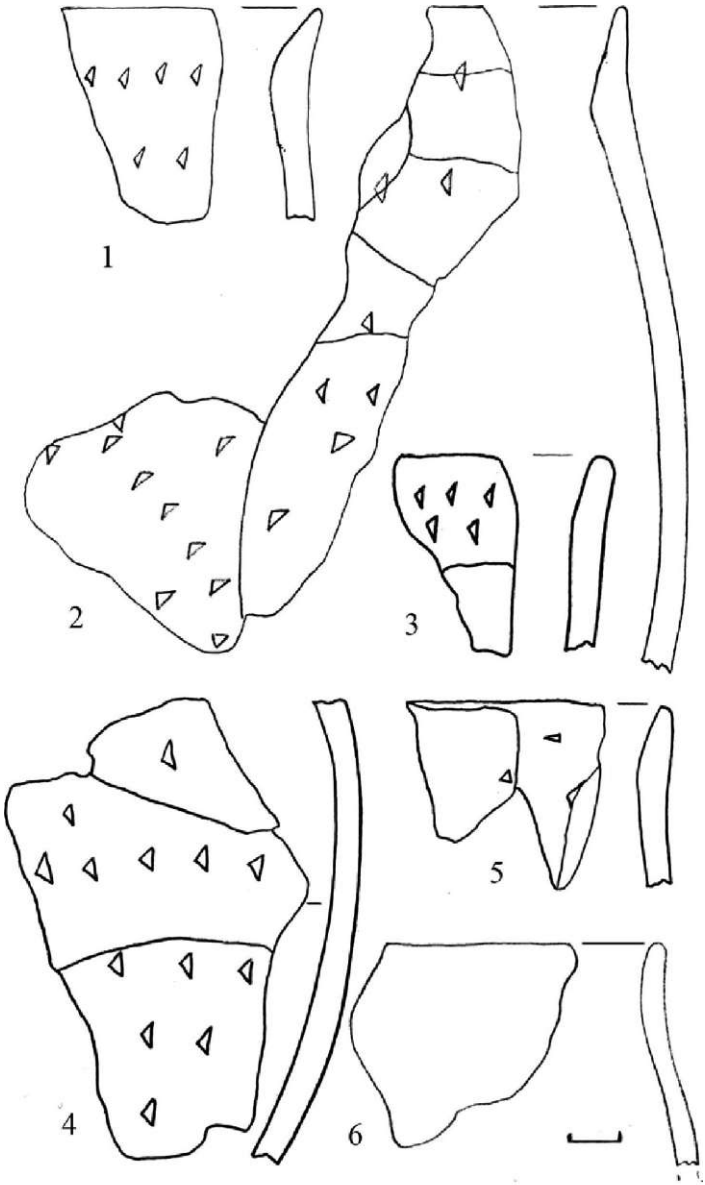


Рис. 1. Керамика елшанской культуры.
1-5 - Устье р. Излегощи; 6 - поселение Ярлукова Протока.

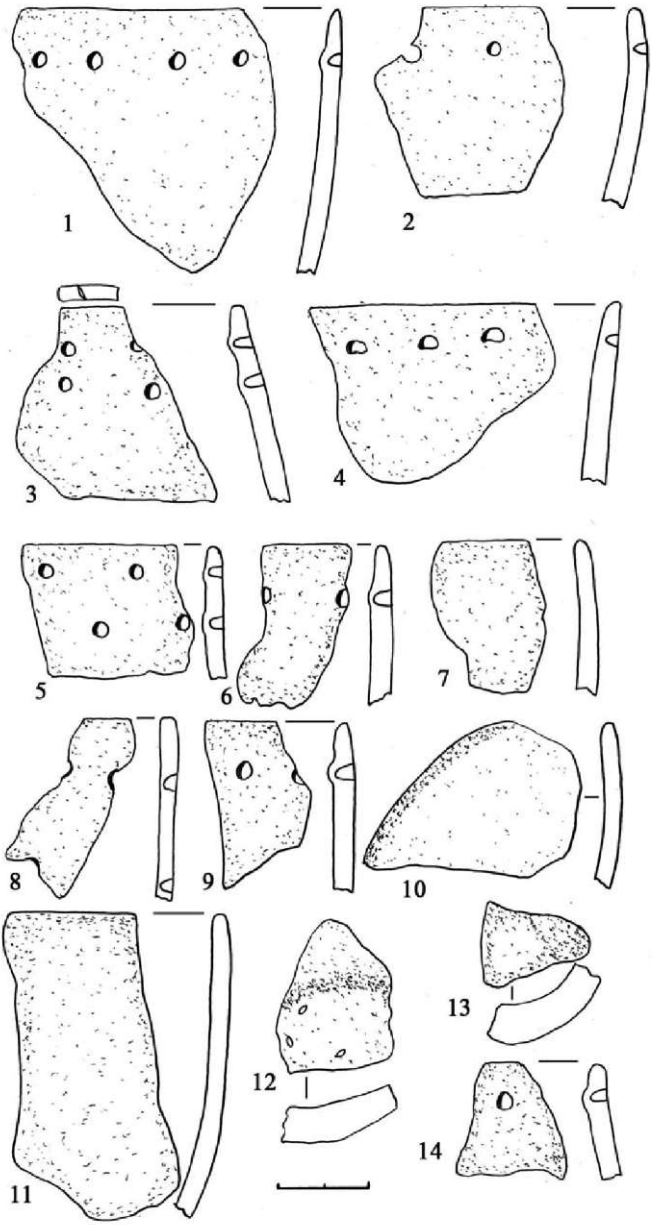


Рис. 2. Пункт 222. Поселение Ярлукова Протока. Керамика елшанской культуры.

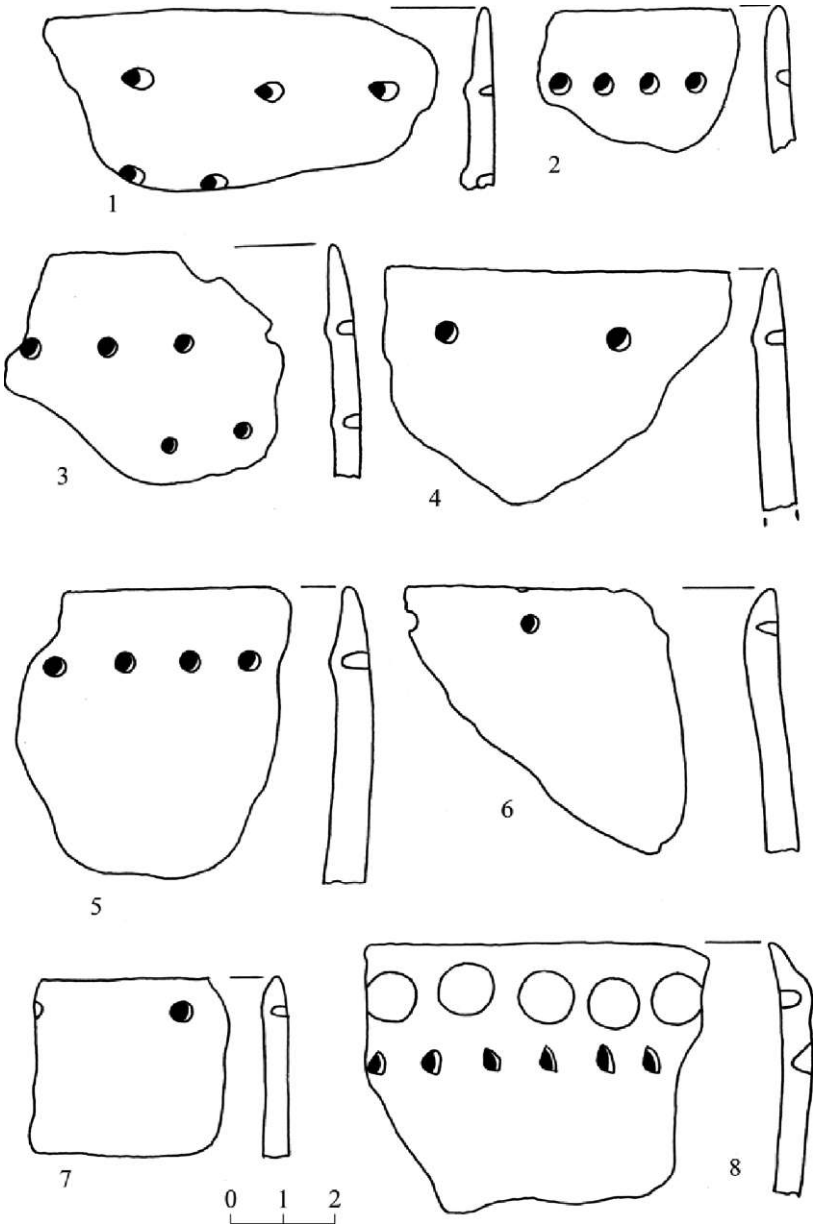


Рис. 3. Поселение Липецкое озеро. (По А.Т. Синюку и А.Ю. Клокову) Керамика елшанской культуры.

А.А. Выборной (Самара)*, Н.Н. Ковалюх (Киев),
А.А. Ластовский (Самара)*, А.Е. Мамонов (Самара),
Н.Л. Моргунова (Оренбург), В.В. Скрипкин**

НОВЫЕ РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТЫ ДЛЯ НЕОЛИТА ЛЕСОСТЕПНОГО ЗАВОЛЖЬЯ

Изучение доброкачественных неолитических памятников в левобережном Заволжье началось сравнительно недавно. Полученные источники не всегда обладают необходимой информацией. Поэтому, представление о неолитической эпохе данной территории весьма противоречиво. По материалам одних и тех же памятников исследователи выделяют хотя и близкие, но всё же разные культурные образования. Так, выделяется волго-уральская культура, охватывающая ранний, развитой и поздний неолит *(Моргунова, 1984)*. Другие специалисты ранний этап волго-уральской культуры представляют самостоятельной елшанской культурой *(Мамонов, 1999),* а развитой и поздний этапы относят к средневолжским древностям *(Васильев, Выборнов, 1988)*. Материалы стоянки Ильинка одни специалисты относят к елшанской культуре *(Мамонов, 1988),* другие - к средневолжской *(Выборнов, 2000)*. В последнее время появилась версия о том, что керамика елшанского типа не образует отдельную культуру, она имеет сквозное развитие от раннего неолита к энеолиту, что фиксируется в представительных коллекциях *(Ластовский, 2006)*. Проблема заключается в том, что преобладают многослойные поселения и крайне мало «чистых» однослойных памятников. В силу смешанного характера памятников определить их возраст было достаточно сложно. Исследователи применяли традиционные процедуры, которые всегда оставляют элемент субъективности.

Примером может служить определение возраста материалов елшанского типа. Посуда этого облика на первых исследованных памятниках сопоставлялась специалистами с сосудами нижних слоёв стоянки Джебел *(Васильев, Пенин, 1978; Выборнов, Пенин, 1979; Моргунова, 1980)*. По версии В.Н.Даниленко древнейший керамический горизонт этого памятника датировался концом VII тыс. до н.э. *(Даниленко, 1969, с.186)*. Соответственно и елшанская керамика лесостепного Поволжья датировалась VI тыс. до н.э.

Что же касается посуды с накольчатым орнаментом в геометрическом стиле, то исследователи находили ей аналогии в сероглазовской культуре, которая датировалась VI-V тыс. до н.э. *(Выборнов, Пенин, 1979, с. 12)*. С учетом того, что памятники самарской культуры эпохи раннего

*Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект 07-01-26105а/В).
**Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект 07-06-00148а).

энеолита датировались специалистами первой половиной IV тыс. до н.э. *(Васильев, 1979),* поздний этап неолита, характеризовавшийся гребенчатой посудой относился ко 2 половине V тыс. до н.э. *(Моргунова, 1984).*

На рубеже веков появились первые данные естественно-научных дисциплин по наиболее архаичным неолитическим материалам интересуемого региона. По спорово-пыльцевым показателям слой Чекалино IV, где залегала посуда елшанского типа, относился к бореальному периоду. С трёх елшанских памятников по раковинам пресноводных моллюсков было получено восемь дат с разбросом от 8510±60 л.н. до 7950±130 л.н. (Мамонов, 1999). Несмотря на то, что эти значения совпали с определениями палеогеографов столь ранние даты (2 половина VII тыс. до н.э.) для наиболее древних комплексов вызвали дискуссию *(Выборнов, 2003, с.36-37; Котова, 2002, с.74-75; Вискалин, 2002, с.274-281; 2006, с.260-265; Мамонов, 2007).* Более того, в последнее время высказана версия о том, что керамика елшанского типа доживает до раннего энеолита *(Ластовский, 2006, с.112).*

В определённой мере способствовать прояснению ситуации с хронологией неолитических памятников лесостепного Заволжья может определение их абсолютного возраста по радиоуглеродному датированию органики, содержавшейся в керамике *(Ковалюх, Скрипкин, 2007).* По данным технологического анализа первая группа елшанской посуды с Ивановской стоянки изготовлена из илистой глины без примеси шамота (Васильева, 2007, с.27-29). Для нее получена дата: 7930±90 л.н., то есть рубеж VII иУ! тыс. до н.э. Эта дата хорошо согласуется с датой по костям животных, полученной с этого же памятника - 8020±90 (Ле-2343) *(Тимофеев, Зайцева, 1997, с.100).* Вторая группа елшанской посуды содержит примесь шамота и получила две даты: 7780±90 и 7680±90 л.н. Они тождественны датам для елшанской посуды с примесью шамота (определение И.Н.Васильевой) на стоянке Усть-Ташёлка на р.Свияге недалеко от г.Ульяновска *(Вискалин, 2003)* - 7810±190 л.н. и 7680±190 л.н. *(Ковалюх, Скрипкин, 2007).* Таким образом, можно констатировать существование этих комплексов в первой половине VI тыс. до н. э.

По керамике елшанского типа со II Старо-Елшанской стоянки *(Васильев, Пенин, 1977, с.7, рис.4)* для двух образцов получены три даты. Для первого: 6820±80 л.н, а для другого - 6760±80 л.н. и 6480±80 л.н. Одно из определений второго образца явно противоречит двум первым датам. Поэтому более корректными будут две первые даты. Необходимо оговорить, что для анализа эти образцы тщательно отбирались и еще раз проверялись на технологический анализ И.Н.Васильевой. Это в значительной мере снижает возможность ошибочного отнесения этих фрагментов к иным комплексам. Полученные даты разнятся с ивановскими в

тысячу лет. На первый взгляд это противоречит мнению А.Е.Мамонова о возрасте елшанской культуры, занимающей узкий хронологический период *(Мамонов, 2006, с.274)*. Однако речь шла о наиболее древних материалах. Во-вторых, уместно напомнить версию А.А.Ластовского о длительном существовании неорнаментированной профилированной посуды. Тем более, что на II Старо-Елшанской стоянке эта керамика хоть и залегала чуть ниже фрагментов с наколами *(Васильев, Пенин, 1977)*, ряд признаков (толщина сосудов, технология изготовления, характер обработки поверхностей) у них общий. Кроме того, полученные даты хорошо согласуются с датировкой образца елшанского облика со стоянки Озимёнки II на р.Мокше - 6950±170 л.н. *(Выборнов, Королёв, Ставицкий, 2006)*. Поэтому вполне допустим интервал в первую четверть V тыс. до н.э. В этой связи следует обратить внимание на керамику, орнаментированную прочерками в виде косой решетки, наиболее ранее появление которой специалисты связывают с елшанской культурой. По фрагментам этого типа с Ильинской стоянки *(Мамонов, 2002, с.161, рис.3, 6)* получены две даты: 6760±90 и 6640±100 л.н.

Вторая группа керамики, которая вызывает у специалистов интерес, впервые была выделена после раскопок на стоянке Луговое III на р.Свияге близ г.Ульяновска. Это прямостенные, плоскодонные сосуды с заглаженной поверхностью. Подавляющая часть керамики не имеет орнамента. У 60% сосудов под венчиком проходит ряд вдавлений из ямок разной конфигурации *(Буров, 1980)*. Как радиоуглеродные даты для этого комплекса - вторая половина III тыс. до н.э., так и относительная позиция между накольчатыми и гребенчатыми памятниками вызывали у исследователей некоторые сомнения. В лесостепном Заволжье сходная с луговской посуда была обнаружена на Виловатовской стоянке в бассейне р.Самара *(Васильев, Выборнов, Габяшев, Моргунова, Пенин, 1980, с.157-159)*. Но в более достоверном контексте она получена в сокском микрорайоне. Именно эту посуду И.Б.Васильев и А.А.Выборнов относили ко второму этапу развития елшанских древностей *(Васильев, Выборнов, 1988)*. Керамика со стоянки Красный Городок *(Кузьмина, Ластовский, 1994, с.31, рис.4.1-2)* получила две даты: 6730±100 л.н. и 6550±130 л.н. Аналогичная посуда с Ильинской стоянки (Мамонов, 1988, с.101, рис.8) - 6740±70 л.н. и 6680±70 л.н. Однотипные фрагменты с Красного Яра VII - 6540±80 л.н. Непосредственно со стоянки Луговое III черепки данного типа получили даты - 6700±100 л.н. Таким образом, речь идет о второй четверти V тыс. до н.э. Керамика луговского типа встречается в одном комплексе с посудой, орнаментированной наколами на стоянках Щербетьская II и IV Тетюшская *(Габяшев, 2003)*, Дубовских (*Никитин, 1996)*. Иначе говоря, подразумевался её более поздний возраст. Это предполо-

жение нашло свое подтверждение. На II Максимовской стоянке *(Выборнов, Пенин, 1979, с.7,рис.2-3;4)* для фрагментов луговского типа получено две даты: 6470±80 л.н. и 6420±80 л.н; по Красному Яру VII - 6280±90 л.н.; по II Большераковской стоянке *(Барынкин, Козин, 1991, с.97, рис.2, 1)* - 6310±70 л.н. Аналогичная вышеописанной керамика обнаружена на правобережье, в среднем течении р.Суры на стоянке Молёбное озеро I и получила дату - 6290±90 л.н. таким образом, речь допустимо вести и о второй половине V тыс. до н. э.

Исследователи объясняли появление накольчатой традиции в лесостепном Заволжье как результат взаимодействия двух культурных компонентов: местного елшанского и пришлого орловского *(Васильев, Выборнов, 1988; Моргунова, 1997; Мамонов, 2000).* Более того, А.И.Юдин допускает проникновение степного населения в район Волго-Уральской лесостепи *(Юдин, 2001, с.62-63).* Как типологический *(Выборнов, 2007, 98-102)* так и, что особенно важно, - технологический *(Васильева, 2007, с.30-102)* анализы позволили конкретизировать ситуацию. Коллекция накольчатой керамики с Ивановской стоянки подразделяется на две группы. Первая без ямочного пояска под венчиком и с геометрическими композициями сходная с орловской проявляет две технологии: из илов и илистых глин. Это отражает процесс смешения елшанской (из илов глины) и нижневолжской (из илов) традиций.

По фрагментам с накольчатым орнаментом Ивановской стоянки (*Моргунова, 1995, с.108-109, рис.6-7)* получено четыре даты: 7060±100; 6980±80; 6930±90; 6840±90 л.н. Здесь необходимо отметить, что для 3 слоя Варфоломеевской стоянки есть даты: 7120±90 и 7080±80 л.н., а для II Старо-Елшанской - 6820±80 л.н. Таким образом, типологические и технологические разработки исследователей о хронологическом соотношении елшанских и нижневолжских комплексов подтвердились и с помощью радиоуглеродных дат.

Ещё одной компонентой средневолжской (волго-уральской) культуры является керамика с насечками *(Выборнов, 2000).* Её появление фиксируется по фрагментам с Ильинской стоянки *(Мамонов, 1988, с.103, рис.12)* - 6770±90 и 6670±100 л.н.

Накольчатая традиция продолжает своё развитие как в южной, так и в северной частях лесостепного Заволжья и в более позднее время. Исследователи, во-первых, отмечали неоднократные импульсы из степной зоны *(Выборнов, 2002),* во-вторых, И.Н.Васильева пришла к выводу, что керамика с треугольными наколами и ямочно-жемчужными поясами на Виловатовской стоянке изготовлена преимущественно из илов (как впрочем и аналогичная группа с Ивановской стоянки), что по сути свидетельствует о местном развитии южных традиций. Керамика с Виловатовской стоянки

(*Васильев, Выборнов, Габяшев, Моргунова, Пенин, 1980, с.163-164, рис.6-7)* получила 6 дат: от 6320±90 до 5840±90 л.н. (таблица). В последнюю треть V тыс. до н.э. укладываются даты и в более северной части. Так, по II Щербетьской стоянке - 6270±90 л.н., по IV Тетюшской - 6170±90 л.н., на Дубовской III - 6130±100 и на Отарской VI - 6020±90 л.н. Западнее, на р.Суре керамика со стоянки Утюж I получила даты: 6330±90 и 5890±80 л.н.

Следующая группа керамики неолита лесостепного Заволжья - с коротким, чуть изогнутым зубчатым штампом *(Васильев, Выборнов, Габяшев, Моргунова, Пенин, 1980, с.162-170, рис.8-10).* По сходству технико-типологических признаков с накольчатой и по наличию фрагментов, на которых сочетались оба способа нанесения орнамента, исследователи допускали их частичное сосуществование. По фрагментам с зубчатым узором Виловатовской стоянки *(Васильев, Выборнов, Габяшев, Моргунова, Пенин, 1980, с.166, рис.8, 1, 7)* получено 7 дат: от 6160±100 до 5755±80 л.н. (таблица). Иначе говоря, они подтверждают вышеуказанное предположение. Примечательно, что и в западной части Среднего Поволжья зубчатая посуда получила сходные даты: Ковыляй I - 6140±90; Подлесное III - 6070±90; Имерка Ь - 5920±80 л.н. В тоже время, необходимо обратить внимание на даты керамики с зубчатой орнаментацией на стоянке Ильинка (Мамонов, 1988, с.103, рис.10, 3): 5730±80 и 5620±80 л.н.; на стоянке Лебяжинка IV *(Выборнов, Королев, Мамонов, Овчинникова, 2007, с.133, рис.10, 1-4):* 5690±80 и 5590±80 л.н. Иначе говоря они укладываются во вторую четверть IV тыс. до н.э.

Накольчатая традиция завершает свое развитие в интересуемом регионе в первой четверти IV тыс. до н.э. об этом свидетельствуют даты для черепков с наколами на стоянке Лебяжинка IV *(Выборнов, Королёв, Мамонов, Овчинникова, 2007, с.149, рис.26, 4; с.150, рис.27,* 5): 5930±90 и 5880±90 л.н. и на стоянке Красный Яр VII *(Выборнов, 2000, с.197, рис.12, 4)* - 5780±100 л.н. Этот хронологический диапазон занимают и поздненакольчатые комплексы на правобережье. Так, для стоянки Ковыляй I - 5880±90 л.н., а для Озимёнок II - 5830±90 л.н.

На смену зубчатой приходит гребенчатая техника нанесения орнамента, которую специалисты относят преимущественно к финалу средневолжской (волго-уральской) культуры. На стоянке Лебяжинка IV фрагменты подобного типа *(Выборнов, Королёв, Мамонов, Овчинникова, 2007, с.133, рис.10, 1-4)* получили даты: 5420±80 и 5360±90 л.н. В западной части Среднего Поволжья посуда с гребенчатыми оттисками также продатирована. На стоянке Имерка IV - 5590±80 л.н., Озимёнки II - 5650±80; 5490±90 и 5370±90 л.н.

Исследователи отдают себе отчет в том, что радиоуглеродный метод не является панацеей. Тем более, что вышеприведённые даты получены по

новой методике, нуждающейся в дальнейшем совершенствовании. Однако, серии дат для достаточно большого числа памятников позволяют уже в настоящее время начать работу по анализу предварительных данных.

Литература:

Барынкин П.П., Козин Е.В. Некоторые результаты исследований II Большераковской стоянки // Древности Восточно-Европейской лесостепи. Самара, 1991.

Буров ГМ. Каменный век Ульяновского Поволжья. Ульяновск, 1980.

Васильев И.Б., Пенин Г.Г. Елшанские стоянки на р. Самаре в Оренбургской области//Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1977.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Габяшев Р.С, Моргунова Н.Л., Пенин Г. Г. Виловатовская стоянка в лесостепном Заволжье //Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.

Васильев И.Б., Выборнов А.А. Неолит Поволжья. Куйбышев, 1988.

Васильев И.Б. Лесостепное Поволжье в эпоху энеолита и ранней бронзы//Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1979.

Васильева И.Н. О гончарной технологии населения Волго-Уралья в эпоху неолита (по материалам Ивановской стоянки)//Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2007.

Вискалин А. В. Пути неолитизации Волго-Камья (к постановке вопроса)// Тверской археологический сборник. Вып.5. Тверь, 2002.

Вискалин А.В. Ранненеолитический комплекс стоянки Елшанка 10 (Усть -Ташелка) (итоги предварительного изучения)// Археология Восточноевропейской лесостепи. Пенза, 2003.

Вискалин А.В. К вопросу о датировке ранненеолитической керамики елшанского типа//Тверской археологический сборник. Вып.6. Тверь, 2006.

Выборнов А.А., Пенин Г.Г. Неолитические стоянки на р.Самаре// Древняя история Поволжья. Куйбышев. 1979.

Выборнов А.А. Средневолжская культура // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Самара. 2000.

Выборнов А.А. Проблемы изучения неолита лесостепного Поволжья//Современные проблемы истории и философии. Самара, 2002.

Выборнов А. А. Неолит лесостепного Поволжья и его окружение// Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А.Городцова в ГИМе. М., 2003.

Выборнов А.А., Королев А.И. Ставицкий В.В. Неолитические материалы стоянки Озименки II в Примокшанье//Вопросы археологии Поволжья. Вып.4. Самара, 2006.

Выборнов А.А. Два аспекта в изучении волго-уральской культуры/Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной сфере Евразии: проблемы изучения и историографии. Уфа, 2007.

Выборнов А.А., Мамонов А.Е., Королев А.И., Овчинникова Н.В. Неолитическая керамика стоянки Лебяжинка IV в лесостепном Поволжье//Вестник СГПУ. Исторический факультет. Самара, 2007.

Габяшев Р.С. Население Нижнего Прикамья в V-III тысячелетиях до нашей эры. Казань, 2003.

Даниленко В.Н. Неолит Украины. Киев, 1969.

Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. Радиоуглеродное датирование археологической керамики жидкостным сцинтилляционным методом//Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб., 2007.

Котова Н.С. Неолитизация Украины. Луганск. 2002.

Кузьмина О.В., Ластовский А.А. Стоянка Красной Городок// Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара, 1994.

Ластовский А.А. О культурном статусе керамики елшанского типа//Вопросы археологии Поволжья. Вып.4. Самара, 2006.

Мамонов А.Е. Ильинская стоянка и некоторые проблемы неолита лесостепного Заволжья// Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР. Ижевск. 1988.

Мамонов А.Е. Елшанская культура// История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара, 2000

Мамонов А.Е. Новые материалы Ильинской стоянки в Самарской области//Историко-археологические изыскания. Вып.5. Самара, 2002.

Мамонов А.Е. Елшанская культура: проблемы изучения и хронологический аспект//Актуальные проблемы истории, археологии, этнографии. Самара, 2006.

Моргунова Н.Л. Ивановская стоянка эпохи неолита-энеолита в Оренбургской области// Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.

Моргунова Н.Л. Эпоха неолита и энеолита в лесостепной зоне Волго-Уральского междуречья // Автореф.дисс.канд.наук. М., 1984.

Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург, 1995.

Моргунова Н.Л. Население юга лесостепи Волго-Уральского междуречья в эпохи неолита-энеолита-ранней бронзы//Автореф. дисс. док. ист. наук. М., 1997.

Никитин В.В. Этнические процессы в Марийском Поволжье в древности (спорные вопросы) //АЭМК. Вып.14. Йошкар-Ола, 1988.

Тимофеев В.И, Зайцева Г.И. К проблеме радиоуглеродной хронологии неолита степной и юга лесной зоны европейской части России и Сибири// Радиоуглерод и археология. Вып.2. СПб., 1997.

Юдин А.И. О чертах сходства орловской и волго-уральской неолитических культур: контакты или миграции?// XV Уральское археологическое совещание. Оренбург, 2001.

Таблица

Ивановка № образца 102, елшанская (без шамота)	К - 14568	7930±90	1 а 6860-6680ВС 2 а 7080-6590ВС
Ивановка № образца 103, елшанская (с шамотом)	К - 14631	7780±90	1 а 6690-6470ВС 2 а 7050-6400ВС
Ивановка № образца 103, елшанская (с шамотом)	К - 14567	7680±90	1 а 6600-6430ВС 2 а 6700-6340ВС
Ивановка образец №46/2, накольчатая керамика мелкие фрагменты	Ki -14118	7060±100	1а 6020-5800 ВС 2а 6090-5720 ВС
Ивановка образец №46/1, накольчатая керамика мелкие фрагменты	Ki -14079	6980±80	1а 5920-5770 ВС 2а 6010-5710 ВС
Ивановка образец №45/2, накольчатая керамика	Ki -14119	6930±90	1а 5900-5720 ВС 2а 5930-5660 ВС
Ивановка образец №45/1, накольчатая керамика	Ki -14080	6840±90	1а 5800-5630 ВС 2а 5910-5610 ВС
Елшанская стоянка	К - 14413	6820±80	1 а 5780-5630ВС 2 а 5880-5610ВС
Елшанская стоянка №обр.104(а), елшанская	К - 14569	6760±80	1а 5730-5610ВС 2а 5800-5510Вс
Елшанская стоянка №обр.104(б), елшанская	К - 14570	6480±80	1 а 5520-5360ВС 2 а 5560-5300ВС
Ильинка образец №13/1, не орнаментированная керамика	Ki -14111	6740±70	1а 5720-5610 ВС 2а 5740-5510 ВС
Ильинка образец №13/2, не орнаментированная керамика	Ki -14145	6680±70	1а 5670-5520 ВС 2а 5720-5480 ВС
Ильинка прочерченная	Ki -14619	6760±90	1а 5740-5610 ВС 2а 5810-5510 ВС
Ильинка, прочерченная	К - 14464	6640±100	1а 5640-5480 ВС 2а 5730-5460 ВС
Ильинка образец №15/2, керамика с насечками	Ki -14147	6770±90	1а 5740-5610 ВС 2а 5810-5510 ВС
Ильинка образец №15/1, керамика с насечками	Ki -14113	6670±100	1а 5660-5510 ВС 2а 5740-5470 ВС
Ильинка образец №14/1, зубчатая керамика	Ki -14112	5620±80	1а 4540-4350ВС 2а 4680-4330ВС
Ильинка образец №14/2, зубчатая керамика	Ki -14146	5730±80	1а 4690-4490ВС 2а 4780-4360ВС
Красный городок образец №10/1, неорнаментированная	Ki -14078	6730±100	1а 5730-5530 ВС 2а 5800-5470 ВС
Красный городок образец №10/2, неорнаментированная	Ki -14117	6550±130	1а 5620-5370 ВС 2а 5730-5280 ВС

Красный Яр VII, неорнаментированная	К - 14580	6540±80	1а 5560-5460 ВС 2а 5630-5340 ВС
Красный Яр VII, неорнаментированная	К - 14586	6280±90	1а 5370-5200 ВС 2а 5480-5030 ВС
Красный Яр VII, накольчатая	К - 14462	5780±100	1а 4730-4500 ВС 2а 4900-4350 ВС
Максимовка II неорнаментированная	Ki -14411	6420±80	1а 5480-5320 ВС 2а 5540-5210 ВС
Максимовка II неорнаментированная	Ki -14412	6470±80	1а 5490-5340 ВС 2а 5560-5200 ВС
Б.Раковка II неорнаментированная	Ki -14835	6310±90	1а 5380-5200 ВС 2а 5480-5050 ВС
Б.Раковка II неорнаментированная	Ki -14829	5770±90	1а 4720-4500 ВС 2а 4810-4440 ВС
Б.Раковка II неорнаментированная	Ki -14830	5610±90	1а 4540-4340 ВС 2а 4690-4320 ВС
Лебяжинка 4 образец №17/1, накольчатая керамика	Ki -14081	5930±90	1а 4940-4690 ВС 2а 5040-4580 ВС
Лебяжинка 4 образец накольчатая №17/2,	Ki -14120	5880±90	1а 4850-4610 ВС 2а 4950-4490 ВС
Лебяжинка 4 образец №16/1, зубчатая керамика	Ki -14083	5690±80	1а 4620-4450 ВС 2а 4720-4350 ВС
Лебяжинка 4 образец зубчатая №16/2,	Ki -14122	5590±80	1а 4500-4340 ВС 2а 4620-4320 ВС
Лебяжинка 4 образец №18/1, гребенчатая	Ki -14082	5420±80	1а 4350-4220 ВС 2а 4460-4040 ВС
Лебяжинка 4 образец №18/2, гребенчатая	Ki -14121	5360±90	1а 4130-4040 ВС 2а 4350-3990 ВС
Виловатвская образец №19а/1, накольчатая керамика из одного сосуда	Ki -14085	5840±100	1а 4800-4580 ВС 2а 4940-4450 ВС
Виловатовская образец №19а/2, накольчатая керамика из одного сосуда	Ki -14124	5910±80	1а 4860-4680 ВС 2а 4960-4540 ВС
Виловатовская образец №19б/1, накольчатая керамика	Ki -14086	5840±90	1а 4800-4580 ВС 2а 4860-4490 ВС
Виловатовская образец №19б/2, накольчатая керамика	Ki -14125	6020±90	1а 5040-4790 ВС 2а 5250-4650 ВС
Виловатовская образец №20/1, зубчатая	Ki -14087	6010±80	1а 5000-4770 ВС 2а 5250-4650 ВС
Виловатовская образец №20/1, зубчатая	Ki -14833	5920±90	1а 4860-4680 ВС 2а 5030-4540ВС

Виловатовская образец №20/2, зубчатая	Ki -14126	5880±90	1a 4850-4610 BC 2a 4950-4490 BC
Виловатовская образец №21/1, зубчатая керамика из одного сосуда	Ki -14088	6160±100	1a 5260-4950 BC 2a 5350-4800 BC
Виловатовская образец №21/2 зубчатая керамика	Ki -14127	5980±100	1a 5000-4770 BC 2a 5250-4600 BC
Виловатовская образец №22/1, зубчатая	Ki -14089	5960±90	1a 4940-4770 BC 2a 5060-4670 BC
Виловатовская образец №22/2, зубчатая	Ki -14089	5755±80	1a 4710-4500 BC 2a 4800-4450 BC
Виловатовская образец №23, накольчатая керамика	Ki -14090	6320±90	1a 5380-5200 BC 2a 5480-5200 BC

А.В. Сурков (Воронеж)

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОМ СТАТУСЕ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ С НАКОЛЬЧАТО-ГРЕБЕНЧАТОЙ КЕРАМИКОЙ НА ВЕРХНЕМ ДОНУ

Изучение неолита Верхнего Подонья насчитывает уже более чем полувековую историю, по количеству известных и раскопанных памятников этого времени это один из самых изученных регионов Доно-Волжской лесостепи. Благодаря масштабным работам В.П. Левенка в 50-60 г. прошлого века были выделены рязанско-долговская и рыбно-озерская культуры с ямочно-гребенчатой керамикой. Р.В. Смольяниновым был исследован целый ряд новых памятников, в результате чего был выделен карамышевский тип керамики, соотносимый с ранним неолитом *(Смольянинов, 2006)*.

Культурный статус накольчато-гребенчатой керамики Верхнего Подонья до сих пор, на наш взгляд, окончательно не определен. Такая керамика в качестве самостоятельной группы В.П. Левенком не выделялась. Он, по-видимому, отдельно рассматривал накольчатую, соотносимую им со среднерусским лесостепным вариантом днепро-донецкой культуры, и гребенчатую, включаемую в разанско-долговскую культуру *(Левенок, 1973)*. В последующие годы вопрос о накольчато-гребенчатой керамике со стоянок Верхнего Дона решался вслед за А.Т. Синюком в пользу соотнесения ее с древностями среднедонской культуры, что объяснялось наличием общих приемов орнаментации, схожестью форм и т.д., но такая керамика встречалась в небольшом количестве и северная граница среднедонской культуры была проведена А.Т. Синюком довольно условно *(Синюк, 1986)*.

В этом плане становятся весьма интересны неолитические материалы, полученные автором данной статьи при раскопках многослойного поселения Васильевский Кордон 7, где была обнаружена целая серия сосудов (около 30), которые в сочетании со специфичным каменным инвентарем позволяют взглянуть на накольчато-гребенчатую керамику с иных позиций.

Поселение Васильевский Кордон 7 расположено на невысоком пойменном останце в правобережье верхнего течения р. Воронеж. Раскопками было исследовано 141 кв.м, выявлено всего 6490 находок, из которых 1601 - фрагменты неолитической керамики. К группе накольчато-гребенчатой керамики нами отнесено чуть больше половины - 884 фрагмента (16 % от общего количества керамических находок). В основном это стенки, но есть 134 венчика и 19 фрагментов донц или придонных частей. В рамках этой группы выделяется несколько сосудов (около пяти), имеющих более плотное тесто и коричневый цвет поверхностей, внешняя сторона сосудов слегка подлощена, изнутри редкие крупные расчесы (рис. 1, *2, 4, 12).* Форма сосудов идентична.

Толщина стенок составляет 0, 5-0, 9 см, цвет поверхностей желтый с коричневатыми оттенками, мелкие расчесы часто покрывают обе стороны. В тесте - «кровавик» - охристые включения бурого цвета, скорее всего естественного происхождения. Судя по венчикам, в раскопе обнаружены фрагменты от 31 сосуда. По форме это были прямостенные сосуды с острым или уплощенным дном, иногда со стянутым устьем, срез венчика приострен. Один из сосудов имел выраженную биконичность (рис. 2, *3, 4).* Около трех сосудов не имели никакой орнаментации, на ряде сосудов в качестве украшения использовался только ямочный поясок (рис. 1, *2-4),* а у двух сосудов - «жемчужины», в один и два ряда (рис. 1, *1,* 11). Остальные сосуды имели орнаментированные зоны в верхней части сосуда. В качестве орнамента использовался короткий мелкозубый штамп, мелкий накол, иногда накол и гребенка сочетались (рис. 1; 2). Чаще всего композиционно наблюдаются отдельные зоны из наклонных рядов, но есть и горизонтальные ряды, елочка. У двух сосудов наколы были нанесены прямоугольными зонами. Среди днищ три были уплощены (рис. 2, *5, 7),* одно округлое, орнаментированное наколами (рис. 2, 9). Некоторые донца так же могли быть уплощенными (рис. 2, 6). Одно донце этой группы острое, на нем слегка выделен небольшой «шип» (рис. 2, 8).

Для неолитических памятников Верхнего Подонья характерной чертой является относительно небольшое количество каменного инвентаря (по отношению к керамике). На Васильевском Кордоне 7 каменные изделия составили шестую часть находок (1030 единиц), что вместе с таким

количеством накольчато-гребенчатой керамики эпохи неолита позволяет с определенной долей уверенности соотносить некоторые группы каменного инвентаря с этим этапом заселения памятника.

Обнаруженные в раскопе каменные предметы были на 93% изготовлены из кремня, в основном разноцветного валунного. Особый интерес вызывают нуклеусы и их сколы (почти десятая часть каменного инвентаря) - аморфные и предельно утилизированные, для снятия небольших отщепов и микропластин, хотя в раскопе последних практически не встречено. Резцов выделено 46, среди которых имеются срединные и боковые. Два орудия имели геометрические формы.

Косвенное подтверждение для соотнесения большинства каменного инвентаря данного памятника именно с накольчато-гребенчатой керамикой может служить следующий факт. На соседних неолитических поселениях (на расстоянии около двух километров от Васильевского Кордона 7), раскопанных в 2007 г. Р.В. Смольяниновым, доминировала ямочно-гребенчатая керамика, тогда как накольчато-гребенчатая практически не встречена, каменный инвентарь так же малочислен и невыразителен.

Данных по каменному инвентарю неолитических памятников Донно-Волжской лесостепи у нас практически нет, в связи с их многослойностью и смешанностью культурных слоев, поэтому большее внимание мы вынуждены уделять керамике.

Довольно ярко аналогичная накольчато-гребенчатая керамика представлена на поселении Липецкое Озеро (рис. 3). К сожалению, авторами публикации материалов этого памятника большее внимание было уделено накольчатой керамике, тогда как гребенчатая и неорнаментированная хоть и выделяются в отдельные группы в рамках среднедонской культуры, но не участвуют в построении периодизации неолита лесостепного Подонья *(Синюк, Клоков, 2000).*

Данная керамика в большом количестве была обнаружено на стоянке Доброе. По проведенным в прошлое десятилетие раскопкам до сих пор нет отчета, материалы не публиковались. Хранящаяся в фондах Липецкого областного краеведческого музея коллекция с данной стоянки примечательна преобладанием среди неолитической керамики накольчато-гребенчатой, большим количеством каменного инвентаря. Это очень сближает данный памятник с поселением Васильевский Кордон 7, тем более что они расположены в пределах одного административного района. В фондах музея хранятся материалы, полученные В.П. Левенком, работа по систематизации и публикации которых сейчас ведется Р.В. Смольяниновым, среди этих коллекций так же имеются памятники с накольчато-гребенчатой керамикой.

Среди опубликованных материалов можно назвать поселение Карамышево 9, материалы которого послужили основой для выделения ранненеолитического карамышевского типа керамики. Суд по публикации два-три сосуда можно также соотнести с кругом накольчато-гребенчатых древностей *(Смольянинов, 2006)*.

Самым северным памятником с аналогичной керамикой на сегодняшний день является поселение Городок I на р. Ранова в Рязанской области. По результатам раскопок авторами выделено несколько керамических групп, часть керамики первой из которых по всем признакам можно соотнести с верхнедонской (наличие «кровавика» в тесте, расчесы, форма и размер штапма, орнаментальные композиции и форма сосудов) *(Выборнов, Королев, Ставицкий, Челяпов, 2004, рис. 2;* 3). При публикации данных материалов авторы отметили сходство гребенчатой керамики как со среднедонской, так и с верхневолжской культурами, причем один из сосудов (с перегибом в верхней части) был соотнесен именно с верхневолжской культурой развитого этапа, что позволило датировать комплекс накольчато-гребенчатой керамики поселения Городок I ранним неолитом. С определенной степенью достоверности с ранненеолитической керамикой были сопоставлены некоторые типологические группы каменного инвентаря, среди которых можно отметить резцы на углу пластины или продольного скола, которые встречены и на поселении Васильевский Кордон 7.

В качестве определения культурного статуса памятников с накольчато-гребенчатой керамикой на Верхнем Дону мы можем предполагать несколько вариантов. Первый из них - рассмотрение в качестве регионального проявления или одного из типов в рамках среднедонской неолитической культуры второго этапа (по А.Т. Синюку). Другой вариант - выделить их в качестве самостоятельной верхнедонской культуры. Для обоих вариантов есть как основания, так и противоречия. С одной стороны на Верхнем Дону есть памятники, где ярко представлена именно среднедонская накольчатая керамика, что говорит о включении региона в границы распространения этой культуры, на поселении Васильевский Кордон 7 несколько сосудов также принадлежало среднедонской культуре (они отличались по составу теста - запесоченные, а в орнаментации - «классический» треугольный накол) (рис. 2, 2). С другой стороны здесь есть памятники где доминирует гребенчатая керамика и некоторая накольчатая сделана углом того же штампа, в композициях преобладают зоны из наклонных линий в верхней части сосудов. На верхнедонской керамике расчесы часто покрывают на ряду с внутренней и всю внешнюю сторону, тогда как на среднедонской внешнюю поверхность чаще заглаживали. В пользу придания самостоя-

тельного культурного статуса говорит и каменный инвентарь стоянки Васильевский Кордон 7.

Если принимать второй вариант, то часть керамики со стоянок в черте г. Воронежа, в частности Университетской 3, можно будет сопоставлять с верхнедонским регионом и вообще распространение в среднедонской культуре гребенчатого штампа связывать именно с верхнедонской культурой. Но пока для таких построений не достаточно аргументов.

Рассматривая верхнедонские материалы в системе лесостепного неолита Донно-Волжского междуречья определенные параллели обнаруживаются в комплексах стоянок Ковыляй 1 и Ильинка в Среднем Поволжье, сходство гребенчатой керамики которых отмечено В. В. Ставицким *(Ставицкий, 2004)*. Причем, анализ накольчато-гребенчатого комплекса стоянки Ковыляй 1 показывает наименьшее сходство с верхневолжской культурой по сравнению с другими неолитическими памятниками Сурско-Мокшанского междуречья и близость его средневолжской культуре *(Ставицкий, 1999)*.

Таким образом, распространение накольчато-гребенчатой керамики на Верхнем Дону происходило, скорее всего, под воздействием и среднедонской, и средневолжской культур, но хронологическую последовательность и степень влияния определить пока нельзя. Имеющиеся данные не позволяют выделять в неолите Верхнего Дона отдельную культуру с накольчато-гребенчатой керамикой, но нельзя и отрицать их определенную самостоятельность.

Литература:

Выборнов А.А., Королев А.И., Ставицкий В.В., Челяпов В.П. Ранний комплекс поселения Городок I на р. Ранова в Рязанской области // Исторические исследвания. Вып. 5. Самара, 2004.

Левенок В.П., Неолитические племена лесостепной зоны европейской части СССР // МИА. № 172, 1973.

Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986.

Синюк А.Т., Клоков А.Ю. Древнее поселение Липецкое Озеро. Липецк, 2000.

Смольянинов Р.В. Неолитические материалы Неолитические материалы с поселения Карамышево 9 на Верхнем Дону // Тверской археологический сборник. Вып.6. Том 1. Тверь, 2006.

Ставицкий В.В. Каменный век Примокшанья и Верхнего Посурья. Пенза, 1999.

Ставицкий В.В. Хронология Сурско-Мокшанского неолита // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб., 2004.

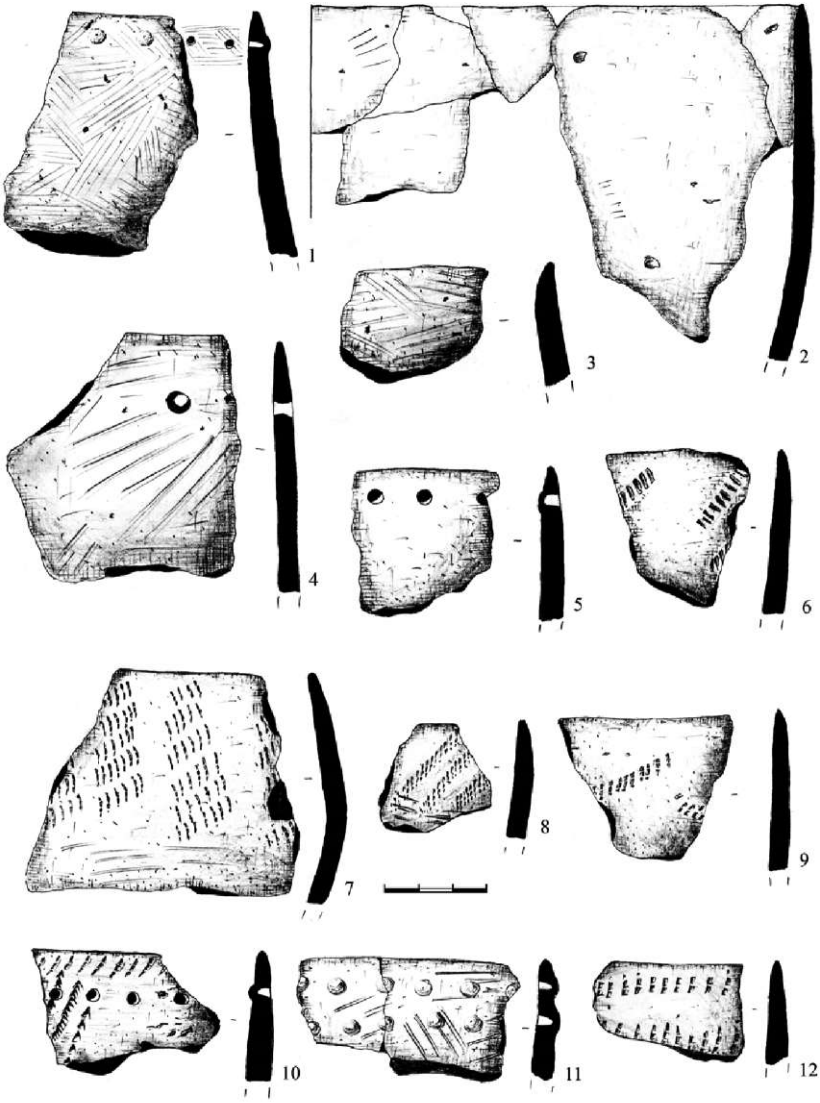


Рис. 1. Неорнаментированная и накольчато-гребенчатая керамика поселения Васильевский Кордон 7

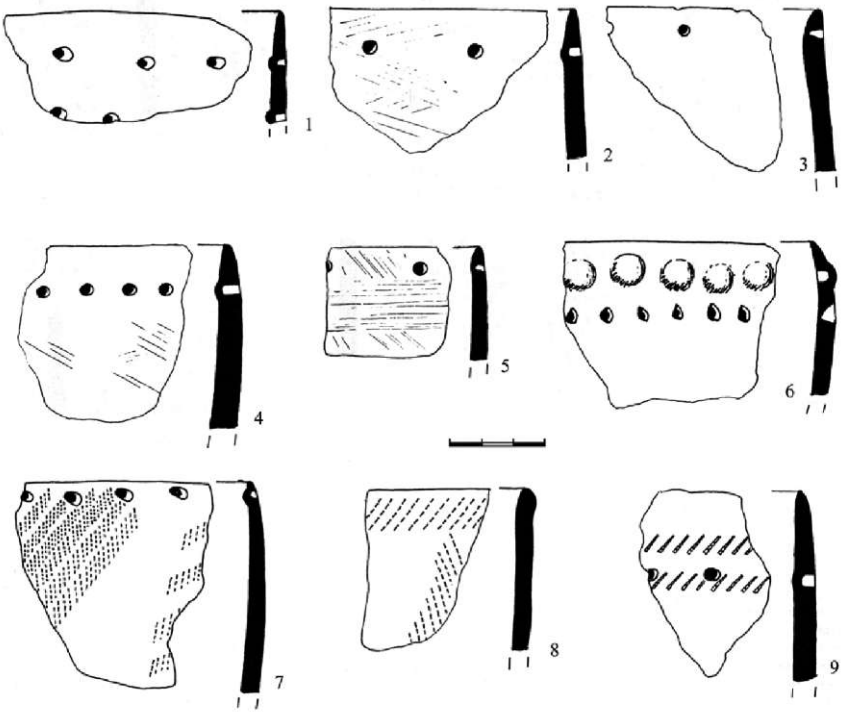


Рис. 2. Накольчато-гребенчатая керамика поселения Васильевский Кордон 7

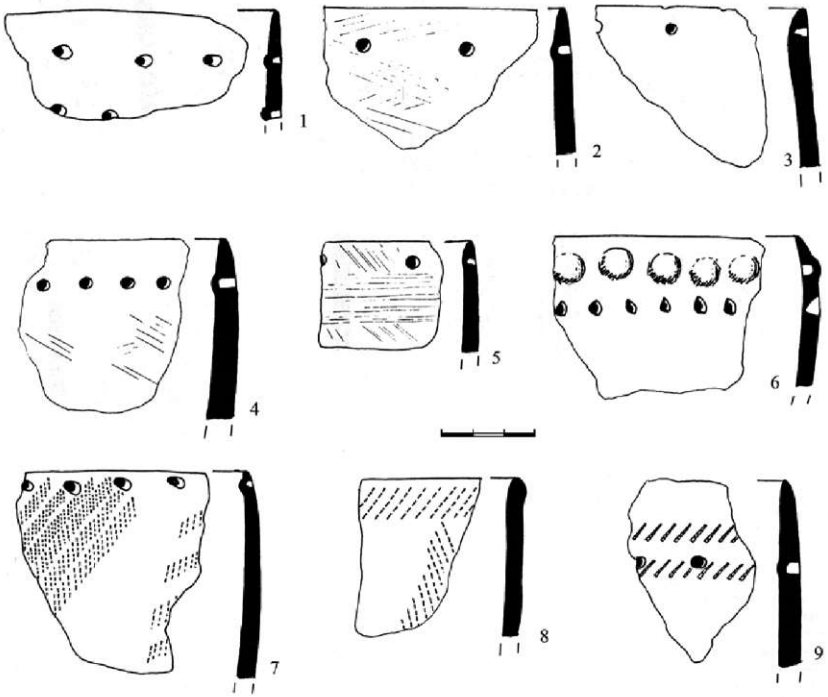


Рис. 3. Неорнаментированная и гребенчатая керамика поселения Липецкое Озеро (по А.Т. Синюку, А.Ю. Клокову)

В.В. Ставицкий (Пенза)

О НЕКОТОРЫХ ДИСКУССИОННЫХ ПРОБЛЕМАХ ИЗУЧЕНИЯ ПОХОПЕРСКОГО НЕОЛИТА

Поводом для написания данной статьи стал выход в свет монографии А.В. Суркова «Неолитические памятники Среднего Похоперья», вышедшей в 2007 г. в Воронеже под редакцией профессора Воронежского педуниверситета А.Т. Синюка. Основные положения этой книги за два года до этого были успешно защищены ее автором в качестве кандидатской диссертации, положительный отзыв на автореферат которой среди прочих оппонентов был написан и мной. Выход данной монографии, довольно молодого, но умудренного опытом самостоятельных разведок и раскопок исследователя - это весьма отрадное явление. Еще в недалеком прошлом с изданием подобных книг было намного сложнее, и, например, моя первая монография, которая в основном была написана еще в 1993 г. вышла только через шесть лет *(Ставицкий, 1999).* Монография А.В. Суркова великолепно издана в удобном «археологическом» формате А4, прекрасно проиллюстрирована её автором, имеет продуманную и весьма обоснованную структуру изложения материала. Вдвойне отрадно, что она полностью написана на авторских материалах, и к тому же посвящена изучению территории, которая до недавнего времени была крайне неравномерно исследована. Благодаря работам А.А. Хрекова, а в какой-то степени и автора рецензии *(Ставицкий, Хреков, 2003),* относительно хорошо было изучено Верхнее Похоперье, отдельные памятники были раскопаны на Нижнем Хопре *(Еремин, 1989)* и только отрывочные сведения имелись о неолитических древностях Среднего Похоперья. Проведенные А.В. Сурковым на данной территории исследования позволили восполнить имеющиеся пробелы. Совместно с И.В. Федюниным в устье р. Савалы им было открыто ряд неолитических стоянок, три из которых были раскопаны небольшими площадями: Плаутино 1,2,4. Материалы раскопок были опубликованы в ряде статей, а затем сведены воедино и обобщены в названной монографии *(Сурков, 2007),* что значительно расширило источниковедческую базу по неолиту данного региона. Тем не менее, на мой взгляд, среди высказанных А.В. Сурковым положений имеется ряд дискуссионных моментов, что вполне естественно и закономерно, поскольку именно в спорах рождается истина и каждая **хорошая книга** должна давать почву для подобных дискуссий.

В диссертации и монографии А.В. Сурковым была проанализирована физико-географическая характеристика региона, обобщены данные по топографии неолитических памятников, рассмотрены вопросы,

касающиеся сырьевой базы для изготовления каменных орудий и керамики. При этом совершенно справедливо был сделан вывод о том, что один из критериев принадлежности памятников к раннему неолиту, а именно преобладание количества каменных находок над керамикой, который ранее был предложен мною *(Ставицкий, 1999),* для территории Подонья неприменим. Поскольку здесь ощущалась нехватка качественного кремня для производства орудий, поэтому количественно находки из камня всегда уступают керамике. Тем не менее, в следующем разделе своей работы А.В. Сурков все-таки воспользовался этим «спорным» критерием, отметив, что на раннеолитических стоянках Похоперья наблюдается «преобладание в количественном плане каменного инвентаря» над керамикой» (*Сурков, 2005, с.13).*

Опираясь на анализ поглубинного залегания находок керамики на стоянке Плаутино 1, и учитывая результаты предыдущих исследований ряда авторов, А.В. Сурков предлагает трехчленную периодизацию неолитических памятников Похоперья. К раннему этапу неолита А.В. Сурковым справедливо относятся памятники с керамикой елшанской типа. Дальнейшее развитие неолитических древностей связывается им со среднедонской культурой, материалы которой по целому ряду признаков сближаются с елшанскими древностями, представляющими собой «общий ранненеолитический пласт», распространенный «на огромных пространствах Восточноевропейской лесостепи» *(Сурков, 2007, с.98).* Однако аличие подобного общего пласта памятников предполагает определенное участие его носителей в формировании последующих культур, для которых он и является общим. В пользу чего свидетельствует и указанное А.В. Сурковым сходство между елшанскими и среднедонсками древностями. К сожалению, данный тезис не получает в работе развития, и истоки среднедонской культуры видятся А.В. Суркову в Северном Прикаспии, и далее на юго-востоке в среднеазиатском регионе. При этом делается упор на близость каменного инвентаря названных территорий. Однако указанное сходство имеет самый общий характер - «преимущественное использование для изготовления орудий не целых пластин, а их сечений» *(Сурков, 2005, с.17).* К тому же, население Северного Прикаспия никак не могло быть проводником среднеазиатских традиций, поскольку, по мнению основных исследователей данного региона И.Б. Васильева и А.А. Выборнова *(1988, с.47),* между неолитическими культурами этих регионов имеются «значительные отличия по всем основным параметрам», как по кремню, так и по керамике.

Кроме того, по мнению А.В. Суркова, появление керамике в Похоперье произошло без изменений в каменном инвентаре *(Сурков, 2007, с.93-94),* значит, следует говорить именно о заимствование керамичес-

ких традиций. Однако наиболее ранняя керамика Северного Прикаспия (поселения Ту-бузгу-худук, Кугат, Кулгайси) не только остродонна, но и плоскодонна, к тому же на ней используется прочерченный орнамент, который на среднедонской посуде относится к поздним признакам. Причем плоскодонность прикаспийского, да и всего нижневолжского неолита это что-то незыблемое, существующее в неизменном виде на протяжении более тысячи лет. Вряд ли от подобных традиций можно было так легко отказаться, даже переселившись на Средний Дон.

Еще одним аргументом в пользу восточного, а не юго-западного воздействия приводится охотничье-рыболовческий тип хозяйства у прикаспийского и среднеднского населения, при наличие производящего хозяйства на Нижнем Дону. Однако в другом разделе работы говорится, что на неолитических памятниках данного региона практически отсутствуют костные остатки, которые позволили бы сделать какие-либо выводы о хозяйственном укладе местного населения *(Сурков, 2005, с.7),* что позволяет усомниться в весомости данного аргумента.

Таким образом, в вопросах происхождения среднедонской культуры А.В. Сурков разделяет точку зрения А.Т. Синюка, которая была высказана в середине 80-х годов, когда неолит Северного Прикаспия был известен только по подъемным сборам А.Н. Мелентьева. Но в настоящее время она уже не может быть принята по вышеизложенным соображениям. К тому же неясно, что происходит на Хопре с носителями елшанских керамических традиций. Почему эти столь близкие, по мнению А.В. Суркова, традиции не находят своего развития в среднедонской культуре? Кроме того, непонятно почему на протяжении всего VI тыс. до н.э. в Похоперье наблюдается сосуществование мезолитического и елшанского неолитического населения? Поскольку, объясняя прикаспийские истоки среднедонской культуры, А.В. Сурков утверждает, что её формирование происходит на местной позднемезолитической основе на рубеже VI -V тыс. до н.э., и что в это время здесь же существуют и елшанские древности *(Сурков, 2007, с.113).*

Следует отметить, что во все последующие эпохи территория не только Среднего, но и Верхнего Дона испытывала на себе сильное влияние со стороны нижнедонского населения, чему, безусловно, способствовало единство гидросистемы. На мой взгляд, подобное влияние имело место и в раннем неолите, в результате чего и происходит трансформация елшанских керамических традиций в традиции среднедонской культуры.

Особое место в работе А.В. Суркова было уделено древностям дронихинского типа, которые стратиграфически располагаются выше накольчатой, но ниже ямочно-гребенчатой керамики. Данное наблюде-

ние очень важно, поскольку снимает ранее высказанный А.Т. Синюком тезис об участие в их сложении носителей ямочно-гребенчатой керамики. Сделанный автором работы вывод, об отсутствие следов традиций ямочно-гребенчатой керамики в дронихинской посуде, подтверждается и на материалах Верхнего Похоперья *(Ставицкий, Хреков, 2003).* Совершенно справедливо, на наш взгляд, А.В. Сурковым ставится вопрос об их самостоятельном культурном статусе и уточняется территория локализации. Закономерным выглядит поиск их истоков в материалах Нижнего Поволжья в древностях каир-шакского типа.

Впервые, внимание на сходство каиршакских и дронихинских древностей обратил внимание А.А. Хреков *(2001, с.8),* а впоследствии данная точка зрения была развита В.В. Ставицким в совместной монографии *(Ставицкий, Хреков, 2003).* Однако после раскопок стоянки Кипец 1 на Верхней Вороне, дронихинская керамика которой по технологии изготовления практически не отличается от среднедонской, стало ясно, что одну из ведущих ролей в ее сложении все-таки сыграло местное население среднедонской культуры, на керамические традиции которого накладывается каиршакское воздействие. Не исключено, что каиршакский импульс в данном процессе даже не являлся определяющим. Если посмотреть на данную проблему шире, то прочерчено-накольчатая орнаментация каиршакских памятников является локальным проявлением общей орнаментальной традиции сурского типа, характерной для степных ранненеолитических культур прикаспийско-черноморского региона. Поэтому своими истоками прочерченная дронихинская керамика может восходить не только к каиршакской орнаментальной традиции, но и к сурской. Дополнительным аргументом в пользу этого является наличие керамики сурского типа, зафиксированной А.Т. Синюком на поселении Дрониха и отнесенной им к буго-днестровской культуре (*Синюк, 1986, с.110-111*).

К наиболее ранним памятникам дронихинского типа А.В. Сурков относит стоянки, расположенные на Среднем Хопре, однако в орнаментации их посуды менее всего прослеживаются каиршакско-сурские традиции. Типичная каиршакская и сурская керамика это керамика прочерчено-накольчатая, на которой прочерченные линии перемежаются с наколами. Такая керамика есть на поселениях Шапкино 6, Расказань 3, в небольшом количестве она присутствует и на Дронихе. На Среднем Хопре такая керамика зафиксирована только на 1-ой Борисоглебской стоянке *((Сурков, 2007, рис.11: 13,14*), на других памятниках наколы используются только для деления орнаментальных зон.

К разряду недоразумений следует отнести приписываемую мне А.В. Сурковым точку зрения о «появлении прочерченной керамики

в Посурье вследствие продвижения населения из Марийского Поволжья в сер. IV тыс. до н.э. - возможно, камской культуры» (*Сурков, 2007, с.106).* Оригинальный текст, побудивший А.В. Суркова к подобным выводам выглядит так: «В развитом неолите слабеют связи Посурья и Примокшанья. Примокшанские племена ямочно-гребенчатой керамики до Верхней Суры, видимо, не доходят. Ямочно-гребенчатая керамика Верхнего Посурья по набору основных элементов орнамента ближе к керамике Марийского Поволжья, чем к примокшанской керамике. Видимо, направления связей этого периода определяется средним течением р. Суры, по которому в верховья реки проникают носители ямочно-гребенчатой керамики и отдельные группы населения камской культуры, что нашло отражение в появление гребенчатой керамики на стоянке Подлесное 4» *(Ставицкий, 1999, с.187).* То есть с Марийским Поволжьем связано присурское население культуры ямочно-гребенчатой керамики, а в результате миграций отдельных групп камского населения здесь появляется гребенчатая, а не прочерченная керамика, поскольку прочерченная керамика на поселение Подлесное 4 представлена единственным фрагментом венчика. Соответственно, отпадает необходимость в опровержении моей точки зрения о волго-камском происхождении дронихинской прочерченной керамики *(Сурков, 2007, с.103)* К тому же, моя истинная точка зрения по данному вопросу подробно изложена в монографии, написанной совместно с А. А. Хрековым, и там нет ни слова о волго-камской культуре *(Ставицкий, Хреков, 2003, с.42-43).*

Дальнейшая судьба дронихинской культуры видится А. В. Сурковым в ее трансформации в имеркскую культуру. Гипотеза о дронихинских корнях имеркской культуры уже высказывалась ранее *(Выборнов, Третьяков, 1984),* но в то время имеркская культура датировалась рубежом III-IV тыс. до н.э., а дронихинская серединой III тыс. до н.э. (*Синюк, 1986, с.151).* Теперь же когда по имеркской культуре появилось радиоуглеродные даты, она датируется началом II тыс. до н.э. *(Королев, Ставицкий, 2006, с.146),* а дронихинская, по мнению А.В. Суркова *(2007, с.114*) доживает до середины III тыс. до н.э., т.е. получается не менее чем 500-летний разрыв, но на самом деле он больше. Поскольку на Плаутино 1 дронихинские материалы перекрываются слоем с ямочно-гребенчатой керамикой (*Сурков, 2007, с.45),* поэтому вряд ли дронихинские древности далеко выходят за пределы IV тыс. до н.э. Самым началом III тыс. до н.э. по радиоуглероду, в частности, датируется далеко не самый ранний фрагмент керамики с поселения Кипец (4960±70 BP). Кроме того, нет никаких данных и о территориальном смыкании данных культур. Там где есть Дрониха - нет Имерки, и наоборот. К

тому же, к их общим чертам относятся только плоские и конические днища, да использование прочерченного орнамента, т.е. признаки самого общего характера, которые не являются дронихинским ноу хау, и известны в целом ряде других культур.

Не могли принять участие носители дронихинских древностей и в формировании воронежской культуры, поскольку хронологический зазор между ними еще больше - не менее тысячи лет. Воронежская культура складывается на основе иванобугорской при сильном катакомбном влиянии, и прочерченная орнаментация на ее керамике из того же источника, что и в поздней катакомбной культуре.

К развитому периоду похоперского неолита кроме дронихинских древностей А. В. Сурков относит керамику с подовально-накольчатой орнаментацией, которая подразделяется им на две группы, более раннюю накольчатую и более позднюю ямчато-накольчатую. Объединение данных групп керамики в единый тип, на наш взгляд, не оправдано. Поскольку они имеют разное происхождение, и носители ранней группы керамики не принимают участия в формирование поздней.

Аналоги первой группе керамики, верно, отмечены А.В. Сурковым на памятниках Сурско-Мокшанского междуречья и на поселении Шапкино 4. Однако при этом, им говорится, что ее происхождение, по мнению В.В. Ставицкого и А. А. Хрекова, связано с елшанской, либо камской культурами *(Сурков, 2007, с.108).* Это не так. В камской культуре нами были отмечены аналоги только в орнаментации одного накольчатого сосуда с поселения Шапкино 3, что рассматривалось в качестве дополнительного аргумента в пользу северо-восточных, но не камских истоков данной керамики. О елшанской культуре речи вообще не велось. Целостные же аналоги прихоперской керамике, украшенной строчечными наколами овальной формы были отмечены нами в средневолжской культуре *(Ставицкий, Хреков, 2003, с.33).*

Верно отметив аналоги овальнонакольчатой керамике в неолите Суры и Мокши, А.В. Сурков, все-таки приходит к выводу о ее генетических корнях в посуде северокаспийского поселения Тентек-сор, с которой она не имеет ничего общего кроме формы накола. Поскольку тентексорская посуда плоскодонна, содержит в тесте примесь раковины, не имеет гребенчатого орнамента, имеет сложные орнаментальные построения в виде ромбом, меандров, косых крестов, треугольников и прямоугольников, чего в Похоперье нет. Однако для А.В. Суркова полупустынные территории Прикаспия почему-то являются неиссякаемыми источниками влияния, и оттуда он выводит одну миграцию за другой. Между тем для появления на прихоперской керамике накола овальной формы не было никакой необходимости в совершении ты-

сячекилометровой трансландшафтной миграции, переносящей охотников на куланов в чуждую для них природную среду лесостепного Похоперья. Для этого было достаточно просто взять в руки орнаментир не с острым, а с овальным концом, что, вероятно, и было сделано на позднем этапе развития среднедонской культуры. Об этом свидетельствуют находки среднедонской керамики на поселении Шапкино 6, значительная часть которых украшена не треугольным, а овальным наколом *(Ставицкий, Хреков, 2003, с.23).* Вероятно, к поздней среднедонской керамике относится и керамика с раздельными наколами овальной формы, которую А.В. Сурков выводит за рамки среднедонской культуры.

Происхождение ямчато-накольчатой керамики А.В. Сурков связывает с взаимодействием южного населения с остатками среднеднедонской культуры при активном влиянии со стороны культуры ямочно-гребенчатой керамики. Из последующего контекста становится ясным, что к южному населению им относятся носители овальнонакольчатой керамики, которые на стоянке Плаутино 2 вступают в контакт с носителями ямочно-гребенчатой посуды *(Сурков, 2007, с.109).* Однако по справедливому наблюдению А.В. Суркова на этой поздней группе керамики строчечных наколов, характерных для первой группы посуды нет. Следовательно, нет и данных о прямых контактах между носителями ранней овальнонакольчатой керамики первой группы с носителями ямочно-гребенчатой керамики. К тому же, судя по немногочисленным находкам керамики со строчечными наколами овальной формы, как на Верхнем, так и Среднем Хопре, которые значительно уступают здесь находкам керамики среднедонской культуры, их появление здесь всего лишь небольшой эпизод. Причем данный эпизод по отношению к появлению ямочно-гребенчатой керамики в Похоперье явно имеет более раннюю хронологию, что в принципе признается и А.В. Сурковым, когда он помещает бытование овальнонакольчатой керамики в развитой этап, а ямочно-гребенчатой керамики - в поздний.

Никак не обоснована А. В. Сурковым датировка прихоперских памятников с ямочно-гребенчатой керамикой концом IV - серединой III тыс. до н.э., с которыми синхронизируются второй этап развития дронихинских древностей, и поэтому не может быть принята. Первое появление носителей ямочно-гребенчатой керамики в Похоперье, явно относится к более раннему времени. Та керамика, которая относится А.В. Сурковым к рыбноозерской, очень близка к раннельяловской керамике. Особенно велико сходство с ранней ямочно-гребенчатой керамикой Волго-Окского междуречья посуды ряда Шапкинских стоянок, расположенных на р. Вороне *(Ставицкий, Хреков, 2003).* Данная кера-

мика, так же как ямочно-гребенчатая керамика рыбноозерского типа на Верхнем и Среднем Дону никак не могла появиться позже раннего этапа развития льяловской культуры, который датируется А.В. Энговатовой второй четвертью IV тыс. до н.э. *(Энговатова, 1997, с.117)*. Поскольку такие ее признаки, как преобладание гребенчатой орнаментации над ямочной, разреженное нанесение ямочных вдавлений, слабое использование различного рода костных (за исключением плюсневых отпечатков), ископаемых и веревочных штампов существуют только на раннем этапе развития и позже этого времени рыбноозерской керамики взяться было просто не откуда. Попадая на Дон и Хопер носители керамики раннельяловского типа, вероятно, уже не поддерживают интенсивных связей со своей исторической родиной и поэтому керамики развитого льялова на этих территориях практически нет. Как нет ее, например, на Средней Суре и некоторых других периферийных территориях, входящих в зону распространения данной керамической традиции. Не исключено, что данные процессы были связаны с переходом к большей оседлости населения, что повлекло за собой уменьшение доли дальних перемещений и к некоторому замыканию внутри очерченного круга устоявшихся культурно-хозяйственных связей.

На Верхнем и Среднем Дону в это время ямочно-гребенчатые традиции украшения керамики развиваются внутри рыбноозерского локального варианта, керамика которого приобретает некоторые черты, не характерные для раннего льялова. На Верхнем Хопре этого не происходит, либо данная линяя развития была здесь прервана, либо была законсервирована, как это бывает у этнографических групп, оказавшихся в условиях изоляции. Носители ямочно-гребенчатой керамики Среднего Похоперья, судя по ее облику, были больше связаны с родственным населением Среднего Дона, нежели с Верховьями Хопра. Именно оттуда на Средний Хопер попадает керамика долговского типа, которой на Верхнем Хопре практически нет.

Литература:

Васильев И.Б., Выборнов А.А. 1988. Неолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев: КГПИ. 112с.

Выборнов А.А., Третьяков В.П. 1984. Поселение Новый Усад IV // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев: КГПИ. С.91-100.

ЕреминВ.И. 1989. Неолитические поселения северо-западных районов Волгоградской области //Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев: КГПИ. С.71-89.

Королев А.И., Ставицкий В.В. 2006. Примокшанье в эпоху раннего металла. — Пенза. - 202 с.

Синюк А.Т. 1986. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж: ВГПИ. 179 с.

Ставицкий В.В. 1999. Каменный век Примокшанья и Верхнего Посурья. Пенза. 196 с. *Ставицкий В.В., Хреков А.А. 2003.* Неолит - ранний энеолит лесостепного Посурья и Прихоперья. Саратов: СГУ. 166 с.

Сурков А.В. 2005. Неолитические памятники Похоперья. - Автореферат дис. канд. ист. наук. Воронеж. 26 с.

Сурков А.В. 2007. Неолитические памятники Среднего Похоперья. Воронеж. 122 с.

Хреков А. А. 2001. Неолитические погребения стоянки Рассказань 3 //Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1998-2000 годах. Саратов, Вып.4. С.3-21.

Энговатова А.В. 1997. Хронология поселения Воймежное 1 и вопросы периодизации неолита Русской Равнины //Древние охотники и рыболовы Подмосковья. М. С.104-119.

А.И. Юдин (Саратов)

ХРОНОЛОГИЯ ВАРФОЛОМЕЕВСКОЙ СТОЯНКИ

Варфоломеевская стоянка явилась базовым памятником для выделения и характеристики орловской неолитической культуры. Среди неолитических стоянок Нижнего Поволжья это один из двух стратифицированных памятников, культурные слои которого формировались на протяжении большей части неолита и начальной поры энеолита. Естественно, хронология Варфоломеевской стоянки является определяющей для других однослойных памятников орловской культуры, а также основой для построения хронологической шкалы неолитической нижневолжской культурно-исторической общности.

Хронология Варфоломеевской стоянки основывается на сравнительной характеристике технико-типологических признаков керамики и каменных орудий сопредельных неолитических памятников, подверженных общим тенденциям развития, а также при помощи естественно-научных определений, в первую очередь по серии радиоуглеродных дат и по данным спорово-пыльцевых анализов. Синхронизация проводилась с реперными памятниками Нижневолжской неолитической культурно-исторической общности: стоянкой Джангар в Калмыкии, стоянками Каиршак I и III, Тентексор в Северном Прикаспии и Орловской стоянкой в степном Поволжье.

Материалы нижнего слоя Варфоломеевской стоянки синхронизируются с двумя нижними слоями Джангара и каиршакскими памятниками. На этом этапе по керамическим материалам хорошо просле-

живаются контакты между каршакским и джангарским населением и между каиршакским и орловским.

Материалы слоя 2 Б Варфоломеевки синхронизируются с находками верхней части среднего слоя Джангара. Слой 2А Варфоломеевки синхронен Орловке, верхнему слою Джангара и Тентексору *(Юдин, 2004. С. 145-151).*

В абсолютных датах хронология Варфоломеевской стоянки и ее синхронизация с памятниками Нижнего Поволжья выглядит следующим образом.

Калиброванная дата, полученная по углю из основания нижнего слоя Варфоломеевки - 5801+-172 л. до н.э. (ГИН 6546), - близка к двум из трех радиоуглеродных дат стоянки Каир-Шак III: 5722±161 л. до н.э. (ГИН 5905) и 5579±69 л. до н.э. (ГИН 5927), то есть это первая половина-вторая четверть VI тыс. до н.э. *(Козин, 2002, с. 13; Телегин и др., 2001. С. 129).* Синхронность Каир-Шака III и нижнего слоя Варфоломеевки также подтверждается совпадением состава палинологических комплексов (по данным Е.А.Спиридоновой).

Две радиоуглеродные даты для слоя 2 Б Варфоломеевки указывают на вторую половину V тыс. до н.э.: 5285±223 л. до н.э. (ЛУ-2620) и 5020±180 л. до н.э. (ЛУ-2642). Это близко к калиброванной дате слоя 2 Джангара: 5065±126 л. до.н.э. (Ле 2564) (Кольцов, 1987).

Для слоя 2 А получена серия из четырех дат: 4351-4237 л. до н.э. (Ки 3589); 4226-4002 л. до н.э. (Ки 3590); 4334-4047 л. до н.э. (Ки 3595); 4214-3991 л. до н.э. (Ки 3596). Калиброванное значение даты верхнего слоя Джангара - 4770±92 л. до н.э. (Ле 2901) - указывает на более раннее прекращение функционирования Джангара. Это хорошо иллюстрируется комплексом керамики, в которой отсутствуют позднейшие черты неолита.

Поздненеолитическая стоянка Тентексор в Северном Прикаспии *(Васильев, Выборнов, Козин, 1986)* также хорошо синхронизируется со слоем 2 А Варфоломеевки как по материалам, так и по радиоуглеродной дате - 4326±165 л. до н.э. (ГИН 6177), что совпадает с нижней датой слоя 2 А. Таким образом, уже к середине 90-х годов прошлого века было найдено соответствие не только культурно-хронологическим горизонтам Варфоломеевской стоянки на памятниках нижневолжского региона, но и произведена привязка к абсолютным датам. Однако использование калиброванных и некалиброванных дат разными исследованиями вносили неизбежную путаницу в датах неолита и энеолита Поволжья, а немногочисленность радиокарбонных определений и большие доверительные интервалы вызывали сомнения в истинности абсолютных дат. Доходило даже до того, что хронологическая схема развития неолита Поволжья, предложенная в своих основных чертах

еще в восьмидесятые годы прошлого века *(Васильев, Выборнов, 1986; 1988),* полностью отвергалась. Так, в частности, Г.Н.Матюшин отмечал, что Хвалынский энеолитический могильник по ^{14}С датируется более ранним временем, чем неолитические стоянки Джангар, Тентексор и Варфоломеевка. Из этого делался вывод, что отнесение этих памятников к разным эпохам весьма условно и, скорее всего, они относятся к разным культурам, чем к разным эпохам *(Матюшин, 1996, с. 63).* Это в какой-то мере разрешалось выделением нео-энеолитического этапа в развитии нижневолжского неолита, но не решало главного несоответствия между данными стратиграфии и радиоуглерода относительно хронологического соотношения прикаспийской и хвалынской энеолитических культур *(Юдин, 2006а, с. 42-43).*

Существующая схема развития неолита-энеолита Нижнего Поволжья: орловская неолитическая культура - прикаспийская раннеэнеолитическая культура мариупольского круга - хвалынская энеолитическая культура исходит из данных стратиграфии. Впервые более низкое залегание воротничковой мариупольской керамики относительно хвалынской зафиксировано в стратиграфической колонке Раздорского поселения. На поселении Кумыска хвалынская керамика залегала в одном слое с прикаспийской, но последняя всегда встречалась в нижней части слоя. На Вафоломеевской стоянке в верхнем слое встречены прикаспийские материалы, а сложение основных признаков культуры отмечено в нижележащем слое 2 А. Причем в двух верхних слоях нет никаких свидетельств контактов с хвалынским населением. Но хвалынская керамика встречена в культурных слоях алтатинских памятников - на эпонимной стоянке Алтата в Заволжье и стоянке Царица I в степном Правобережье.

По радиоуглеродным определениям слой 2А Варфоломеевки следует за Хвалынскими могильниками. Все четыре калиброванные даты этого слоя укладываются в последнюю треть V тыс. до н.э., а время функционирования Хвалынских могильников определяется первой половиной этого же тысячелетия. Но в таком случае как быть с прикаспийской культурой, которая не только стратиграфически следует за орловской, но и формируется на ее основе? Данное противоречие между фактами стратиграфии и определений по ^{14}С обсуждалось в литературе *(Юдин, 2006б. С. 14-16; Выборнов, Мамонов, 2007. С. 192-193; Ставицкий, 2007. С. 338-339),* но окончательно может быть разрешено только с появлением новых материалов и новых радиоуглеродных дат.

Новые 15 дат по трем культурно-хронологическим горизонтам Варфоломеевской стоянки получены в Киевской радиоуглеродной лаборатории (рук. Н.Н.Ковалюх). Эти даты подтверждают правильность немногочисленных стратиграфических наблюдений. В отличие от прежних материа-

лов (уголь, дерево, кость) для определений и получения счетной формы ^{14} С используется керамика. Ее механически разделяют на внешние и внутренние слои, а затем с помощью ряда физических и химических операций получают искомый углерод *(Выборнов и др., 2008).* Особенно замечательным свойством этого метода, является то, что керамика, в отличие от других материалов, гораздо меньше подвержена разрушению и можно использовать археологические коллекции очень давних раскопок.

Полученные даты, хотя и не составляют большую серию, все же более презентабельны по сравнению с предыдущими (табл. 1). Новые даты подтвердили достаточно раннее время нижнего (3) слоя стоянки, в чем ранее высказывались сомнения, так как третий слой Варфоломеевки имел всего одну дату. Пять дат нижнего слоя в календарном значении (здесь и далее - 1о) определяют время отложения слоя в интервале вторая четверть VII тыс. - первая четверть VI тыс. до н.э. при доминировании дат последняя четверть VI тыс. до н.э. - рубеж VII-VI тыс. до н.э. Это несколько удревняет предложенное ранее время (перв. пол. VI тыс. до н.э.) для нижнего слоя Варфоломеевки, но в целом соответствует большинству определений для каиршакских памятников Северного Прикаспия, полученных по аналогичной методике[11].

Достаточно компактно расположились четыре даты по 1 этапу позднего неолита (слой 2Б Варфоломеевки) - рубеж VII-VI - первая четверть VI тыс. до н.э. Наибольший интерес вызывают даты 2-го этапа позднего неолита (слой 2 А Варфоломеевки). Четыре известные ранее даты, выполненные также в Киевкой Радиоуглеродной лаборатории по кости и углю, в калиброванном значении определяли время формирования слоя 2А второй половиной V тыс. до н.э., что не вполне согласовывалось с более ранними датами энеолитических Хвалынских могильников, функционировавших в первой половине V тыс. до н.э. и о чем уже говорилось выше. Новые даты слоя 2А занимают хронологический интервал от, как минимум, второй четверти VI тыс. до н.э. до второй четверти V тыс. до н.э. Причем из шести дат три приходятся на конец первой четверти - середину VI тыс. до н.э. Это хорошо согласуется со временем стоянки Тентексор, которая и ранее синхронизировалась со слоем 2А как по радиоуглероду, так и по технико-типологическим характеристикам комплексов керамики и каменных орудий.

Если принять за верхнюю дату слоя 2А середину VI тыс. до н.э., то тогда верхний (первый) нео-энеолитический слой Варфоломеевки, содержащий раннеэнеолитическую керамику прикаспийской культуры, может быть датирован второй половиной VI тыс. до н. э. Именно в этом

[11] Выражаю благодарность профессору Самарского государственного педагогического университета А.А.Выборнову за предоставленную возможность ознакомлении с неопубликованными материалами.

случае устраняется противоречие между радиоуглеродными датами и данными стратиграфии: нижневолжский неолит сменяется прикаспийской раннеэнеолитической культурой.

Радиоуглеродное датирование по керамике показало, что при некотором удревнении слоев Варфоломеевской стоянки подтвердилась последовательность этапов развития нижневолжского неолита-энеолита, возможность сложения прикапийской энеолитической культуры на местной основе и ее предшествование хвалынским могильникам.

Следует отметить, что данные выводы подтверждаются и датами для других памятников поволжского региона, полученными по керамике в Киевской радиоуглеродной лаборатории.

Даты хвалынских памятников, полученные по керамике, совпадают с предыдущими радиоуглеродными определениями. Кроме того, дата Хвалынских могильников не может быть удревнена, так как напрямую увязана с функционированием Балкано-Карпатской металлургической провинции *(Черных, Орловская, 2004. С. 34).*

Новая серия дат конечно не решает всех вопросов, связанных с хронологией Вафоломеевской стоянки и неолита-энеолита Поволжья. Однако она более согласуется с данными стратиграфии и показывает, что между Варфоломеевкой и Хвалынскими могильниками существовал значительный хронологический интервал, занмаемый, очевидно, населением прикаспийской раннеэнеолитической культуры.

Литература:

Васильев И.Б., Выборнов А.А. Нижнее Поволжье в эпоху камня и бронзы // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов, 1986.

Васильев И.Б., Выборнов А.А. Неолит Поволжья (степь и лесостепь). - Куйбышев: КГПИ, 1988.

Васильев И.Б., Выборнов А. А., Козин Е.В. Поздненеолитическая стоянка Тентексор в Северном Прикаспии //Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1986.

Выборнов А.А., Мамонов А.Е. Проблемы хронологии неолита Волго-Камья: типология и радиоуглерод // Радиоуглерод в археологических и палеозоологических исследованиях (матер. конф.). СПб: ИИМК РАН, 2007.

Выборнов А.А., Гусенцова Т.М., КовалюхН.Н., Николаев В.В., Скрипкин В. В. К вопросу об абсолютной хронологии неолита Камско-Вятского междуречья // стендовый доклад на конф.: "Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии. Ижевск, 2008.

Козин Е.В. Неолит Северного Прикаспия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Ижевск, 2002.

Кольцов П.М. Неолит Северо-Западного Прикаспия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987.

Матюшин Г.Н. Неолит Южного Урала. Предуралье. М., 1996.

Ставицкий В.В. Неолитическая тематика на конференции "Археологическое изучение Центральной России // Пензенский археологический сборник. Пенза, 2007. Вып. 1.

Телегин Д.Я., Нечитайло А.Л., Потехина И.Д., Панченко Ю.В. Среднестоговская и новоданиловская культуры энеолита Азово-Черноморского региона. Луганск: Шлях, 2001.

Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Радиоуглеродная хронология энеолитических культур Юго-Восточной Европы: результаты и проблемы исследований // СА, 2004. № 4.

Юдин А. И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов, 2004.

Юдин А. И. Культурно-исторические процессы в эпохи неолита и энеолита на территории Нижнего Поволжья: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Ижевск, 2006а.

Юдин А.И. Культурное развитие населения Нижнего Поволжья в неолите и энеолите // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2006б. Вып. 7.

Результаты радиоуглеродного датирования керамики Варфоломеевской стоянки

№	Привязка	Лабораторный номер	Возраст ^{14}C	
			BP	BC/AD
1	Варфоломеевка, слой 2А	Ki - 14612	5810 ± 80	1a 4730-4550 BC 2a 4810-4460 BC
2	Варфоломеевка, слой 2А	Ki - 14614	5870 ± 90	1a 4810-4600 BC 2a 4950-4490 BC
3	Варфоломеевка, слой 2А	Ki - 14613	6540 ± 80	1a 5560-5460 BC 2a 5630-5340 BC
4	Варфоломеевка, слой 2А	Ki - 14373	6860 ± 90	1a 5810-5660 BC 2a 5920-5610 BC
5	Варфоломеевка, слой 2А	Ki - 14371	6890 ± 80	1a 5850-5700 BC 2a 5920-5630 BC
6	Варфоломеевка, слой 2А	Ki - 14375	6970 ± 90	1a 5910-5740 BC 2a 6020-5700 BC
7	Варфоломеевка, слой 2Б	Ki - 14369	6980 ± 90	1a 5920-5770 BC 2a 6020-5710 BC

№	Привязка	Лабораторный номер	Возраст ^{14}C	
			BP	BC/AD
8	Варфоломеевка, слой 2Б, не орнаментирована	Ki - 14370	7070 ± 90	1a 6020-5840 BC 2a 6080-5730 BC
9	Варфоломеевка, слой 2Б	Ki - 14368	7230 ± 90	1a 6220-5990 BC 2a 6250-5890 BC
10	Варфоломеевка, слой 2Б, не орнаментирована	Ki - 14374	7280 ± 100	1a 6230-6020 BC 2a 6390-5980 BC
11	Варфоломеевка, 3 слой образец №26/1, накольчатая керамика	Ki -14110	7080 ± 80	1a 6020-5870 BC 2a 6080-5770 BC
12	Варфоломеевка, 3 слой образец №25/2, прочерченная керамика	Ki -14143	7170 ± 90	1a 6100-5970 BC 2a 6230-5840 BC
13	Варфоломеевка, 3 слой образец №25/1, прочерченная керамика	Ki -14109	7250 ± 80	1a 6220-6020 BC 2a 6250-5980 BC
14	Варфоломеевка, 3 слой образец №24/2, не орнаментированная керамика (днище)	Ki -14142	7620 ± 100	1a 6600-6380 BC 2a 6650-6230 BC
15	Варфоломеевка, 3 слой образец №24/1, не орнаментированная керамика (днище)	Ki -14108	7760 ± 100	1a 6690-6460 BC 2a 7050-6400 BC

А.Н. Бессуднов, Р.В. Смольянинов (Липецк)

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ С ПОСЕЛЕНИЯ СТУДЁНОВКА 3 НА Р. ВОРОНЕЖ

Поселение Студёновка 3 было открыто в 1988 году С.И. Бражниковой *(Бражникова, 1989).* Стационарные исследования памятника проводились в 1988-89 гг. экспедицией Липецкого госпединститута под руководством одного из авторов *(Бессуднов, 1989, 1990).*

Памятник расположен примерно в 50 км выше г.Липецка по течению р. Воронеж, у с.Делеховое Добровского района, в пойме правого берега реки, в 1 км севернее впадения в него р.Студёновка. Поселение занимает супесчаную дюну размерами 40 х 90 м, вытянутую в направлении юго-запад - северо-восток. Высота дюны над уровнем реки достигает 5 м, с северной и западной стороны дюну окружают промоины.

По свидетельству местных жителей, во время половодья не заливается только вершина дюны.

Культурный слой сильно перемешан, по краям памятника он более мощный, а к вершине вследствие наибольшей подверженности её эрозийным процессам значительно уменьшается. Стратиграфия следующая: темно-серая супесь, идущая под дерном (0, 02-0, 05 м) распределяется неравномерно: у вершины дюны - от 0, 02 до 0, 2 м, на её склонах - от 0, 05 до 0, 8 - 0, 85 м. Следующий слой (серая предматериковая супесь) начинается с 0, 2 м у вершины и с 0, 85 м на склонах и достигает глубины 0, 4 и 0, 95 м соответственно. Материк - белый песок. Песчаная структура почвы, слабость почвообразовательных процессов, а также многократность заселения дюны и интенсивная хозяйственная деятельность вплоть до недавнего времени способствовали сильному смешиванию материала, что существенно снижает возможность стратиграфического анализа и получения наиболее полной информации о каждой из эпох, материалы которых получены на поселении.

Общая площадь раскопа составила 1370 м^2. Памятник многослойный, выявленный материал относится к эпохе мезолита, неолита, средней бронзы, раннего железного века и позднего средневековья.

В неолитическое время поселение заселялось не менее пяти раз о чём свидетельствует наличие пяти видов керамики.

Наиболее древней посудой полученной с этой стоянки (12 фрагментов от 6 - 7 сосудов) являлась керамика верхневолжской культуры украшенная короткими гребенчатыми отпечатками, которые располагались в горизонтальные, вертикальные и косовертикальные ряды (рис. 1, *23—25),* в двух случаях венчик не имел орнамента (рис. 1, 26), на двух стенках сосудов наносили насечки, составленные в косовертикальные ряды (рис. 2, 4), на двух раздельные треугольные наколы (рис. 2, 6), в одном случае мелкие наколы были нанесены в скорописной манере, имитирующей отпечатки шнура (рис. 2, 5), на одной из стенок нанесён горизонтальный ряд глубоких ямочных вдавлений (рис. 2, 4). Венчики горшков, в четырёх случаях, прямостенные с приострённым (рис.1, *23, 24, 26)* или, в двух случаях, с округлым краем (рис. 1, *25*). Керамика серого цвета, лощёная снаружи и изнутри, изготовлена из ила. Искусственные примеси не выявлены.

На территории Верхнего Дона полных аналогий данной керамике нам неизвестно. Наибольшее сходство посуда Студёновской стоянки находит в керамических коллекциях поселений Карамышево 5 и Карамышево 9, расположенных на р. Воронеж. Сходство проявляется в наличии неорнаментированной керамики, лощении её, использова-

нии в качестве формовочной массы речных илов, различие же проявляется в том, что на стоянке Карамышево 5 в раскопе гребенчатая керамика отсутствует *(Смольянинов, 2003. С. 49-51),* а на поселении Карамышево 9 керамика, украшенная мелким гребенчатым штампом не подвергалась лощению (*Смольянинов, 2003, 2004).* На наш взгляд посуда поселения Студёновка 3 находит ближайшие аналогии в материалах второго этапа верхневолжской культуры по наличию орнаментации мелкой гребёнкой, ложношнуровым орнаментом, лощения поверхности сосудов *(Жилин, Костылёва, Уткин, Энговатова, 2002. С. 41).*

Вторая группа керамики представлена накольчатой посудой среднедонской культуры. Всего на поселении выявлено 90 обломков от шести сосудов. Венчики горшков, в четырёх случаях, прямостенные (рис. 1, 5-7), в одном случае он профилирован и в одном случае закрытой формы с утолщением его края (рис. 2, 1). Края всех шести сосудов приострены. Керамика серого цвета, снаружи и изнутри покрыта гребенчатыми расчёсами, изготовлена из ила. Искусственные примеси не выявлены. Поверхность горшков орнаментировалась различными видами наколов: наколами-насечками (рис. 2, *2,* 9), раздельными треугольными (рис. 1, 7; 4, 7) и более мелкими треугольными выполненными в скорописной манере (рис. 1, 5, *6, 8).* В одном случае заглаживающие опечатки на поверхности сосуда видимо выполняли роль декора, образуя решётку (рис. 1, 6). Наколы в большинстве своём составлялись в косовертикальные ряды (рис.1, *5, 6,* 8), реже в горизонтальные (рис. 1, 7), иногда ряды наколов образовывали четырёхугольные композиции (рис. 2, 3), имелись также зоны свободные от орнамента. Часть сосудов видимо имело биконическую форму, о чём свидетельствуют находки рёбер как минимум от двух сосудов (рис. 2, *8),* одно из которых украшено отпечатками мелкой гребёнки. Данная группа посуды была оставлена населением неолитической среднедонской культуры на развитом этапе её существования. Для керамики этого времени наиболее характерным орнаментом являлся треугольный накол, компоновавшийся в строчки *(Синюк, 1978, С. 83).*

Третья группа керамики (67 фрагментов от 5-6 сосудов) представлена обломками посуды кирпичного цвета с примесями песка и мелкой дресвы. В четырёх случаях горшки были профилированы (рис. 1, *10-12),* в одном случае венчик сосуда был прямым (рис. 2, *14).* В трёх случаях край венчика округлый (рис. 1, *11, 12;* 2, *13)* и по одному было с плоским (рис. 1, *10)* или приострённым (рис. 2, *14*) завершением. По краю посуда украшалась одним или двумя рядами крупных, глубо-

ких округлых или овальных ямок, от которых изнутри сосудов видны негативы, одном случае нанесены гребенчатые отпечатки (рис. 2, *13).* Остальная, большая часть горшков, орнаментирована неглубокими овальными ямочными отпечатками, видимо нанесёнными двумя видами костяных, плюсневых штампов. В одних случаях отпечаток имел «коготок» (рис. 1, 10; 2, *15*), в других случаях он отсутствовал (рис. 2, *16, 18).* Керамика хорошо заглажена, снаружи и изнутри видны следы гребенчатых расчёсов.

На Верхнем Дону подобная керамика известна также на поселениях Подзорово *(Фосс, 1959. Рис. 8;* 2), Большой Липяг *(Тропин, 1998).* Для соседних регионов, где выявлена керамика с плюсневыми отпечатками: в Похопёрье *(Ставицкий, Хреков, 2003. С. 64-65),* Примокшанье (Ставицкий, 1999. С. 145), Волго-Окском междуречье *(Энговатова, 1997. С.57)* она относится к самым ранним периодам льяловских древностей и датируется рубежом V-IV тыс. до н.э. С другой стороны, коллекции Большого Липяга получены с высокой площадки городища, а появление памятников располагающихся на высоких коренных берегах традиционно связывается с нестабильной политической ситуацией на Верхнем Дону и датируется серединой III тыс до н.э. *(Синюк, 1975. С. 152-153; Козмирчук, 1999. С. 41.)*

Четвёртая группа керамики (45 фрагментов от девяти сосудов). Посуда кирпичного цвета с примесью мелкого песка в тесте. По форме сосуды делятся на профилированные (рис. 1, *4, 15)* и прямостенные (рис. 1, *1, 2, 17).* Края их приострённые, плоскосрезанные и округлые. Основное поле сосудов украшено различного размера округлыми и овальными ямками (рис. 1, *1-4, 13, 15, 17)* от которых с внутренней стороны горшков образовывались негативы, которые в большинстве случаев тщательно затёрты. В качестве делителей орнаментальных зон ямочных вдавлений, нанесённых в строчку, применялись горизонтальные ряды вдавлений пяти или семизубой гребёнки (рис. 1, 4). В двух случаях венчик сосудов гофрировался насечками (рис. 1, *1,* 2), на этих же горшках прослежено воротничковое утолщение. В первом случае оно образуется за счёт негативов от ямочных вдавлений нанесённых изнутри сосуда. Заглаживающие расчёсы видны изнутри поверхности горшков и значительно реже снаружи. Наиболее полно исследованной донской стоянкой с ямочно-гребенчатыми материалами остаётся Долговская. Аналогичные студёновским материалы на ней занимали самую верхнюю стратиграфическую позицию среди ямочно-гребенчатого комплекса - верхний ярус среднего горизонта *(Левенок, 1965. Рис. 17)* и датировалась В.П. Левенком серединой III тыс. до н.э. *(Левенок, 1965. С. 246).* При этом им отмечалось, что Дол-

говской керамике синхронна посуда Подзоровской стоянки *(Левенок, 1965. С. 243),* для которой получена датировка 2820 л. до н. э. *(Долуханов, 1972).*

Ямочно-гребенчатая керамика поселения Студёновка 3 имеет сходство с посудой позднего (редкоямочного) этапа льяловской культуры, датируемого посл. четв. IV - нач. III тыс. до н.э. *(Энговатова, 1998. С. 245):* редко использовались примеси дресвы и органики, ямки выполнялись заменителями белемнитов, иногда, возможно щепкой или жёстким стеблем травы, поэтому, зачастую, они имели неправильную форму *(Сидоров, 1997. С. 124).*

Вернее всего ямочно-гребенчатая керамика на поселении Студёновка 3 была оставлена населением льяловской культуры продвинувшегося в Подонье и далее на Украину в начале III тыс. до н.э., испытав на себе давление волосовского населения. Не противоречит этому и датировка с Подзоровской стоянки.

Появление в керамических комплексах лесостепного Подонья профилированных сосудов, наплывов по их краю стало, видимо, результатом контакта с энеолитическим населением, продвинувшимся вплоть до Рязанского Поочья, на памятниках которого появилась воротничковая ямочно-гребенчатая керамика *(Гурина, 1996. С. 184),* а также культовые захоронения собак в могильнике Чёрная Гора *(Цветкова, 1985. С. 84).*

Пятая группа керамики (68 фрагментов от 4-5 сосудов) представлена посудой кирпичного и серого цветов с обильной примесью крупной дресвы в глиняном тесте, от чего некоторые черепки имеют рыхлую фактуру. Максимальный размер некоторых зёрен дресвы доходил до 5 миллиметров. Основным орнаментом украшавшим посуду этого типа являлись различного размера и формы клинчатые отпечатки гребенчатого штампа (рис. 1, *19-22),* иногда они наносились, видимо, по подсушенному тесту, поэтому следы гребенчатых зубцов еле видны на бортах отпечатка (рис. 1, 22). Два сосуда орнаментировались сплошными горизонтальными рядами зубчатого штампа (рис. 1, 14; 5, 1). Делителем орнаментальных зон зубчатых отпечатков являлись горизонтальные ряды ямочных вдавлений, изнутри от которых образовывались негативы (рис. 1, *19-21).* Ямки иногда наносились поверху гребенчатых отпечатков. Некоторые из черепков изнутри покрыты гребенчатыми расчёсами.

Подобные студёновской керамические коллекции полученные с верхнедонских стоянок до последнего времени относили к рыбно-озёрской культуре и датировали второй половиной III тыс. до.н.э. *(Левенок, 1969; Синюк, 1986. С.151).* В последнее время существование

рыбноозёрской культуры некоторые из исследователей ставят под вопрос, так как подобная керамика верхнедонских стоянок находит практически полные аналогии посуде раннего этапа льяловской культуры *(Ставицкий, 2003. С. 65)*

С поселения также происходят две хозяйственные ямы, в которых выявлено по несколько стенок от сосудов третьей, четвёртой и пятой групп.

Яма 20 овальной формы диаметром 170 см, максимальной глубиной 55 см., с небольшим уступом в северо-западной части ямы.

Яма 25 овальной формы 140х130 мм., глубиной 40 см.

Планиграфически разделить неолитические материалы почти невозможно. Большинство выявленных артефактов выявлено в западной части раскопа.

Литература:

Бессуднов А.Н., 1988. Отчет о работах археологической экспедиции Липецкого госпединститута в 1988 году. Архив ИА РАН.

Бессуднов А.Н., 1989. Отчет о археологических исследованиях экспедиции Липецкого госпединститута в 1989 году. Архив ИА РАН.

Бражникова С.И., 1988. Отчет к Открытому листу №93 об археологических исследованиях в Добровском районе Липецкой области (бассейн р.Воронеж) в 1988 году. Архив ИА РАН.

Гурина Н. Н. Стоянки с ямочно-гребенчатой керамикой в лесостепи // Неолит Северной Евразии. М., 1996.

Долуханов П.М., Тимофеев В.И. Абсолютная хронология неолита Евразии // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972.

ЖилинМ.Г., Костылёва Е.Л., Уткин А.В., Энговатова А.В. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья. М., 2002.

Козмирчук И.А. Стоянка финального этапа неолитической эпохи у с. Писарево в Липецкой области // Проблемы археологии бассейна Дона. Воронеж, 1999.

Левенок В.П. Долговская стоянка и её значение для периодизации неолита на Верхнем Дону // МИА. 1965.Т. 131.

Левенок В.П. Неолит Верхнего Дона и его место среди неолитических культур лесостепной зоны европейской части СССР. Автореф. канд. дис. Л.1969.

Сидоров В.В. Стоянки Заболотского Озера // Древности Залесского края. Материалы к международной конференции "каменный век европейских равнин". Сергиев Посад, 1997.

Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996.

Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986.

Синюк А.Т. Некоторые вопросы Среднего Дона в IV-II тысячелетиях до н.э. // Из истории Воронежского края. Воронеж, 1975.

Синюк А.Т. Неолитические памятники Среднего Дона // Археологические памятники на территории СССР и их изучение в высшей педагогической школе. Воронеж, 1978.

Смольянинов Р.В. Карамышево 5 - ранненеолитическое поселение нового типа на территории Верхнего Дона // Чтения посвящённые 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном историческом музее. Тезисы конференции. Часть 1. М., 2003.

Смольянинов Р.В. Нео-энеолитическое влияние на керамику эпохи бронзы лесостепного Подонья // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001.

Смольянинов Р.В. Отчёт к открытым листам № 452 и № 891 о исследованиях многослойных поселений Карамышево 9 и Карамышево 5 у с. Карамышево в Грязинском районе Липецкой области в 2002 году. Липецк, 2003.

Смольянинов Р.В. Отчёт о исследованиях на левом берегу р. Воронеж в пределах Грязинского района Липецкой области в 2003 г. Липецк, 2004.

Ставицкий В.В., Челяпов В.П. Керамика с ямчато-жемчужной орнаментацией на Верхней Суре и Мокше // Археологические памятники Среднего Поочья.

Ставицкий В.В. Каменный век Примокшанья и Верхнего Посурья. Пенза, 1999.

Ставицкий В.В., Хреков А.А. Неолит-ранний энеолит лесостепного Посурья и Прихопёрья. Саратов, 2003.

Тропин Н.А. Отчёт о раскопках поселения «Большой Липяг». Елец, 1998.

Фосс М.Е. Исследование неолитических стоянок в Мичуринском районе Тамбовской области в 1953 году // КСИИМК. 1959. Вып. 75.

Цветкова И.К. Черногорский неолитический могильник // Новые материалы по истории племён Восточной Европы в эпоху камня и бронзы. Труды ГИМ. Вып. 60. М., 1985.

Энговатова А.В. Керамические комплексы льяловской культуры // Древние охотники и рыболовы Подмосковья. М., 1997.

Энговатова А.В. Хронология эпохи неолита Волго-Окского междуречья // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998.

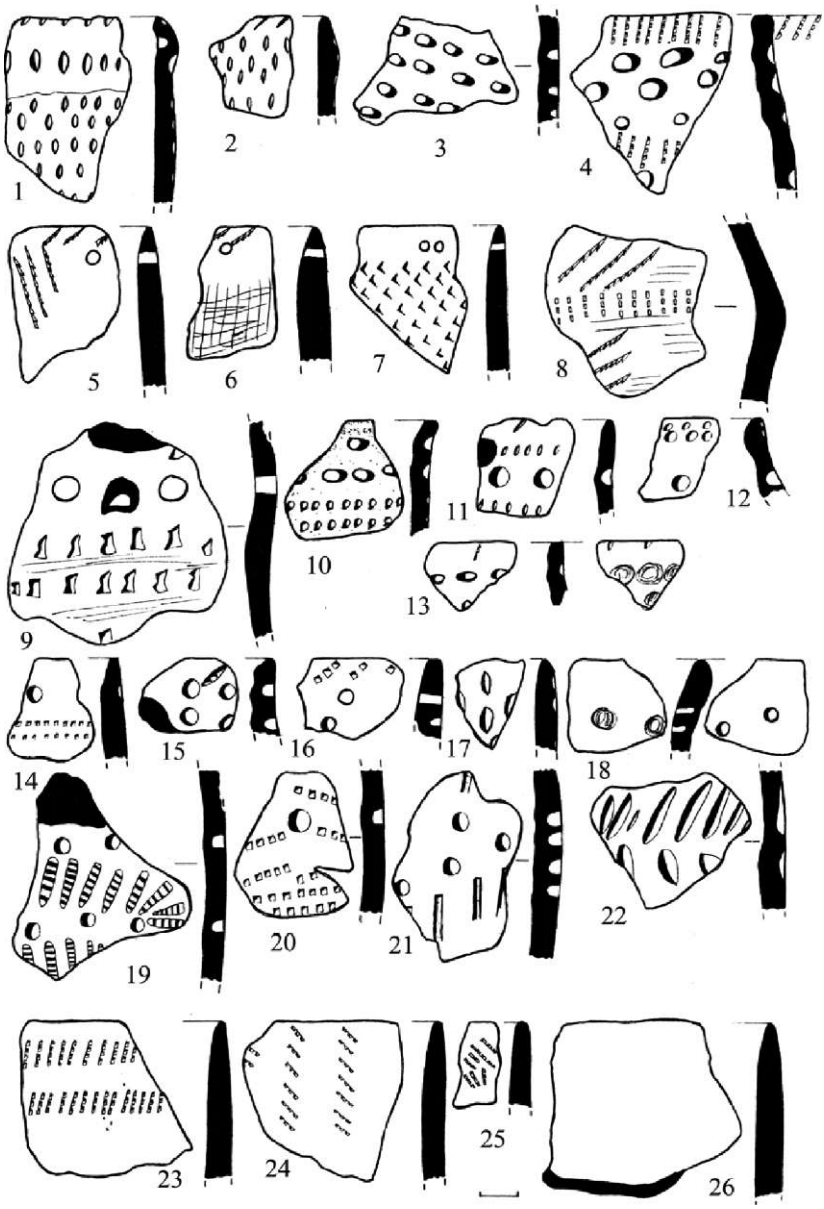


Рис. 1. Поселение Студёновка 3.

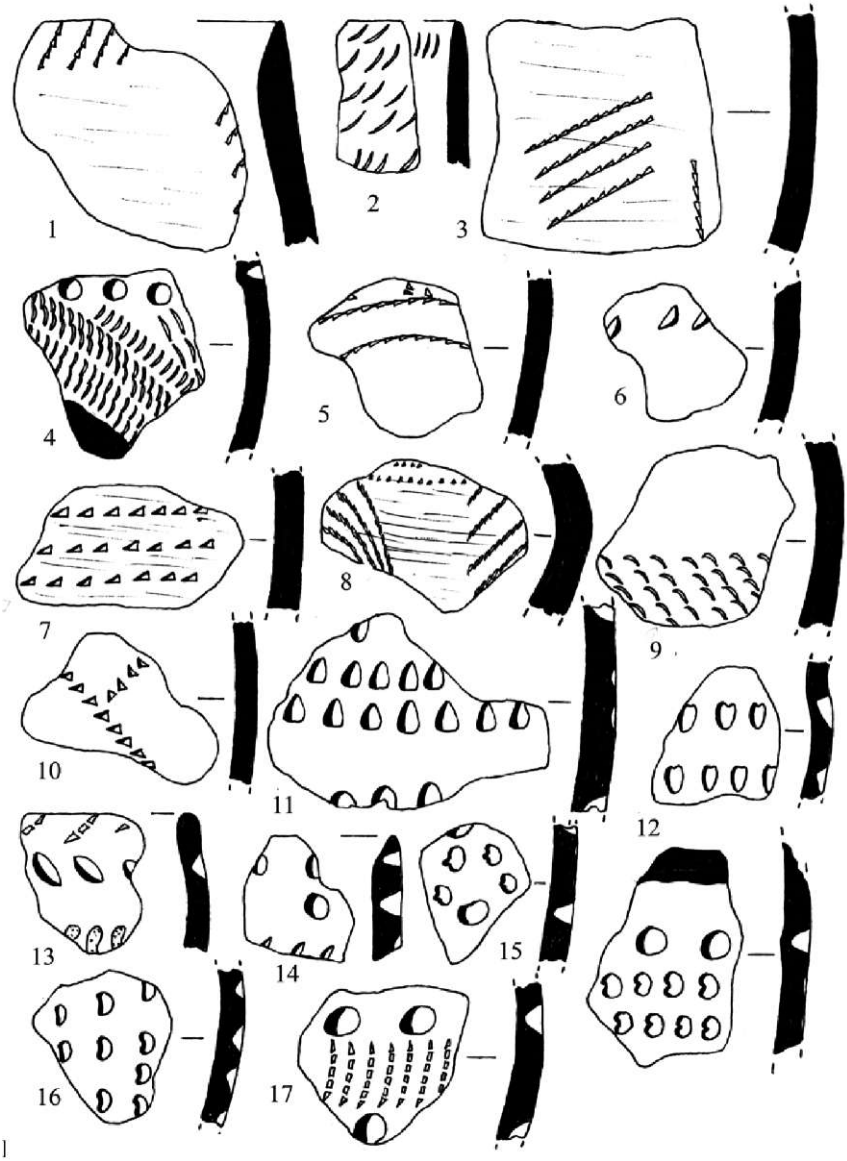


Рис. 2. Поселение Студёновка 3.

С.А. Кондратьев (Самара)

О СВОЕОБРАЗИИ ЯМОЧНО-ГРЕБЕНЧАТОЙ КЕРАМИКИ ВЕРХНЕГО ПРИМОКШАНЬЯ И СРЕДНЕГО ПОСУРЬЯ

На территории Сурско-Мокшанского междуречья в настоящее время известно более 30 памятников с ямочно-гребенчатой керамикой (далее ЯГК). Лучше всего изучены поселения в окрестностях Имерского озера и стоянки среднего течения р. Мокши. Наименее исследовано Верхнее Примокшанье и, особенно, Среднее Посурье.

В 2004г. в Наровчатском районе Пензенской области были продолжены работы на дюне Озименки, известной по изысканиям М.Е. Фосс *(1952, с.3-15)* и В.П. Третьякова *(1990, с.174, 176*). На стоянке Озименки II, в раскопе площадью 352 кв.м. был получен разнородный в культурно-хронологическом плане материал, из которого выделяется группа ямочно-гребенчатой керамики. По характеру залегания можно выделить около 30 развалов и скоплений, а так же фрагменты от разных сосудов, рассеянных по культурному слою, что в совокупности составляет чуть более тысячи фрагментов *(Выборнов, Королев, Ставицкий, 2006).*

Керамика ямочно-гребенчатого типа стоянки Озименки II характеризуется следующими признаками: цвет серый, серо-коричневый, поверхность заглажена, примесь песка, в небольшом количестве дресвы и шамота, среди венчиков преобладают с плоским срезом, слабоотогнутые, венчики части сосудов утолщены. Венчики 70% сосудов орнаментированы с внутренней стороны. Днища округлые. Толщина фрагментов от 0,5 до 0,8 см. Основными элементами орнамента являются круглая коническая ямка диаметром 0,4-0,6 см нанесенная белемнитом, ряды наклонных (рис.1:1,2), вертикальных (рис.1:3) и горизонтальных оттисков гребенчатого штампа (рис.1:3,6,7), ряды наклонных оттисков косозубого штампа (рис.1:8,9), ряды овальных ямчатых вдавлений (рис.2:2), полулунных вдавлений (рис.2:1), оттисков штампа с четырьмя зубцами в виде «личинок» (рис.1:5) и плюсневого (костяного) штампа (рис.2:3). Ямки наносятся одним, реже двумя рядами, образующими зигзаг, которые разделяют зоны, орнаментированные различными штампами. Нередко ямки наносятся поверх других элементов орнамента. Малочисленны фрагменты украшенные косой решеткой (рис.1:4), вертикальным зигзагом оттисков гребенчатого штампа с ямкой в вершине. Единичны композиции, имеющие не горизонтальную зональность и композиции, которые образованы ямками в три и более ряда. Один фрагмент украшен коническими ямками и наколами

треугольной формы, нанесенными в технике «отступающей лопаточки» (рис.2:4).

Материалы ямочно-гребенчатого типа в Посурье, до недавнего времени, были представлены лишь малочисленными фрагментами из сборов с Пензенских стоянок, что не позволяло провести их четкую культурно-хронологическую атрибуцию. Благодаря раскопкам поселения Утюж I в среднем течении р.Суры, а так же ряда разведочных работ на соседних памятниках (Вьюново озеро II, Черненькое озеро II и III), проведенным в 2006-2007 годах коллективом археологов из Самары, Ульяновска, Пензы и Чебоксар, был обнаружен крупный комплекс ямочно-гребенчатой керамики.

На поселении Утюж I группа ЯГК представлена 1670 фрагментами. В ходе следований 2006 года было найдено 1169 фрагментов ЯГК от 42 сосудов. Часть сосудов была обнаружена в основании заполнения и ямах жилища, характерного для льяловской культуры, в виде полных и частичных развалов. Часть сосудов представлена только обломками венчиков. Из них большинство обнаружено в нижних слоях котлована жилища. С верхними слоями заполнения котлована связаны обломки трех сосудов. Исследованиями 2007 года было обнаружено еще около 500 фрагментов ЯГК от 24 сосудов. Анализ распространения льяловской керамики в пределах раскопа показывает ее присутствие во всех слоях поселения *(Березина, Вискалин, Выборнов, Королев, Ставицкий, 2007).*

ЯГК поселения Утюж I имеет серый или светло-коричневый цвет, заглаженную поверхность, венчики прямые или слабоотогнутые, срез плоский или округлый. В редких случаях венчики орнаментированы по срезу или с внутренней стороны. Два венчика имеют «воротничок» (рис.2:*7,8*), а еще на одном венчике орнамент имеет не горизонтальную, а диагональную зональность (рис.3:8). Средняя толщина стенок 0,5-0,8 см. Основные элементы орнамента круглая коническая ямка диаметром 0,4-0,5 см. нанесенная белемнитом, оттиски длинного и короткого гребенчатого штампа, ямчатые вдавления. Ямки наносятся в один или два ряда, которые разделяют зоны, орнаментированные штампом. Орнаментальные композиции представлены сочетанием ямок и рядов наклонно поставленного гребенчатого штампа (рис.2:5,6), иногда в виде вертикального зигзага (рис.2:6), ямок и горизонтальных поясков гребенчатого штампа, ямок и сочетанием рядов наклонных и горизонтальных оттисков гребенчатого штампа (рис.2:11), ямок и рядов ямчатых вдавлений (рис.3:2,3), ямок и сочетанием рядов наклонных оттисков гребенчатого штампа и ямчатых вдавлений (рис.3:1,4,5). Единичные фраг-

менты орнаментированы плюсневым штампом (рис.3:9), косой решеткой оттисков гребенки (рис.2.10).

Керамика, полученная с соседних памятников, в целом аналогична вышеописанной. Основными элементами орнамента на ней так же выступают конические ямки, оттиски наклонно поставленной гребенки (рис.4:2,3), ямчатые вдавления (рис.3:12). Изредка встречается узор в виде косой решетки (рис.4*:7),* иногда в сочетании с ямчатыми вдавлениями (рис.4:8), единичны фрагменты орнаментированные оттисками плюсневого штампа (рис.4:4).

При сравнении посуды ямочно-гребенчатого типа Утюжского поселения и стоянки Озименки II сходства прослеживаются как в технике изготовления (тонкостенность, заглаженная поверхность, венчики прямые или слабоотогнутые, с округлым или уплощенным срезом), так и в орнаментальных композициях (сочетание поясков глубоких конических ямок с горизонтальными рядами вертикальных, наклонных оттисков гребенчатого штампа, поясками горизонтальных оттисков гребенчатого штампа, рядами ямчатых вдавлений). Но наряду со сходствами имеются и отличия. К ним можно отнести сравнительно небольшое разнообразие штампов используемых в орнаментации посуды на поселении Утюж I. Отсутствие полулунных вдавлений, оттисков косозубого штампа, штампа с четырьмя зубцами в виде «личинок», которые имеются на Озименках II, почти полное отсутствие плюсневых оттисков.

Похожая картина наблюдается при сравнении утюжской ЯГК с керамикой других памятников Сурско-Мокшанского междуречья. На всех них в орнаментации ямочно-гребенчатой посуды использовались более разнообразные элементы орнамента. На поселениях среднего Примокшанья Машкино III *(Ставицкий, 1998, с.22)* и Андреевка III *(Зеленеев, 1992, с.4)* применялись оттиски перевитой веревочки и плюсневого штампа, полулунные вдавления. В орнаментации ЯГК поселений Шаверки II и V значительную роль играют оттиски аммонита *(Вихляев, Ставицкий, 1995, с.36,39)* , а на Шаверках V *(Вихляев, Ставицкий, 1995, с.36)* и Ковыляе I *(Ставицкий, 1999, с.29)* - сдвоенные вдавления серповидной формы. В орнаментации керамики поселения Широмасово III (Нижняя Мокша) имеют заметное значение оттиски изогнутого зубчатого штампа, применяются полулунные вдавления и оттиски веревочки *(Вискалин, Выборнов, Ставицкий, 1999, с.61).* В орнаментации ЯГК Имерских стоянок так же часто использовались плюсневые оттиски и перевитая веревочка.

ЯГК стоянки Озименки II в большей степени чем утюжская имеет сходство с керамикой стоянок бассейна р.Вад, Среднего и Ниж-

него Примокшанья. Однако имеются и отличия, так, например, на керамике Озименок II отсутствуют оттиски перевитой веревочки, которые значительно распространены и разнообразны на ЯГК Имерских стоянок; оттиски аммонита, имеющие значительный удельный вес в орнаментации ЯГК поселения Шаверки V. Это может объясняться тем, что Озименки II это самый удаленный к юго-востоку памятник с ЯГК в Примокшанье.

Следует так же отметить, что аналогичных ямчатых вдавлений, которые присутствуют в орнаменте ЯГК Озименок II и Утюж I, на памятниках Сурско-Мокшанского междуречья не наблюдается. Единичные фрагменты, орнаментированные подобными вдавлениями имеются на Саконовской *(Ставицкий, 2002, с.307, рис.3,7)* и Балахнинской *(Цветкова, 1963, с.61, рис.4,4)* стоянках, а так же в Среднем Поволжье *(Никитин, 1996, с.60, рис.28).* Что, вероятно, может свидетельствовать о связях с этими территориями.

В целом ЯГК Верхнего Примокшанья и Среднего Посурья находит аналогии в раннельяловской керамике сопредельных территорий. В рязанском течении р.Оки похожая керамика имеется на поселениях Воймежное I *(Энговатова, 1997, с.57-58),* Городок I *(Выборнов, Королев, Ставицкий, Челяпов, 2003, с.98),* стоянке Владычинская-Береговая I *(Цветкова, Кравцов, 1982, с. 84-86)* и др. Она характеризуется преобладанием гребенчатой орнаментации над ямочной, строгой горизонтальной зональностью узора, применением наклонных и горизонтальных оттисков гребенки, косозубого и плюсневого штампа. В более позднее время на данной территории складывается керамика так называемого «рязанского» типа, для которой характерны «воротнички» на венчиках, нанесение ямок под наклоном, геометрические фигуры из ямок *(Сидоров, Ставицкий, 2003, с.114-115).* Все это не характерно для Сурско-Мокшанской керамики, только единичные находки венчиков с воротничковыми утолщениями.

При сравнении ЯГК стоянки Озименки II с керамикой стоянок нижнего течения р. Оки обнаруживаются как сходные, так и отличительные черты. Материалы характеризующие т.н. «балахнинский тип» И.К. Цветкова выделяла на ряде стоянок Нижнего Поочья: Панфиловская, Сонино, Садовый Бор и др. В орнаментации сосудов этих стоянок главным элементом является неглубокая круглая ямка с закругленным дном, оттиски небольшого овального или длинного гребенчатого штампа, полулунные вдавления, оттиски перевитой веревочки. Помимо строго горизонтально зонального орнамента присутствуют более сложные орнаментальные узоры, например,

треугольники выполненные неглубокими ямками *(Цветкова, 1963, с.59).* Материалы Озименок II с балахнинской ЯГК сближает наличие горизонтально зональных композиций с использованием оттисков гребенчатого штампа, перевитой веревочки и полулунных вдавлений. Отличает же наличие на балахнинской посуде ямок с округлым дном и геометрических узоров из ямок.

Наличие на ряде балахнинских стоянок посуды близкой к льяловской признавалось и самой И.К. Цветковой *(Цветкова, 1963, с.57).* То, что раннельяловская керамика ряда стоянок Нижнего Поочья (Балахнинской, Гавриловской II, Садовый Бор) мало чем отличается от ЯГК сопредельных регионов, отмечали В.В. Сидоров и В.В. Ставицкий. Так же, они обратили внимание на то, что в орнаментации ЯГК некоторых балахнинских стоянок распространены оттиски аммонита *(Сидоров, Ставицкий, 2003, с.119-121),* которых нет на Озименках и Утюже I. Для ЯГК Озименок II и Утюжа I, так же как и для раннельяловской керамики балахнинских стоянок характерно наличие простых мотивов из 1-2 рядов конических ямок в сочетании с рядами наклонных оттисков гребенки. Но для ЯГК Верхнего Примокшанья и Среднего Посурья характерно применение плюсневого штампа, который на балахнинских стоянках практически не встречается.

Основным элементом орнамента на ЯГК Среднего Поволжья являются оттиски гребенчатого штампа, поставленные прямо, наклонно или горизонтально, орнаментация имеет строгую горизонтальную зональность, зоны гребенчатого штампа разделены одним или двумя рядами конических ямок. Так же в орнаменте используются прочерченные линии, редко оттиски плюсневого штампа, аммонита и веревочки. Довольно часто оттиски гребенки образуют более сложные узоры: треугольники, зигзаг с ямкой в вершине, «елочки» со стеблем. Подобная керамика имеется на Дубовском VIII поселении *(Никитин, 1995, с.8),* стоянках Русско-Луговской I и Удельно-Шумецкой II *(Халиков, 1960, с.26-32)* и др. Большая доля наклонных (48%) и горизонтальных (23%) оттисков гребенчатого штампа, разделенных рядами ямок, характерна для Дубовского XII поселения *(Габяшев, Никитин, 1987, с.71).*

Описанные материалы сближает с ЯГК Верхнего Примокшанья и Среднего Посурья наличие простых мотивов из одинарных и двойных рядов ямок, разделяющих зоны оттисков наклонно и горизонтально поставленного гребенчатого штампа. Аналогии в средневолжской посуде прослеживаются на стоянке Озименки II и, особенно, на поселении Утюж I, где орнаментация посуды отли-

чается простотой и однообразием используемых штампов. Однако характерные для Средней Волги более сложные узоры из оттисков гребенки такие, как, «елочка», на данных памятниках не встречаются. На средневолжской посуде иногда встречаются венчики с «воротничком», но такие находки не многочисленны, например, на Сутырском поселении такие венчики составляют всего 1,5% *(Никитин, 1978, с.195),* два венчика с «воротничком» найдено на стоянке Удельно-Шумецкая II и всего один на Русско-Луговской I *(Халиков, 1960, с.28,32).* Единичные находки венчиков с воротничковым утолщением, как уже отмечалось выше, так же имеются на поселении Утюж I.

Из выше сказанного видно, что ЯГК рассмотренных памятников находит аналогии в керамике раннего этапа льяловской культуры (по периодизации А.В. Энговатовой) и, следовательно, может датироваться кон. первой четв. - сер. IV тыс. до н.э *(Энговатова, 1997, с.58).* Такую датировку подтверждают и радиоуглеродные даты полученные для ЯГК Озименки II - 5840+90 л.н. (Ki - 14571).

Как говорилось выше, на стоянке Озименки II был обнаружен фрагмент керамики украшенный коническими ямками и наколами треугольной формы, нанесенными в технике «отступающей лопаточки». Аналогичный фрагмент так же был обнаружен в ходе исследований М.Е. Фосс *(Фосс, 1952, с.10, рис.3,3; Ставицкий, 2004, с.234).* Что может говорить о сосуществовании в какой то период на данной территории носителей накольчатых и ямочно-гребенчатых традиций. В пользу этого так же говорит дата, полученная для накольчатой керамики - 5830±90 л.н. (Ki - 14104).

Кроме того, следует обратить внимание на венчики с воротничковыми утолщениями с поселения Утюж I. Находки таких венчиков на территории Сурско-Мокшанского междуречья единичны.

В Прихоперье на поселениях Софьино и Рассказань III имеется группа ямочно-гребенчатой керамики с синкретическими чертами. Инокультурное воздействие проявилось не только в появлении воротничковых утолщений венчика, но и в изменении состава примесей теста и деформации орнаментальных традиций. По мнению В.В. Ставицкого и А.А. Хрекова эта группа посуды была оставлена населением культуры ЯГК, испытавшим на себе сильное влияние со стороны раннеэнеолитического населения *(Ставицкий, Хреков, 2003, с.73).* Так же на памятниках Прихоперья представлена группа раннеэнеолитической воротничковой керамики, довольно большое количество такой керамики собрано на поселениях Инясево, Софьино, Шапкино VI и др. Подобная керамика имеется и в Верхнем По-

сурье — на Пензенских стоянках и Усть-Кададе *(Ставицкий, Хреков, 2003, с.81-86).*

Возможно, появление воротничковых утолщений на ЯГК Сурско-Мокшанского междуречья объясняется контактами с раннеэнеолитическим населением Прихоперья. Однако, видимо, из-за территориальной отдаленности подобные контакты не носили массовый характер.

Отсутствие памятников с ЯГК в бассейне р. Алатырь, а так же, наибольшее сходство ЯГК поселения Утюж I с ЯГК Среднего Поволжья, дает возможность предположить, что продвижение носителей ЯГК в Посурье происходило ни через Примокшанье, а с территории Среднего Поволжья. Наибольшее сходство ЯГК Посурья (ЯГК Пензенских стоянок) с ЯГК Марийского Поволжья отмечалось В.В. Ставицким, он предположил, что территория Посурья могла являться транзитной зоной на пути движения носителей ЯГК со Средней Волги в бассейны рр. Вороны и Хопра. Аргументировал он это наличием гораздо большего сходства Прихоперской ЯГК с керамикой Посурья и Марийского Поволжья, чем с ЯГК Примокшанья и Поочья. Однако, из-за малочисленности материалов ямочно-гребенчатого типа в Посурье, В.В. Ставицкий предположил, что истоки хоперской ЯГК следует искать в рязанском Поочье, а путь продвижения - в бассейне р. Цны *(Ставицкий, Хреков, 2003, с.62).* Рассмотрение материалов Среднего Посурья в контексте данного вопроса, а так же новые исследования памятников с ЯГК в бассейнах рр. Суры и Цны в будущем, на наш взгляд, поспособствуют разрешению этой проблемы.

Литература:

Березина Н.С., Вискалин А.В., Выборнов А.А., Королев А.И., Ставицкий В. В. Охранные раскопки многослойного поселения Утюж I на Суре // Самарский край в истории России. Самара, 2007. Вып. 3.

Вискалин А.В., Выборнов А.А., Ставицкий В.В. Неолитическое поселение Широмасово III на Нижней Мокше // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 1999. Вып.1.

Вихляев В.И., Ставицкий В.В. Балахнинские поселения на Средней Мокше Шаверки II и Шверки V // АЭМК. 1995. Вып. 24.

Выборнов А.А., Королев А.И., Ставицкий В.В., Челяпов В.П. Ямочно-гребенчатая керамика поселения Городок I у села Александровка на реке Ранова // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Пенза, 2003.

Выборнов А.А., Королев А.И., Ставицкий В.В. Неолитические материалы стоянки Озименки II в Примокшанье // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2006. Вып. 4.

Габяшев Р.С., Никитин В.В. Дубовское XII поселение с гребенчато-ямочной керамикой // АЭМК. Йошкар-Ола, 1987. Вып. 13.

Зеленеев Ю.А. Неолитический слой III Андреевского поселения // Древние поселения Примокшанья. Саранск, 1992.

Никитин В.В. Сутырское поселение (к вопросу о волосовско-гребенчато-ямочных контактах) // АЭМК. Йошкар-Ола, 1978. Вып. 3.

Никитин В.В. Археологические исследования Марийской экспедиции в 1986-1993 годах // АЭМК. Йошкар-Ола, 1995. Вып. 24.

Никитин В.В. Каменный век марийского края// Труды марийской археологической экспедиции. Том IV, Йошкар-Ола, 1996.

Сидоров В.В., Ставицкий В.В. Локальные варианты льяловской культуры бассейна реки Оки// *Археология Восточно-Европейской лесостепи. Пенза, 2003.*

Ставицкий В.В. Машкино III - поселение эпохи неолита-энеолита на Мокше //Древности Окско-Сурского междуречья. Саранск, 1998. Вып. 1.

Ставицкий В.В. Неолитическая стоянка Ковыляй I на Средней Мокше // Историко-археологические изыскания. Самара, 1999. Вып. 3.

Ставицкий В.В. Саконовская неолитическая стоянка и проблема таксономического статуса *балахнинских памятников // Тверской археологический сборник. Тверь, 2002. Вып. 5.*

Ставицкий В.В., Хреков А.А. Неолит - ранний энеолит лесостепного Посурья и Прихоперья. Саратов, 2003.

Ставицкий В.В. Хронология Сурско-Мокшанского неолита // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. С.-П., 2004.

Третьяков В.П. Неолитические племена лесной зоны Восточной Европы. Л., 1990.

Фосс М.Е. Поселения на дюне Озименки // КСИИМК. 1959. Вып. 75.

Халиков А. Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. Йошкар-Ола, 1960.

Цветкова И.К. Стоянки балахнинской культуры в области нижнего течения Оки // МИА. 1963. № 110.

Цветкова И.К., Кравцов А.К. Керамика неолитической стоянки Владычинская-Береговая I // СА. 1982. №2.

Энговатова А.В. Древние охотники и рыболовы Подмосковья. По материалам многослойного поселения эпохи камня и бронзы - Воймежное I. М., 1997.

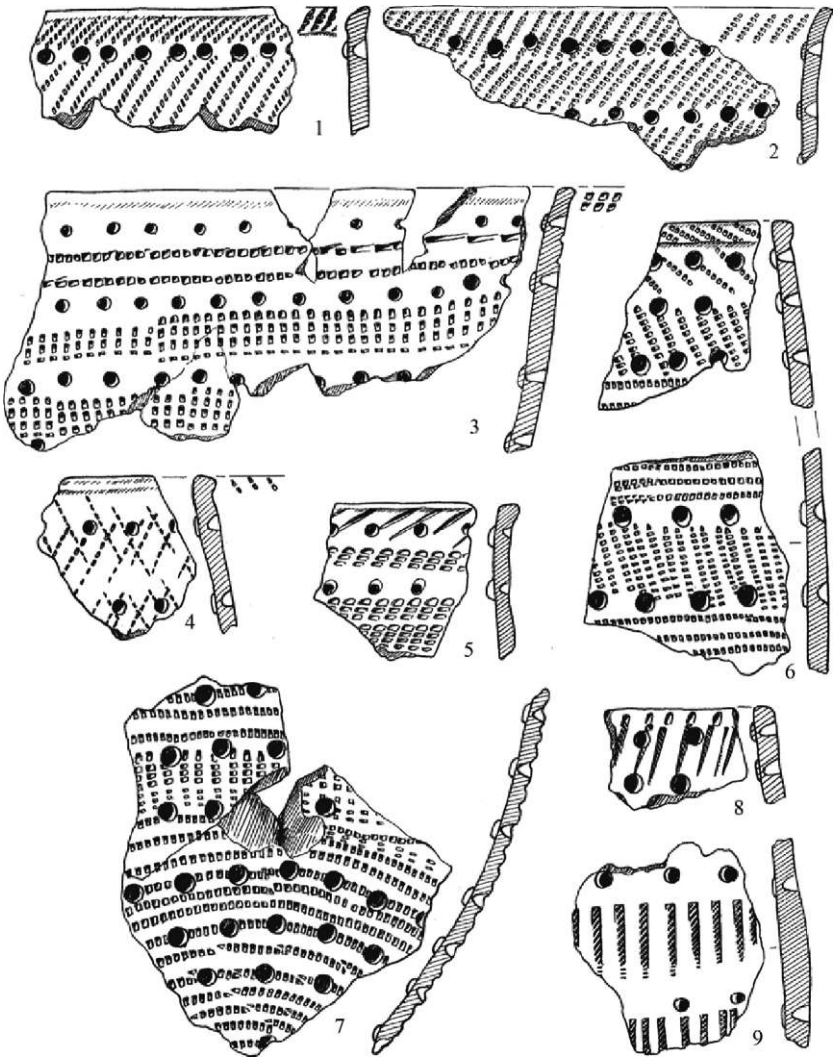


Рис. 1. Озименки II. Ямочно-гребенчатая керамика.

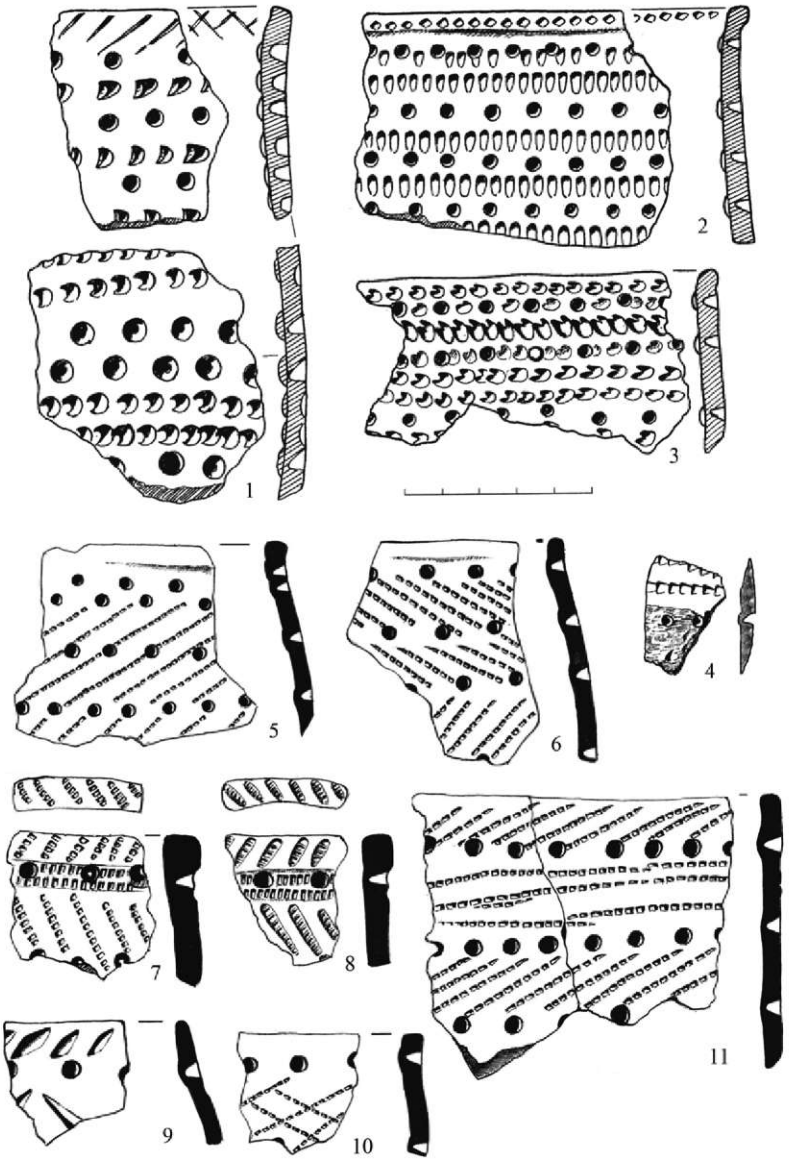


Рис. 2. Ямочно-гребенчатая керамика:
стоянки Озименки II (1-4) и поселения Утюж I (5-11).

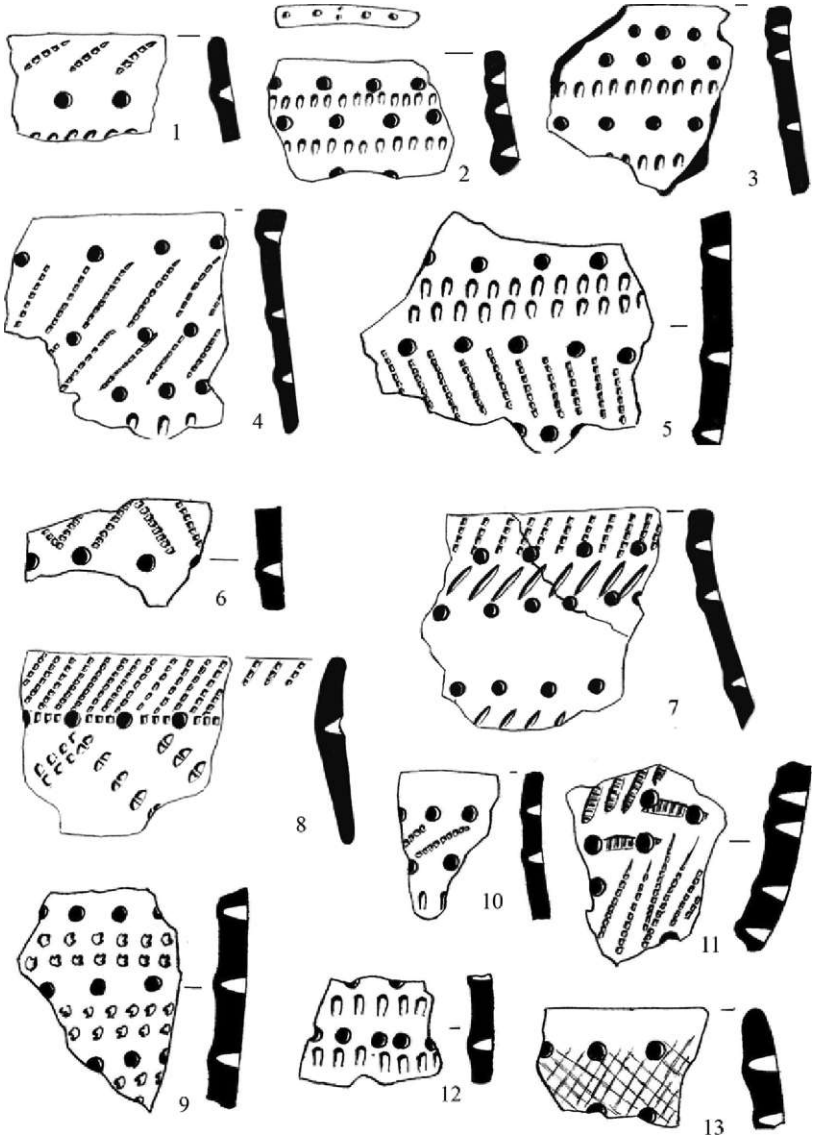


Рис. 3. Ямочно-гребенчатая керамика:
поселения Утюж I (1-9) и стоянки Вьюново озеро II (10-13).

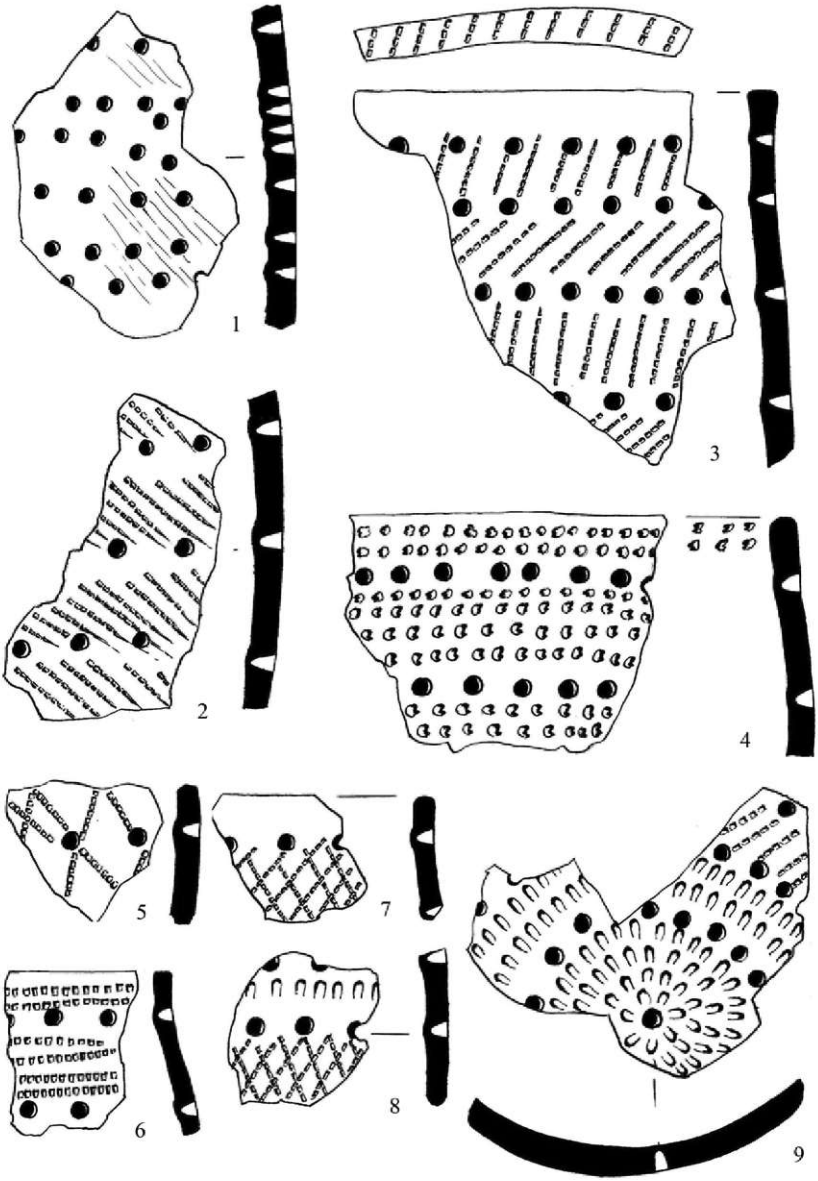


Рис. 4. Ямочно-гребенчатая керамика стоянок: Вьюново озеро II (1-2), Черненькое озеро III (3-6) и Черненькое озеро II (7-9).

А.И. Королев, А.А. Шалапинин (Самара)

ОБ ОДНОЙ ГРУППЕ ГУНДОРОВСКОЙ КЕРАМИКИ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ВОЛОСОВСКУЮ КОЛЛЕКЦИЮ

Керамика эпохи энеолита Гундоровского поселения, несмотря на давнюю известность и наличие публикаций *(Васильев, 1990, с.63-67; Овчинникова, 1991, с.89-98; Васильев, Овчинникова, 2000, с.231-236)* опубликована лишь частично, нет и обобщающих работ. Большая часть ее отнесена к волосовской культуре. Эта коллекция на наш взгляд далеко не однозначна. Целью наших заметок является ознакомление с серией керамики выделенной из состава посуды волосовского типа.

В энеолитической коллекции Гундоровского поселения содержится группа керамики с внешним утолщением венчика похожим на воротничок (72 венчика от разных сосудов). Цвет фрагментов серо-коричневый, в изломе серый. В качестве примеси визуально определены пух птиц и раковина. Поверхность заглажена. Толщина стенок варьирует от 0,6 до 1,1 см. Венчики слабо и средне отогнуты наружу и резко отделены от тулова, один с внутренним ребром. Сосуды имеют как прямостенную, так и профилированную форму. По форме воротничка венчики можно разделить на пять групп. Первая (10 экземпляров) - с широким основанием и узким верхним краем воротничка, высота которого до 3 см, толщина до 1,5 см (рис.1:7). С внутренней стороны желобок зафиксирован в пяти случаях. Вторая группа - воротнички прямоугольной формы (рис.1:*1-3,6),* с высотой от 1,2 до 3 см (26 экземпляров). Пять венчиков имеют внутренний желобок. Третью группу составляют венчики с овальным воротничком (рис.1:4), 11 экземпляров. Из них 4 с желобком. Девятнадцать венчиков имеют подквадратный воротничок (рис.1:5), из них 2 с желобком. Шесть венчиков лишь слегка утолщены на внешнюю сторону, из которых один со слегка заметным желобком. С внешней стороны воротничковой части венчика в 24 случаях нанесены наклонные ряды гребенчатого штампа, в одном - зигзаг, остальные не имеют рисунка. Пять венчиков орнаментированы по срезу гребенкой (в 4-х случаях ряды оттисков штампа, в одном - «шагающая гребенка»). У трех сосудов украшена внутренняя сторона. В одном случае «шагающая гребенка», в двух - наклонные ряды гребенчатого штампа. Под воротничком на пяти сосудах имеются пояски ямочных вдавлений. Тулово украшалось в основном гребенчатым штампом (коротким, средним, средним широким, длинным, крупнозубым) в виде «шагающей гребенки» - 9 экземпляров, горизонтального зигзага - 1, вертикального зигзага - 2, вертикальной елочки - 1, горизонтальных линий - 1, ромбов - 2, сочетания «шагающей гребенки» с наклонными рядами 1. В двух случаях орнамент затерт и не читается. На двух фрагментах заметны оттиски веревочки.

Эта группа керамики близка по фактуре, примесям в тесте, рисункам («шагающая гребенка», зигзаг, елочка, ромбы) и видами орнаментиров (гребенчатый штамп, веревочка, ямки) основной массе волосовской керамики Гундоровского поселения. Однако здесь нет оттисков рамчатого штампа, отпечатков спила полой косточки, эпифизов костей. В тоже время эта посуда имеет прямые параллели в керамике поселения Лебяжинка III *(Овчинникова, 1995, с. 175-176)*. Здесь имеются сосуды с крупными воротничками прямоугольной, подтреугольной, овальной формы, на ряде экземпляров венчиков с внутренней стороны заметен желобок. Посуда украшалась наклонными рядами оттисков, «шагающей гребенкой», елочкой, зигзагом, выполненными гребенчатыми штампами. Присутствуют в коллекциях фрагменты с оттисками веревочки. Есть и некоторые отличия, так на Гундоровской воротничковой керамике нет фрагментов с узорами в виде сетки, на Лебяжинке III не отмечены ромбы.

С другой стороны нельзя не отметить сходство между посудой Лебяжинки III и основной (волосовской) группой энеолитической керамики Гундоровского поселения (сосуды с округлым туловом и прикрытым горлом, прямостенные без воротничка, для которых характерно преобладание гребенчатого штампа. Рисунки составленные из горизонтальных поясков оттисков и наклонных рядов между ними, сетка, зигзаг, ряды ямок). Следует отметить наличие вертикальной «шагающей гребенки», а также её сочетание с горизонтальной, как на сосудах с воротничком, так и на безворотничковых сосудах обоих памятников. На Лебяжинке III рисунков в виде прочерченных линий нет, на Гундоровке известен только один сосуд с такой орнаментацией.

Позднеэнеолитическая керамика Гундоровского первоначально рассматривалась суммарно *(Васильев, 1990, с. 65-66)*. Хотя отмечались её особенности, которые выражаются в S-видной профилировки некоторых сосудов, редком оформлении венчика воротничками, расположении рядов ямок под венчиком, густом заполнении орнаментального поля, большим процентом содержания «шагающей гребенки» *(Овчинникова, 1991, с. 93)*. Позднее часть данной керамики была отнесена к самарской культуре *(Васильев, Овчинникова, 2000, рис. 14)*.

Однако, между рассматриваемой керамикой и самарской выявленной на Гундоровском поселении, есть существенные отличия. Так лебяжинская и гундоровская посуда толстостенная, с примесью раковины и пера, грубовато заглажена, украшена крупными гребенчатыми штампами. Нет рисунков в виде меандров, волнистых линий, треугольников. Различия выступают здесь столь рельефно, что не позволяют выявить общие типообразующие признаки, за исключением, пожалуй, воротничкового оформления венчика. Иначе говоря, рассматривать посуду Лебяжинки III и анализируемой группы Гундоровки в рамках самарской керамики второго (ивановского) этапа проблематично.

Вместе с этим толстостенная керамика Гундоровки, как и Лебяжинки III находит достаточно близкие аналогии в волосовской посуде. Более того, анализируя её, сложно отделить собственно воротничковую посуду от венчиков с утолщением на внешнюю сторону и венчиков без утолщения (рис.1:8-9), настолько их объединяет толщина, примесь, элементы и мотивы орнамента. Это сходство нельзя объяснить волосовским влиянием. Этому противоречат радиоуглеродные определения, выполненные непосредственно по керамике. Фрагменты керамики волосовского типа (в том числе с рамчатым орнаментом) Гундоровского поселения имеют датировки, укладывающиеся в пределы третьей четверти IV тыс. до н.э. в некалиброванном значении. Следовательно, формирование ряда основных признаков волосовской керамики в лесостепном Поволжье завершается ранее складывания протоволосовских и волосовских древностей на традиционно «волосовской территории» и задолго до возможного волосовского продвижения в лесостепь. Две даты, полученные для керамики самарского типа поселения Лебяжинка III указывают на первую четверть IV тыс. до н.э. Последней четвертью V тыс. до н.э. определен возраст фрагмента самарского сосуда с поселения Лебяжинка IV.

Данное обстоятельство дает возможность поставить вопрос о своеобразии толстостенной воротничковой керамики Гундоровки и Лебяжинки III, имеющей существенные различия с самарской керамикой, как первого, так и второго (ивановского) этапа культуры датируемого второй половиной IV тысячелетия до н.э. (Моргунова, 1989, с. 134) и демонстрирующей столь большое сходство с волосовскими материалами. Таким образом, насущной становится необходимость выявления источников воздействия на самарскую керамику (или специфических особенностей ее развития) в первой половине IV тысячелетия до н.э., которые привели к формированию комплекса признаков известных как волосовские.

Литература:

Васильев И.Б. Поздний энеолит лесостепного Поволжья // Энеолит лесного Урала и Поволжья. Ижевск, 1990.

Васильев И.Б. Овчинникова Н.В. Энеолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара, 2000.

Овчинникова Н.В. Керамика волосовского типа с Гундоровского поселения // АЭМК. Йошкар-Ола, 1991. Вып. 19.

Овчинникова Н.В. Лебяжинка III - поселение эпохи энеолита в лесостепном Заволжье // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара, 1995.

Моргунова Н.Л. Энеолитические комплексы Ивановской стоянки // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев. 1989.

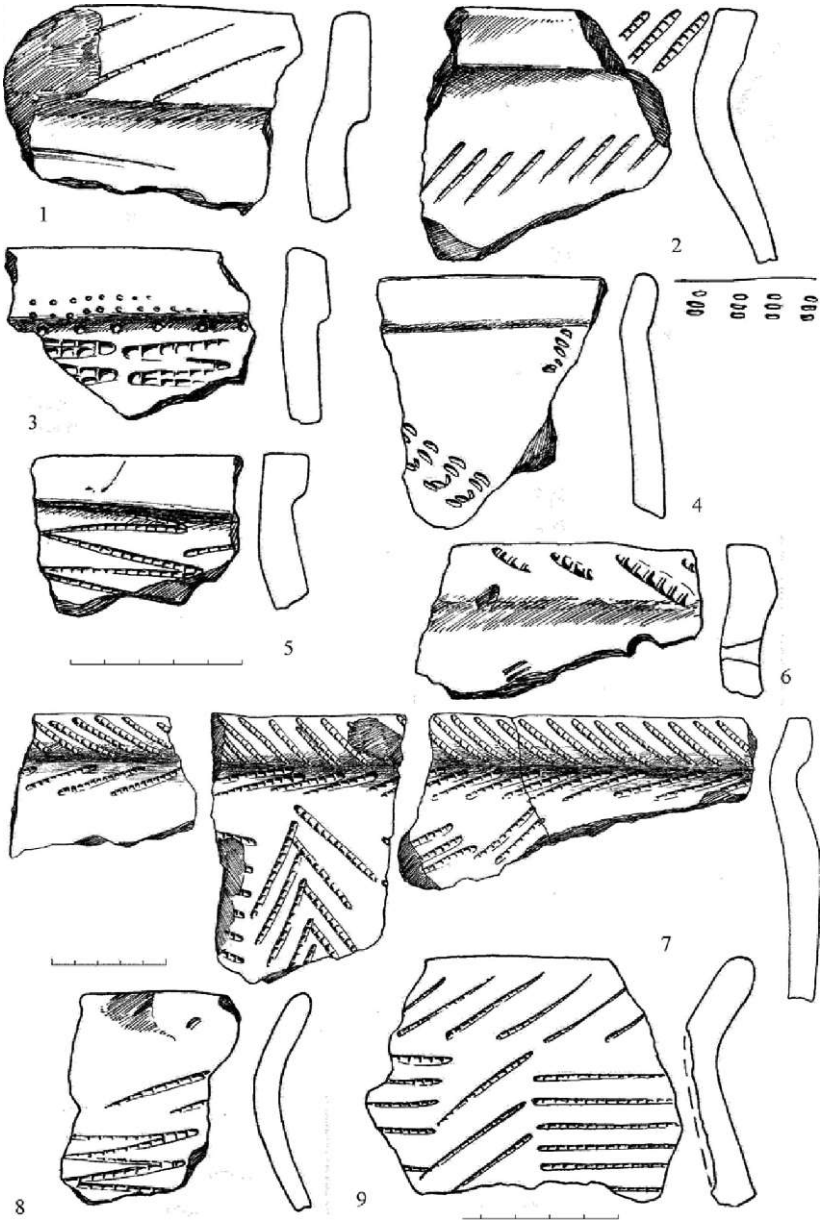


Рис. 1. Поселение Гундоровка. Керамика.

В.В. Никитин (Йошкар-Ола)

ИСТОКИ ВОЛОСОВСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ НА ОКЕ И ВОЛГЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЙ КРАСНЫЙ МОСТ II И III)

Поселения открыты разведками Мар АЭ, отрядом под руководством Т.Б. Шикаевой (Никитиной) в 1976 году на краю надлуговой террасы староречья левого берега реки Большой Кундыш (правый приток реки Большая Кокшага) в 120 м к ЮЮВ от тракта Йошкар-Ола - Козьмодемьянск и в 70 м к ЮЮВ от столовой поселка Красный Мост Медведевского района республики Марий-Эл. На поселении II видны следы от 9 сооружений в виде округлых западин диаметром до 10 м, расположенных двумя параллельными рядами вдоль старицы. Рядом находится поселение Красный Мост III с системой из 6 западин (рис. 1).

В 1979 году Мар АЭ (руководитель В.В. Никитин), на поселении II заложен раскоп площадью 64 кв. м. занимавший свободное пространство между впадинами вдоль траншеи (взвоза к воде). Стратиграфия поселения простая. Под дерном небольшая прослойка подзола, ниже которой залегает слой бурого пестроцвета мощностью от 25 до 70 см (культурный слой), подстилаемый светлым материковым песком. На раскопе изучены 9 хозяйственных ям, впущенных в материковый песок. Ямы округлые или овальные размером от 100 до 150 см при глубине 30 - 50 см. В ямах обломки посуды и кремень.

На поселении III раскопом в 340 кв. м. были изучены остатки двух жилых сооружений поздневолосовского времени нарушившие более ранние слои синхронные материалам II поселения.

Материалы нижнего слоя поселения частично опубликованы *(Никитин, 1984. С.32 и сл.; 1991. С. 129 - 134. Рис. 36 - 41).* На памятнике собрано около 2000 фрагментов лепной посуды, из них для статистического анализа отобрано 1700, среди которых 152 венчика, 52 округлых днища, остальные стенки.

По верхним частям с учетом формы и орнамента определено около 100 сосудов. Выделяются три типа: 1 - полуяйцевидные с раздутым туловом и прикрытым устьем - 40 экземпляров; 2 - открытые сосуды с плавно сужающимися ко дну стенками - 50 экземпляров; 3 - полуяйцевидные сосуды удлиненных пропорций с незначительно отогнутым венчиком и слабо выраженной шейкой - 18 экземпляров (рис. 2).

Вся посуда плотная, поверхность тщательно заглажена с двух сторон, толщина стенок в пределах 0, 6-1, 2 см. Формовочная масса в качестве примеси содержит органику и шамот, преобладает шамот. Практически вся посуда орнаментирована по всей внешней поверхности. Для орнаментации посуды применялись различные штампы. На-

иболее массовое применение получили гребенчатые штампы различной длины, ширины и конфигурации. Применение отдельных штампов (без комбинирования с другими) для украшения поверхности посуды крайне редкое. Крупные фрагменты и реконструированные сосуды показывают, что они украшались сочетанием разных штампов, среди которых преобладают гребенчатые. Широко применяются ямочные вдавления (круглые, овальные, прямоугольные), но в отличие от глубоких неолитических они поверхностные и, как в предшествующий период, выполняют роль разделительных зон, хотя некоторые фрагменты украшены только ямками. Используется в орнаменте шнур намотанный на стержень, оттиски аммонитов и аммонитоподобных штампов. Около половины всех фрагментов украшены простыми узорами из горизонтальных, диагональных, вертикальных линий гребенки, ямок, отпечатков шнура. Остальная часть украшена более сложными композициями из чередующихся зон гребенчатых, ямочных, овальнозубых и других штампов (елочки, зигзаги, сетка, геометрические зоны, горизонтальные и диагональные поля и пр.).

Как уже отмечалось, самыми распространенными элементами орнамента являются гребенчатые и ямочные. В сочетании с другими оттисками они применяются на 87% фрагментов, ямочный - 24%, крупный овальнозубый - 6%, шнуровой - около 1%.

Посуда украшалась по всей поверхности. Композиции рисунков, в отличие от предшествующего времени, достаточно разреженные и в то же время повторяют обычные для балахнинского населения приемы украшения посуды в зональной манере, используя отдельные элементы в качестве разделителя орнаментального поля. Сохраняются традиционные узоры предшествующего периода (гребенчатый зигзаг с ямкой в вершине, сетка с ямкой в перекрестии или ячейки, ряды гребенок разделенные пояском ямок, ямочные зоны, оттиски веревочки), указывающие на связь с носителями культуры гребенчато-ямочной посуды.

Узоры, выполненные зубчатыми штампами: различные геометрические построения, заштрихованные зоны, чередование вертикальных и горизонтальных зон более характерны носителям волго-камской культуры, но штампы в отличие от небольших и тонких камских, становятся более крупными, широкими и длинными.

Взаимовстречаемость их в одном комплексе и на одних сосудах свидетельствует о сложившейся манере в производстве глиняной посуды, сочетающей элементы восточной волго-камской и западной волго-окской гончарной традиции в итоге сформировавших культурные признаки протоволосовских древностей, обусловленных еще в развитом неолите интеграционными процессами. Среди учтенных сосудов на

Красномостовских II и III поселениях специфические формы волго-окского неолита (профилированные и открытые) составляют большинство (68 из 108), а характерные для средневолжских гребенчато-ямочных комплексов элементы орнамента присутствуют на 78% сосудов, определенных по верхним частям.

Орнаментальные мотивы на керамике II и III Красномостовских поселений практически идентичны (рис. 3 и 4), что позволяет рассматривать посуду суммарно.

Из волго-камских культуроопределяющих признаков в данном комплексе присутствуют: 1 - полуяйцевидная с прикрытым устьем форма, но здесь уже отсутствует характерный для камских сосудов внутренний наплыв края горла; 2 - примесь шамота в формовочной массе (хотя данный признак характерен и для гребенчато-ямочной посуды); 3 - традиция заглаживания поверхности с двух сторон; 4 - применение в качестве основных орнаментов мелкозубых штампов (сочетание коротких и длинных); 5 - плотное заполнение орнаментального поля. Культурный компонент волго-окского неолита проявляется: 1 - открытой полуяйцевидной или профилированной (S-видной) формами; 2 - наряду с примесью шамота в формовочной массе присутствуют органические добавки, придающие черепку пористость и легкость и затрудняющие обработку поверхности сосуда; 3 - применение в качестве орнаментира аммонитов и подобных им штампов, применение крупнозубых и овальнозубых штампов, намотанного на палочку шнура; 4 - украшение сосудов характерными для волго-окского неолита узорами (елочка со стеблем, зигзаги, сетка, лучи) в горизонтпльной зональности; 5 - появляются характерные для позднего неолита волго-окского бассейна разреженные орнаментальные зоны с участками свободными от орнамента. В итоге определенного взаимодействия носителей керамических традиций востока (камской) и запада (волго-камской) складывается культурный пласт хорошо определяемый по керамическим комплексам, в котором сочетаются (переплетаются) традиционные приемы восточных и западных гончаров. Присутствие этих элементов на посуде представленного памятника (как впрочем и других) бесспорно, с чего следует, что волосовские древности одним из компонентов своей культуры имеют носителей гребенчато-ямочной посуды.

Не останавливаясь подробно на отдельных элементах гончарных традиций укажем лишь на таблицу соотношения формы, орнаментира и узора (рис. 2) и предоставим возможность читателю сделать свои выводы о достоверности автора в поисках предков носителей волосовской культуры. При выявлении истоков волосовской культуры в Среднем Поволжье были установлены две линии развития: 1-я с преобладани-

ем влияния культуры гребенчато-ямочной керамики (типа Дубовских VIII и IX - верхние слои), 2-я с преобладанием культуры гребенчатой посуды (типа Сосновая Грива III) и уже сложившейся протоволосовской культуры оставившей памятники красномостовского типа.

Если для первой линии развития более характерны сосуды с органической примесью (при наличии шамота) и обычной для средневолжских гребенчато-ямочных комплексов профилированной формы и орнамента (зоны гребенки, ограниченные рядами ямок, при наличии котловидных закрытых сосудов) *(Никитин, 1996а. С. 122, 123),* то для второй линии развития характерны котловидные сосуды прикрытых форм с элементами волго-окского гребенчато-ямочного узора (*Никитин,, 1996а. С. 119 -121).*

Нет надобности повторять уже опубликованные материалы сравнительных анализов волосовских, протоволосовских и более ранних неолитических комплексов Средней Волги, где достаточно подробно показан процесс интеграции одних культур в другие и последствия такого взаимодействия (*Никитин, 1991; 1996а. С. 145 - 151).*

Здесь можно напомнить, что сравнительный анализ керамических комплексов волгокамского неолита со Старомазиковской III и протоволосовского комплекса Красный Мост указывает на их несомненную близость. Степень сходства по ряду признаков (форма сосуда, форма дна и устья, элементы и мотивы орнамента) составляет 83, 5%. Старомазиковские, Красномостовские и Майданские керамические комплексы в сравнительном плане показывают большое сходство неолитических (старомазиковских), поздненеолитических (красномостовских) и ренневолосовских материалов. По совокупности признаков керамика поселения Красный Мост II имеет степень сходства с ранневолосовской майданской посудой 75, 6%; Красный Мост III - 77, 9%; Старомазиковская III - Майданская - 66, 3%; Старомазиковская II - майданская - 65, 7%. Данные этого анализа показывают, что красномостовская посуда занимает связующее звено между волго-камской поздней и волосовской ранней посудой.

Наряду с керамическими традициями неолита на протоволосовской посуде появляются новые (в дальнейшем характерные для ранневолосовских комплексов) элементы, особенно в орнаментации. Это, кроме крупногребенчатых штампов, оттиски шнура намотанного на палочку, овальнозубые штампы и оттиски аммонитов, ямки с разделителями по дну. Немаловажно и то, что появляются профилированные сосуды с расширением в нижней трети (*Никитин, С. 123. Рис. 51).* Снижается процент строгой зональности композиции, сильно возрастает количество посуды с разреженным орнаментом, возрастает количество сосудов с диагональным, вертикальным и горизонтальным (за-

частую смешанным) расположением элементов рисунка. Появляются значительные неорнаментированные части сосудов. Все это получает применение на раннем (майданском) этапе развития волосовской культуры *(Никитин, 1996а. С. 115 - 128).*

Каменный инвентарь стратиграфически не разделяется и может рассматриваться только суммарно, да и сама немногочисленная коллекция не дает оснований для выявления специфических протоволосовских типов орудий.

В связи с открытием протоволосовских древностей получили дополнительное обоснование основные точки зрения на происхождение волосовской культуры *(Цветкова, Кравцов, 1982. С.88 - 90; Крайнов, 1987. С.26; Никитин, 1991. С.48 - 54; 1996а. С. 115 - 128).*

Эти исследователи у истоков формирования волосовской культуры видели носителей культуры гребенчато-ямочной (ямочно-гребенчатой) и гребенчатой (накольчато-гребенчатой) посуды, занимавших обширную территорию лесной полосы Европейской России от р. Камы до верховий Волги. Авторы сошлись во мнении о приоритете носителей культур ямочно-гребенчатого круга при активном воздействии верхневолжского и волго-камского населения.

Существуют и другие точки зрения на происхождение волосовской культуры: прибалтийское *(Буров, 1974. С. 106; Никитин А.Л. 1974. С. 27 - 33; Костылева, Уткин, 1998; Жилин и др.* 2002.), достаточно подробно рассмотренные в научной литературе (*Третьяков, 1975. С. 14 - 22; Никитин, 1978. С. 21 - 26).* В недавно вышедшей работе Е. Л. Костылева и А.В. Уткин в тезисной форме обосновали прибалтийское происхождение волосовской культуры *(Уткин, Костылева, 2006. С. 124 - 125).* Основные доводы сводятся к следующему: 1 - В смешанных горизонтах с позднельяловской и протоволосовской керамикой встречены немногочисленные обломки посуды восточно-прибалтийского типа (котловидные с раковинной примесью). Здесь необходимо заметить, что среди специалистов по неолиту волго-окского бассейна нет единого мнения о технико-типологических признаках «протоволосовской» посуды (это или гребенчато-ямочная, в другой терминологии - гребенчато-ямчатая валдайского типа или протоволосовская с примесью дресвы; отсюда и несколько точек зрения на ее происхождение: прибалтийское, валдайское, верхневолжское, льяловское). Присутствие определенных групп посуды в смешанных горизонтах еще не повод для утверждения их генетической связи. Чистых (прибалтийских) комплексов на территории волосовской культуры нет. Округлое дно и раковинная примесь не обязательно должна связываться с прибалтийской традицией - эти явления есть и в культурах с гребенчато-ямочной традицией украшения и в ранних

волосовских памятниках. 2 - Наличие костяной скульптуры. Но, костяная скульптура явление достаточно широкое и характерное еще для мезолитического времени (см. работы Л.В. Кольцова, С.В. Ошибкиной, М.Г. Жилина и других), что касается маски «шамана», то ее истоки следует искать не в Прибалтике, поскольку это явление широко известно как обряд в среде древнейших цивилизаций Египта, Древней Греции и т.д. (*Смирнов, 1997. С. 191).* Что касается кремневой скульптуры, то ее изобретение вряд ли возможно приписать волосовскому населению, она известна и за пределами территории освоенной волосовской общностью (Замятнин С.Н. С. 88. Рис. 1) и в более ранних памятниках Волго-Камья (на Средней Волге это головка уточки, на Полянской стоянке с ямочно - гребенчатой посудой, лосиная головка - «крючок» на Старомазиковской с керамикой доволосовской поры, на Удельношумецком VI с гребенчато - ямочной посудой - антропоморфная и зооморфная) (*Никитин, 1996а. С. 138. Рис. 64, 1, 3,* 9). Достаточно ранний возраст кремневой скульптуры стоянки Студенцы II на р. Вятке, отнесенной исследователем к позднему мезолиту. Сами скульптуры выполнены в технике, характерной для эпохи мезолита и найдены в культурном слое *(Ошибкина, 1984. С. 12. Рис. 3, 1, 2; С. 15-16).* Обломок кремневой скульптуры найден на IV Тетюшской стоянке *(Габяшев, 2003. С. 161. Рис. 17, 1, 2)* с накольчато-прочерченной керамикой раннего неолита. Известна она и в материалах карельской культуры с ямочно-гребенчатой керамикой (*Ошибкина, 1996. С. 216. Рис. 69, 9, 12),* на стоянках каргопольской культуры *(Ошибкина, 1996. С. 227. Рис. 74, 2, 5, 6, 9-14);* в неолите Прибайкалья *(Хлобыстин, 1996. С. 287. Рис. 93,* 21); в Приморье (*Хлобыстин, Константинов, 1996. С. 312. Рис. 100,* 1). К тому же нужно заметить, что не все кремневые фигурки Волго-Окского междуречья бесспорно относятся к волосовской культуре, часть из них происходит с дюнных стоянок со смешанными ямочно-гребенчатыми и волосовскими слоями. О возможной принадлежности некоторых кремневых скульптур к ямочно-гребенчатому неолиту указывал С.Н. Замятин *(Замятнин, 1948. С.* 8). 3 - Наличие янтарных украшений в волосовских некрополях. Свое сомнение по поводу культурной принадлежности янтароносных погребальных памятников я высказал в своей монографии (*Никитин, 1991. С. 82-83).* Удивляет обилие янтаря в погребениях и отсутствие его в волосовских жилищах. На основной (прибалтийской) территории янтарь характерен и для поселенческих памятников. Материалы опубликованы и достаточно известны *(Лозе, 1988. С. 44-46).* Так на поселении Звидзе в горизонтах с гребенчато - ямочной и прибалтийской посудой найдено 1152 янтарных предметов. На поселении Сулька найдено 78 янтарных изделий. На Найниексте (на площади всего 116 кв.м.) собрано 101 изделие, что в разы превышает находки

янтаря во всех раскопанных волосовских поселенческих памятниках Волжского бассейна. Такое резкое расхождение в распределении янтаря в поселенческих и погребальных комплексах волжского бассейна свидетельствует скорее об разнородности их носителей, чем родственности. Более вероятным представляется ситуация, где погребенные - жертвы обитателей волосовских поселений. 4 - Обряд ингумации. Этот обряд обычен и для льяловского населения освоившего Волго - Окское междуречье задолго до появления волосовского населения. 5 - Да, антропология подтверждает монголоидность погребенных с янтарем, но не факт, что погребенные волосовцы. Это пришлое население оригинальной прибалтийской культуры, сформированное на другой территории и раньше, чем сформировалась волосовская общность, что не отрицают и сторонники прибалтийских истоков волосовской культуры *(Уткин, Костылева, 2006. С. 125).* Эта проблема требует особо тщательного изучения и предельной конкретики, т.к. с антропологией непрерывно следует этногенез. По этому тезису остается выяснить генетическую связь обитателей некрополей и поселенческих памятников волосовских образований. Здесь не достаточны доказательства типа волосовский скребок или наличия в могиле черепка, похожего на волосовский.

При решении проблемы истоков любой культуры необходим анализ всего комплекса. Здесь даже домостроительные традиции разные: в прибалтийском неолите дома наземные, у волосовцев - полуземлянки. Почему в каменном инвентаре волосовских поселений не получают применение сланцевые кольца прибалтийцев, почему у волосовцев существуют специфические деревообрабатывающие долота, тесла, стамески которых нет у прибалтов? Откуда берут истоки типичные волосовские ножи - кинжалы и крупные треугольно - черешковые дротики не распространенные в неолите Прибалтики? Все это есть в изобилии на Волге и Оке в культурах с посудой гребенчато - ямочного типа.

Несколько слов по поводу «гибели» волосовской культуры. При всем обилии некрополей балановско - фатьяновского круга нет погребальных поздневолосовских комплексов. О каком-либо «инфекционном море» не может быть речи. Не может мор уничтожить одну группу общества, обитающую на совместной территории, пощадив другую. Причину фатьяновско - балановской гибели следует искать в другом.

Иная точка зрения на истоки волосовской культуры предложена В.В. Сидоровым *(Сидоров, Энговатова, С.164 - 182; Сидоров, 2007. С. 167 - 176),* где он не соглашаясь с теорией восточной экспансии волосовского населения и, отрицая ее, предлагал свою модель формирования и расселения носителей волосовской культуры на базе валдайских неолитических древностей, хотя в более ранней работе он же в вал-

дайской культуре усматривает дальнейшее развитие местного варианта верхневолжской, а в ранненеолитических культурах Верхнего и Среднего Поволжья видит отражение генетического родства, хотя и не видит причин формирования волосовских древностей на территории валдайской культуры, становление культуры происходит в зоне контактов с другими культурами *(Сидоров, 1987. С.87-89).* Исходя из этого положения должно следовать, что зона контактов состояла из культур льяловского (ямочно-гребенчатого или гребенчато-ямочного) круга, а их носители являются одним из компонентов складывающейся культуры. Рассматривая материалы стоянки Языково I, Сидоров В.В. присутствие посуды с гребенчатым орнаментом объясняет контактами местной льяловской общины с носителями гребенчатой традиции, наиболее вероятный её источник - в верховьях Волги и на Валдае *(Сидоров, 1990. С. 63).*

Не отрицает участия носителей культуры гребенчато-ямочной посуды и Е. Л. Костылева, отмечая, что в результате взаимодействия пришлого восточно-прибалтийского населения с местным позднельяловским при участии носителей протоволосовской гребенчато-ямочной керамики явилось сложение ранневолосовской культуры *(Костылева, Уткин, С. 57).* Не понятно только почему резко отличается технология изготовления посуды на ранневолосовском этапе: откуда толстостенность, пористость, некоторые элементы и мотивы орнамента. Ясно одно - в прибалтийских культурах доволосовской поры этого нет.

Подтверждением участия в процессе формирования волосовской культуры носителей гребенчато-ямочной посуды свидетельствуют и наборы каменного инвентаря. Еще в эпоху развитого неолита зарождаются навыки изготовления мелкой кремневой скульптуры, известной по материалам Старомазиковской III, Полянской III, Удельно -Шумецкой VI (нижний слой) *(Никитин, 1996а. С. 138. Рис. 64, 1; С. 56. Рис. 23, 21, 24).* В среде культуры гребенчато-ямочной (балахнинской) керамики зарождаются (а потом выделяются как классические волосовские) крупные листовидные ножи-кинжалы, известные по материалам поселений Галанкина Гора II и IV на р. Волге, Сутырском на р. Ветлуге, Русско-Луговском II на р. Илети *(Никитин, 1996а. С.53. Рис. 22, 20-22).* В этой культуре появляются и «классические волосовские» долота, тесла и стамески с желобком *(Никитин, 1996а. С.56. Рис. 23, 26-31, 36; 23. С.92).* Характерные для ранневолосовских поселений крупные ромбически-черешковые дротики, известные в среде льяловского населения стоянок Языково I и III *(Сидоров, 1990. С. 98. Рис. 41,15, с. 108. Рис. 45,* 1). Узкие долота и стамески с желобком обычные для льяловских комплексов находки *(Сидоров, 1990. С. 88. Рис. 35, 10, 16; С. 106. Рис. 44,* 4). Хотя В.В. Сидоров склонен видеть истоки «волосов-

ской» кремневой индустрии в неолите (или мезолите) Валдая *(Сидоров, Энговатова, 1996. С. 169)*. На преемственность кремневого инвентаря поселений с ямочно-гребенчатой посудой и каменными орудиями волосовских комплексов указывал и В.В. Сидоров *(Энговатова, 1997. С. 121-127)*. Редкие для неолита изделия, каменные ромбические мотыги со сверлиной в центре известны в слоях с ямочно-гребенчатой посудой на поселении Воймежное I, Варос и Языково III (*Сидоров, 1990. С. 26. Рис. 8, 2; С. 106. Рис. 44, 12),* Маслово болото VII (*Сидоров, 1986. С. 126 -127),* Святое озеро, Луково озеро I, Никольская-Правая, в Подмосковье и на волосовском Майданском поселении в левобережье р. Волги (*Никитин, 1996а. С.135)*. Нет ничего удивительного, что исследователи не всегда с уверенностью относят те или иные типы орудий к льяловскому или волосовскому комплексу *(Энговатова, 1997. С.80 - 94; 24. С. 27),* что подтверждает наблюдения В.П. Третьякова по поводу развития специфической «волосовской» каменной индустрии еще в эпоху раннего неолита, а может быть и в мезолите (*Третьяков, 1990. С.69),* что предполагает устойчивые технологические традиции в обработке камня, рога и кости, сложившиеся в среде местного населения с охотничье-рыболовецким хозяйством в определенной экологической среде.

Установленная некая преемственность в составе типов орудий между верхневолжским и льяловским слоями, как и непрерывное развитие льяловского культурного слоя к волосовскому *(Энговатова, 1997. С.91)* еще раз подтверждает участие льяловского населения в процессе становления волосовской культуры не только в средневолжском варианте. Об этом писал и В.В. Сидоров, отмечая промежуточные слои между верхневолжским и льяловским пластами отражающими переход, трансформацию одной культуры в другую. Эта промежуточность проявляется во всем - в характере стоянок (и, естественно, образе жизни), типах и технологии каменных орудий и керамики *(Сидоров, 1990. С. 109)*. Данное положение важно при определении этнической принадлежности населения волосовской культурно-исторической общности. Поскольку большинство исследователей носителей волосовских древностей связывают с финно-уграми, то включение племен культур гребенчато-ямочной посуды в это этнокультурное объединение выглядит логично. Независимо от направления сомнительных «миграций» волосовских племен они представляли общефинскую этнокультурную языковую общность, сложившуюся еще в развитом неолите (возможно и раньше) в среде культур гребенчато-ямочного (ямочно-гребенчатого) круга, что объясняет и происхождение прибалтийских финнов, куда неолитические культуры уральского (камского) типов, как отмечали прибалтийские ученые, не проникают *(Янитс, 1956)*.

В свете вышеуказанного несомненный интерес представляет гипотеза А. Я. Брюсова о финно-угроязычном характере населения, изготовлявшего ямочно-гребенчатую посуду *(Брюсов, 1940. С.101; 1958. С.254).* Эта гипотеза была поддержана рядом археологов *(Фосс, 1952; Гурина, 1961).* Однако с появлением работ в области урало-сибирской лингвистики, теорию А. Я. Брюсова посчитали ошибочной и на основе лингвистических построений *(Серебренников, 1955; 1957)* была обоснована теория уральского формирования древней финно-угорской общности, получившая дальнейшее развитие в работах археологов.

Признание финноязычности населения, изготовлявшего посуду с гребенчато-ямочным орнаментом, приводит в соответствие данные волго-окской топонимики с окончаниями на ма, га, ша, распространенными и в Карелии. Граница распространения этих топонимов соответствует территории влияния племен с ямочно-гребенчатой посудой *(Никитин, 1996б. С.146-147).*

Рассматривая проблему поисков уральской прародины М.Ф. Косарев и С.В. Кузьминых касаясь схемы ранних этапов финно-угорского этногенеза, предложенной А.Х. Халиковым *(Халиков, 1967. С.9-36)* отметили, что эта схема стала изменяться, причем из нее выпало только одно звено, но в данном случае важнейшее: В.В. Никитин показал, что в образовании культур протоволосовского и волосовского круга на Средней Волге, как и в Волго-Окском междуречье, решающая роль принадлежала культуре ямочно-гребенчатой керамики, что и предполагалось Х. Моорой, А.Я. Брюсовым, П.Н. Третьяковым, Н.Н. Гуриной, К.Ф. Мейнандером, Л. Янитсом, Д. А. Крайновым, В. В Сидоровым и др. специалистами, исходя прежде всего из генетического родства ямочно-гребенчатых и текстильных древностей *(Косарев, Кузьминых, 2000. С. 293).*

Подводя итог анализу протоволосовского материала можно заключить, что процесс складывания средневолжского варианта волосовской культурно-исторической общности начался в позднем неолите на базе двух культурных традиций: восточной (волго-камской) и западной (волго-окской). В специальной монографии обосновывается тезис о приоритете в данном процессе восточных традиций *(Никитин, 1991. С.48-58).* В последствии с накоплением протоволосовских материалов (Сосновая Грива III, Дубовское VIIfa, Дубовское IX (верхний слой) и других, сопоставляя различные вещевые комплексы (жилища, каменные орудия, посуда, украшения) было установлено, что приоритет в процессе сложения волосовской культуры принадлежал носителям волго-окских древностей (Ник*итин, 1996а. С. 147).* Красномостовские (протоволосовские) древности являются как бы связующим звеном между культурами волго-камского, волго-окского и волосовского кру-

га, что собственно и выяснили статистические анализы средневолжских поздненеолитических комплексов (*Никитин, 1984. С.39-42).*

В настоящее время источниковая база по неолитическим культурам лесной полосы Европейской России достаточна для того, чтобы отказаться от декларативных умозрительных заключений и приступить к тщательному научному анализу всего комплекса артефактов. Пока же наиболее проработана гипотеза происхождения средневолжского варианта волосовской общности, а отсюда она и самая достоверная на данный момент.

Литература:

Брюсов А.Я. 1940. История древней Карелии. М. Тр. ГИМ. Вып. IX.

Брюсов А.Я. 1958. Очерки по истории племен Европейской части СССР // МИА. №29. М.

Буров Г.М. 1974. Археологические культуры севера Европейской части СССР (Северодвинский край). Ульяновск.

Габяшев Р.С. 2003. Население Нижнего Прикамья в V - III тыс. до н.э. Казань.

Гурина Н.Н. 1961. Древняя история Северо-запада Европейской части СССР.//МИА. №87. М.

Жилин М.Г., Костылева Е.Л., Уткин А.В., Энговатова А.В. 2002. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья. По материалам стоянки Ивановское VII. М.

Замятнин С.Н. 1948. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-восточной Европы // СА. №X.

Косарев М.Ф., Кузьминых С.В. 2000. К проблеме поисков уральской прародины // ТАС. *Тверь. ВЧ. 1.*

Костылева Е.Л., Уткин А.В. 1998. Керамика восточно-прибалтийского типа на поселении Ивановское VII // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново.

Крайнов Д.А. 1987. Волосовская культура // Археология СССР.

Лозе И.А. 1988. Поселения каменного века Лубанской низины. Мезолит, ранний и средний неолит. Рига.

Никитин А.Л. 1974. Существовала ли волосовская культура?// СА. М. №2.

Никитин В.В. 1978. Волосовские памятники на Средней Волге // Лесная полоса Восточной Европы в волосовское время. Йошкар-Ола. АЭМК. В.3.

Никитин В.В. 1984. Красномостовские поселения финального неолита // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск.

Никитин В.В. 1991. Медно-каменный век Марийского края (середина III - начало II тысячелетия до н.э.).

Никитин В.В. 1996. Каменный век Марийского края. Йошкар-Ола. Тр. МарАЭ. Т. IV.

Никитин В.В. 1996. Этнокультурная ситуация в неолите лесной полосы Среднего Поволжья // Historia fenno-ugrica. I. 1-2. Oulu.

Ошибкина С.В. 1984. Мезолит бассейна р. Вятки // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск.

Ошибкина С.В. 1996. Север Восточной Европы // Археология. М.

Серебренников Б.А. 1955. Волго-Окская топонимика на территории Европейской части СССР // Вестник языкознания.

Серебренников Б.А. 1957. Происхождение чувашей по данным языка // О происхождении чувашского народа. Чебоксары.

Сидоров В.В. 1986. Маслово болото VII - поселение льяловской культуры.// СА. №4.

Сидоров В. В. 1987. Отношение льяловской и волосовской культур // XVII всесоюзная финно-угорская конференция. Устинов.

Сидоров В.В. 1990. Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. Волго-окская экспедиция. М.

Сидоров В.В. 2007. Волосовская культура - происхождение, судьба // Влияние природной среды на развитие древних сообществ. Материалы научной конференции. Йошкар-Ола.

Сидоров В.В., Энговатова А.В. 1996. Протоволосовский этап или культура? // ТАС. Тверь. В.2.

Смирнов Ю.А. 1997. Мифология преднамеренного погребения. М.

Третьяков В.П. 1975. В защиту волосовских древностей // СА. №4.

Третьяков В.П. 1990. Волосовские племена в Европейской части СССР в III - II тыс. до н. э. Л.

Уткин А.В., Костылева Е.Л. 2006. «Рождение» и «гибель» волосовской культуры // Археологическое изучение Центральной России. Липецк.

Фосс М.Е. 1952. Древнейшая история Севера Европейской части СССР // МИА. №29. М.

Халиков А.Х. 1967. У истоков финно-угорских народов. // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола.

Хлобыстин Л.П. 1996. Восточная Сибирь и Дальний Восток // Археология. М.

Хлобыстин Л.П., Константинов М.В. 1996. Неолит Забайкалья.// Археология. М.

Цветкова И.К., Кравцов А.Е. 1982. Керамика неолитической стоянки Владычинская-Береговая I // СА. №2.

Энговатова А.В. 1997. Древние охотники и рыболовы Подмосковья. М.

Янитс Л.Ю. 1956. К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения территории Эстонской ССР. Таллин.

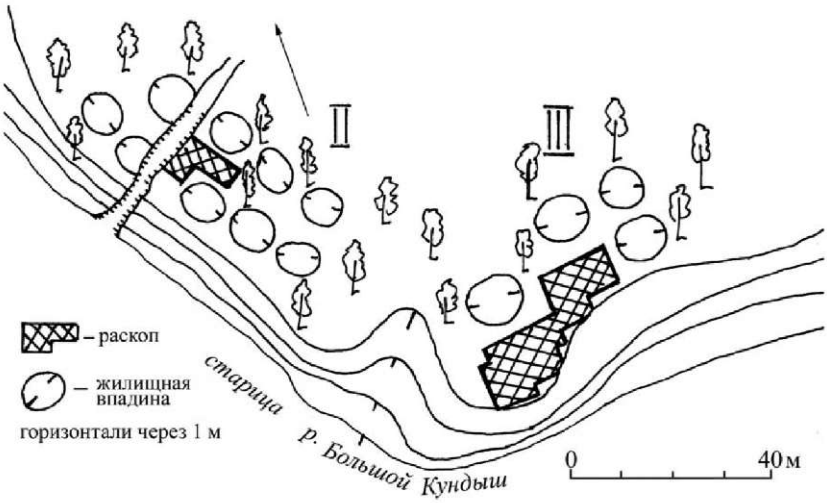


Рис. 1. Топографический план II и III поселений у пос. Красный Мост.

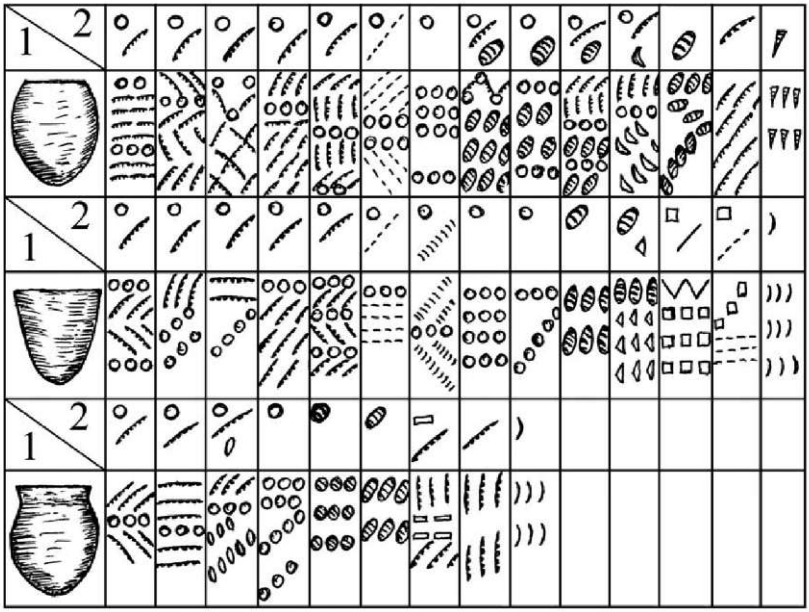


Рис. 2. Сочетание форм, элементов орнамента и орнаментальных мотивов на посуде красномостовских поселений.
1 — форма сосуда; 2 — элементы орнамента.

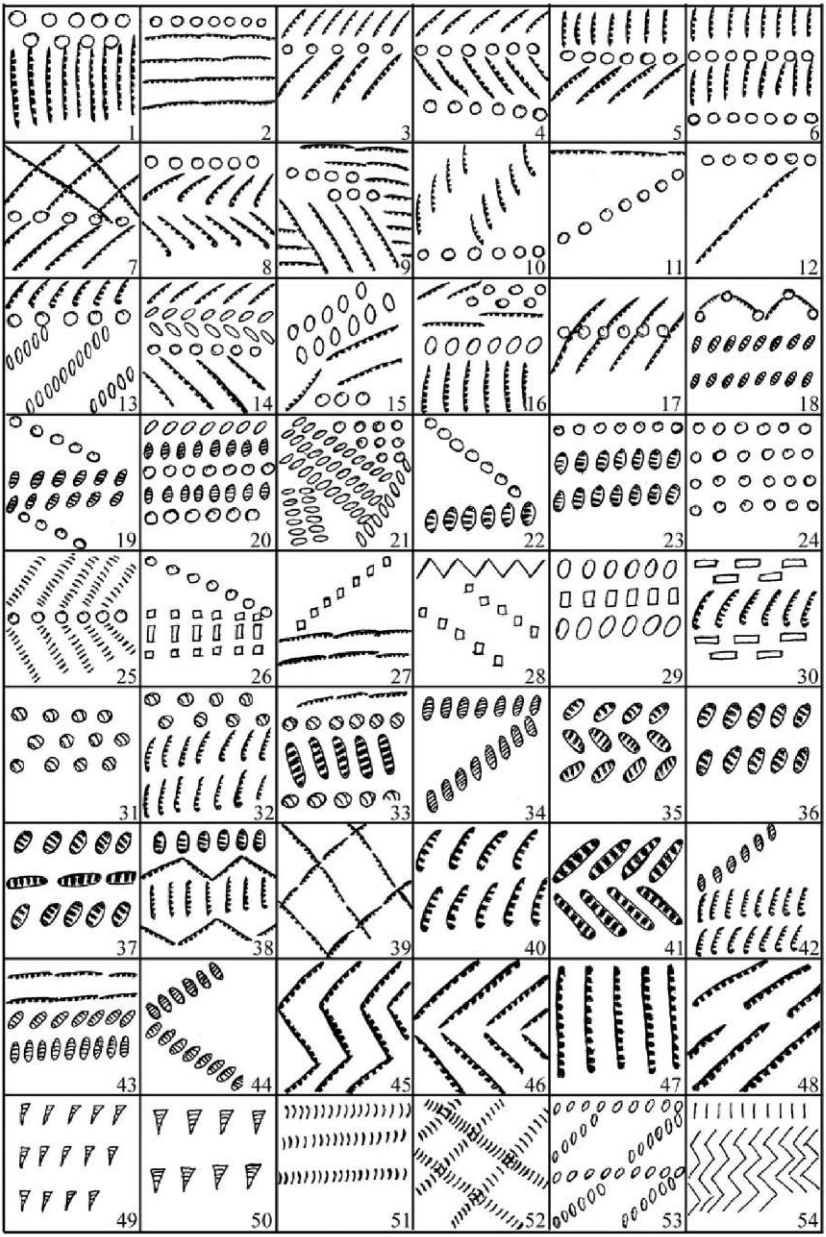


Рис. 3. Орнамент на керамике поселения Красный Мост II.

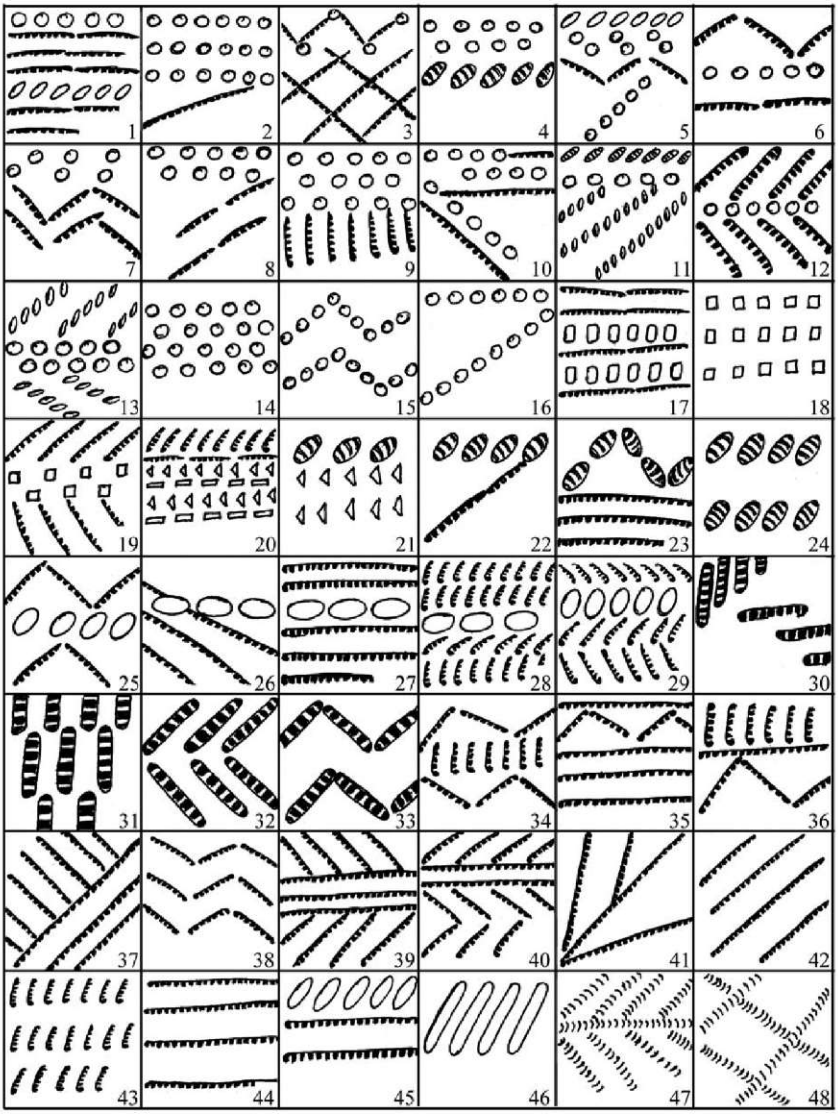


Рис. 4. Орнамент на керамике поселения Красный Мост III.

О.Д. Мочалов (Самара)

КЕРАМИКА РАННЕЙ - НАЧАЛА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ЛЕСОСТЕПНОГО ВОЛГО-УРАЛЬЯ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

Анализ керамики погребальных памятников, основанный как на формальном, так и на историко-культурном подходе, позволил проследить тенденции изменения форм и орнаментов керамики эпохи бронзы лесостепной части Волго-Уральского междуречья (рис.1), выявить уровень традиционности определенных ее форм *(Бобринский, 1986, 1988).* На этой основе оказалось возможным установить происхождение и некоторые процессы взаимодействия культур, очертить культурные связи населения на различных хронологических этапах, уточнить сам характер культурно-генетических процессов.

Ямная культура раннего бронзового века характеризуется неустойчивыми навыками формообразования сосудов, причем, видимо, как на раннем, так и на позднем этапе своего существования. В сложении керамического комплекса принимало участие несколько компонентов. Большое значение имели как местные позднеэнеолитические группы населения, оставившие памятники репинского, позднестоговского и других культурных типов энеолита, так и население других регионов. Основные аналоги керамики раннего этапа ямной культуры лесостепного Поволжья позволяют связывать ее с репинскими памятниками Донно-Волжского региона и с ямной керамикой Нижнего Поволжья, возможно более ранней. Значительное влияние на нее оказывалось с территории Северного Кавказа - Предкавказья сначала со стороны населения позднего этапа майкопско-новосвободненской культуры, а затем, на рубеже ранней - средней бронзы, со стороны населения новотиторовской культуры и близких ей памятников северо-западного Предкавказья, с которыми, видимо, установились взаимные контакты. Естественно, эти дальние связи имели место не столько напрямую, сколько через родственное ямное население степей Поволжья и Донно-Волжского междуречья. Это предполагает инфильтрацию элементов культуры, передачу их не в чистом виде. В ямной керамике эти элементы фиксируются в общих пропорциях сосудов и некоторых орнаментальных традициях. Параллельно происходит заимствование других элементов материальной культуры: металла, украшений, признаков погребального обряда. Значительны были и связи с лесными культурами пережиточного энеолита.

Рубеж ранней и средней бронзы, судя по всему, явился временем наивысшего развития межкультурных связей с Предкавказьем - особой контактной зоной между Кавказом и югом Восточной Европы, располо-

женной на границе нескольких ландшафтов: степей, предгорий, речных долин и приморья. Керамика несколько чаще встречается в захоронениях, что говорит об усилении ее роли в погребальном обряде. Связи с северокавказским регионом фиксируются в начале среднего бронзового века. Одним из диагностирующих признаков становится появление специфической формы керамики - тарных реповидных сосудов, наиболее близких предкавказским. Тем не менее, полтавкинская керамика является плавным продолжением местных ямных традиций, усложненных и стимулированных инокультурными воздействиями. Инновации нашли выражение и в появлении плоскодонных форм, ребра-уступа. Именно на Северном Кавказе известны самые ранние из наиболее близких к Поволжью формы сосудов, имеющих ребро, трехчленный профиль, поддон. Эти явления свидетельствуют об изменении устройства очага, разнообразии функций сосудов. Какое-то короткое время плоскодонная и круглодонная традиции сосуществуют, возможно, за счет контактов с родственными группами населения, продолжавшими изготавливать круглодонную посуду. Такими группами могли быть ямные племена западных регионов, где круглодонная ямная и плоскодонная катакомбная керамика дольше фиксируются в единых комплексах, и финально-энеолитические группы лесостепи - леса широкой территории, где круглодонность существовала дольше всего.

В памятниках полтавкинской культуры чаще фиксируются сосуды, изготовленные гончарами с устойчивыми навыками формообразования, причем число их увеличивается от раннего к позднему этапу. Тем не менее, и в ямной, и в полтавкинской культурах количество традиционных частей форм составляет чуть больше 1/3 от всех частей сосудов этих культур. Остальная керамика изготавливалась с применением неустойчивых и частично устойчивых навыков формообразования.

Большое значение имели связи с культурами пережиточного энеолита лесной зоны Поволжья и, видимо, Приуралья - Зауралья. Это отразилось в орнаментации посуды шагающей гребенкой, елкой, горизонтальными оттисками зубчатого штампа. По материалам поселений фиксируется и проникновение полтавкинских традиций на север лесостепи и юг леса. На поздней/развитой стадии полтавкинской культуры сосуды из некоторых памятников, в основном расположенных на самом юге лесостепной - севере степной зоны Заволжья, демонстрируют катакомбные влияния, роль которых, однако, не была значительной. Такая посуда не отражает классических катакомбных признаков и составляет не более 8% от всей керамики памятников полтавкинского круга, на позднем этапе - не более 20%. Таким образом, керамика первой половины среднего бронзового века по-прежнему демонстрирует

активные культурные связи, которые на развитой стадии полтавкинской культуры усиливаются в отношении лесных культурных типов, несколько ослабевают, но не прекращаются с Кавказом. Однако усиливаются контакты с онно-Волжским междуречьем, которые имели двусторонний характер - проникновение отдельных катакомбных признаков в Заволжье, с одной стороны, и распространение елочной керамики на запад до Северского Донца с другой стороны. Лесостепные полтавкинские керамические традиции фиксируются вплоть до Нижнего Дона. Требуются серьезная корректировка взгляда на роль традиций катакомбной культуры в лесостепном Волго-Уралье и изучение технологического аспекта проблемы.

На раннем этапе абашевской культуры Приуралья значительная часть посуды является традиционной, хотя имеет место смешение традиций. Видимо, сказалась консервативность лесного населения, длительно сохранявшего традиции изготовления определенных форм, но попавшего в новую среду. В керамическом комплексе обнаруживаются южноуральские и зауральские энеолитические традиции, проявившиеся, в частности, в наличии сложных меандровых орнаментов культур гребенчатого геометризма. Елочная орнаментация некоторых форм может свидетельствовать о контактах с полтавкинскими и позднеэнеолитическими группами.

На развитом этапе культуры фиксируется дестабилизация форм и упрощение орнаментации под воздействием инокультурных элементов. Количество традиционной посуды снижается. Представляется, что существенное влияние на абашевские традиции оказало относительно синхронное население, оставившее памятники синташтинского и потаповского типа. Некоторые абашевские сосуды имеют примесь талька, а синташтинские и потаповские - раковины. Отразилось это также в появлении остроребернных сосудов, металлических скрепок для ремонта сосудов и т. д. Это влияние могло определить и специфику немногочисленных абашевских поселений Заволжья, которые в действительности являются не чисто абашевскими. Роль абашевского компонента в керамике памятников потаповского типа очевидна, однако не является главной. Контакты абашевского населения с полтавкинским пока не могут быть надежно доказаны, так как нет случаев совместного обнаружения керамики этих культур в закрытых комплексах или выявления «гибридных» синкретических сосудов. Если контакты эти и были, то они имели спорадический характер на уровне заимствования отдельных элементов или же не были прямыми. В обеих культурах существовала традиция добавления раковины в тесто сосудов. Как упоминалось выше, возможно заимствование «абашевца-

ми» «елочной» орнаментации, в обеих культурах часто встречаются слабопрофилированные формы. Однако все эти признаки в большей степени являются эпохальными, чем конкретно культурными. Прямых свидетельств сосуществования полтавкинких и абашевских племен нет. Отдельные захоронения региона содержат керамику донно-волжского варианта абашевской культуры.

Керамика памятников потаповского культурного типа представлена разнообразными типами посуды, объединяющими традиции разных культур, в то же время демонстрирующими выработку собственного стандарта - горшков с ребром в верхней трети профиля. Полтавкинский компонент присутствует в переработанном виде, абашевский - как в чистом, так и в переработанном. При этом абашевские черты представлены не менее ярко, чем в синташтинских памятниках Урала. Аналоги керамики отмечаются в достаточно широком регионе, включающем Южный Урал - Зауралье, Средний Дон, Северный Казахстан и даже Среднюю Азию. Более 40% керамики изготавливалось гончарами с устойчивыми навыками формообразования, а более 20% - с неустойчивыми навыками. Таким образом, несмотря на значительную традиционность форм, велика доля сосудов с нетрадиционными и частично традиционными навыками. В формировании потаповского керамического комплекса принимали участие и южные степные полтавкинские группы и, видимо, близкие им группы онно-Волжского междуречья. Часть керамического комплекса содержит сосуды раннесрубного облика, обнаруженные в погребениях с керамикой средней бронзы. Такие памятники, как могильники Грачевка II, Давыдовка, Лужки, Новомордовский, возможно и Владимировка I, демонстрируют переход от потаповских традиций к традициям срубной культуры, не исключая даже их определенного сосуществования. Здесь фиксируется как совмещение срубного обряда и потаповской керамики, так и наоборот. В некоторых памятниках, близких онновский и раннесрубным, присутствует и керамика, в основном происходящая из впускных захоронений, возможно имеющая донно-волжские абашоидные черты: массивная горло и тонкое узкое днище + бедная орнаментация (Грачевка II, Утевка I, Преполовенка), приземистые колоколовидные сосуды, орнаментированные крупными треугольниками с бахромой (Алексеевка II, Лужки). Поэтому исходя из использованной методики керамику этих памятников нельзя однозначно отнести ни к одной из конкретных культур, она отражает суть переходного периода, нестабильность традиций. Конечно, такая посуда, подтверждающая генетическую связь местных культур, имеется и в другие переходные эпохи. Резкого разрыва керамических традиций в большинстве комплексов не было.

В этих комплексах увеличивается число срубной керамики, особенно близко к срубном количественное соотношение типов посуды. По отдельным показателям форм и орнаментации каждый онновский памятник демонстрирует особый вариант развития традиций, имевший место, однако, в рамках общекультурной тенденции, сближающей потаповские и синташтинские материалы.

Керамический комплекс срубной культуры формировался при непосредственном участии потаповских племен. С потаповскими раннесрубные комплексы сближают как общие формы и орнамент, так и некоторые количественные показатели. Роль приуральских абашевских и особенно средневолжских полтавкинских традиций менее ощутима. Видимо, только некоторые представители населения этих культур приняли участие в сложении срубной культуры, что не отрицает определенного участия других локальных вариантов этих культур средней бронзы в сложении срубной. В позднеабашевских и полтавкинских памятниках сосуды, близкие срубным, как, например, в потаповских памятниках, фактически отсутствуют. Нет чисто абашевских и полтавкинских сосудов и в срубных погребальных памятниках. С полтавкинскими и абашевскими традициями надежно связываются только некоторые формы, но чаще орнаментальные образы. Нет подтверждения доживания этих культур Волго-Уральской лесостепи до позднего бронзового века. Абашевская керамическая традиция приуралья скорее получила более уловимое дальнейшее развитие в алакульских и срубно-алакульских памятниках. Становление керамического комплекса срубной культуры происходило в тесном взаимодействии с формирующимися восточнее родственными алакульскими традициями, что совместно с влиянием синташтинско-потаповских памятников предопределило появление алакульских признаков у срубной керамики уже на раннем этапе. Это взаимодействие отражает керамический материал срубно-алакульских памятников типа могильника Ветлянка IV, Долгое песчаное озеро и др. в Приуралье *(Мочалов, 1997. С.10-16).*

Керамика памятников бережновского типа едва ли реально отлична от покровской. В ней также присутствуют потаповские традиции, возможно, переработанные абашевские, а полтавкинских признаков ничуть не больше, чем в покровских. Таким образом, в отношении керамического материала разделение лесостепных памятников на покровские и бережновские представляется искусственным.

Навыки формообразования у срубных гончаров менее стабильны, чем в предшествующих культурах. Однако при анализе крупных выборок отдельных территорий - Заволжье и Приуралье, а так же крупных могильников фиксируются различные тенденции развития, сосущест-

вующие в условиях выработки срубного стандарта. Резкое увеличение в срубное время числа неорнаментированной посуды и простых баночных и биконических форм, появление прочных сосудов красноватого цвета заставляет задуматься не только о продолжении предшествующих традиций, но и о достаточно резкой смене хозяйственных и мировоззренческих приоритетов. Традиция богатой орнаментации и особенно плотной полной орнаментации сосудов, преобладание плавнопрофилированных форм более характерна для лесостепных и лесных племен эпох неолита - бронзы, а традиция неорнаментирования, незначительная орнаментация верхних частей, а также обилие форм биконических с резким перегибом в середине профиля сосудов, сильный обжиг керамики, - все это более характерно для определенных регионов Кавказа, Закавказья и Средней Азии. Не исключено, что на срубные традиции могли оказать некоторое влияние южные культуры. Конкретные культуры указать трудно, поскольку указанные признаки эпохальны, а не монокультурны. Однако эта проблема выходит за рамки данной работы. Связи же андроновской общности со Средней Азией уже подтверждены и проработаны в литературе, поэтому можно предположить наличие контактов собственно срубных племен со Средней Азией - прямых или опосредованных через андроновские территории (Виноградов, 1995. С. 71-74; Щетенко, 2000. С. 262 - 263; Кузьмина, 2008).

На развитом этапе срубной культуры формы и декор посуды стандартизируются, несколько уменьшается число образов и значительно сокращается набор форм. Это отражает стабилизацию, выработку определенного стандарта. Производство становится более массовым и упрощенно стандартизированным.

У керамики потаповского типа и срубной культуры формообразующими являются верхние части сосудов. Пропорции нижних частей стабильны. Выявленная закономерность не характерна для керамики других проанализированных комплексов ранней - средней бронзы, где отмечается значительная вариабельность в пропорциях и формах тулова и придонной части.

Интересным результатом работы является установление уровня традиционности/сформированности функциональных частей форм сосудов. Ни в одной из исследованных культур сформированное состояние частей форм не является преобладающим - самый высокий показатель - 49, 6% - на первом этапе абашевской культуры эпохи средней бронзы. Второе место по сформированности занимает керамика Грачевского II и Утевского VI могильников потаповского типа.

Значительная часть функциональных частей пребывает в частично сформированном, несформированном (нетрадиционном), а иногда и

переходном промежуточном состоянии. Сосуды, у которых все, а не некоторые части традиционны, составляют незначительное количество. Следовательно, производство нередко было нестабильным и гончары часто переходили на изготовление новых форм. Это может объясняться и постоянным смешением традиций в контактном культурно-мозаичном регионе пограничья степи и лесостепи - чем ближе к югу, тем меньше традиционных форм. Велико и функциональное разнообразие основных типов керамики, причем функции сосудов одного типа могли быть различными в культурах и изменяться во времени.

На протяжении бронзового века меняется и значимость керамики в погребальном обряде. В раннем и начале среднего бронзового века только 20-25% курганов содержат глиняную посуду, при этом 8-11% керамики фиксируется за пределами погребений. По сравнению с эпохой энеолита чувствуется явная дестабилизация традиций, определенная деградация производства, которая, видимо, связана со сменой хозяйственно-культурного типа, подвижным скотоводческим образом жизни ямных племен. Роль керамики в обряде невелика. Ситуация эта сохраняется до развитого этапа полтавкинской культуры. Во второй половине - конце среднего бронзового века керамика становится обязательным атрибутом абашевских, потаповских захоронений, а затем и погребений срубной культуры. Ее роль в обряде чрезвычайно высока, вырабатываются определенные стандарты производства.

Следует отметить, что многие из данных о формировании и взаимодействии культур, полученные на основе анализа керамики, в определенной мере подтверждаются не только иными археологическими, но и антропологическими материалами (Хохлов, 1998; Хохлов, 2006, С. 100-104). Это относится к связям с северными лесными и восточными группами в эпоху ранней - средней бронзы, к связям с южными группами населения и населением онно-Волжского степного междуречья, фиксирующимися фактически во все эпохи. Единственным очевидным расхождением в выводах является слабая антропологическая связь потаповского и срубного населения, что оставляет почву для обсуждения проблемы соответствия преемственности населения и материальной культуры.

Безусловно, выводы работы, основанные на проработке определенного источника по заданным методам, не могут решить всех проблем преемственности керамических комплексов эпохи бронзы и взаимодействия культур Волго-Уралья, особенно в отношении дальних связей. Сопоставления с другими регионами проводились на основе внешней близости сосудов, так как естественная структура их форм не изучалась. Однако это позволяет выявить традиционные и новые формы и орнаменты и определить те, которые появились под воздейс-

твием внешних причин. Для культур Волго-Уралья одним из важнейших источников керамических инноваций форм, возможно, был регион Предкавказья и Северного Кавказа, включая восточное Приазовье, а для орнамента - все разнообразные соседние территории. Юго-западное направление «керамических» связей не было абсолютно новым для региона, так как, по мнению некоторых исследователей, фиксировалось еще в раннем неолите *(Вискалин, 2006. С. 47-50),* а в эпоху бронзы Кавказ стал центром распространения культурных инноваций почти во всей юго-восточной Европе *(Пятых, 1996. С. 13).* При этом распространение керамических инноваций может как совпадать, так и не совпадать с металлургическими. Разнообразные варианты распространения, преемственности, заимствования керамических традиций, обусловленные особенностями этнических и брачных связей, в основном передающиеся через женщин, объясняются данными этнологии *(Шнирельман, 1993).* Особенно вариативны и широки процессы заимствований орнамента, что и подтвердила данная работа. А. В. Епимахов предложил использовать концепцию глобализации как одну из объяснительных моделей для обоснования распространения культурных стереотипов, возникновения огромных общностей эпохи бронзы, причем в основном проявляющихся на культурном и идеологическом уровнях *(Епимахов, 2006. С. 53-57).* Возможно, именно эта модель делает понятным широкое распространение идентичных орнаментальных композиций и образов (например, елка, треугольники, прямые линии), некоторых форм сосудов (банки, слабопрофилированные горшки) в различных скотоводческих культурах на обширной территории.

Перспективны в плане дальнейшего изучения связи с южными среднеазиатско-кавказскими территориями, которые, представляется, в раннем-среднем бронзовом веке имели характер взаимных импульсов, а в эпоху поздней бронзы стали более стабильными. В отношении южных связей следует согласиться с положением Н.А. Мажитова, что в историко-хозяйственном плане лесостепное Поволжье и Южный Урал в эпохи энеолита - раннего железного века представляли важный элемент в годовом цикле кочевого скотоводства как район летних кочевок населения обширной степной зоны, что предполагает постоянную миграцию определенной части одного и того же населения *(Мажитов, 1996. С. 12-13).* Таким образом, данные территории, вовлеченные в систему связей со степными, а через них и с земледельческими обществами, едва ли могут рассматриваться как совершенно обособленные регионы. В то же время и местные лесостепные волго-уральские традиции распространялись в соответствующих направлениях, что особенно характерно для среднего и начала позднего бронзового века.

Литература:

Бобринский А.А. О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986.

Бобринский А.А. Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев, 1988.

Виноградов Н.Б. Южные мотивы в керамических комплексах эпохи бронзы в Южном Зауралье // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита - бронзы Средней и Восточной Европы. Мат. конф. Саратов, 1995.

Вискалин А.В. О роли юго-западных контактов в формировании неолита Волго-Уральской лесостепи // Проблемы этнокультурного взаимодействия в Урало-Поволжье: история и современность. Мат. конф. Самара, 2006.

Епимахов А.В. Генезис глобализации в эпоху бронзы // Проблемы этнокультурного взаимодействия в Урало-Поволжье: история и современность. Мат. конф. Самара, 2006

Кузьмина Е.Е. Арии - путь на юг. М., 2008.

Мажитов Н.А. Некоторые итоги и уроки развития археологической науки на Урале XX века // XIII Уральское археологическое совещание. Тез. док. Часть I. Уфа, 1996

Мочалов О.Д. Керамика эпохи средней бронзы Волго-Уральской лесостепи и проблема формирования срубной культуры. Автореферат канд. дис... Воронеж, 1997.

Пятых Г.Г. К проблеме роли Донно-донецкого региона в эпоху средней и поздней бронзы // Донно-донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточно-европейской степи и лесостепи. Мат. конф. Воронеж, 1996.

Хохлов А.А. Палеоантропология пограничья лесостепи и степи Волго-Уралья в эпохи неолита-бронзы. Автореферат канд. дисс. М., 1998

Хохлов А.А. Основные проблемы палеоантропологии ямной культуры ямной культуры // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург, 2006

Шнирельман В.А. Археологические культуры и социальная реальность (проблема интерпретации керамических ареалов). Препринт. Екатеринбург, 1993

Щетенко А.Я. Хронологический аспект контактов земледельцев Южного Туркменистана с племенами степной Бронзы Евразийских степей // Российская Археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Мат. конф. Ижевск, 2000.

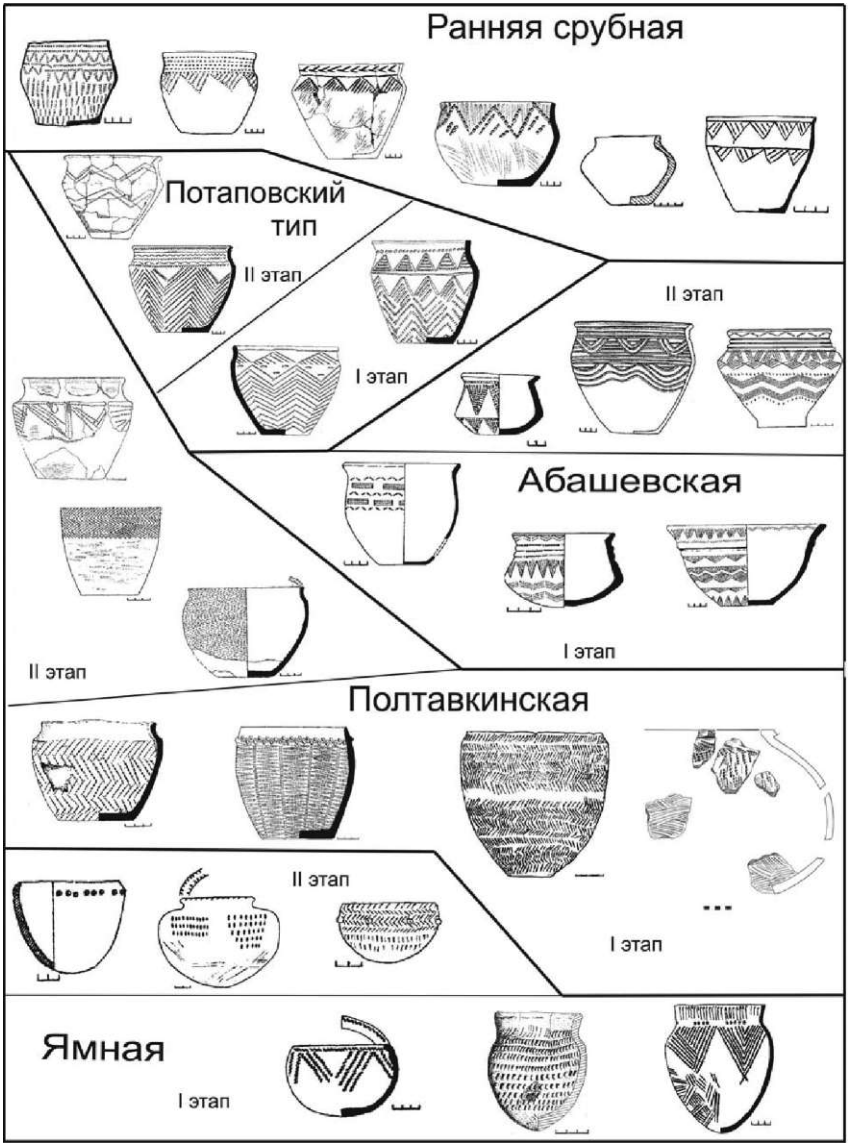


Рис. 1. Изменения керамики эпохи бронзы лесостепного Волго-Уралья.

В.И. Мельник (Москва)

СМЕЩЕНИЯ ПРИРОДНЫХ ЗОН НА ЮГО-ВОСТОКЕ ЕВРОПЫ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ КУЛЬТУР ЭПОХИ БРОНЗЫ

Юго-восток Европы представлен по большей части лесостепной, степной и полупустынной зонами. До середины прошлого века господствовало представление о том, что природная зональность эпохи бронзы соответствует современной (*Круглое, Подгаецкий, 1935; Комаров, 1951).* Последующие изыскания показали, однако, что в разные периоды смещение зон было довольно значительным.

Период эпохи бронзы и начала железного века отмечен четырьмя большими климатическими фазами. 1. Раннесуббореальное похолодание климата 4, 7(5, 0)-4, 2 т.л.н.; *cal* 5, 3(5, 7)-4, 8. 2. Суббореальное иссушение и потепление климата 4, 2-3, 7 т.л.н.; *cal* 4, 8-4, 0. 3.Увлажнение климата 3, 7-3, 0(3, 2) т.л.н.; *cal* 4, 0- 3, 18(3, 4). 4.Уменьшение увлажненности климата 3, 0-2, 7 т.л.н.; *cal* 3, 18-2, 8 *(Александровский, Александровская, 2005).*

По данным палинологических спектров до раннесуббореального похолодания, то есть в атлантический период степная растительность продвигалась к северу и степная зона занимала значительно более северное положение, чем в настоящее время и, возможно, приближалась к верховьям Оки. В пределах современной лесостепной зоны Среднерусской возвышенности в этот период доминирует пыльца трав и полностью отсутствует пыльца широколиственных пород. Переход от атлантического периода к суббореальному отмечен увеличением доли пыльцы древесных пород, в основном березы *(Серебряная, 1982, 1992; Климанов, Серебряная, 1986).*

В раннесуббореальный период широколиственные леса как зональный тип растительности продвигаются до среднего течения Дона. После этого, здесь отмечается сравнительно короткий подэтап (около 200 лет) с сильно выраженной аридизацией климата. Ландшафты этого времени сопоставимы с южными вариантами степей или полупустынь. Этот подэтап соответствует началу большой фазы суббореального иссушения и потепления климата. После этого устанавливаются лесостепные ландшафты. Начавшееся увлажнение было прервано очередной волной более аридных условий, которая, хотя и была непродолжительной (около100 лет), привела к сокращению площадей лесной растительности и усилению степного компонента. Последующее увлажнение восстановило лесостепные ландшафты, но без былого растительного богатства (*Спиридонова, 1991).* Фаза уменьшения увлажненности климата означала наступление степи на лес. Основная последо-

вательность событий голоцена в Среднем Поволжье была такой же, как и в западных районах Русской равнины *(Кременецкий и др., 1998).*

Первоначальное распространение ямной культуры, соотносящейся, по большей части, с раннесуббореальным периодом, было связано со степной зоной. На следующем этапе пошло движение в лесостепные районы. Северные пределы ямных памятников маркируются уже временем сильной аридизации и располагаются, видимо, на южной границе лесостепи того времени. В этот же период по степи начинает распространяться катакомбная атрибутика. На очередном этапе, лесостепные районы, продвинувшиеся на юг, заселяются носителями этой атрибутики и формируются новые культурные образования.

Фаза увлажнения была связана с утверждением иных культурных стереотипов. Абашевские культурные комплексы, простираясь от леса до степи, явно сосредотачивались по лесостепной оси. Степные районы на западе занимает культура многоваликовой керамики, на востоке - памятники типа Потаповки и Синташты. Волна аридизации обозначила наступление срубных и алакульских форм, а продолжившееся увлажнение не препятствовало их движению по лесостепным и степным районам.

Уменьшение увлажненности, приведшее к увеличению степных просторов, обеспечило культурным компонентам с валиковой керамикой свободное продвижение на громадные расстояния.

В.В. Килейников (Воронеж)

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ТОПОРЫ С ПАМЯТНИКОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДОНЬЯ

Коллекция проушных металлических топоров палеометаллической эпохи в лесостепном Подонье (рис. 1) насчитывает 16 изделий (рис. 2). Два топора происходят из закрытых погребальных комплексов Павловского курганного могильника, курган 31, погребение 4 *(Синюк, 1983. С. 26. Рис.8, 7; Синюк, 1996. С. 32. Рис. 5, 3)* и Кондрашкинского кургана, погребение 1 *(Пряхин, Беседин, Левых, Матвеев, 1989. С. 5. Рис. 4,* 2). Четыре топора найдены в составе Скакунского клада бронзовых изделий *(Кривцова-Гракова, 1955. С. 147. Рис. 35, 1, 4-6).* Десять топоров являются случайными находками.

Анализируемые топоры типологически достаточно четко разделяются на четыре группы орудий, отражающие древнеямные, катакомбные, абашевские и срубные металлообрабатывающие традиции.

Первая группа втульчатых топоров клиновидной формы включает два изделия.

Первый топор (рис. 2, 1) является случайной находкой, представленной в экспозиции Лискинского районного краеведческого музея Воронежской области (инв. № 3030). Состав металла, из которого был изготовлен топор, не определен. Размеры изделия: длина - 11, 4 см, ширина лезвия и обушка - 4, 5 см, диаметр отверстия втулки - 2, 5 см, внешний диаметр втулки - 4 см. У нижнего края отверстия ширина топора увеличивается до 5 см, в средней части клина происходит сужение до 4 см.

Второй топор (рис. 2, *2)* был найден в одном из древнеямных погребений Павловского курганного могильника (курган 31, погребение 4). Он входил в состав инвентаря детского захоронения, наряду с медными теслом и долотом, серебряной подвеской, каменной наковаленкой и круглодонным сосудом с явно выраженными среднестоговскими традициями *(Синюк, 1983. С. 126. Рис. 8,* 6). А.Т. Синюк отметил, что топор изготовлен способом отливки, о чем свидетельствует усадка металла с брюшка *(Синюк, 1983. С. 26).* Размеры топора: длина - 10, 2 см, ширина лезвия - 5, 7 см, диаметр отверстия - 2, 4-2, 6 см, вес - 0, 55 кг.

Оба изделия сопоставляются по классификации С.Н. Кореневского с майкопскими топорами группы 2 с коротким, неравномерно расширяющимся туловищем, в целом характерными для ямно-полтавкинского очага металлургии *(Кореневский, 1974. С. 18-22, 25. Рис. 6; Кореневский, 1980. С. 59).* Рассматривая технологию изготовления аналогичных медных изделий, С. Н. Кореневский предполагал возможность их отливки в двустворчатых литейных формах, открытых со стороны брюшка *(Кореневский, 1974. С. 29; Кореневский, 1980. С. 59).* Подобные литейные формы известны в «постмариупольских» погребениях мастеров-литейщиков Маевского и Соколовского могильников *(Ковалева, Волкобой, Марина, Лихачев, Попцов, 1977. С. 20-22. Табл. XV-XVI; Ковалева, 1979. С. 64. Рис.* 6).

Для выяснения технологических особенностей изготовления топора из Павловского могильника был произведен его трасологический анализ с использованием миркоскопа МБС-10. Отверстие со спинки более расширено и не является идеально круглым - его верхний край несколько уплощен. Лезвие топора в результате расковки расширено в сторону брюшка. Внутри отверстия на участке, примыкающем к туловищу топора, а также со стороны брюшка отмечены усадочные раковины. На обушке отчетливо фиксируется наклеп металла красноватого оттенка размером 1, 7 х 1, 5 см (рис. 2, *2а).* По периметру наклепа под микроскопом просматривается четкая граница соприкосновения с металлической основой изделия в виде линии медных окислов.

Наиболее интересные микроскопические наблюдения отмечены на туловище, лезвийной части топора и внутренней поверхности от-

верстия втулки. Туловище топора со стороны спинки и брюшка разделяется тонкой продольной линией, фиксирующей соприкосновение двух металлических пластин. Со стороны брюшка эта линия тянется на протяжении 4, 5 см. Данную линию невозможно сопоставить с раскованным литейным швом, учитывая четкость ее конфигурации. По кромке хорошо заточенного лезвия также отмечается разделение металла на две плоскости.

Внутренняя поверхность втулки топора несет две группы оригинальных технологических признаков. Во-первых, на двух участках верхней обушковой части втулки наблюдаются поперечные следы от ударов орудием с узким рабочим краем для более удобного сгибания втулки при ее кузнечной формовке (рис. 2, 3). Тем самым обушковой части втулки придается некоторая уплощенность и легкая ограненность в местах ее перехода к боковым частям втулки. Внутренняя поверхность верхней части втулки ровная, за исключением четко локализованных следов кузнечного воздействия. Во-вторых, внутренняя поверхность нижней части втулки, примыкающей к туловищу топора, резко отличается своей фактурой от верхней части. Эта поверхность неровная, бугристая и на отдельных участках как бы наплывает (затекает) на верхнюю часть втулки.

Отмеченные трасологические наблюдения позволяют высказать некоторые предположения относительно технологии изготовления данного топора. Технологический процесс, возможно, предполагал два этапа, сочетающие элементы кузнечного и литейного производства.

На первом этапе осуществлялось изготовление заготовки топора в виде металлической пластины длиной около 22 см, шириной около 5 см и толщиной 0, 4-0, 6 см (рис. 2, 3). Затем на двух участках центральной части пластины на взаимном расстоянии около 3, 5 см кузнечным орудием с узким лезвием были нанесены удары поперек пластины, в результате которых наметились линии изгиба верхней части втулки топора. С использованием деревянного цилиндрического вкладыша пластина была согнута и приобрела общие очертания топора (рис. 2, 3). Соединенные таким образом плоскости лезвийной части подверглись проковке, следы которой в виде разделяющей линии сохранились на брюшке и спинке орудия. В результате возникла оригинальная металлическая «литейная форма», одновременно являющаяся основой изделия.

На втором этапе изготовления орудия осуществлялась литейная операция по заполнению треугольного в плане пространства, образованного плоскостями туловища топора и вкладышем втулки (рис. 2, 4). Для этой цели предварительно нагретую заготовку помещали спинкой на ровную плоскость (камень или обожженная глина) и в образовавшу-

юся замкнутую полость заливали металл (рис. 2, *5).* Не исключено, что таким способом реализовывалась и еще одна задача - сварки металлической основы топора. После завершения основных технологических этапов топор мог подвергаться заключительной проковке и абразивной обработке.

Разумеется, представленная на основе трасологических наблюдений технологическая реконструкция изготовления топора из Павловского могильника может рассматриваться в качестве рабочей гипотезы и требует подтверждения соответствующими металлографическими исследованиями. Подобная реконструкция интересна еще и тем, что намечает своеобразный переходный этап в развитии древней металлообработки, сочетающий приемы первичной ковки и вторичного литья, с последующей кузнечной обработкой этого орудия.

Вторая группа втульчатых топоров, включающая восемь изделий (рис. 2, *6-13),* сопоставляется с катакомбными древностями.

Прежде всего, в их число входят топоры из Скакунского клада, обнаруженные в 90-е годы XIX в. близ деревни Скакун в окрестностях станции Касторная Курской области (рис. 2, *6-9).* О.А. Кривцова-Гракова, В.П. Шилов и А.М. Лесков связывали топоры этого клада с населением срубной культуры *(Кривцова-Гракова, 1955. С. 147; Шилов, 1959. С. 20-25, 31; Лесков, 1967. С. 174).* Позднее Е.Н. Черных и С.Н. Кореневский высказались по поводу принадлежности топоров Скакунского клада к памятникам катакомбной культуры *(Черных, 1966. С. 62; Черных, 1970. С. 115; Кореневский, 1976. С. 18-22, 27).* Причем, по классификации С.Н. Кореневского один из топоров Скакунского клада (рис. 2, *6)* «с удлиненным, сильно расширенным к лезвию клином, уплощенным брюшком» относится к группе 1 - «костромского» типа *(Кореневский, 1976. С. 18-19. Рис. 3, 10),* в то время как остальные топоры «с укороченным, слабо расширенным к лезвию клином, подостренным брюшком, лезвием, большим опоры» входят в группу 2 - «колонтаевского» типа *(Кореневский, 1976. С. 19-20. Рис. 6, 12-14).*

Типологическую близость с топорами «колонтаевского» типа обнаруживают четыре изделия, найденных на территории лесостепного Подонья (рис. 1, *1-2,* 5; 2, *10-13).*

В 1959 г. Т.Б. Поповой в ходе разведок в Тамбовской области в районе с. Горелое был найден бронзовый проушный топор (рис. 2, *10),* переданный в фонды Моршанского районного краеведческого музея *(Попова, 1959. С. 8. Рис. 9,* 2).

В Острогожском районном краеведческом музее Воронежской области хранится топор (инв. № 2888), найденный в усадьбе на хут. Терновушка (Терноушки) близ с. Русская Тростянка (рис. 2, *11*). В отчете

П. Д. Либерова за 1958 г. имеется лишь фотография данного топора, без подробного описания обстоятельств находки (Либеров, 1958). С.Н. Кореневский включает анализируемый топор в группу орудий «колонтаевского» типа, но определяет его местонахождение несколько иначе - хут. Терновишенка *(Кореневский, 1976. С. 21. Рис. 7,* 1). Топор имеет следующие размеры: длина - 14, 8 см, ширина обуха - 4 см, ширина лезвия - 7, 1 см, высота шейки - 5, 8 см, внутренний диаметр круглой втулки - 3, 4 см, внешний диаметр втулки (длина втулки) - 4, 2 см. Края брюшка и спинки топора дополнительно прокованы, причем на брюшке от ковки образовалась острая кромка края. На спинке в 1 см ниже втулки располагается литниковый перелив (наплыв), впоследствии раскованный до узкой прямоугольной формы длиной - 2, 6 см, шириной - 0, 6 см.

С памятниками воронежской культуры В.И. Беседин и А.Д. Пряхин связывали находки вислообушных топоров «колонтаевского» типа со склона Воргольского городища (рис. 2, 12), на р. Матыра (рис. 2, *13)* и на территории Данковского района Липецкой области *(Беседин, 1984. С. 71. Рис.* 6, *1; Пряхин, 1982. С119-122. Рис.* 40, *1-2).*

Картографирование находок топоров «колонтаевского» типа, относящихся к катакомбному времени среднего этапа бронзового века, показывает их местонахождение преимущественно в северной части территории донской лесостепи (рис. 1).

Вислообушные топоры доно-волжской абашевской культуры, судя по их случайным находкам, топору из Кондрашкинского кургана и известным литейным формам, представлены двумя вариантами *(Пряхин, Саврасов, Свистова, 2001. С. 90. Рис.* 22, *1-3,* 24, 1). Первый вариант составляют по классификации Е.Н. Черных (*Черных, 1970. С. 58. Рис. 49)* узковислообушные топоры, для которых как правило характерны значительная скошенность верхнего края втулки и узкий в плане клин. Во второй вариант входят массивновислообушные топоры, обладающие, в отличие от типологически близких топоров срубной культурно - исторической общности, более узким клином.

Особое место среди абашевских топоров занимает орудие, найденное в окрестностях абашевского кургана у ст. Латная (рис. 2, *14).* По классификации С.Н. Кореневского этот топор близок орудиям группы 3 - «царевокурганского» типа «с укороченным, слабо расширенным к лезвию клином, подостренным брюшком, лезвием, меньшим опоры» (Кореневский, 1976. С. 23-24. Рис. 9). Он сочетает в себе как предшествующие катакомбные металлообрабатывающие традиции топоров «колонтаевского» типа (общие параметры, профиль втулки и клина), так и собственно абашевские, прежде всего проявляющиеся в узком

в плане и прямом клине *(Кореневский, 1976. С. 29; Пряхин, Саврасов, Свистова, 2001. С.* 93). Топор относится по классификации Е.Н. Черных к узковислообушному типу, учитывая величину угла в 142°.

Большое значение для культурной атрибутации металлических вислообушных топоров имеет находка в погребении № 1 доно-волжской абашевской культуры Кондрашкинского кургана орудия, обладающего следующими параметрами: длина - 16, 7 см, ширина обуха - 5, 1 см, ширина лезвия - 3, 3 см, высота шейки - 2, 7 см, внутренний диаметр эллиптической втулки - 4, 4 х 3, 1 см, внешний диаметр втулки (длина втулки) - 5 см (рис. 2, 15). На основании угловых замеров по методике Е.Н. Черных (Черных, 1970. С. 58. Рис. 49) величина угла составляет 162°, что позволяет относить данный топор к типу массивновислообушных. Масса топора - 0, 656 кг. Поверхность изделия не подвергалась вторичной абразивной обработке, с краев отливки не сняты заусеницы. Исследователи погребения отмечали в морфологии топора признаки, сближающие его с аналогичными изделиями срубной культурно-исторической общности *(Пряхин, Беседин, Левых, Матвеев, 1989. С.* 7).

Близкими параметрами отличаются два топора из собраний музеев Воронежской области. Один из них присутствует в коллекции Воронежского областного краеведческого музея, инв. № 4632, А-1022 (рис. 2, 16). Точное местонахождение орудия неизвестно. Топор был впервые опубликован Б.Г. Тихоновым, который отмечал незаконченность обработки данного орудия, вышедшего из литейной формы, но не готового к употреблению *(Тихонов, 1978. С. 90. Рис.* 3, 3) . Размеры топора: длина - 17, 2 см, ширина обуха - 5 см, ширина лезвия - 2, 3 см, высота шейки - 2, 5 см, внутренний диаметр эллиптической втулки - 4, 7 х 3, 2 см, внешний диаметр втулки (длина втулки) - 4, 8 см. Масса топора составляет 0, 6 кг. Топор относится к типу массивновислообушных (величина угла - 160°). Изделие производит впечатление новодела, так как отливка совершенно вторично не обработана. Поверхность клина покрыта мелкими раковинами, верхний срез втулки отличается неровностью края. Обращают на себя внимание многочисленные признаки сходства морфологии данного топора с орудием из Кондрашкинского кургана, что свидетельствует в пользу его абашевско-срубной атрибутации.

Несколько отличными измерительными признаками характеризуется топор из собрания Острогожского районного краеведческого музея Воронежской области, инв. № 485 (рис. 2, 17). Топор происходит из окрестностей с. Новая Мельница и имеет следующие размеры: длина - 16, 5 см, ширина обуха - 5 см, ширина лезвия - 3, 6 см, высота шейки - 3, 1 см, внутренний диаметр эллиптической втулки - 4, 4 х 3, 1 см, внешний диаметр втулки (длина втулки) - 4, 7 см. Топор по классифи-

кации Е.Н. Черных относится к типу массивновислообушных (величина угла - 158°). Изделие подверглось вторичной абразивной обработке, о чем свидетельствует тщательная заточка лезвия топора. На спинке у нижнего края втулки отмечены следы усадочной раковины.

В коллекции представлены также два бронзовых массивновислообушных топора более крупных размеров, типологически сопрягаемые со срубными древностями. Сведения об одном из топоров (рис. 2, *18)* впервые были опубликованы в 1904 г. в Отчете Императорской археологической комиссии за 1902 год. Топор вместе с орнаментированным по втулке наконечником копья был найден при устройстве ледника в усадьбе крестьянина П. Бокова на землях Дивногорского монастыря Острогожского уезда Воронежской губернии (ОАК *за 1902 г., 1904. С. 125. Рис. 209).* О топоре из Дивногорья упоминали в своих исследованиях С.Н. Замятнин *(1922. С.14. Рис.* 5), А.М. Тальгрен *(Tallgren, 1926. Fig.* 99, 7), Б.Г. Тихонов *(1960. С.98),* Е.Н. Черных *(1970. Рис. 51,* 4), А.Д. Пряхин, А.С. Саврасов, Е.Б. Свистова (2001. С. 93. Рис. 24, 8). Топор имеет следующие размеры: длина - 19 см, ширина обуха - 4, 5 см, ширина лезвия - 4, 9 см, высота шейки - 2, 9 см, внутренний диаметр эллиптической втулки - 5 х 3, 2 см, внешний диаметр втулки (длина втулки) - 5, 5 см, величина угла - 160°, масса - 1 кг. Вся поверхность топора, включая и внутреннюю часть втулки, обработана на мелкозернистом каменном абразиве. Более тщательно заточено лезвие топора, отчего оно приобрело ограненность плоскостей. В то же время на участке брюшка, примыкающем к втулке, сохранился фрагмент литейного шва. На спинке топора в 1 см ниже втулки располагается раскованный на две стороны литниковый наплыв, выступающий на 0, 5 см. Наплыв имеет неровную овальную форму длиной - 2, 9 см, шириной - 1, 4 см.

Второй топор подобного типа является случайной находкой, сделанной местным жителем с. Большие Алабухи Грибановского района Воронежской области (Березуцкий, 1985. Рис. 46; Березуцкий, 2003. С. 80) на собственном земельном участке (рис. 2, 19). Размеры топора: длина - 20 см, ширина обуха - 5 см, ширина лезвия - 4, 3 см, высота шейки - 3 см, внутренний диаметр эллиптической втулки - 5, 4 х 3, 5 см, внешний диаметр втулки (длина втулки) - 5, 8 см, величина угла - 166°. На спинке топора в 1, 5 см ниже втулки располагается литниковый наплыв овальной формы длиной - 2 см, шириной - 1, 2 см, выступающий на 0, 2 см.

Морфологические особенности топоров из Дивногорья и Больших Алабух соответствуют форме негативов двустворчатых литейных форм, найденных на поселениях донской лесостепной срубной культуры (Мосоловском, Вогрэсовском, Черное озеро).

Таким образом, анализ металлических топоров бронзового века с территории лесостепного Подонья позволяет выделить среди них пять культурно-хронологических групп:

1 - втульчатые клиновидные топоры древнеямной культуры, соотносимые с ямно-полтавкинским металлургическим очагом;

2 - втульчатые вислообушные топоры костромского и преимущественно колонтаевского типов, сопоставимые с катакомбным временем (среднедонская катакомбная и воронежская культуры);

3 - узковислообушные топоры царевокурганского типа, сочетающие катакомбные и абашевские традиции;

4 - массивновислообушные топоры абашевско-срубного типа;

5 - массивновислообушные топоры срубного типа.

К сожалению, лишь по отдельным топорам имеются результаты химического анализа металла или данные металлографических исследований. Поэтому включить подобную информацию в общую типологию было бы некорректным. Вместе с тем, необходимо учитывать в классификационных разработках и особенности технологии изготовления топоров на этапах литья и последующей кузнечной обработки, которые могут быть выявлены при помощи трасологического метода.

Литература:

Беседин В.И. Воронежская культура эпохи бронзы // Эпоха бронзы восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1984.

Березуцкий В.Д. Отчет о раскопках курганов Власовского могильника в Грибановском районе Воронежской области в 1985 г. // Архив ИА РАН. 1985. Р-1, № 11856.

Березуцкий В.Д. Очерки по археологии и древней истории Подонья.

Грибановский край (с древнейших времен до XVII в.). Воронеж, 2003.

Замятнин С.Н. Очерки по доистории Воронежского края. Воронеж, 1922.

КовалеваИ.Ф. Вытянутые погребения Днепровского ареала Волго-Днепровской культурно-исторической общности эпохи энеолита // Курганные древности степного Поднепровья III-I тыс. до н.э. Днепропетровск, 1979. Вып. 3.

Ковалева И.Ф., Волкобой С.С., Марина З.П., Лихачев В.А., Попцов В. А. Исследование курганных могильников у с. Верхняя Маевка в степном междуречье рек Орели и Самары // Курганные древности степного Поднепровья III-I тыс. до н.э. Днепропетровск, 1977.

Кореневский С.Н. О металлических топорах майкопской культуры // СА. 1974. № 3.

Кореневский С.Н. О металлических топорах Северного Причерноморья, Среднего и Нижнего Поволжья эпохи средней бронзы // СА. 1976. № 4. *Кореневский С.Н.* О металлических вещах I Утевского могильника // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1980.

Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА. 1955. № 46.

Лесков А.М. О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы // Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. Киев, 1967.

Либеров П.Д. Отчет о работе Воронежского отряда Лесостепной экспедиции ИИМК АН СССР в 1958 г. // Архив ИА РАН. 1958. Р-1, № 1726, 1726а.

Отчет Императорской археологической комиссии за 1902 г. СПб., 1904.

Попова Т.Б. Отчет о работе Тамбовской археологической экспедиции 1959 г. // Архив ИА РАН. 1959. Р-1, № 1908.

Пряхин А.Д. Поселения абашевской общности. Воронеж, 1976.

Пряхин А.Д. Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. Воронеж, 1982.

Пряхин А.Д., Беседин В.И., Левых Г.А., Матвеев Ю.П. Кондрашкинский курган. Воронеж, 1989.

Пряхин А.Д., Саврасов А.С., СвистоваЕ.Б. Металлообработка доноволжских абашевцев и развитие традиций производственной деятельности в эпоху поздней бронзы // Доно-волжская абашевская культура. Воронеж, 2001.

Синюк А.Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник). Воронеж, 1983.

Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996.

Тихонов Б.Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. МИА. 1960. № 90.

Тихонов Б.Г. Металлургия лесостепных племен междуречья Волги и Дона // Проблемы советской археологии. М., 1978.

Черных Е.Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. МИА. 1970. № 172.

Шилов В.П. О древней металлургии и металлообработке в Нижнем Поволжье. МИА. 1959. № 60.

Tallgren A.M. La Pontide preschythique apres l'introduction des metaux // ESA. T. II. Helsinki, 1926.

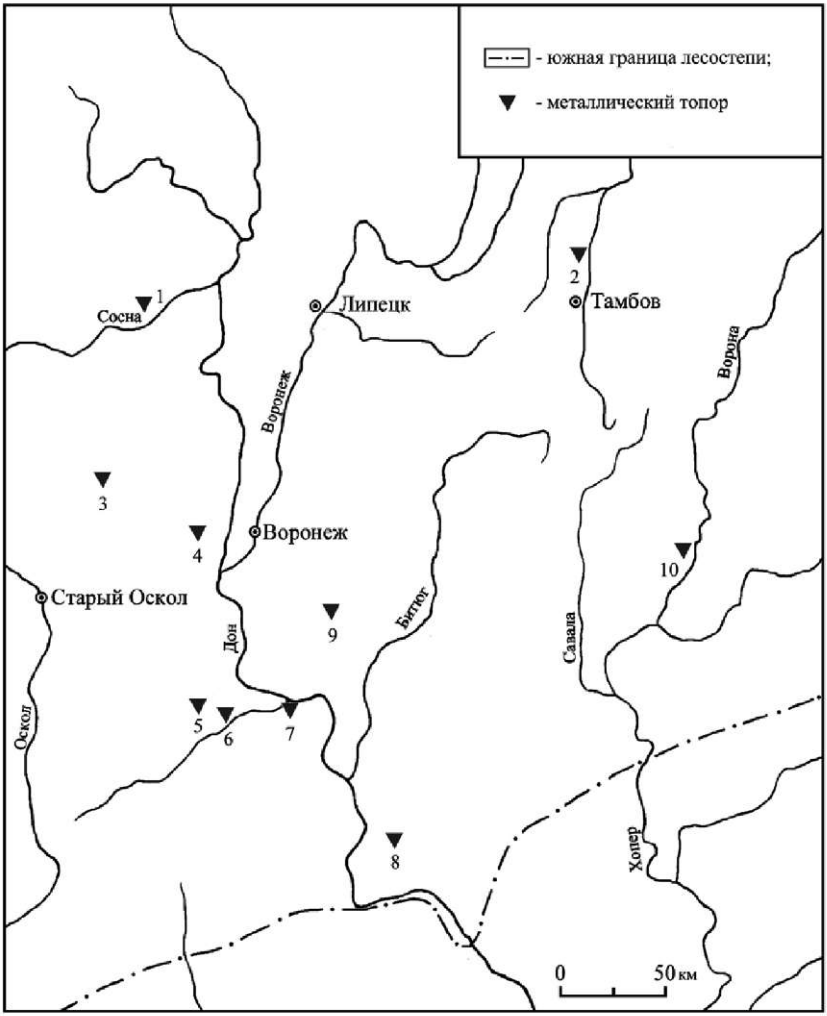


Рис. 1. Карта находок металлических топоров бронзового века на территории лесостепного Подонья: 1 - Воргольское, 2 - Горелое, 3 - Скакунский клад, 4 - Латная, 5 - хутор Терновушка, 6 - Новая Мельница, 7 - Дивногорье, 8 - Павловск, 9 - Кондрашкинский курган, 10 - Большие Алабухи.

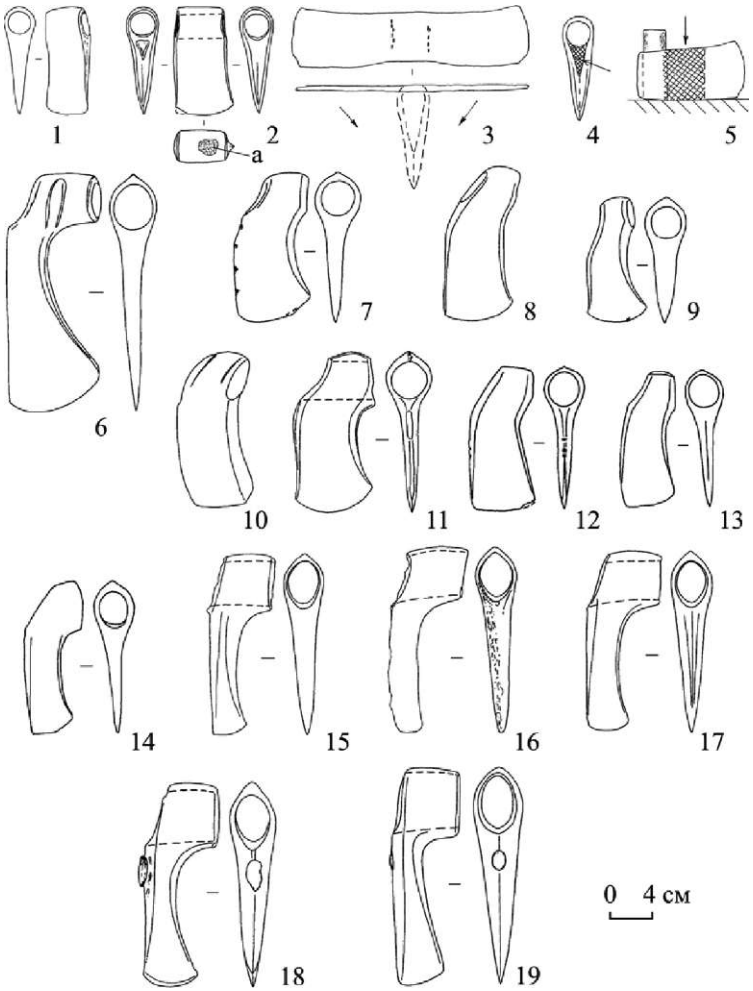


Рис. 2. Металлические топоры бронзового века лесостепного Подонья: 1 - Лиски; 2 - Павловск, к. 31, п. 4 (2а - следы наклепа металла); 3-5 - реконструкция изготовления металлического топора из Павловского могильника; 6-9 - Скакунский клад (по О. А. Кривцовой-Граковой, 1955); 10 - Горелое (по Т.Б. Поповой, 1959); 11 - хутор Терновушка; 12 - Воргольское; 13 - р. Матыра (12-13 - по А. Д. Пряхину, 1982); 14 - Латная (по А.Д. Пряхину, 1976); 15 - Кондрашкинский курган, п. 1; 16 - Воронежская область; 17 - Новая Мельница; 18 - Дивногорье; 19 - Большие Алабухи (по В. Д. Березуцкому, 1985).

Ю.А. Чекменев (Воронеж)

ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ СРЕДНЕГО ПОХОПЕРЬЯ (КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК КАМЕНКА)

Курганный могильник Каменка расположен на высоком мысу, образованном правым коренным берегом рек Савалы и Хопра, в 0, 95 км к В от МТФ с. Каменка-Садовка Новохоперского района Воронежской области, в 1, 0 км к ЮЗ от дома лесника, в 1, 4 км к ЮЮЗ от места впадения р. Савалы в р. Хопер (рис.1, 2). Могильник открыт в 1981 году археологической экспедицией Воронежского государственного педагогического института под руководством В.В. Килейникова (1981). Планиграфически насыпи располагаются несколькими линиями с запада на восток. Площадь курганного могильника по свидетельству В.И. Погорелова подвергалась распашки, в настоящее время задернована (Погорелов, 1987).

В 1987 году под руководством В.И. Погорелова был снят план могильника и исследован курган №1. В 2004 году под руководством автора исследованы разрушающиеся курганные насыпи №15 и 17 *(Чекменев, 2008).* Насыпь кургана №15 по центру повреждена грабительским лазом (при исследовании выяснилось, что это стрелковая ячейка времен гражданской войны 1919 г.). Насыпь кургана №17 была практически полностью снесена землеройной техникой.

Все курганы раскапывались вручную методом кольцевых траншей на снос.

Курган 1 располагался в центре могильника (рис.1, 2; 2, 1). Диаметр 8 м., высота насыпи достигала 1, 9 м. При снятии насыпи в юго-восточном секторе найдены два кремневых отщепа без ретуши и три человеческих зуба; в северо-восточном секторе - кремневый отщеп без ретуши. Всего в кургане выявлено два погребения (рис. 2).

Первое погребение, основное, располагалось в 2, 25 м к юго-западу от центра насыпи, с северо-востока окружено линзой материкового выкида, залегавшего на погребенной почве (рис.2.2). Погребальное сооружение представляло собой яму подпрямоугольной формы 1, 5 х 1, 1 х 0, 15 м ориентированную длинной осью по линии юго-запад - северо-восток. Углы ямы закруглены, стенки вертикальные, пол ровный.

Умерший (взрослый), скелет представлен фрагментами черепа, костей рук и ног, располагался скорченно на на правом боку, головой на юго-запад.

В области живота найдены пять, а у ног - два бараньих астрагала. В юго-западном углу ямы лежали две песчаниковые плиты.

Второе погребение, впускное, располагалось в 3, 5 м к югу-юго-востоку от центра кургана (рис. 2. *3).* Представляло собой яму подпрямоугольной формы 2, 0 х 1, 25 х 0, 3 м ориентированную длинной осью по линии юго-восток - северо-запад. Углы ямы закруглены, стенки вертикальные, пол ровный.

Судя по фрагментам скелета взрослого человека, умерший был положен скорченно на правом боку, головой на северо-запад.

У северо-западной стенки обнаружены песчаниковая плита и кости конечностей крупного рогатого скота. В юго-восточном углу стояла глиняная жаровня, изготовленная из придонной части сосуда, высотой 10 см, диаметром дна - 10 см. Тесто сосуда плотное, хорошо промешанное, с примесью мелкозернистого песка. Поверхности темно-коричневого цвета, внешняя - подлощена, со следами потеков темной краски; на внутренней - горизонтальные расчесы.

Наличие в погребениях песчаниковых плит связывает их с погребальной практикой населения катакомбной культуры Нижнего Дона и Северского Донца. Юго-западная и северо-западная ориентировка погребенных встречается в погребениях первого (павловского) этапа среднедонской катакомбной культуры *(Синюк, 1996).* Единство обрядовых признаков позволяет предположить их хронологическую близость. А.Т. Синюк отмечает, что в парных погребениях подчиненный скелет располагался по принципу антитезы *(Синюк, 1996, с. 122).* В данном случаи мы можем предположить антитезу в ориентировки костяка из впускного погребения относительно основного.

Курган 17 располагался в западной части могильника (рис.1, 2). Насыпь практически полностью была снивелирована землеройной техникой, лишь частично сохранился ее фрагмент в юго-восточном секторе, что позволило восстановить первичные размеры - диаметр 8 м., высота 0, 08 м которая реконструируется по разнице между основанием и сохранившегося участка насыпи бровки С-Ю (рис.3, 1).

При изучении кургана в северо-западном секторе найден зуб крупного рогатого скота, в северо-западном секторе найдена фаланга человека.

В кургане обнаружено три погребения.

Погребение 1(основное) расположено в центре кургана (рис.3, 2). Погребальная конструкция представляла собой катакомбу. Шахта подпрямоугольной формы 1, 5 Х 1, 45 мориентированная по линии СВ-ЮЗ имела три ступеньки, две нижние ступеньки под углом примыкали к северо-восточной стене погребальной конструкции. Шахта фиксировалась с глубины - 102 см (от вершины кургана). На верхней ступени шахты обнаружена жаровня из придонной части сосуда с ос-

татками древесного угля и значительным нагаром на внутренней поверхности (рис.). Погребальная камера 1, 2 Х 1, 2 м округлой формы с СЗ примыкала у шахте. Полукруглый свод камеры фиксировался на высоте перовой ступени шахты (-135 см). Вход в камеру был перекрыт заслоном из вертикально поставленных деревянных плах, тлен от которых фиксировался ниже уровня первой ступеньки шахты.

На полу камеры (-255 см) на левом боку лежал скелет мужчины 30-40 лет ориентированный головой на СВ. Костяк и пол камеры покрыт пятнами от окраски охрой бурого цвета.

Погребение 2 (впускное) располагалось 2, 2 м к юго-юго-западу от центра (рис.3, 3). Погребальная конструкция представляет собой катакомбу, входная шахта подпрямоугольной формы 1, 45 х 0, 75 м ориентированная длинной стороной по линии северо-запад - юго-восток, имеющая две ступеньки шириной 0, 5 и 0, 25 м. Заполнение шахты - однородный чернозем. К юго-западной стенке шахты примыкала овальная погребальная камера 1, 6 х 0, 76 м ориентированная длинной осью по линии северо-запад - юго-восток. Свод камеры не зафиксирован из-за его обрушения. Вход в камеру был перекрыт заслоном из вертикально поставленных деревянных плах, тлен от которых фиксировался ниже уровня второй ступени шахты (рис.3, 3).

На полу камеры скорченно на правом боку ориентированный головой на юго-восток лежал плохо сохранившейся скелет мужчины 25-30 лет. Перед коленями фиксировалось овальное пятно охры бурого цвета (0, 22 х 0, 14 м.). Сосуд 1(рис.3, 7) изготовленный из хорошо отмученной глины с добавлением мелкого шамота располагался перед грудью погребенного. Поверхность сосуда имеет дополнительную подмазку. Обжиг равномерный. Внутренняя поверхность черного цвета, внешняя - светло-коричневая со следами от сглаживания. Высота сосуда - 19, 5 см., диаметр верха - 18 см., диаметр тулова - 19, 5 см, диаметр дна - 8, 5 см. Под горлом сосуд орнаментирован волнистым валиком выполненным пальцевыми защипами. Тулово сосуда орнаментировано прочерченными треугольниками вершиной вверх, состоящими из «елочных» и «паркетных» композиций.

Над головой погребенного расположена жаровня (рис.3, 6) из придонной части сосуда, технология изготовления которого аналогична сосуду 1, с остатками древесного угля и значительным нагаром на внутренней поверхности.

Погребение 3 (впускное)расположено 2, 5 м к С от центра кургана (рис.3, 4). Погребальная конструкция представляет собой катакомбу. Шахта подпрямоугольной формы 1, 0 Х 0, 5 м ориентированная по

линии З - В. Шахта фиксировалась на глубине -90 см (от вершины кургана). В шахте фиксировались ступенька (-129). Заполнение шахты состоял из однородного чернозема в котором прослеживались следы от древесного тлена перекрытий, вертикальных столбиков прислоненных к ступени и краю свода камеры и горизонтального перекрытия чуть ниже уровне материка (-95 см), закрывавшего площадь шахты. На глубине -144 см вдоль длинной оси шахты располагалась первая ступенька шириной 0, 5 м, на глубине -176 вторая ступенька шириной 0, 25 м. К ЮЗ стенки шахты примыкала овальная погребальная камера 1, 6 Х 0, 76 м ориентированная по длинной оси по линии СЗ-ЮВ. Свод камеры не зафиксирован из за его обрушения в древности. Вход в камеру был перекрыт заслоном из вертикально поставленных деревянных плах, тлен от которых фиксировался ниже уровня второй ступеньки шахты.

Камера подпрямоугольной формы (1, 0 Х 0, 6 м) ориентированная длинной стороной по линии З - В, с округлым сводом, примыкала к шахте с южной стороны. Пол камеры ровный (-157). Следы совершения погребения человека отсутствуют - кенотаф. В западной части камеры обнаружены два сосуда, жаровня, фрагмент каменного «утюжка», костяное кольцо. В восточной части камеры располагались фрагменты костей молодой особи мелкорогатого скота.

Сосуд 1 (рис.3, 9) горшковидной формы, изготовлен из глины с большой примесью шамота, поверхность имеет дополнительную подмазку, обжиг ровный, цвет внутренней и внешней поверхностей черный. Высота сосуда 14 см., диаметр венчика 14 см, диаметр тулова 16 см, дна - 8, 7 см. Под горлом, на плечике и на тулове сосуд орнаментирован валиком с вертикальными оттисками шнура навитого на палочку. Между валиками поверхность сосуда орнаментирована горизонтальными отпечатками сдвоенного шнура, и вертикальными отпечатками шнура на палочке. Раструбовидное горло орнаментировано горизонтальными вдавлениями перевитого шнура.

Сосуд 2 (рис.4, 3) реповидный горшочек, изготовлен из глины с примесью шамота, поверхность имеет дополнительную подмазку, обжиг ровный, цвет внутренней и внешней поверхностей светло-коричневый в верхней части со следами от нагара. Высота 6 см, диаметр венчика 3 см, диаметр тулова 7 см, дна - 3 см. Поверхность сосуда орнаментирована выполнен в прочерченной технике в виде заштрихованных треугольников, зигзагов, горизонтальных и вертикальных линий.

Рядом с двумя сосудами находилась жаровня (рис.3, 8) из фрагмента стенки сосуда заполненная древесными углями. Сосуд, фраг-

мент которого была использован под жаровню, был изготовлен из хорошо отмученной глины с добавлением мелкого шамота. Поверхность сосуда имеет дополнительную подмазку. Обжиг равномерный. Под горлом орнаментирован волнистым валиком выполненным пальцевыми защипами. По форме, размерам, орнаменту и технологии изготовления полностью аналогичен сосуду 1 из погребения 2 данного кургана.

Костяное кольцо (рис.3, *10)* изготовлено из трубчатой кости крупнорогатого скота. Внешний диаметр - 2, 0 см, внутренний 1, 7 см, ширина - 0, 5 см. На внешней поверхности имеются две параллельные насечки.

Фрагмент каменного изделия (рис.3, *11*), возможно «утюжка» для лощения, изготовлен из мелкозернистого песчаника, овальной формы в сечении. Длиной 7, 5 см и шириной 5, 5 см. Относительно плоская рабочая поверхность носит следы заполировки от лощения.

Погребение 1 наиболее раннее в данном кургане, что подтверждается частичным перекрытием материковым выкидом из погребения 2 первичной насыпи над его шахтой. Поза погребенного скорченно на левом боку с северо-восточной ориентировкой встречается на втором и третьем этапах среднедонской катакомбной культуры. Расположение жаровни на ступенях шахты, так же является достаточно поздним признаком. Близость сосуда и жаровни из погребений 2 и 3 позволяют предположить их хронологическую близость, а технология изготовления, форма, орнамент сосудов данного кургана позволяет отнести эти погребения к концу второго - началу третьего этапа.

Сосуд из погребения 2 имеет широкий круг аналогий, в материалах среднедонской катакомбной культуры. Это, погребение 2 кургана 3 могильника Нижняя Ведуга; 6/6, 19/3 Зареченского; 2/4, 3/2 Стояново; 2/3, 11/1Первого Подгоренского; 2/3 Новомеловатского; 2/1 Ширяевского; 2/1 Александровскодонского; 22/4 Орешкин курганных могильников *(Синюк, Матвеев, 2007, с. 65, 101, 103, 111, 112, 140, 171, 214).* Сосуд погребения 3 аналогичен сосудам из курганных могильников Павловского 2/3, 36/4, 38/4, 46/5; Россошанского 1\1; Второго Богучарского 2/9; Орхимовского 2/3 и наиболее близкой аналогией является сосуд из погребения 18 кургана 1 Орешкин 1 *(Синюк, Матвеев, 2007, с. 126, 127, 132, 133, 159, 196, 209, 210).*

Костяные кольца так же встречаются в погребениях среднедонской катакомбной культуры, в частности в погребении 1 кургана 7 и погребения 3 кургана 19 Первого Власовского могильника *(Синюк, Матвеев, 2007, с. 75, 78)*

Наличие различных обрядовых установок в хронологически близких погребениях кургана еще раз подтверждают погребальную полиобрядность катакомбной культуры.

Курган 15 располагался в западной части могильника (рис.1, 2). Насыпь диаметром 8 м, высотой 0, 5 м. Поверхность задернована. В 4, 2 м к Ю от вершины (нулевой точки) в поле насыпи фиксировались следы грабительского шурфа, который при исследовании оказался стрелковым окопом 2 х 2 м периода гражданской войны (1919 г.), в западной стенке обнаружена ниша для складирования боеприпасов - пяти снаряженных обойм для винтовки системы Мосина, которые были переданы в районный краеведческий музей.

В кургане обнаружены два погребения срубной культуры.

Погребение 1 (основное) расположено 2 м к Ю от центра кургана (рис.4, 2). Погребение фиксировалось с глубины -1, 08 м от «нулевой» точки, пол - -1, 30 м. Погребальная конструкция представляет яму подпрямоугольной формы с скругленными углами 1, 6 Х 1, 1 м ориентированную по линии ССЗ-ЮЮВ.

В центре ямы, на ровном полу, располагался слабоскорченный скелет мужчины 30-40 лет на левом боку, руки согнуты в локтях под прямым углом, головой ориентированный на север (рис.4, 2). Перед грудью погребенного компактно располагались три ребра крупнорогатого скота, створка раковины Unio и три бараньих астрагала. Еще шесть астрагалов лежали под северной стенкой могильной ямы, выше головы.

За головой находился половинка, продольно расколотого, керамического грузила высотой 6, 5 см, диаметром тулова 4, 5 см и диаметром отверстия 1, 0 см (рис.4, 4). Грузило изготовлено из высококачественной керамической массы, обжиг высокотемпературный равномерный, поверхность со следами лощения. У ног были обнаружены два фрагмента придонной части сосуда изготовленного из хорошо отмученной глины с добавлением мелкодробленого шамота (рис. 4, *10).* Обжиг равномерный. Внутренняя и внешняя поверхности серокоричневого цвета со следами нагара.

Погребение сочетает элементы погребального обряда предшествующих культур средней бронзы. Слабая скорченность костяка, с ориентировкой в северную сторону горизонта и наличие жертвенника перед погребенным характерны для финального этапа доно-волжской абашевской культуры. Присутствие в погребении бараньих астрагалов характерно для среднедонской катакомбной культуры. Наиболее близкой аналогией керамическому грузилу является грузило

из погребения СМ-39 могильника Синташта *(Епимахов, 2002. с. 164, рис. 33).*

Все это позволяет считать данное погребение одним из наиболее ранних погребений донской срубной культуры, хронологически сопоставимому с вторым стратиграфическим горизонтом кургана №5 могильника Подгорное-1 *(Пряхин, Матвеев, 1994, с. 39, 41).*

Погребение 2 (впускное) расположено 2, 4 м к ЮЗ от центра кургана (рис.4. 6). Погребение располагалось в первичной насыпи на глубине -0, 4 м от «нулевой» точки. Под головой погребенного был зафиксирован древесный тлен (-0, 67 м), возможно от настила. Погребальная конструкция не фиксировалась.

Скорченно, на левом боку, кисти рук у лица, располагался скелет женщины 25-30 лет, головой ориентированный на север (рис.). На черепе обнаружена бронзовая подвеска (рис.4.5)

Сосуд 1 (рис.4, 8) остроребеpный горшок, располагался у колен погребенного, изготовленный из глины с примесью шамота, поверхность имеет дополнительную подмазку, обжиг ровный. Высота сосуда 13 см., диаметр венчика 16 см, диаметр тулова 20 см, дна - 9, 5 см. Плечико сосуда орнаментировано треугольниками вершинами вверх выполненные оттисками гребенчатого штампа. Под ребром сосуда и в придонной части нанесен орнамент в виде зигзага.

Сосуд 2 (рис.4.9) фрагмент придонной части сосуда располагался у ступней погребенного, изготовлен из глины с примесью шамота, поверхность имеет дополнительную подмазку, обжиг ровный.

Жертвенник 1 расположен 4 м к ЮЗ от центра кургана и в 0, 6 м к Ю от погребения 2 (рис.4, 7). Жертвенник округлой формы, диаметром 0, 6 м, на глубине -0, 6 м от «нулевой» точки. Состоял из фрагмента бедренной кости, лопатки и нескольких ребер и позвонков особи крупнорогатого скота. Под костями фиксировались отдельные пятна древесного тлена.

Погребения курганного могильника относятся к среднедонской катакомбной и донской лесостепной срубной археологическим культурам. Погребальный обряд и сопроводительный инвентарь имеют широкий круг аналогий, которые позволяют детализировать хронологическую позицию и установить внутри культурные связи.

Сосуд 1 по форме и орнаменту аналогичен сосуду погребения 4 кургана №5 могильника Подгорное-1, бронзовая подвеска так же аналогична подвеске из погребения 4 этого кургана. *(Пряхин, Матвеев, 1994, с. 44, рис.5, 5,* 7). Погребения 3 и 4 кургана 5 относятся к единому, четвертому, стратиграфическому горизонту который харак-

теризуется наличием алакульских элементов, по мнению авторов на Донских памятниках прослеживается два восточных импульса. Первый определяется присутствием компонентов петровской культуры в памятниках позднеабашевского периода развития ДВАК и возможно с ним связан процесс формирования срубной культуры. Второй импульс, связан с алакульской культурой прослеживается на значительной территории от Южного Урала до Левобережья Нижнего Днепра. Судя по стратиграфическим наблюдениям на поселениях Мосоловском, Раздольном и т.п. он приходиться на первый этап развитого периода донской лесостепной срубной культуры.

Характерной чертой лесостепных памятников срубной культуры, является широкое применение дерева в устройстве погребальной конструкции на раннем этапе. Достаточно архаично выглядит и жертвенник, который по уровню залегания и планиграфически связан с погребением 2. Устройство жертвенника за пределами могильной конструкции восходит традиции доноволжской абашевской культуре, что указывает на достаточно длительный период сохранения ее черт в период формирования срубной культуры.

Материалы погребений Каменского могильника достаточно хорошо определяются как типологически, так и хронологически в рамках культур эпохи бронзы.

Антропологический анализ выполнен аспирантом ИА РАН

Литература:

Епимахов А.В. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. Челябинск. 2002.

Килейников В.В. Отчет о проведении археологической разведки по р. Савале в пределах Новохоперского района. 1981 г. Архив ИА РАН

Погорелов В. И. Отчет об археологических исследованиях в Острогожском и Новохоперском районах. 1987 г. Архив ИА РАН

Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П. Стратифицированный срубный курган Подгоренского могильника//Труды Воронежского областного краеведческого музея. Вып. 2, Воронеж, 1994.

Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996.

Синюк А.Т., Матвеев Ю.П. Среднедонская катакомбная культура эпохи бронзы (по данным курганных комплексов). Воронеж, 2007.

Чекменев Ю.А. Отчет об археологических раскопках курганного могильника Каменка Новохоперского района Воронежской области в 2004 году. 2008 г. Архив ИА РАН

Бри со глбс к /

ь— *Каменка -Садовха*

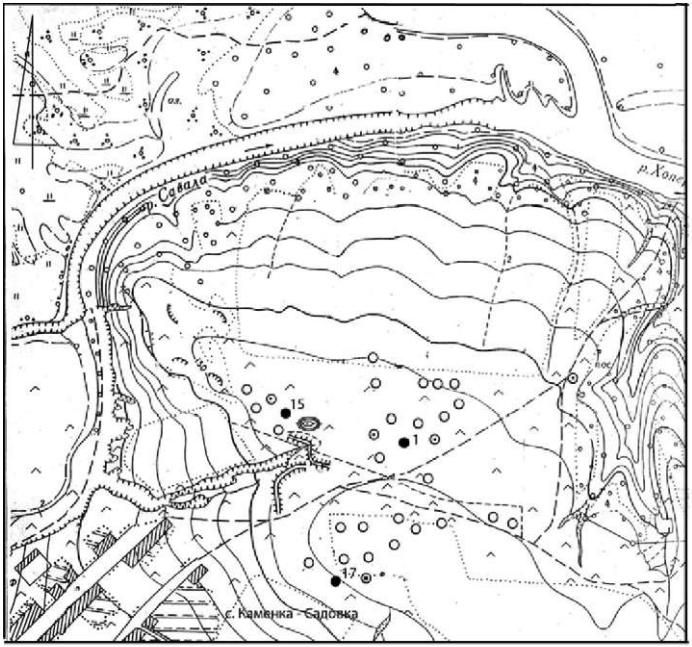
Условные обозначения

• *Граница субъекта РФ*

- Реки

^^ *- Населенные пункты*

jhjtb - Купанные группы



2

Рис. 1. 1. Карта Воронежской области; 2. План могильника.

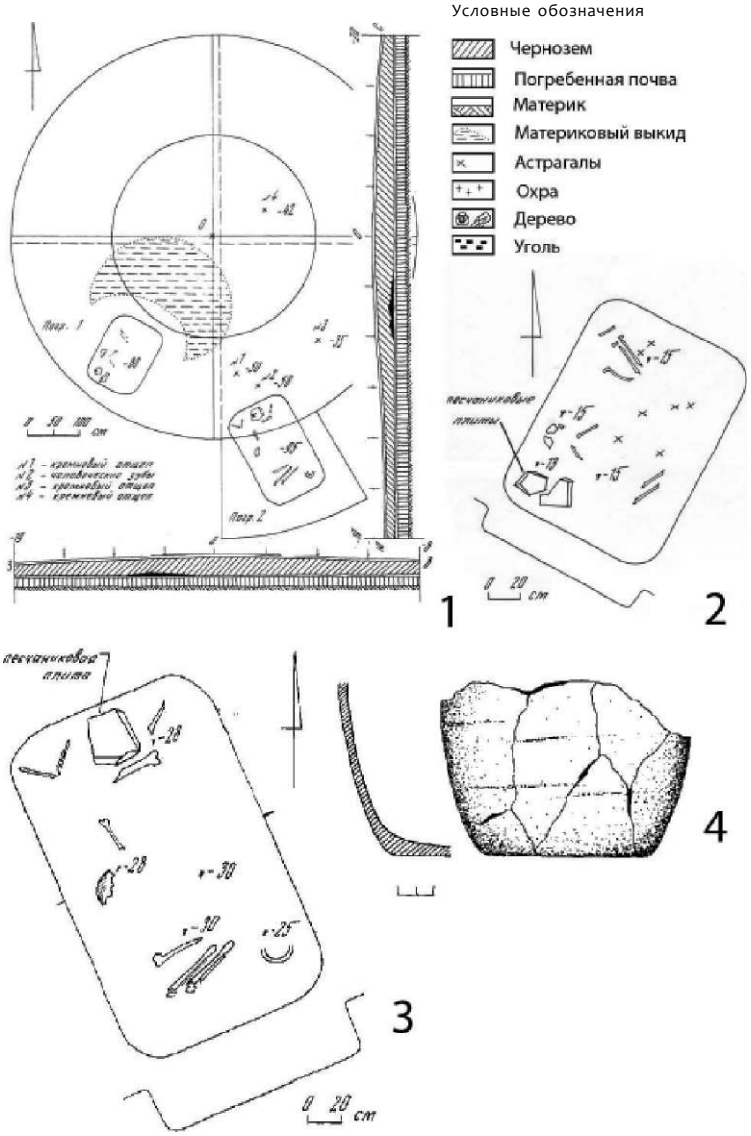


Рис. 2. 1. План и профили кургана №1; 2. Погребение 1; 3, 4. Погребение 2 (4 - жаровня)

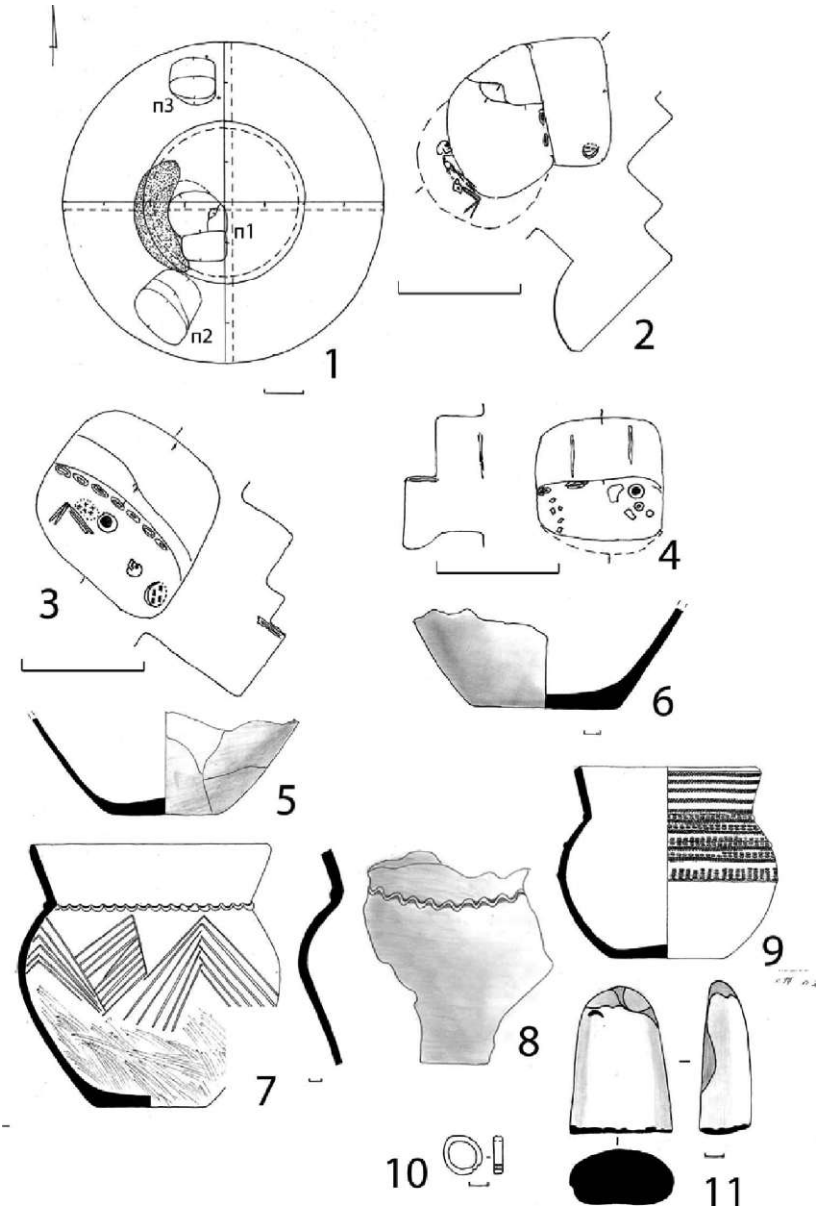


Рис. 3. 1. План кургана № 17; 2, 5. Погребение 1; 3, 6, 7. Погребение 2; 4, 8 - 11. Погребение 3 (5 - 9 керамика, 10 кость, 11 камень).

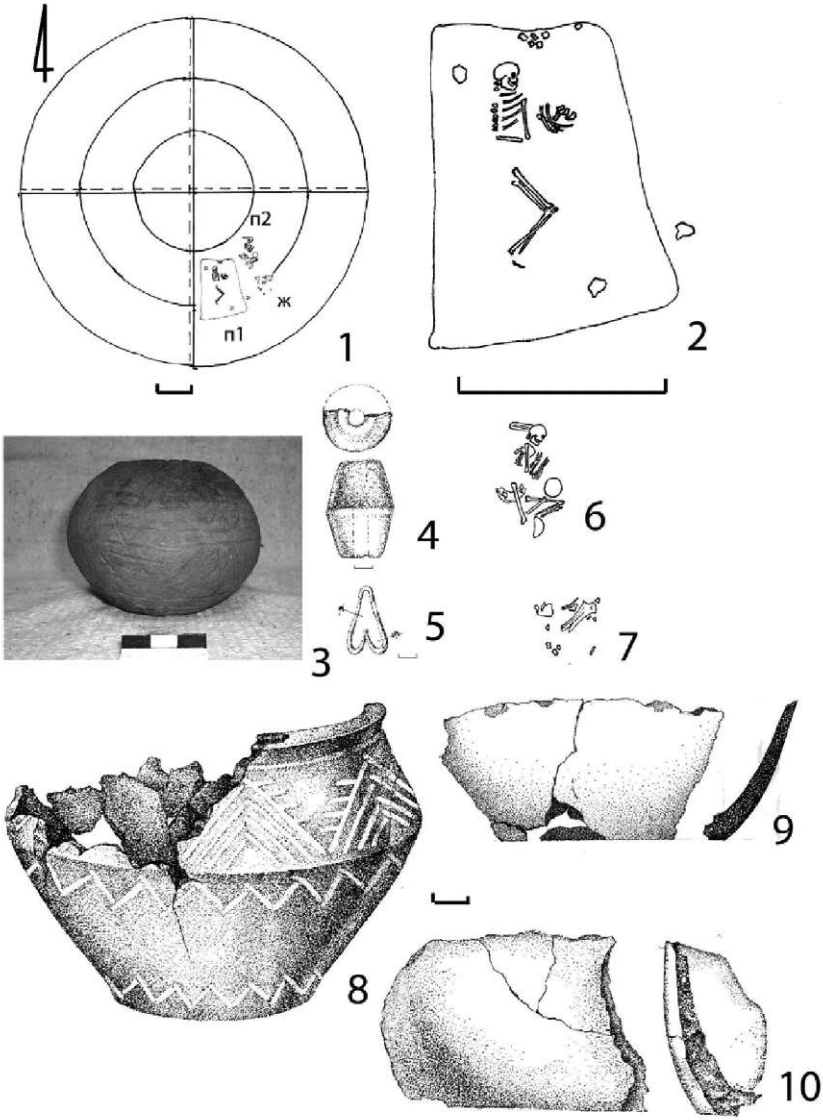


Рис. 4. 1. План кургана №15; 3. Погребение 3 кургана №17;
2, 4, 10 Погребение 1; 5 - 9. Погребение 2 (3, 4, 8 - 10 керамика, 5 - бронза)

М.В. Ивашов (Липецк)

МАТЕРИАЛЫ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА С МНОГОСЛОЙНОГО ПОСЕЛЕНИЯ БУХОВОЕ 9 НА ВЕРХНЕМ ДОНУ

В последние годы на территории Верхнего Дона обращает на себя серия воротничковой керамики, выявленная на нескольких многослойных поселениях, расположенных в пределах северных границ лесостепи. Наиболее многочисленная коллекция подобной керамики была выявлена на поселении Буховое 9, расположенного в верховьях р. Воронеж (рис. 1, 1).

Летом 2006 года были проведены исследования многослойного поселения Буховое 9 (Ивашов, 2006). Памятник был открыт в 1990 году Б.А. Фоломеевым (1991). Он располагается в правобережной пойме р. Воронеж, в верховьях реки, в 500 м к северу от его русла (рис. 1, 2). Поселение находится на дюнной возвышении (высотой 2 м от уровня поймы), имеющим размеры 400 х 60 м, вытянутым по линии север-юг, максимальная возвышенная часть дюны находится в южной её части, к северу дюна плавно понижается. С южной части располагается небольшое старичное озеро, с трёх других сторон находятся западины, которые в менее засушливый период превращаются в болотца. Через поселение в южной части, пересекая его с запада-восток проходит полевая дорога. Поверхность поселения задернована, занята лугом.

Раскоп (общая площадь 699 м^2) заложен в южной части дюны, он вытянут по линии север-юг и практически полностью разрезает самую возвышенную часть дюны (рис. 1, 2-3).

Выявленная стратиграфия в целом такова (рис. 1, 4): 0 - 0, 05 м - дерн; 0, 05 м - до 0, 4 м - темно-серая, а местами черная (от вкраплений угля) супесь; 0, 4 м - 0, 7 м - серая супесь; 0, 7 м - 0, 85 м (местами до 1, 0 м) - светлая желтая супесь; ниже - материк - светло-желтый песок.

В культурном слое обнаружено значительное количество находок: керамики, костей животных, изделия из камня, глины, металла относящиеся к разным археологическим эпохам: неолиту, разным этапам эпохи бронзы (среднедонская катакомбная и воронежская культуры, эпохе поздней бронзы), раннему железному веку и позднему средневековью. В данной публикации мы хотели бы подробнее рассмотреть материалы, связанные с эпохой бронзы. К сожалению, перемешанность слоя, не позволяет соотнести отдельные индивидуальные находки (особенно кремневые) с отдельными культурами и даже эпохами.

Вся керамика, относимая нами к этому времени коричневого и темно-коричневого цвета, поверхности, особенно изнутри покрыты крупными расчесами, в тесте обильная примесь песка, незначительное количество дресвы и шамота.

Венчики, все воротничковые, треугольные в сечении, в 100% случаях срез венчика с внешней стороны украшены насечками, гребенкой, различается лишь орнаментация по шейке:

- спаренный гребенчатый штамп (1 фрагмент) (рис. 5, 1);
- спаренные вдавления (3 фрагмента) (рис. 5, 3);
- с одиночными наколами (3 фрагмента) (рис. 5, 5);
- с одиночными крупными наколами, (5 фрагментов), кроме этого, на одном венчике, ниже наколов нанесен гребенчатый штамп, из которого сформирована горизонтальная елочка (рис. 5, *4);*
- с каплевидными наколами и расчесами (1 фрагмент) (рис. 5, 9);
- с подтреугольными наколами (2 фрагмента) (рис. 5, 2);
- с горизонтальными рядами вертикального гребенчатого штампа (2 фрагмента) (рис. 5, 6-7);
- с тонким, длинным гребенчатым штампом на воротничке, по шейке глубокие овальные наколы, ниже которых - гребенчатый штамп (рис. 5, *8);*
- с ногтевыми вдавлениями (1 фрагмент);
- мелкий фрагменты, возможно без орнамента, но с воротничками.

В орнаментации стенок также можно выделить несколько групп:

- украшенные крупным редким ямочным наколом (28 фрагментов);
- горизонтальными рядами слегка косопоставленного вертикального короткого гребенчатого штампа (28 фрагментов);
- зубчатым штампом, из которого сформированы геометрические мотивы: треугольники и елочка (71 фрагмент);
- сочетание гребенчатого штампа и наколов (4 фрагмента);
- гребенчатый штамп, из которого сформированы горизонтальные ряды (1 фрагмент);
- сочетание гребенчатого и зубчатого штампов, из которых сформирована елочка (1 фрагмент);
- сочетание различных композиций выполненных гребенчатым орнаментом - горизонтальные ряды гребенчатого штампа, ниже которого идут отпечатки гребенки крест-накрест (1 фрагмент);
- неорнаментировано 35 стенок.

В коллекции также присутствует восемь днищ без орнамента, с закругленным краем.

Кроме отдельных находок керамики, в площади раскопа изучено три развала сосудов, по которым можно реконструировать их форму:

Развал сосуда №1 (рис. 2) выявлен на глубине 65-67 см от уровня условного «0». Развал состоит из 12 фрагментов, которые были графически реконструированы в сосуд яйцевидной формы с округлым дном, его высота 37 см, диаметр венчика - 34 см, диаметр максимального расширения тулова - 37 см. Край венчика оформлен в виде треугольного в сечении воротничка, который украшен гребенчатым штампом. По

шейке сосуд украшен крупными круглыми наколами, такие же наколы нанесены по тулову. Нижняя часть сосуда покрыта расчесами. Цвет поверхностей - коричневый, изнутри - также расчесы, поверхности темно-коричневого цвета. Тесто плотное, в качестве примесей использованы песок, шамот, незначительное количество дресвы.

Развал сосуда № 2 (рис. 3) выявлен на глубине 43-44 см от уровня условного «0». Развал состоит из 24 фрагментов, которые были графически реконструированы в сосуд колоколовидной формы, с небольшим дном. Высота сосуда 33 см, диметр венчика - 31 см, диаметр максимального расширения тулова - 35 см, диаметр тулова - 8 см. Край венчика приострён, оформлен подтреугольным в сечении валиком, который украшен отпечатками короткого гребенчатого штампа, шейка сосуда украшена глубокими ямочными вдавлениями, ниже которых идут отпечатки длинного крупнозубчатого гребенчатого штампа, сформированного крест-накрест, ниже их опять идут редкие крупные отпечатки ямочных вдавлений. Тулово в максимальном его расширении украшены отпечатками длинного гребенчатого штампа из которого сформирована горизонтальная елочка. Придонная часть сосуда неорнаментирована, покрыта расчесами. Внутренняя поверхность покрыта расчесами. Сосуд изготовлен из плотного теста с примесью песка и дресвы.

Развал сосуда №3 (рис. 4) выявлен на глубине 62-65 см от уровня условного «0». Развал состоит из 46 фрагментов, которые были графически реконструированы в сосуд колоколовидной формы, с округлым дном. Высота сосуда 23, 7 см, диметр венчика - 22 см, диаметр максимального расширения тулова - 27 см. Край венчика оформлен воротничковым утолщением, который украшен вертикальными отпечатками гребенчатого штампа, с внутренней стороны край венчика также украшен отпечатками гребенки. Шейка сосуда украшена крупными ямочными вдавлениями, верхняя часть тулова украшена коротким гребенчатым штампом, из которого сформирована горизонтальная елочка. Максимальное расширение тулово украшено крупными ямочными вдавлениями. Нижняя часть тулова украшена рядами вертикального короткого гребенчатого штампа. Ниже которого идут отпечатки гребенчатого штампа, из которого сформированы треугольники вершинами вниз, треугольники заполнены гребенкой. Придонная часть сосуда украшена горизонтальными рядами короткой гребенки и крупными ямочными вдавлениями. Тесто, из которого изготовлен сосуд плотное, с примесью песка, дресвы и шамота. Поверхности сосуда коричневого цвета, изнутри - темно-коричневого цвета, покрыты расчесами.

Кроме вышеописанного поселения, похожая керамика найдена при раскопках многослойного поселения Студёновка III, исследовавшегося в 1988-89 гг. под руководством А.Н. Бессуднова *(1988; 1989)*. Данный па-

мятник, располагается не так далеко (в пределах 5-6 км) от поселения Буховое 9. Керамическая коллекция, относимая к этому времени не так многочисленна и представлена несколькими воротничковыми венчиками, украшенными короткой редкой гребенкой, стенки также украшены гребенкой, крупными ямочными вдавлениями, поверхности покрыты расчесами. На Верхнем Дону можно назвать ещё поселение Октябрьское 5 (в окрестностях Тулы), исследовавшееся Ю.Г. Екимовым.

В 2006 году в статье С.И. Андреева *(2006)* в воронежском сборнике опубликованы материалы с поселения Коровий брод (левобережье р. Цна (Окский бассейн), в которой данная керамика относится к эпохе энеолита, но на наш взгляд, более аргументированной выглядит точка зрения В.В. Ставицкого и В.П. Челяпова, которые проанализировав керамику с ямчато-жемчужной орнаментацией на Верхней Суре и Мокше (поселения Красный Восток, Озименки, Тезиково-Михайловское и ряд других) относят её к кругу сетчатой керамики (Ставицкий, Челяпов, 1997; Ставицкий, 2005). Наиболее южный памятник с данной керамикой - поселение Куракино 4 в верховьях Хопра. По их мнению, носители керамики с сетчатой орнаментацией вступают в контакт с поздняковской культурой и занимают её территорию (*Ставицкий, Челяпов, 1997).*

Мы также склоняемся к точке зрения В.В. Ставицкого и В.П. Челяпова, полагаем, что данная группа керамики относится к позднему периоду бронзового века, соотносится с лесным миром, и в целом характерна для северных районов лесостепи, примерная же её датировка - XII-XI вв. до н.э.

Литература:

Андреев С.И. Энеолитические постройки поселения Коровий Брод // Археологические памятники Восточной Европы. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 12. Воронеж, 2006.

Бессуднов А.Н. Отчет о раскопках многослойного поселения Студеновка 3 (Добровский район Липецкой области) в 1988 г. // Архив ИА РАН.

Бессуднов А.Н. Отчет о раскопках многослойного поселения Студеновка 3 (Добровский район Липецкой области) в 1989 г. // Архив ИА РАН.

ИвашовМ.В. Отчет о раскопках многослойного поселения Буховое 9 в Добровском районе Липецкой области в 2006 году // Архив ИА РАН.

Ставицкий В.В. Бронзовый век Посурья и Примокшанья. Пенза, 2005.

Ставицкий В.В., Челяпов В.П. Керамика с ямчато-жемчужной орнаментацией на Верхней Суре и Мокше // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 6. Рязань, 1997.

Фоломеев Б.А. Отчет о работе Окско-Донской археологической экспедиции в 1991 г. в Чаплыгинском районе Липецкой области // Архив ИА РАН.

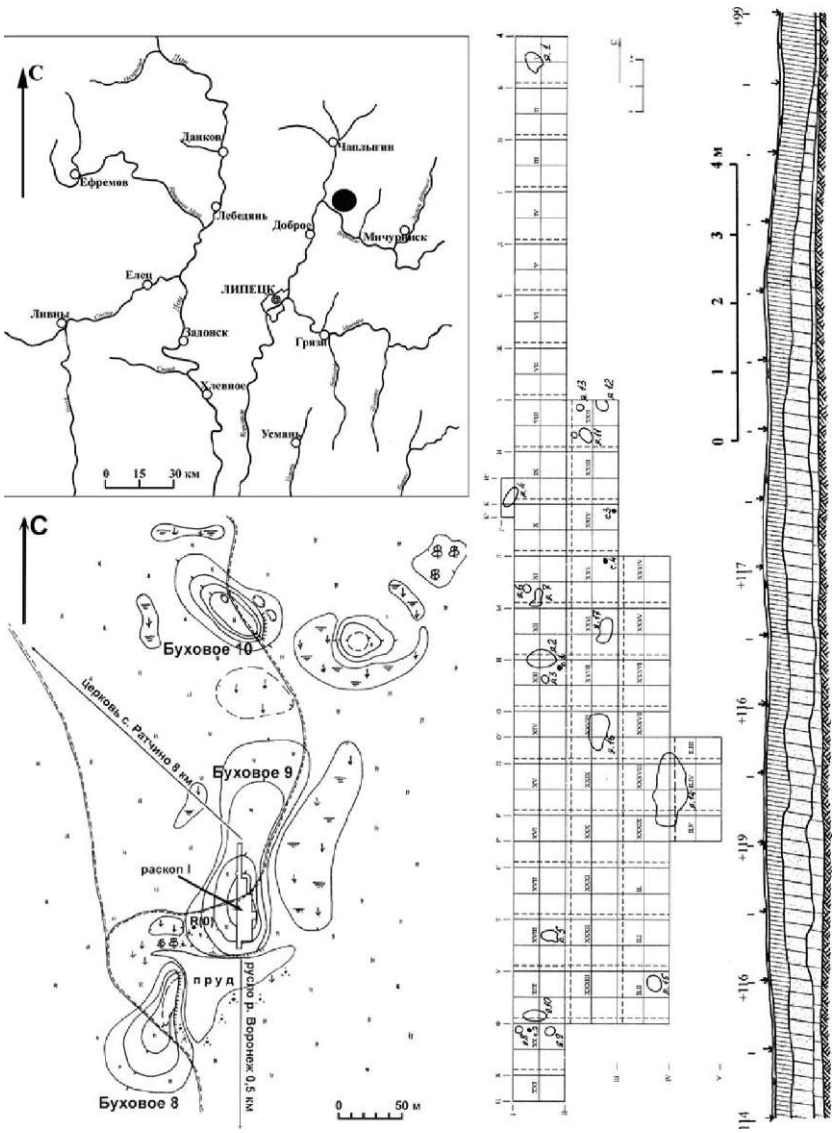


Рис. 1. Поселение Буховое 9.
1 - расположение памятника на карте Верхнего Дона;
2 - генеральный план памятника; 3 - план раскопа с выявленными ямами и развалами сосудов; 4 - наиболее типичная стратиграфия.

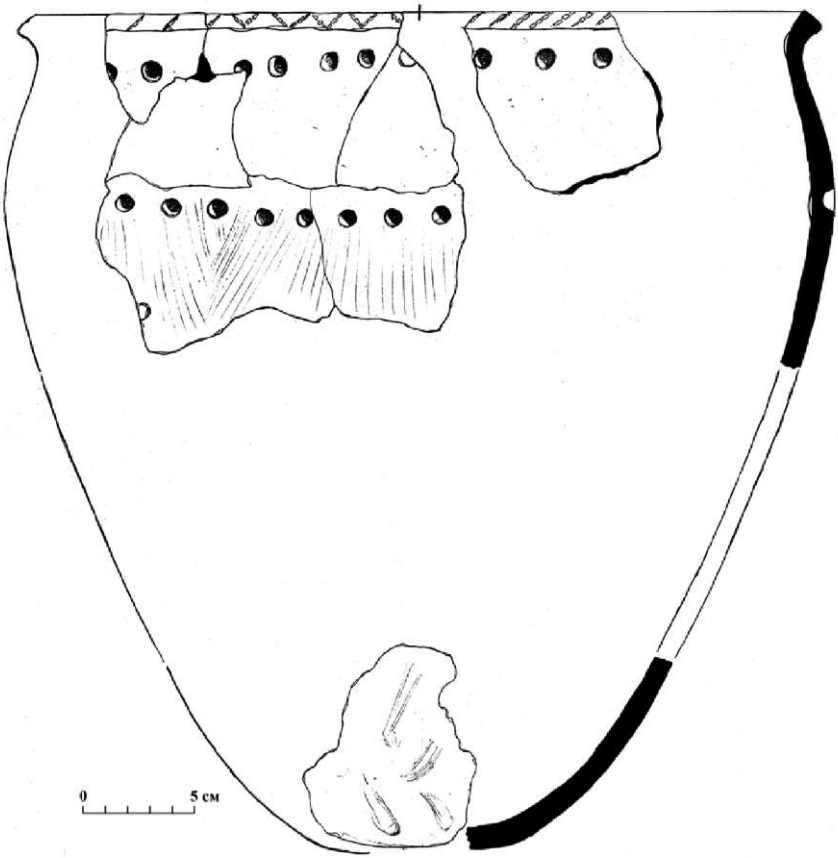


Рис. 2. Поселение Буховое 9.
Развал №1 сосуда эпохи поздней бронзы.

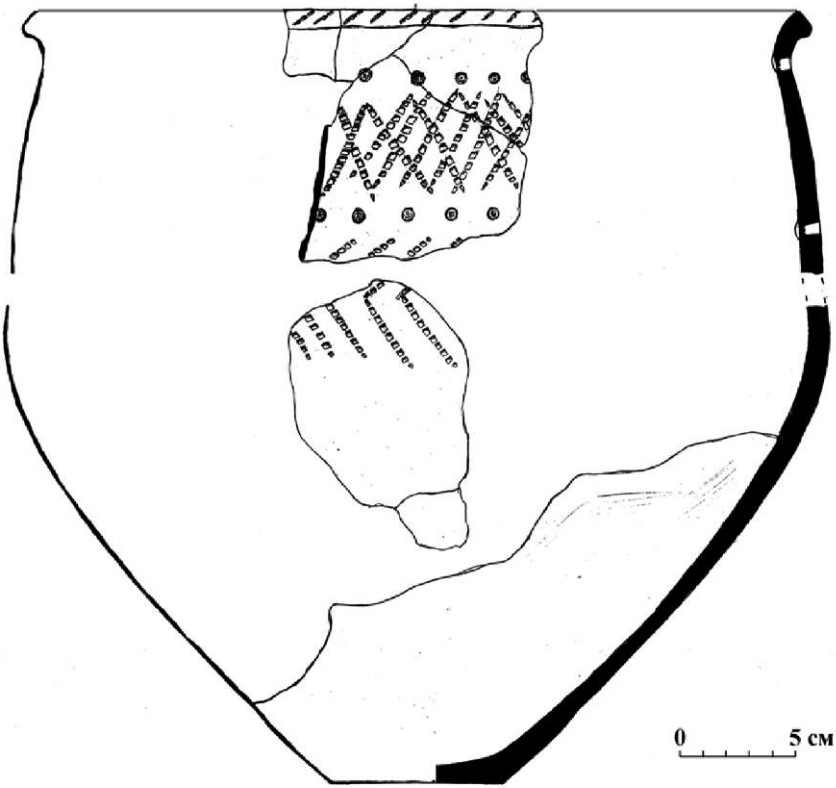


Рис. 3. Поселение Буховое 9.
Развал №2 сосуда эпохи поздней бронзы.

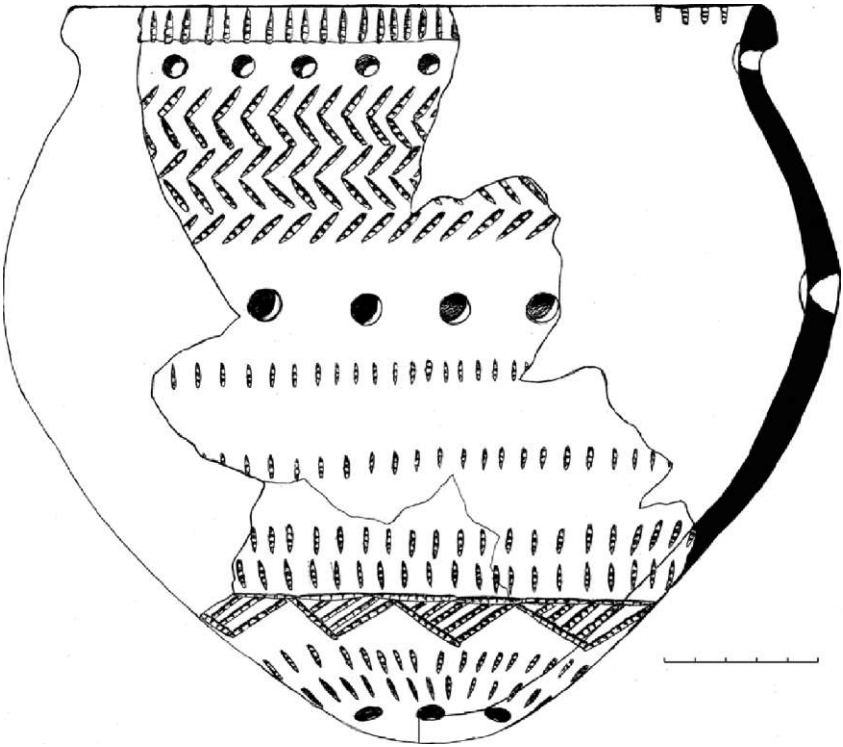


Рис. 4. Поселение Буховое 9.
Развал №3 сосуда эпохи поздней бронзы.

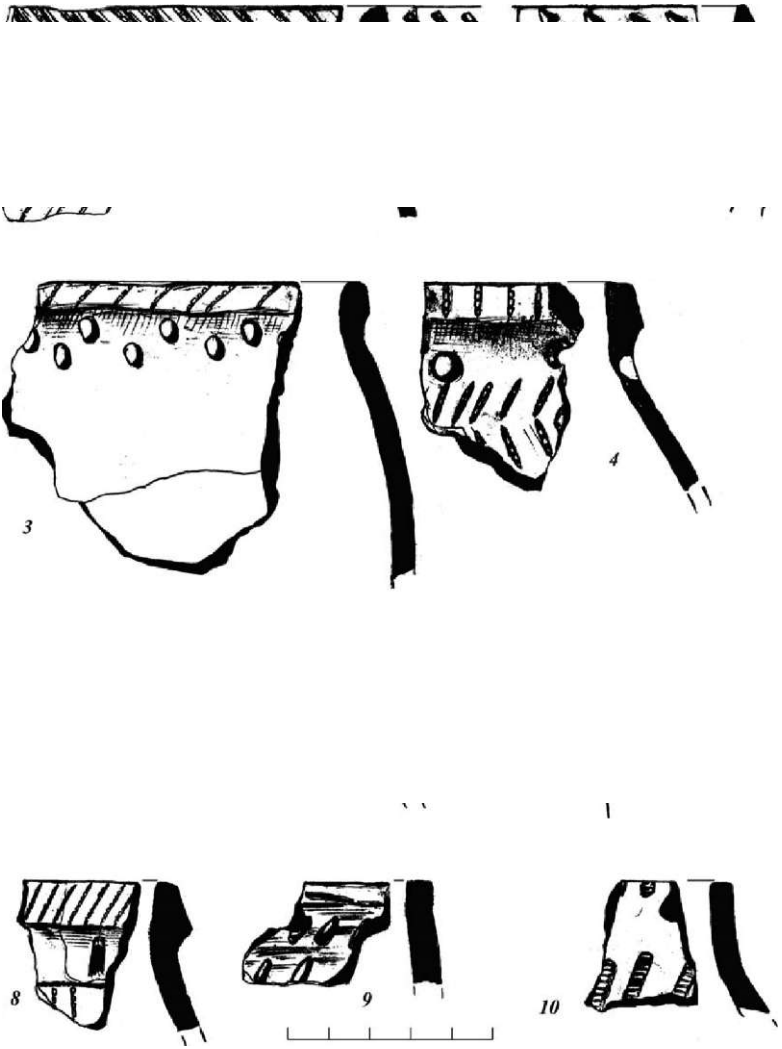


Рис. 5. Поселение Буховое 9.
Венчики сосудов эпохи поздней бронзы.

В.И. Вихляев (Саранск), В.В. Ставицкий (Пенза)

ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ ШАВЕРКИ 2 НА СРЕДНЕЙ МОКШЕ

Поселение Шаверки 2 расположено в 2 км к ВЮВ от одноименного села, в пойме правого берега р. Мокша на песчаном останце овальной формы, вытянутом по линии З-В на 115 м. Высота останца над уровнем поймы составляет около 3 м, над уровнем воды в озере Чурелка 4, 1 м. В 1983г. Экспедицией Мордовского госуниверситета на поселении было вскрыто 184 кв.м. *Стратиграфия*: 1) дерн 0, 1 м; 2) слой темно-серой супеси 0, 1-0, 4 м; 3) светло-серая супесь 0, 4- 0, 5 м; 4) белый материковый песок.

В западной части раскопа на уровне материка были выявлены контуры аморфной ямы, имевшей подчетырехугольные очертания. Вероятно, данная яма представляла собой остатки жилищного котлована. Длинной осью она была сориентирована по линии СВ-ЮЗ. Ширина ямы 440 см, длина - 780 см. Яма имела неровное дно, которое в ее различных частях было заглублено в материк от 10 до 30 см. Уровень дна в северо-восточном секторе ямы был на 20 см выше. Юго-западные границы котлована просматривались с трудом и поэтому были определены приблизительно. Стенки ямы пологие. Заполнение - светло-серая супесь. В центре ямы, в 40 см выше ее дна было зафиксировано овальное пятно заполненное углистой супесью. Его размеры 240 х 150 см. Вероятно, это остатки очага. Углистой супесью были заполнены еще две ямы, одна из которых располагалась рядом с очагом, другая - в северной части котлована. Во второй яме также были обнаружены камни. Скопление камней зафиксировано также в восточном секторе жилища. Здесь же на одном уровне с ним, в 15-20 см выше пола жилища зафиксировано скопление фрагментов керамики от различных сосудов вместе с включениями угольков, размерами 80 х 50 см. В северном и южном углах котлована зафиксированы две большие овальные ямы, размерами 100 х 120 см, заглубленные в пол на 20-25 см. Видимо, это были ниши-хранилища. У северо-западной стенки постройки располагался выступ длиной около 2 м. У стенки его ширина составляла всего 40 см, но далее он плавно расширялся до 120 см. На дне выступа имелась ступенька высотой 10 см. Вероятно, этот выступ служил выходом из жилища к озеру. Вдоль периметра постройки зафиксировано 10 небольших ям, которые, возможно, являются остатками столбовой конструкции жилища. Цепочка подобных ям разделяла жилище по линии СЗ-ЮВ на две неравные части. В заполнении жи-

лищного котлована было собрано 170 фрагментов керамики эпохи бронзы, 95 из которых залегало в вышеописанном скоплении, а еще 27 фрагментов было обнаружено в обложенном камнями очаге. Кроме керамики в жилище также было собрано: 12 кремневых отщепов, два обломка ножей, четыре скребка (рис.8: 29-31, 34), наконечник стрелы (рис.8: 9), обломок топора.

По своей форме и некоторым конструкционным особенностям шаверская постройка находит ряд аналогий в поздняковском жилище Наумовской стоянки, которое также было слабо углублено в материк, имело прямоугольную форму с выходом по длинной стороне дома, смещенному к одному из углов *(Попова, 1970, с.220).* Перечисленные признаки характерны и для наземной постройки №1 Октябрьского поселения поздняковской культуры, в которой к тому же зафиксировано и два обложенных камнями очага, а также перегородка внутри жилищного помещения *(Екимов, 1992, с.63-65).* Однако поздняковские жилища имеют значительно большие размеры, превосходящие шаверскую постройку в 2-3 раза. По мнению А. Х. Халикова, небольшие несоединенные переходом, слабо углубленные жилища получают достаточно широкое распространение на атабаевском этапе приказанской культуры. Одно из таких жилищ было зафиксировано на поселении Степное Озеро *(Халиков, 1980, с.10-11).*

Собранная на поселении керамика эпохи бронзы по ряду технико-типологических признаков подразделяется на три группы. Наиболее многочисленна керамика первой группы. По крупным фрагментам венчиков, дающим представление о форме и орнаментации сосудов выделяется 48 сосудов. Толщина стенок варьируется в пределах от 0, 4 до 0, 8 см, в среднем составляя 0, 5-0, 6 см. Цвет фрагментов обычно серый, реже бурый, либо коричневый. Около трети сосудов заглажено зубчатым предметом изнутри и около 20% - снаружи. В качестве примеси в керамическом тесте чаще всего использовался песок (67%), реже дресва(30%) и очень редко шамот (3%). Преобладают сосуды горшковидной формы с плавно изогнутой шейкой и выпуклыми, округлыми плечиками. Их венчики в большинстве случаев отогнуты наружу и украшены оттисками зубчатого штампа (рис.2-6) У части (13%) сосудов венчик отогнут в своей верхней части вовнутрь. Характерной чертой этих венчиков является желобчатость внутренних стенок (рис.6: *1-3, 5-7).* По крупным венчикам сосудов баночной формы не выявлено, хотя небольшие прямостенные венчики в керамической коллекции присутствуют (рис.5: 5; 6: 4, 8). Среди сосудов восстанавливающихся

по диаметру горла преобладают горшки диаметром от 16 до 26 см. Самый маленький сосуд имеет диаметр 5 см, а самый большой - 34 см. Среди днищ преобладают плоские экземпляры без выраженных закраин. Только два из них восстанавливаются по диаметру равному 5 и 8 см. У одного сосуда днище округлое (рис.5: *6).* Более 90% сосудов украшено под венчиком ямчатыми вдавлениями, а около 20% - жемчужинами, которые иногда чередуются с ямками.

У 60% сосудов тулово украшено оттисками зубчатого штампа (рис.2: *1, 3,* 5; 4-5; 5: *3, 8, 10;* 6: *1, 2, 4, 5, 7-10).* На одном из сосудов имеется налепной валик (рис.5: 7) Отпечатками зубчатого штампа обычно украшена только верхняя треть сосуда, а вот ямочные и жемчужные вдавления иногда спускаются и ниже. Орнаментальные построения в большинстве случаев несложные. Это горизонтальные и наклонные оттиски зубчатого штампа, которые образуют зигзаги (рис.2: 3; 3: *3, 4, 8;* 4: 16; 6: 1), заштрихованные треугольники (рис.3: 4; 4: 9), в отдельных случаях пересекаются (рис.4: 1), составляют вертикальные ряды (рис.6: 7), цепочку из ромбических фигур (рис.4: *3).* Ямчатые и жемчужные вдавления почти всегда располагаются горизонтальными рядами и только на одном сосу ямки сгруппированы в треугольные фигуры (рис.5: 1)

Ко второй группе относится керамика при изготовлении которой в равной степени использовались примеси шамота, песка и дресвы. Сосуды этой группы орнаментированы линзовидными и каплевидными насечками, прочерченными линиями, налепными валиками. Для венчиков характерны воротничковые утолщения, расположенные в их верхней части (рис.7: *1-3, 5,* 7).

К третьей группе относится керамика с тычковым орнаментом содержащая в тесте примесь дресвы или песка. Сосуды этой группы имеют горшковидную слабо профилированную форму с прямыми, либо отогнутыми наружу венчиками (рис.7: *4, 6, 8-13).*

Шаверская керамика первой группы находит ближайшие аналогии в посуде поселения Аким-Сергеевка, исследованного В. Н. Шитовым в верховьях р. Вад *(Шитов, 1975).* Сходство прослеживается по примесям в керамическом тесте, по формам горшковидных сосудов с отогнутыми наружу венчиками, по способам обработки внешней и внутренней поверхности стенок, по использованию тождественной системы орнаментации. По мнению В. Н. Шитова, в орнаментации аким-сергеевской порсуды сочетаются черты характерные для поздняковской и приказанской культуры, что объясняется их культурной и хронологической близостью. В целом же, Аким-Сергевское поселение относится В. Н. Шитовым к памятни-

кам развитого этапа поздняковской культуры *(Шитов, 1975, с.168).* Однако аким-сергеевская и особенно шаверская посуда имеют ряд существенных отличий от поздняковской керамики по составу глиняного теста, по формам и орнаментации сосудов. Поздняковские племена достаточно широко использовали баночные и в меньшей степени остроребeрные сосуды, которые крайне бедно представлены на Аким-Сергеевском и Шаверском поселениях. Не встречаются на поздняковских сосудов и венчики со скошенными бортиками. Существенную долю в орнаментации поздняковской керамики занимают веревочные отпечатки, которые отсутствуют только на посуде самых восточных памятников (в Чувашии) *(Попова, 1985).* Не характерны для поздняковских сосудов венчики с желобчатым оформлением внутренних стенок, представительная серия которых собрана на Шаверском поселении. В Примокшанье подобные венчики имеются в коллекции керамики с сетчатым орнаментом с поселения Красный Восток *(Ставицкий, Челяпов, 1998, рис.3),* а более широко сосуды с желобчатыми венчиками распространены на поселениях с ранней сетчатой керамикой Волго-Окского междуречья *(Воронин, 1998а).* В Поочье представительная коллекция подобной керамики получена при раскопках поселения Гришинский исток 3 *(Ставицкий, Челяпов, 1998, с.102).* Причем сходство шаверской керамики с сетчатой наблюдается не только по формам венчиков, но и по ряду орнаментальных композиций, состоящих из ямчатых вдавлений и оттисков зубчатого штампа *(Воронин, 1998а, рис.4).* Вместе с тем, нельзя не отметить и существенных различий между данными комплексами керамики, главное из которых - отсутствие сетчатого орнамента на шаверской посуде. При этом орнаментация керамики первой группы находит некоторые параллели в балымсской и атабаевской керамике, украшенной ямчатыми вдавлениями под венчиком и зигзагообразными построениями из оттисков зубчатого штампа. Характерной чертой ряда приказанских сосудов являются и скошенные бортики на венчиках, орнаментированные зубчатым штампом *(Халиков, 1980, табл.24-30).*

Керамика второй группы (сосуды с воротничковым утолщением венчиков) находят ближайшие аналогии в посуде ивановского типа Танавского и Кайбельского поселений. Причем сходство наблюдается не только в форме сосудов, но и в орнаментации, состоящей из горизонтальных рядов насечек и налепных валиков *(Колев, 1988, рис.1-5*). Причем, небезынтересно заметить, что по подсчетам Ю.И. Колева, орнаментация керамики поселения Кайбелы 1 имеет наибольший коэффициент сходства с посудой атабаевского поселения

(Колев, 1988, табл.5). Кроме того, на Кайбельском поселении имеются венчики со скошенными бортиками, форма которых аналогична венчикам первой группы Шаверского поселения. Таким образом, подобранные нами аналогии свидетельствуют в пользу определенной степени культурного единства керамики первой и второй группы. Следует также отметить, что совместное залегание указанных типов керамики в Примокшанье зафиксировано также в культурном слое поселений Красный Восток и Тезиково-Михайловское *(Ставицкий, Челяпов, 1998).*

Керамика третьей группы с тычковой орнаментацией выглядит более обособленной. Подобная керамика найдена и на Аким-Сергеевском поселении, где кроме нее имеются сосуды, украшенные клиновидными вдавлениями, нанесенными углом зубчатого штампа *(Шитов, 1975, рис.5: 9-11).* Эти сосуды, имеющие слабо профилированное тулово, по своей форме очень близки посуде с тычковой орнаментацией. В тычковой технике на этих сосудах выполнены и клиновидные отпечатки. Не исключено что они представляют собой переходное звено между данными типами керамики. К признакам объединяющим первую и третью группу керамики можно отнести и венчики со скошенным наружу срезом у двух сосудов третьей группы, что для тычковой керамики более позднего облика не характерно *(Ставицкий, 1992, табл. VII -IX).* Причем поздние типы венчиков, украшенные по срезу овальными вдавлениями имеются и на Шаверском поселении (рис.7: *6, 13).*

С керамикой эпохи бронзы, вероятно, связаны находки трех керамических пряслиц. Одно из которых имеет блоковидную форму (рис.7: *12),* другое - битрапециевидную со сглаженными углами (рис.7: *15*), третье - воронковидную (рис.7: *14*). Интересно, что аналогии всем этим формам имеются на поселениях с приказанской *(Халиков, 1980, табл.23: 1, 3; 27: 7)* и ранней сетчатой *(Воронин, 1998а, рис.12: 2, 6*) керамикой. В Примокшанье точная копия воронковидного пряслица найдена на Аким-Сергеевском поселении *(Шитов, 1975, рис.2:* 9).

Каменные орудия. Основная масса собранных на поселении орудий изготовлена из отщепов. На пластинах выполнено только 2 ножа (рис.8: *13*) и один концевой скребок (рис.8: 22). Также найдено 5 ножевидных пластин без следов вторичной обработки.

Скребки (31 экз.). Преобладающими являются скребки, выполненные на отщепах случайной формы, не отличающиеся тщательностью обработки. Краевой притупляющей ретушью у них обработано только рабочее лезвие (рис.8: *23, 29, 37, 39).* У четырех скребков

овальной формы ретушь заходит на боковые грани (рис.8: *25, 28,* 31)еще три - отретушированы по всему периметру (рис.8: *34-36*). Наиболее тщательно обработан овальный скребок с высокой спинкой, которая покрыта плоской крупнофасеточной ретушью (рис.8: 27). Подобный тип скребков особенно характерен для кремневого инвентаря поздняковских памятников *(Попова, 1970, рис.35: 5,* 6). Оригинальную форму имеет скребковидное орудие, выполненное на удлиненном отщепе (рис.8: 42). Заслуживает также внимания концевой скребок, изготовленный на массивном отщепе (рис.8: *32).*

Четыре, найденных на поселении ***скобеля*** имеют неглубокие, слабо выраженные выемки (рис.8: *18-19, 21).* Большинство ***ножей*** (6 экз.) изготовлено на уплощенных удлиненных отщепах, одна из боковых сторон которых отделана краевой приостряющей ретушью (рис.8: *16, 20).* Два ножа относятся к разряду двулезвийных (рис.8: 15). Один нож с двустороннеобработанным лезвием имеет серповидные очертания (рис.8: 12). ***Рубящие орудия*** представлены двумя топоровидными изделиями, рабочая поверхность которых сформирована крупными сколами. К категории шлифованных орудий относятся: обломок обушковой части топора, долото овальной формы (рис.8: 1) и клиновидный топор с оббитым лезвием (рис.8: 4). Последнее орудие находит близкие аналогии среди каменных топоров поселения с сетчатой керамикой Липовка 1 *(Воронин, 1998а, рис.12: 1, 7, 10),* а также среди шлифованных изделий Караташихинской стоянки (Ха*ликов, 1980, табл.34:* 1). В Примокшанье топоры подобной формы выявлены впервые. ***Наконечники стрел*** (8 экз.). Один целый наконечник и один обломок острия обработаны краевой ретушь только со спинки (рис.8: *2, 10),* остальные имеют двустороннюю обработку граней. Два наконечника имеют овальную форму (рис.8: *6,* 7), один листовидную (рис.8: 9), два - треугольно-черешковую со слабо намеченными черешками (рис.8: *3, 10).* У наконечника лврволистной формы основание черешка усечено (рис.8: 5). Подобный тип наконечников, по мнению В.В. Сидорова, весьма характерен для памятников с поздняковской и сетчатой керамикой *(Сидоров, 1997, с.82)* и, типологически, только он связан с керамическим комплексом эпохи бронзы. Остальные наконечники, не отличающиеся устойчивостью форм, более характерны для неолитических древностей.

С неолитической, керамикой поселения, вероятно, связано и большая часть остальных орудий. Подобное предположение косвенно подтверждается малочисленностью находок кремневых изделий в жилищном сооружении бронзового века, а также повышенной концентрацией находок орудий у западного края раскопа, где была

найдена и значительная часть неолитической ямочно-гребенчатой керамики *(Вихляев, Ставицкий, 1995)*. Малочисленность кремневого инвентаря характерна и для других примокшанских поселений эпохи бронзы. Например, на Аким-Сергеевском поселении на находки 860 фрагментов керамики приходится всего 9 орудий, среди которых преобладают небрежно обработанные скребки на отщепах случайной формы *(Шитов, 1975, с.165*). Обедненный набор кремневого инвентаря характерен и для поселения Красный Восток, где кроме трех наконечников и трех скребков, изготовленных на отщепах случайной формы, был найден овальный скребок, тщательно обработанный сплошной ретушью, аналогии которому имеются как на Аким-Сергеевском, так и на Шаверском поселениях *(Шитов, 1975, рис.3:* 2). Наличие искусно обработанных орудий, наряду с небрежно выполненными изделиями, возможно, свидетельствует об определенном уровне специализации их изготовителей. Видимо, полным объемом навыков обработки каменных орудий владели не все члены племени, а только отдельные мастера.

Подводя итоги анализа шаверских материалов можно констатировать, что керамика данного поселения представляет собой многокомпонентное образование, степень культурного единства которого пока еще не совсем ясна. Керамика первой группы находит ряд аналогий в поздняковской посуде, однако, далеко не тождественна ей. Высокий уровень своеобразия шаверской керамика позволяет поставить вопрос о ее самостоятельном культурном статусе. Впервые подобная посуда была выделена В.Н. Шитовым на Аким-Сергеевском поселении *(Шитов, 1975),* поэтому будет логичным закрепить за ней название - керамика аким-сергеевского типа.

Как уже отмечалось выше керамика аким-сергеевского типа ближайшие аналогии находит в посуде атабаевских и поздняковских древностей, с которыми, видимо, и следует связывать ее происхождение. На протяжении своего развития население поздняковской культуры постоянно испытывало воздействие со стороны носителей срубных древностей, что приводит к постепенному изменению погребального обряда и появлению керамики, практически тождественной срубной посуде. Степень данного воздействия, по-видимому, возрастает в период повышенной аридизации климата, имевшей место в XIII-XIV вв. до н.э. Об этом, в частности, свидетельствуют материалы Шокшинского поселения, в ряде жилищных сооружений которого присутствуют многочисленные сосуды срубоидного облика. Данным временем датируется и появление воротничковой керамики ивановского типа, образцы которой зафиксированы в

материалах 2-го Шаверского поселения и в заполнении некоторых шокшинских жилищ.

На территории Волго-Камья на данном хронологическом отрезке происходит формирование атабаевских памятников, происхождение которых Ю.И. Колев связывает с трансформацией древностей сусканской культуры, испытавших на себе некоторое воздействие со стороны населения ивановской культуры и утративших ряд андроновских черт, которые ранее им были присущи *(Колев, 2000. С.250-251).* В бассейне Суры и Мокши сусканских памятников пока не зафиксировано. Видимо, здесь имел место перенос с востока уже сформировавшихся атабаевских традиций изготовления керамики, которые были осложнены встречным влиянием со стороны поздняковского населения, что привело к широкому распространению ямчато-жемчужной орнаментации на аким-сергеевской посуде. Однако не стоит преувеличивать степень поздняковского воздействия, поскольку кроме использования в орнаментации жечужных и ямчатых вдалений ничего общего между данными культурами нет. Все остальные признаки аким-сергеевских древностей восходят своими корнями к материалам атабаевского облика, впрочем, как и традиции украшения сосудов под венчиком ямчатыми и клиновидными вдавлениями. Следует отметить, что следы восточного (андроновско-сусканского) влияния фиксируется В.П. Челяповым и западнее Примокшанья, в материале некоторых поздняковских могильников *(Челяпов, 1993).*

Присутствие населения, изготавливавшего керамику с орнаментацией близкой аким-сергеевскому типу, фиксируется на обширной территории к югу от Оки. Так, в окрестностях Тулы Ю.Г.Екимовым раскопано поселение Октябрьское 5, содержавшее материал, отнесенный автором раскопок к позднему этапу поздняковской культуры и датированный им концом II тыс. до н.э. В орнаментации посуды этого поселения ведущую роль играют ямчатые вдавления *(Екимов, 1992. С.62-75).*

Подобного типа керамика, но уже с отпечатками "сетки" встречена и на юге Рязанской области. Как и рассматриваемая посуда Мордовии и Верхней Суры, она имеет принципиальные отличия от поздняковской керамики по составу глиняного теста, обработке поверхности и обжигу. Т.Б.Попова считает, что это было связано с изменением технологического процесса изготовления глиняной посуды. Появляется бортик на венчике сосуда, венчики приобретают заостренную форму, встречаются венчики с желобками (*Попова, 1985. С.181).* На наш взгляд подобные изменения объясняются воз-

действием со стороны носителей традиций изготовления керамики аким-сергевского типа.

Литература:

Вихляев В.И., Ставицкий В.В. 1995. Балахнинские поселения Шаверки 2 и Шаверки 5 на Средней Мокше //Новые материалы по археологии Среднего Поволжья. Йошкар-Ола.

Воронин К.В. 1998а. К вопросу о происхождении и развитии культуры с сетчатой керамикой бронзового века //Тверской археологический сборник. Тверь. Вып.3.

Воронин К.В. 1998б. От социальной адаптации к культурной интеграции (к вопросу о взаимодействии культурных традиций бронзового века в Волго-Окском бассейне) //Тверской археологический сборник. Тверь. Вып.3.

Екимов Ю.Г. 1992. Поселение поздняковской культуры под Тулой // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань.

Колев Ю.И. 1988. Опыт сравнительно-статистического анализа керамических комплексов позднего бронзового века //Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев.

Попова Т.Б. 1970. Племена поздняковской культуры //Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. Труды ГИМ. Вып.44. М.

Попова Т.Б. 1985. Значение орнаментальных мотивов и керамических форм для датировки памятников поздняковской культуры на средней Оке //Новые материалы по истории Восточной Европы в эпоху камня и бронзы. Труды ГИМ. М. Вып.60.

Сидоров В.В. 1997. Кремневые орудия и оружие поселения Воймежное 1 //Древние охотники и рыболовы Подмосковья. М.

Ставицкий В.В., Челяпов В.П. 1997. Керамика с ямчато-жемчужной орнаментацией на Верхней Суре и Мокше //Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань. Вып.6.

Ставицкий В.В. 1992. Поселение Скачки на Верхней Мокше // Древние поселения Примокшанья. Саранск.

Халиков А.Х. 1980. Приказанская культура. САИ. М. Вып. В 1-24.

Челяпов В.П., 1993. Краткий очерк изучения памятников поздняковской культуры //Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань. Вып.3. С.23-50.

Шитов В.Н. 1975. Поселение эпохи бронзы у с. Аким-Сергеевка Зубово-Полянского района Мордовской АССР //Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Саранск.

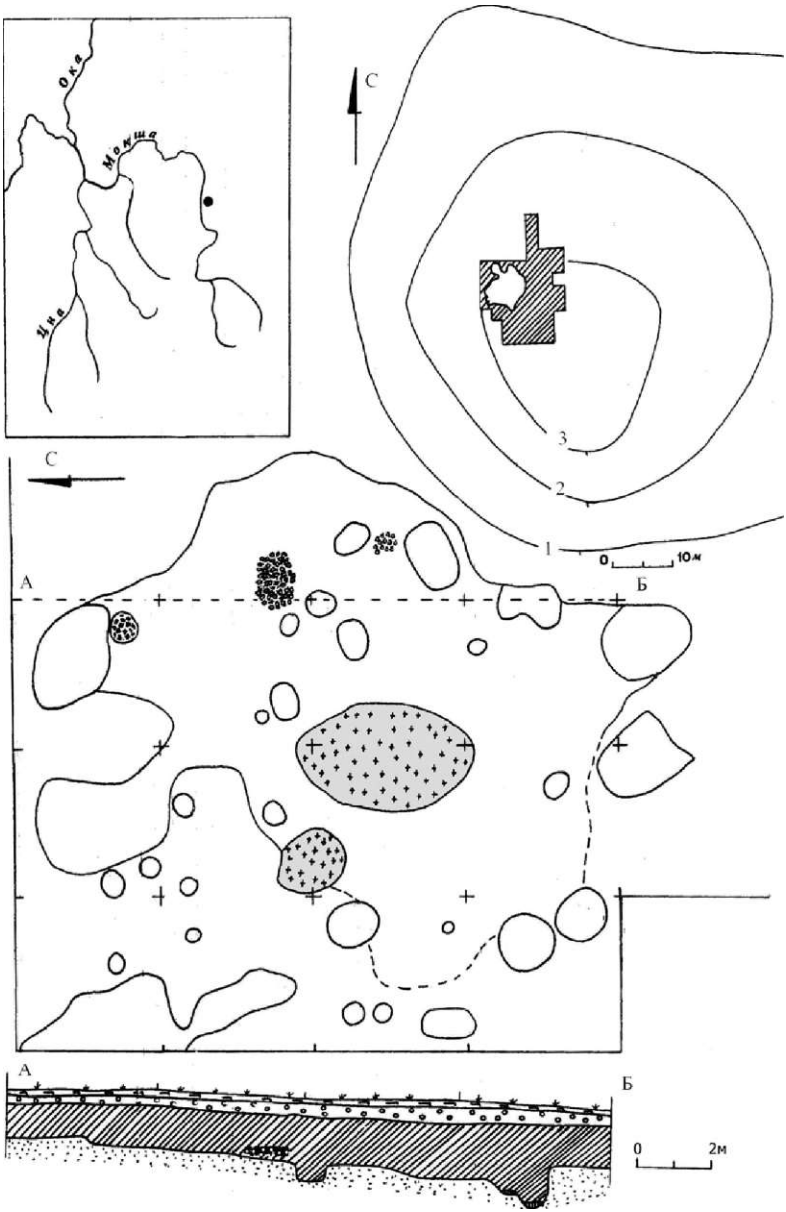


Рис.1. Шаверки 2. План поселения и жилищного сооружения.

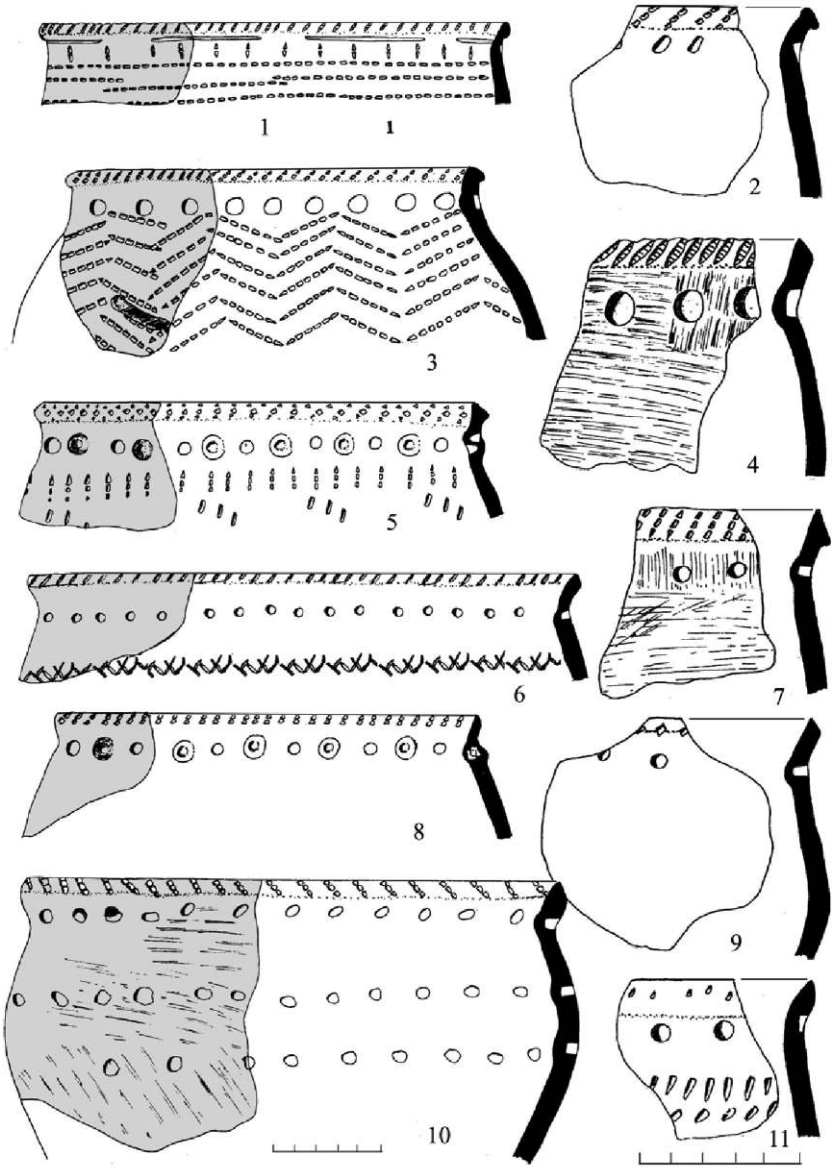


Рис.2. Шаверки 2. Керамика.

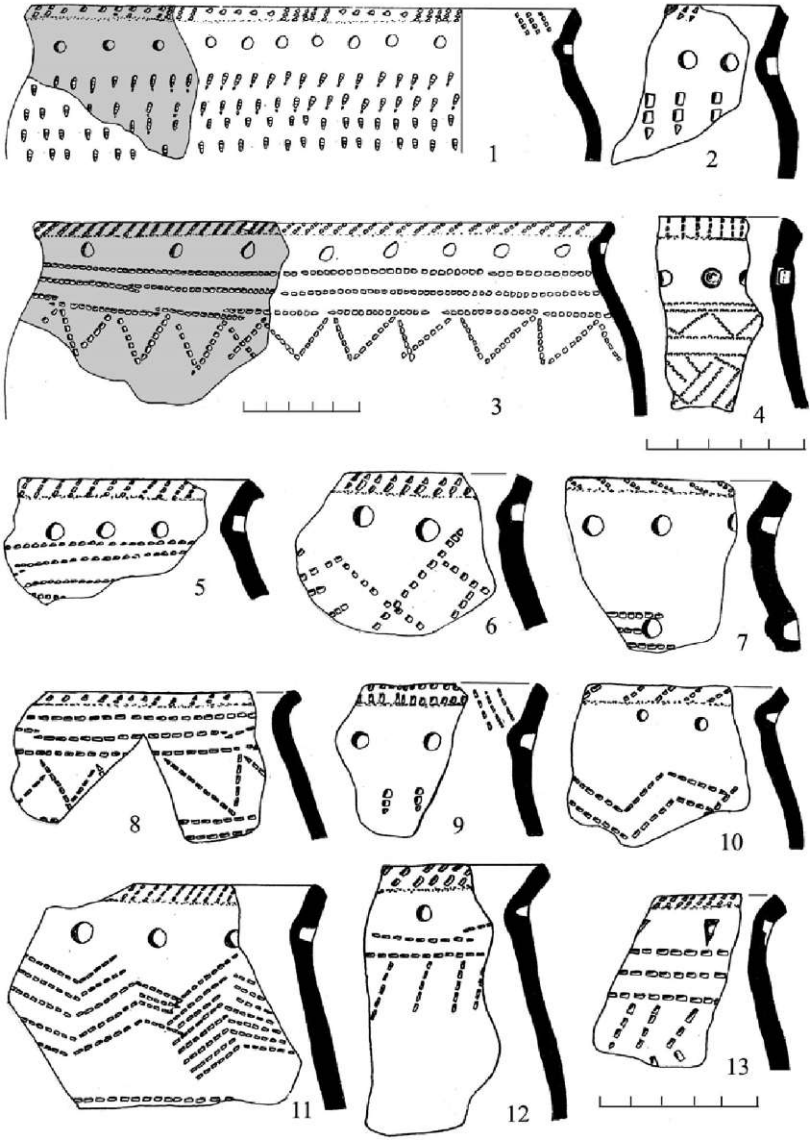


Рис.2. Шаверки 2. Керамика.

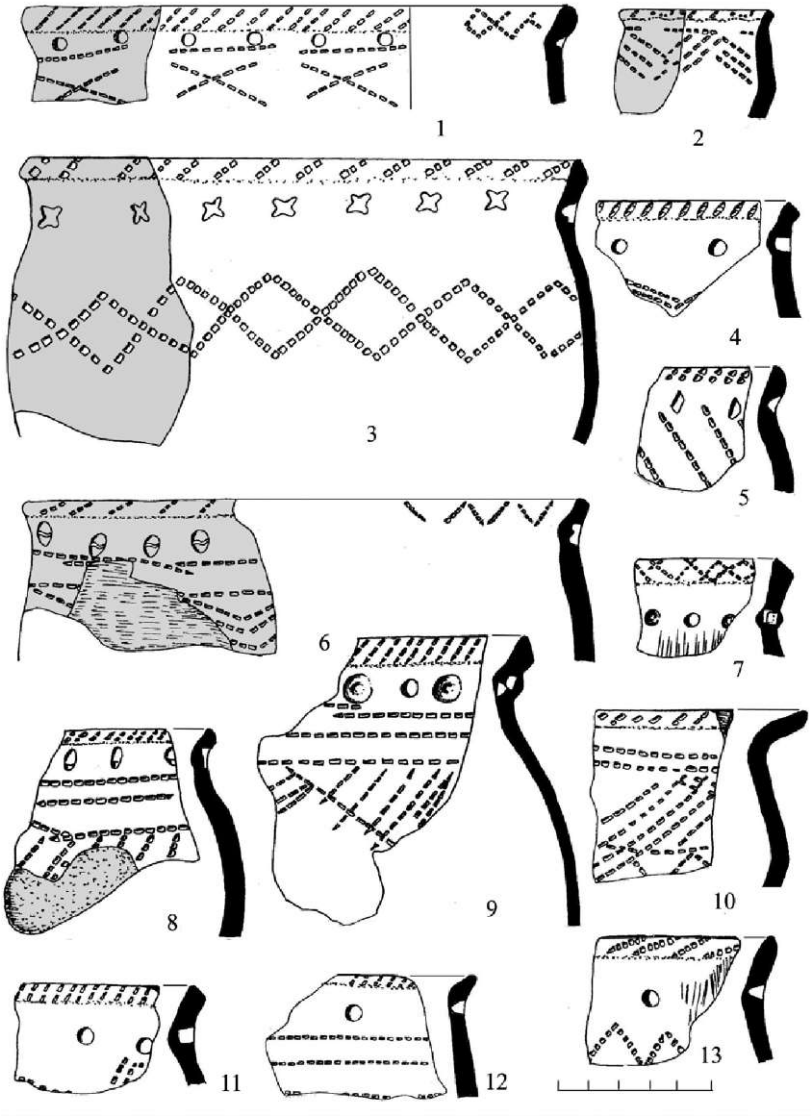


Рис.2. Шаверки 2. Керамика.

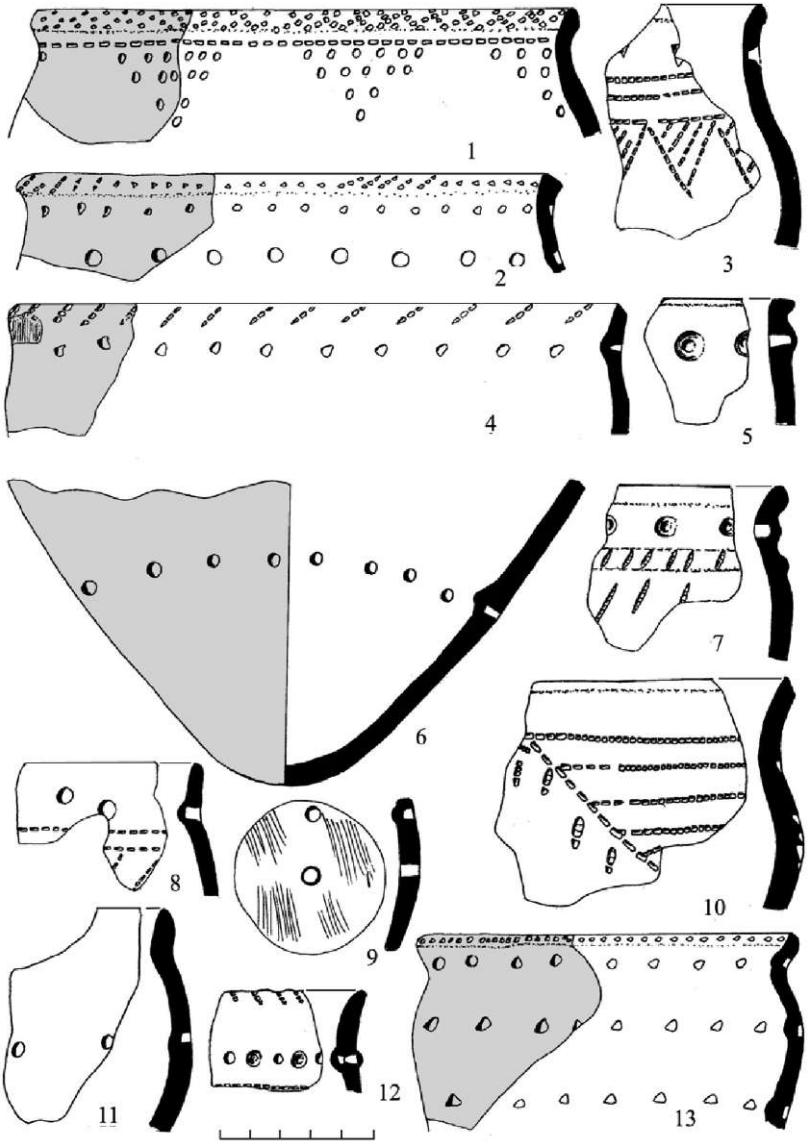


Рис.2. Шаверки 2. Керамика.

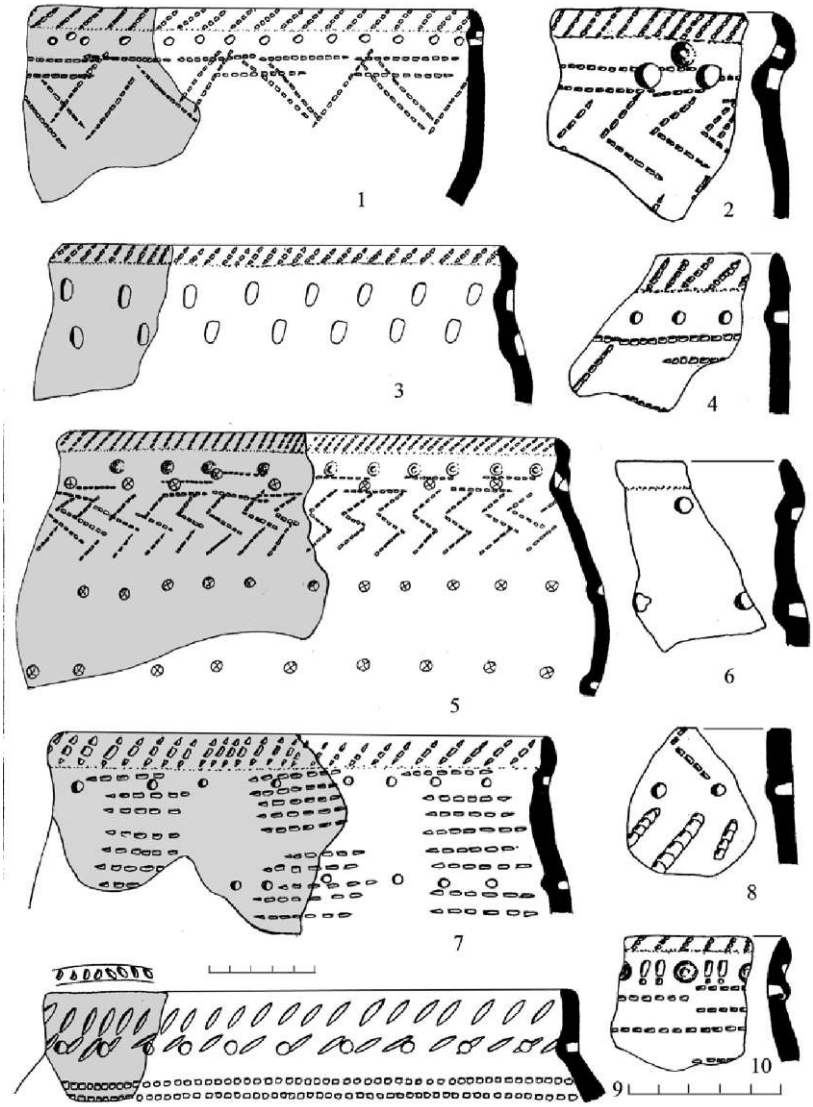


Рис.2. Шаверки 2. Керамика.

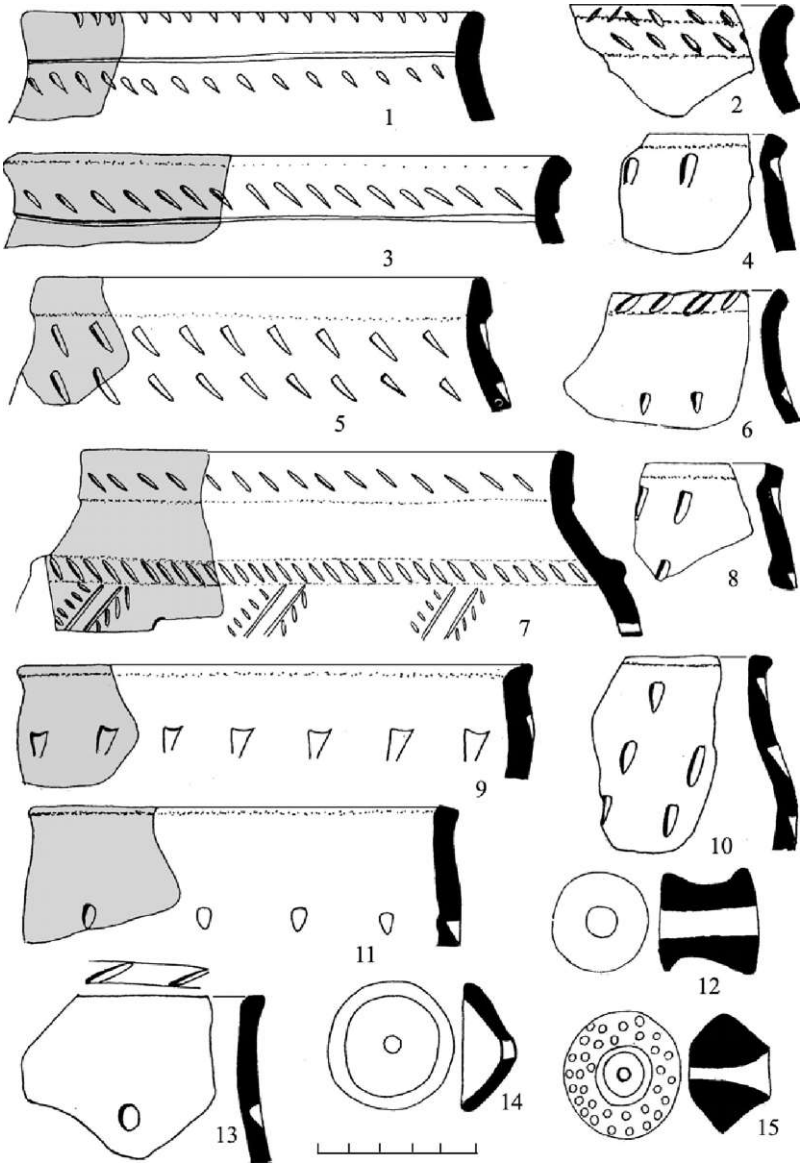


Рис.2. Шаверки 2. Керамика.

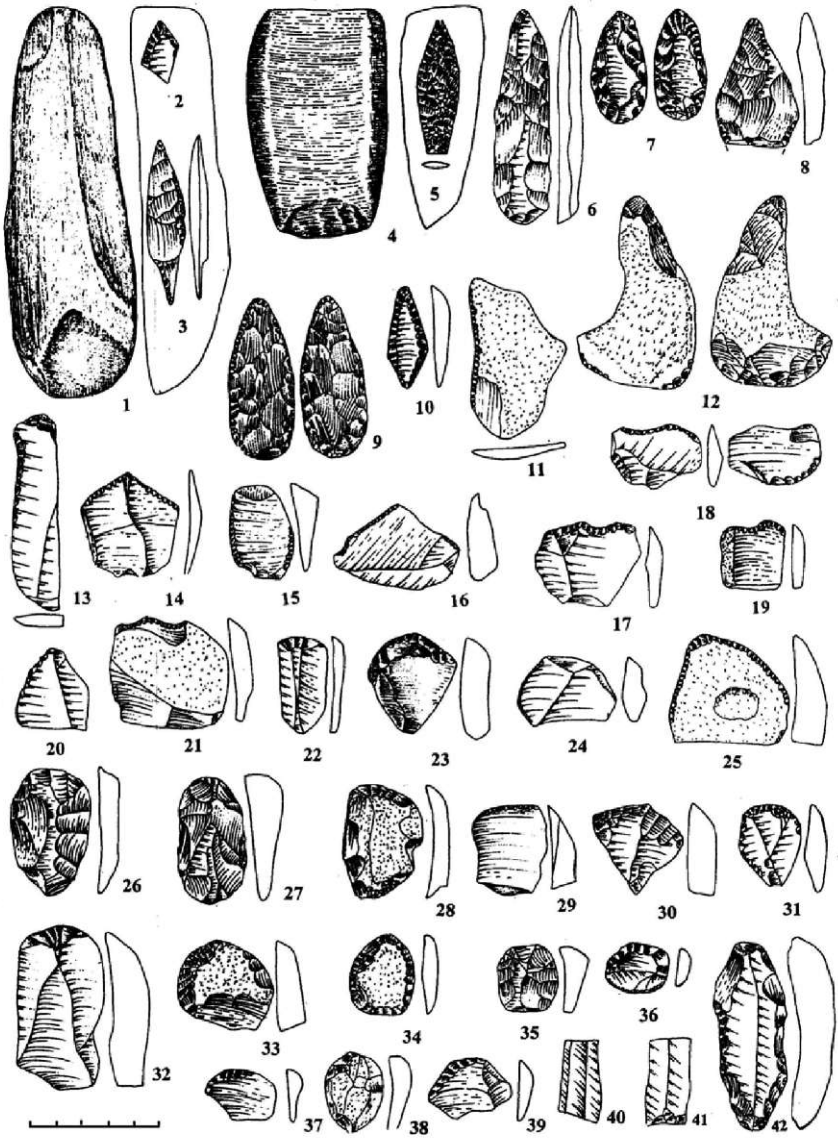


Рис.8. Шаверки 2. Каменные орудия.

Т.В. Сарапулкина (Белгород)

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ГОРОДЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ДОНУ

Подавляющее большинство находок на памятниках городецкой культуры составляет керамическая посуда. Кроме того, рогожная керамика является, по сути, единственно точным маркером данной культуры. К анализу керамического комплекса памятников городецкой культуры в лесостепном Подонье были привлечены материалы 15 основных изученных памятников и нескольких поселений, имеющих небольшие коллекции городецкой керамики. В процессе исследования нами рассматривались следующие показатели: 1) способ обработки поверхности; 2) диаметр венчика; 3) форма сосуда; 4) орнаментация; 5) примеси в тесте.

Обобщив данные о керамическом комплексе, мы предлагаем следующую классификацию керамики донского локального варианта городецкой культуры. Первый и второй уровни типичны практически для всех археологических культур. Первый уровень разделяет керамику на кухонную (95 %) и столовую (5 %) посуду. Второй - делит кухонную на горшки (82 %), банки (12 %) и крышки (1 %) (Рис. *2.16),* столовую - на миски (3 %) (Рис. *2.13-15)* и чашки (2 %) (Рис. *2.17-19).* Далее горшки и банки в свою очередь делятся на разное число видов. При классификации горшков из-за малого количества целых сосудов за основу систематизации нами была взята особенность профилировки венчиков.

Горшки представлены восьмью видами: **I** - горшки с сильно отогнутыми S-видными венчиками и плавным переходом в тулово (12 %) (Рис. 1.1-3); **II** - горшки со слабо отогнутыми S-видными венчиками и плавным переходом в тулово (26 %)[12] (Рис. *1.4-6);* **III** - горшки с длинными очень слабо прогнутыми по всей высоте венчиками (8 %) (Рис. 1.7-9); **IV** - горшки с длинными слабо прогнутыми венчиками и плавным переходом в тулово, отличаются от предшествующих наличием выраженной максимальной точки прогиба (21 %) (Рис. *1.10-12);* **V** - горшки с сильно отогнутыми S-видными венчиками и раздутым туловом (2 %) (Рис. *1.13-14*); **VI** - горшки с короткими отогнутыми венчиками и сразу сильно расширяющимся туловом (2 %) (Рис. *15-17);* **VII** - горшки с очень короткими прямыми венчиками и раздутым туловом (2 %) (Рис. 2.1-3); **VIII** - горшки с короткими немного прогнутыми венчиками и плавным переходом в тулово (6 %) (Рис. 2.4-6)[13]; **IX** — горшки с длинной и прямой шейкой и раздутым туловом (3 %) (Рис. 2.7-9).

[12] По имеющимся целым формам типов I (5 сосудов) и II (6 сосудов) можно говорить о преобладании горшков стройных пропорций, у которых диаметр венчика меньше диаметра тулова.

[13] По четырем практически целым формам этого вида можно его разделить на два отдела: горшки стройных пропорций и колоколовидные (широкие приземистые) сосуды.

Таблица № 1.

Показатель	Горшки (%)									Банки (%)	Миски (%)	Чашки (%)	Крышки (%)
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX				
(% из типа)													
рогожные	37	35	43	43	6	69		17		38	70	21	19
сетчатые	20	29	15	21	7	5		35	72	39			22
гладкостенные	43	36	42	36	87	26	100	48	28	23	30	79	59
(% из типа поверхности)													
рогожные	17	24	18	21	0,3	4		2		8	4	1,4	0,3
сетчатые	16	33	10	17	0,5	0, 5		6	4	12,5			0,5
гладкостенные	19	23	16	16	3	1,5	2	5	1	4	2	6	1
(% из типа)													
пальцевые вдавления	68	63	52	41	43	60		40	6	20			
насечки	15	4	2,5	2	14	10		4			18	33	
рогожка	2	3	2,5	6						6			
вдавления по обрезу		4	2,5	9				4	24	6		1	
сетка		5	2,5	6				12	29	14			
не орнаменти рованы	15	21	38	34	43	30	100	40	41	53	82	56	100
имеют проколы	15	34	49	35		10	56	52	47	33			
уплощены		2	2,5	9				4	24	27			
имеют наплыв	8	4	38	8				8	29	4			
Т-образные			5							10			
Г-образные			2,5	1						6			
(% из типа орнамента)													
пальцевые вдавления	17	16	13	10	11	15	10	2	2	5			
насечки	14,5	4	2	2	14	10		4			17,5	32	
рогожка	10	15	13	31						31			
вдавления по обрезу		7	4	15				7	40	10		18	
сетка		7	4	9				18	42	2 0			
не орнаменти рованы	2	3	6	5	7	5	15	6	6	8	13	9	15
имеют проколы	5	10	15	11		3	17	16	14	10			
уплощены		3	4	13				6	35	39			

имеют наплыв	8	4	38	8				8	29	4			
Т-образные			33							67			
Г-образные			26	11						63			

Банки (12 %) представлены двумя видами: закрытые - 15 %, открытые - 85 % (Рис. 2.10-12).

Внутри памятников типы распределились следующим образом.

Таблица № 2.

Поселение	Горшки (%)									Ч[illegible]ра	[illegible]ми	Ш[illegible]ра	[illegible]ки
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX				
Рябинки	14	30	14				14			14	14		
Сырское	33	36	2,5	10	3	2,5		5		1	3	1	3
Александровка	38	40		7	2,5	2,5					2	4	4
Перехваль 2	11	42	5	28				5		9			
Дубики	5	41	3	29	4			12				5	
Замятино 5	7	28	36	29									
Студеновка 3	18	21,5	7	14,5	5,5	5,5	5,5	17				5,5	
Малый Липяг	22	70										8	
Ксизово17	23	37	18	14						5		3	
Воргол		66	20	7							7		
Каменка 4		16,5	36,5	41								6	
Курино 1		4,5		13,5	9	25	4,5	8,5		4,5	25,5	4,5	
Пекшево		18	2,5	20,5			6	14,5	21,5	17			
Карамышево 2			36	18						37		9	
Замятино10			22	33						45			
Итого по типу	1	30	14	18	2	2	2	4	1,5	9	3	3	0,5

Наиболее широко представленным типом являются горшки II типа. Кроме того, горшки II и IV типа выявлены практически на всех памятниках (на 13 из 15 поселений). Наиболее редки горшки IX типа, которые встречаются лишь на городище Пекшево[14]. Также единичны находки горшков V, VI, VII типов, а также миски и чашки. Совсем редко встречаются крышки (лишь на двух памятниках).

[14] В целом керамический комплекс городища Пекшево разительно отличается от керамики других поселений и включение его в общую классификацию довольно условно. Возможно, при обнаружении других таких же памятников будет необходимо расширить общую морфологическую классификацию.

Таким образом, рогожная поверхность наиболее характерна для горшков III, IV и VI типов[15]. Сетчатые оттиски наиболее часто встречаются на горшках VIII, IX типов и банках. Гладкостенная же керамика наиболее преобладает среди I, V, VII типов горшков, а также среди чашек и крышек.

Для рогожной и сетчатой посуды наиболее характерны горшки II и IV типов, для гладкостенной - горшки I и II типов.

Для венчиков I, II, III и VI типов горшков наиболее характерна орнаментация пальцевыми защипами, для венчиков IV типа - рогожка по обрезу, для V и VIII типа - пальцевые защипы или отсутствие орнамента. Венчики горшков VII типа и большинство венчиков горшков IX типа, банок, мисок и чашек не орнаментированы.

Пальцевой орнамент наиболее типичен для горшков I, II и VI типов, наравне с рогожкой по обрезу представлен на горшках III типа. Рогожка по обрезу характерна для горшков IV типа и банок, сетка - для горшков VIII и IX типов. Насечки преобладают на горшках V типа, мисках и чашках. Не орнаментировано большинство горшков VII типа. Проколы наиболее характерны для горшков III, VII, VIII и IX типов.

В настоящий момент коллекция целых и близких им форм сосудов составляет 29 предметов. Большинство — это горшки стройных пропорций с S-видным профилем, ширина тулова примерно равна ширине горла (17 горшков). Четко выделяется группа чашевидных приземистых сосудов с достаточно широким горлом (5 сосудов). Сосуды с раздутым туловом и прямой шейкой различной длины представлены 4 горшками. Единичны сосуд кубкообразной формы с широким горлом и слабопрофилированный банкообразный сосуд с узким дном.

Основными примесями в тесте служат дресва и шамот, причем нами не отмечено отличий в примесях для сосудов сетчатой, рогожной или гладкостенной керамики. Изредка встречается примесь слюды, песка, кровавика, известняка и органики.

Таким образом, наиболее характерными для донского локального варианта городецкой культуры являются горшки I и II типов, орнаментированные пальцевыми защипами, горшки III и IV типов, орнаментированные пальцевыми защипами и рогожкой по обрезу, и банки.

Признаками более ранних форм сосудов мы считаем достаточное количество сетчатых сосудов по типу, наличие Т-образных и Г-образных венчиков, уплощение венчиков, орнаментация венчиков сеткой и рогожкой, вдавления по обрезу, наличие наплыва и проколов под венчиком. Данное предположение является результатом сопоставления керамики донского локального варианта с керамикой других террито-

[15] Преобладание же рогожных мисок связано, скорее всего, со статистической погрешностью, исходящей из того, что миски выявлены на памятниках с небольшой керамической коллекцией городецкой культуры.

рий распространения городецкой культуры и скифоидной керамикой. В качестве эталона раннегородецкой керамики Подонья мы рассматриваем материалы городища Пекшево.

Для сравнения нами были привлечены керамические коллекции некоторых памятников Рязанского Поочья и Саратовского Поволжья (Рис. 3).

Первая характеризуется количественным преобладанием сетчатой керамики над рогожной и гладкостенной, при этом, процент последней совсем незначителен. Среди сетчатых отпечатков доминирует «бороздка» - около 50 %, которая делится на крупную и мелкую. Примерно одинаковым количеством экземпляров фрагменты орнаментированные «веревочкой», «шпагатом» и «рябчатая». Рогожные оттиски в равных долях представлены крупными упорядоченными отпечатками, мелкими упорядоченными отпечатками и мелкими беспорядочными отпечатками. Крупные беспорядочные отпечатки представлены лишь 10 %. «Рогожка» и квадратная, и прямоугольная. Кроме того, встречены единичные экземпляры «рогожки» округлых форм.

Морфологически керамический комплекс памятников Рязанского Поочья состоит из банок (15 %), слабопрофилированных сосудов с прямой или слегка прогнутой шейкой (70 %) и сильнопрофилированных S-образных сосудов (15 %). В тесте преобладает примесь дресвы, изредка встречается шамот, песок и слюда. Следует отметить, что S-образные сосуды представлены в основном керамикой с Троице-Пеленицкого городища, которое традиционно считается поздним. Большинство венчиков баночных и слабопрофилированных сосудов имеют уплощенный обрез, в том числе с характерным Т- или Г-образным профилем, и украшено «рогожкой» либо «сеткой». Большинство же венчиков сильнопрофилированных сосудов - округлые, украшены пальцевыми вдавлениями и имеют проколы под венчиком. Также нами обнаружен фрагмент рогожного сосуда с небрежно сделанной ручкой.

В керамическом комплексе поселений Саратовского Поволжья явно преобладает рогожная керамика и незначителен процент сетчатой и гладкостенной. Среди рогожных отпечатков преобладают мелкие беспорядочные и примерно в равных частях представлены упорядоченные и беспорядочные крупные и мелкие упорядоченные оттиски. Как и на Рязанщине, единичными экземплярами представлена округлая рогожка и отмечены как квадратные, так и прямоугольные оттиски. Среди сетчатой керамики преобладают бороздки, значителен процент «веревочки» и невелика доля шпагатных оттисков.

Морфологически керамический комплекс Саратовского Поволжья также подразделяется на банки (22 %), слабопрофилированные сосуды с прямой или слегка прогнутой шейкой (48 %) и сильнопрофилированные

S-образные сосуды (30 %). Однако следует отметить, что последние, за редким исключением, представлены гладкостенными сосудами. В тесте преобладает примесь дресвы (в основном из мелкого галечника и известняка), изредка встречается песок и шамот. Большинство банок и многие слабопрофилированные сосуды имеют уплощенный срез, иногда Г- или Т-образный, и не орнаментированы. Венчики S-образных сосудов - округлые и украшены пальцевыми вдавлениями либо не орнаментированы.

Таким образом, керамический комплекс донского локального варианта отличается от других следующими особенностями: примерно равной представленностью рогожной, сетчатой и гладкостенной керамики; преобладанием мелкой беспорядочной и слабоуглубленной рогожки (что роднит с керамикой памятников Саратовского Поволжья); преобладанием среди сетчатой керамики оттисков типа «кора»; преобладанием профилированных форм сосудов, причем как среди гладкостенной, так и среди рогожной и сетчатой керамики; примерно равной представленностью в тесте примеси дресвы и шамота; присутствием небольшого количества столовой посуды; более разнообразными орнаментальными мотивами на венчиках.

Если принять за аксиому пришлый характер городецкого населения на Дону, причем из района Средней Оки, то следует признать керамику более близкую посуде рязанского Поочья более ранней и исходной для формирования своеобразия донского керамического комплекса.

Таким образом, сопоставляя встречаемость вышеописанных «ранних» признаков у разных морфологических типов и находя им аналогии среди керамики Рязанского Поочья, к более ранним типам мы можем отнести III, IV, IX, VIII и II типы горшков и банки. Следовательно, менее профилированные формы предшествуют более профилированным, правда, исключением является IX тип. Но этот последний тип объединяет с менее профилированными наличием высокого прямого венчика.

Отдельно следует описать характер поверхностей посуды. Городецкая керамика на Дону весьма разнообразна в способах обработки поверхности. Она не только подразделяется на рогожную, сетчатую и гладкостенную, но и каждая из этих категорий имеет свои подвиды. Рогожная керамика отличается, во-первых, размером оттисков, во-вторых, характером их расположения, в-третьих, глубиной и четкостью, в-четвертых, формой. Размеры рогожных отпечатков колеблются в пределах от 2 до 10 мм. Расположение рогожных оттисков отмечено как рядами, так и беспорядочно, причем на одном фрагменте ряды могут менять свое направление. На Дону преобладает мелкая рогожка: беспорядочная (30 %) и рядами (26 %). Для крупной рогожки более характерно расположение рядами (17 %), беспорядочной около 13 %. Примерно столько же и затер-

той рогожки (14 %). Однако на одном фрагменте могут встречаться как упорядоченные, так и беспорядочные оттиски, что впрочем, относится и к их размерам. Кроме того, «рогожка» может покрывать как весь сосуд, так и частично, в том числе и изнутри. Расчленяются рогожные оттиски и по степени углубленности на: глубокие, слабоуглубленные и невыразительные. Причем четкость не всегда зависит от глубины, в некоторых случаях глубокие оттиски накладываются один на другой и дают смазанный отпечаток. Большинство рогожных сосудов имеют слабоуглубленную и невыразительную «рогожку», в одном случае - это результат последующего заглаживания, в другом - это следствие применения соответствующего отпечатываемого материала. Прием затирания рогожных отпечатков отмечался ранее для посуды Березниковского городища третей четверти I тыс. до н.э. в Саратовском Поволжье (Миронов, 1972. С. 40). По форме «рогожка» делится на квадратную и прямоугольную, за пределами Подонья нами выделена также «рогожка» округлой формы.

Для сетчатой керамики характерно нанесение орнамента на тулово сосуда, лишь несколько венчиков покрыты сетчатыми отпечатками непосредственно от края венчика, в основном это слабопрофилированные сосуды. По характеру отпечатков сетчатую керамику можно разделить на пять видов: крупные бороздки (33 %), мелкие бороздки (12 %), веревочка (41 %), «кора» (13 %), рябчатая, жгутовая и затертая (каждая менее 1 %). Вид поверхности, названный нами «кора» в некоторых случаях по внешнему облику больше всего напоминает «шпагатные» отпечатки, выделяемые В.П. Левенком и В.Г. Мироновым (Левенок, Миронов, 1976. С. 24), но не всегда. Сближает рогожную и сетчатую керамику наличие зонной орнаментации. Как и ряды рогожных ячеек, бороздки и отпечатки веревочек в некоторых случаях меняют свое направление.

Отдельно нужно отметить и некоторую близость сетчатого и рогожного способа обработки поверхности сосудов. Среди рогожной керамики присутствует несколько фрагментов, где ячейки рогожки или не имеют четких горизонтальных границ, или находят друг на друга в вертикальном ряду, и таким образом очень напоминают неровные бороздки. В некоторых случаях довольно затруднительно сказать, рогожка это или же бороздки. Кроме того, есть также серия рогожных сосудов, где нечеткие (смазанные) или беспорядочные и находящие друг на друга отпечатки напоминают «кору». В одном случае поверхность рогожного венчика похожа на прочерченные горизонтальные и вертикальные линии. По-видимому, данные примеры могут свидетельствовать о деградации и сближении со временем рогожной и сетчатой керамики.

Особо следует коснуться технологии изготовления и назначения рогожной и сетчатой поверхностей. В отношении технологии нанесения на

поверхности сосудов т.н. «рогожки» имеется две основных точки зрения. Первая относит их к отпечаткам разных видов ткани и рогожки (Городцов В. А., Смирнов А.П.). Вторая считает оттисками различного вида штампов (Арзютов Н.К., Трубникова Н.В., Степанов П.Д., Миронов В.Г.).

На наш взгляд глубокие и очень четкие рогожные ячейки могут быть сделаны только твердым и четким штампом, но не как ни тканью. Невелика также вероятность, что беспорядочная рогожка могла быть сделана тканью. Такие отпечатки, возможно, сделаны штампом с небольшой рабочей поверхностью либо колотушкой, работа с которой допускает больше неточностей.

Исходя из существования рогожки с глубокими и четкими оттисками, но в тоже время с наползающими друг на друга гранями, можно предположить, что такие оттиски изготовлялись с помощью колотушки с четко вырезанными делениями. Работа с камнем предполагает большые трудозатраты, и как мы видим, каменные изделия городецких племен весьма просты по формам. Изготовление каменных штампов для нанесения оттисков на глиняную посуду можно считать маловероятным. Более подходящим материалом для изготовления штампов или колотушек могла служить кость или дерево, которые достаточно легко обработать и которые всегда под рукой. В связи с тем, что дерево достаточно быстро при соприкосновении с глиной должно было терять резкость вырезанных граней, четкие глубокие отпечатки постепенно сменяются на нечеткие и менее глубокие. Такие оттиски могли также получаться в результате применения заглаживания либо применения ткани для нанесения рогожки. Для сравнения мы исследовали оттиски тканей на глиняных изделиях бронзового века *(Текстиль эпохи бронзы евразийских степей, 1999).* Несмотря на достаточно представительную коллекцию глиняных изделий с отпечатками тканей (около 30 фрагментов с отпечатками тканей с разным переплетением), лишь один экземпляр с полотняным переплетением можно соотнести с мелкими рогожными упорядоченными и неглубокими оттисками, причем при наличии слабого заглаживания (*Текстиль ..., 1999. С. 121. Рис. 26).*

Таким образом, мы можем сделать вывод, что четкие и глубокие рогожные ячейки сделаны при помощи деревянного либо костяного штампа или колотушки, а неглубокие и нечеткие оттиски получились в результате применения штампов со сработанными делениями или последующего заглаживания.

Несмотря на обширную литературу посвященные обработке поверхности сетчатой керамики, не до конца решен вопрос о технике нанесения сетки. По мнению одних исследователей сетчатая керамика изготовлялась при помощи тонкой сетки из нитей (Городцов В.А., Смирнов

А.П.). По мнению других «сетка» наносилась натянутыми на дощечку ниточками или веревочками (Арзютов Н.К.). Большинство исследователей связывает данную керамику с отпечатками различного вида тканей (Збруева А.В., Гурина Н.Н., Брюсов А.Я. и другие). Однако при этом признается, что некоторые сетчатые отпечатки результат применения штампов (Гурина Н.Н., Успенская А.В., Розенфельдт И.Г., Миронов В.Г.).

Сравнивая также отпечатки тканей эпохи бронзы с сетчатой поверхностью, к видам сетчатых оттисков, сделанных при помощи ткани, можно отнести т. н. веревочные и некоторые бороздчатые поверхности. Причем процесс требовал достаточной аккуратности, так как на некоторых сосудах веревочные или бороздчатые линии ровные и нанесены на довольно обширные участки. Остальная часть бороздчатых экземпляров изготовлена, по-видимому, путем вертикальных прочерчиваний предметом, напоминающим гребень. Рябчатые и шпагатные поверхности, возможно, изготовлялись также тканью, но нанесены небрежно и по несколько раз. «Кора», вероятно, является следствием небрежного заглаживания, как глубоких бороздок, так и глубокой рогожки.

Две точки зрения сложились и по вопросу назначения сетки и рогожки. Сторонники первой считают рогожную и сетчатую поверхность следствием технологического приема изготовления керамики городецкими племенами (Городцов В. А., Степанов П. Д., Миронов В.Г). Согласно же второй рогожка и сетка являются орнаментом (Третьяков П.Н., Гурина Н.Н., Трубникова Н.В.). Первая версия назначения рогожки и сетки в качестве технологического приема в истории своего сложения имела два направления. Первоначально В. А. Городцовым была выдвинута гипотеза, что лепка сосудов совершалась при помощи тканевых и рогожных мешков *(Городцов, 1930. С. 28)*. Позднее ряд исследователей выдвинул предположение, что рогожка и сетка - это результат уплотнения стенок сосудов *(Степанов, 1960. С. 64 - 65, Миронов, 1974. С. 87)*.

На наш взгляд как рогожные, так и сетчатые оттиски возможно и являются результатом технологического приема уплотнения стенок сосудов, но и одновременно несут в себе и смысловую знаковую нагрузку. Рогожная керамика является, по сути, единственным определителем городецкой культуры, именно ее наличие в керамическом комплексе памятников позволяет связывать эти поселения с определенной группой населения, названной в археологии городецкой культурой. И, несмотря на то, что сетчатая керамика широко распространена среди лесных культур не только бронзового, но и раннего железного веков, рогожная посуда свойственна исключительно только этой группе населения. И если сетка и рогожка это только технологический прием, то почему рогожку использовало только население городецкой культуры?

По-видимому, рогожные оттиски имели и свое смысловое значение, понятное и близкое именно племенам городецкой культуры. Не отказалось от рогожки даже зависимое от скифоидных племен городецкое население Дона, которое переняло от них и формы сосудов, и примеси в тесте, и орнаментацию венчиков.

Литература:

Левенок В.П., Миронов В.Г. К вопросу о новом районе городецкой культуры на Дону // СА. № 2. 1976.

Миронов В.Г. Посуда городецкого слоя Березниковского городища (предварительное сообщение) // Античный мир и археология. Вып. 1. Саратов, 1972.

Миронов В.Г. К вопросу об орнаментике городецкой посуды // Ученые записки Петрозаводского Госуниверситета. Т. XIX. Вып. 4. Петрозаводск, 1974.

Степанов П.Д. Хвалынские городища // Труды Саратовского областного музея краеведения. Вып. 3. Саратов, 1960.

Текстиль эпохи бронзы евразийских степей // Труды ГИМ. Вып. 109. М., 1999.

Л.Ф. Недашковский (Казань)

КЛАДЫ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ МОНЕТ С СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА И ИЗ ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ

В данной работе приводятся сведения о находках кладов джучидских монет с Селитренного городища и из его округи.

1. Тамбовка. В 1893 г. у этого села Енотаевского уезда был найден клад, состоявший из ладьевидного слитка весом 46 золотников и 54 доли, а также 450 серебряных дирхемов 710-727 гг.х. *(Федоров-Давыдов, 1960. С.133-134, № 19; 2003. С.68).*

2. Селитренное I, 1878 г. К западу от села у развалин древней башни был найден клад из 1210 серебряных монет, 1153 из которых были определены *(Недашковский, 2001. С.160; Федоров-Давыдов, 1960. С.155-156, № 137).* В комплексе джучидских дирхемов (младшая монета 791 г.х.) имелись две монеты Джелаирида Хусейна 780 г.х., чеканенные в Тебризе и Шемахе, а также одна стертая серебряная джелаиридская монета.

3. Селитренное II, 1922 г. Был найден клад из 122 серебряных монет чеканки Сарая, Орды и Хаджи-Тархана конца XIV - первой половины XV в. в шелковом мешочке *(Баллод, 1923. С.39; Федоров-Давыдов, 1960. С.167, № 185*).

4. Селитренное III, 1923 г. Был найден кожаный кошелек с 250-300 джучидскими (?) серебряными монетами *(Федоров-Давыдов, 1960. С. 181, № 258)*.

5. Селитренное IV, 1930 г. Был найден клад из 1600 серебряных монет Булата и Джелал ад-Дина 810-818 гг.х. *(Федоров-Давыдов, 1960. С. 167, № 186*).

6. Селитренное V, 1949 г. На городище был найден клад серебряных и медных (принадлежность последних к комплексу вызывает большие сомнения) монет *(Федоров-Давыдов, 2003. С. 45, 61, 78, № 17б)*. 288 монет из клада сохранилось, младшие монеты датированы 758 г.х. Данный комплекс, совершенно несвойственный для денежного обращения Нижнего Поволжья, можно приурочить к походу Джанибека и Бирдибека в Закавказье: в нем из джучидских монет имеются только закавказские и иранские этих двух правителей, а основную часть клада составляют многочисленные серебряные монеты Хулагуидов, Джелаиридов и Музаффаридов.

7. Селитренное VI, 1959 г. Был найден клад, из которого сохранился единственный дирхем Джанибека, отчеканенный в Сарае ал-Джедид в 747 г.х. *(Федоров-Давыдов, 1963. С.218, № 258а)*.

8. Селитренное VII, 1960 г. Из нескольких соединенных вместе кладовых комплексов с Селитренного городища происходят джучидские дирхемы ханов от Токты до Улу-Мухаммеда и Кичи-Мухаммеда (на основании чего младший комплекс можно датировать 1430-ми - 1450-ми гг.), три хулагуидских монеты и одна монета Тимура 786 г.х. самаркандской чеканки *(Недашковский, 2001. С.160; Федоров-Давыдов, 1963. С.217, № 186а)*.

9. Селитренное VIII, 1968 г. На городище во время раскопок ПАЭ на раскопе II (участки 17-18) на полу у второй суфы дома были найдены вместе 2 сарайских пула 30-х гг. XIV в. (*Федоров-Давыдов, 2003. С.114, № 325а)*.

10. Селитренное IX, 1969 г. Во время работ ПАЭ на раскопе VII в склепе был найден завернутый в тряпку клад из 23 дирхемов XV в. *Мухамадиев, Федоров-Давыдов, 1972. С.308-316; Пигарев, 2000. С.288; Федоров-Давыдов, 1974. С.180, № 186б),* отчеканенных от имени ханов от Тимура до Ахмеда (?).

11. Селитренное X, 1973 г. От местного жителя ПАЭ был получен клад 1360-х гг., найденный на Селитренном городище на месте раскопа VIII и состоявший из 3550 серебряных монет (младшие монеты датированы 767 г.х.). Помимо обычных джучидских монет клад содержал 3 дирхема с надчеканками и монету Хулагуида Сулеймана, чеканенную в Ардебиле *(Булатов и др., 1976. С.159-160; Федоров-Давыдов, 1980. С.58-76; 2003. С.49, 76-77, № 17а)*.

12. Селитренное XI, 1975 г. На городище на раскопе II в яме 23 были найдены вместе 2 пула чеканки Сарая ал-Джедид 1350-х гг. *(Федоров-Давыдов, 2003. С.114, № 325б).*

13. Селитренное XII, 1976 г. На Селитренном городище на раскопе II (штык 1, участок 45) были найдены вместе 8 джучидских пулов чеканки Сарая ал-Джедид 752-753 гг.х. *(Федоров-Давыдов, 2003. С.114, № 325в).*

14. Селитренное XIII, 1976 г. На городище на раскопе VIII в бассейне центрального зала (помещение 5) дома было найдено вместе 6 пулов *(Федоров-Давыдов, 2003. С.114, № 325г).* Определимые монеты относились к чеканке Сарая ал-Джедид 1350-х гг.

15. Селитренное XIV, 1979 г. На поверхности городища было найдено 4 спекшиеся недатированные медные монеты сарайской чеканки *(Федоров-Давыдов, 2003. С.115, № 325е).* Судя по типу, пулы были отчеканены в эпоху Токтамыша.

16. Селитренное XV, 1980 г. На городище на раскопе XI (участок 5, штык 4) были найдены вместе 2 медные монеты Хайр-Пулада (Мир-Булата), чеканенные в Сарае ал-Джедид в 764 г.х. *(Федоров-Давыдов, 2003. С.115, № 325ж).*

17. Селитренное XVI, 1980 г. На раскопе XI на городище в яме 26 были найдены вместе 2 пула Сарая ал-Джедид 1340-х гг. *(Федоров-Давыдов, 2003. С.115, № 325з).*

18. Селитренное XVII, 1980 г. На городище на раскопе XI в яме 2 были найдены вместе 7 медных монет *(Федоров-Давыдов, 2003. С.115, № 325и).* Одна из монет была выпущена в Сарае ал-Джедид в 762 г. х. от имени хана Хызра, остальные принадлежали к анонимному чекану Сарая ал-Джедид 768 г.х.

19. Селитренное XVIII, 1981 г. На раскопе XI (штык 4, участок 226) на Селитренном городище были найдены вместе 4 пула чеканки Сарая ал-Джедид 1340-х гг. *(Федоров-Давыдов, 2003. С.115, № 325к).*

20. Селитренное XIX, 1986 г. На поверхности городища был случайно найден клад из 61 медной монеты (*Федоров-Давыдов, 2003. С.115-116, № 325л).* Младшие пулы датированы 796 г.х. (один из них имеет надчеканку; в кладе имеется еще 5 надчеканенных монет).

21. Селитренное XX, 1987 г. На раскопе XIII на городище в яме 211 было найдено вместе 7 пулов чеканки Сарая ал-Джедид 1340-х гг. *(Федоров-Давыдов, 2003. С.116, № 325м).*

22. Селитренное XXI, 1991 г. На городище при исследованиях Н. М.Булатова на раскопе XX были найдены вместе 8 медных монет, определимые из которых относились к чеканке Токтамыша без указания города и года *(Федоров-Давыдов, 2003. С.116, № 325н).*

23. Селитренное XXII, 1997 г. На городище в районе Кучугур было найдено вместе 10 дирхемов Шадибека и Булата (Пулада). Младшая монета датирована 810 г.х. *(Пачкалов, 2000. С.19-23; 2002. С.183, № 24).*

24. Селитренное XXIII, 1998 г. На городище был найден клад, состоявший из 15 дирхемов *(Клоков, Лебедев, 2002. С.75, 77-80)* ханов от Узбека до Токтамыша (младшая монета 786 г.х.).

25. Селитренное XXIV, 1998 г. На Селитренном городище найден клад из 60 серебряных монет *(Клоков, Лебедев, 2002. С.75, 77-80)* ханов от Джанибека до Токтамыша (младший дирхем датирован 787? г.х.).

26. Селитренное XXV, 1998 г. На городище был найден клад из 84 дирхемов *(Клоков, Лебедев, 2002. С.75, 77-80)* ханов от Джанибека до Токтамыша (младшие монеты 792 г.х.).

27. Селитренное XXVI, 1998 г. На городище найден клад в виде столбика из 9 (10 ?) пулов Хайр-Пулада чеканки Сарая ал-Джедид 764 г.х. *{Клоков, Лебедев, 2002. С.75, 102).*

28. Селитренное XXVII, 2001-2002 гг. На городище был найден клад из более чем трех тысяч серебряных монет, находившихся во фрагменте золотоордынской красноглиняной водопроводной трубы, заткнутом куском ткани (*Тростьянский, 2004. С.237-268).* Определимые монеты преимущественно относились к чеканке Суздальско-Нижегородского княжества, кроме них в кладе имелись 13 денег великого князя московского Василия II Васильевича и 5 золотоордынских дирхемов XV в., в том числе ханов Тимура, Гияс-ад-Дина и Улу-Мухаммеда. В состав клада входили также две монетные заготовки.

29. Каменный Бугор I, 1998 г. На холме Каменный Бугор, располагающемся в 4 км к юго-востоку от села Селитренное, был найден клад серебряных дирхемов (20 или 48 экземпляров). Дирхемы относились к чеканке ханов Токтамыша, Тимур-Кутлуга, Шадибека, Булата, Тимура, Чокре и Улу-Мухаммеда *(Лебедев, Клоков, 2001. С.23-25, 45; 2004. С.26-28; Федоров-Давыдов, 2003. С. 104, № 187б).*

30. Каменный Бугор II, 1998 г. На холме Каменный Бугор были собраны 43 или 48 дирхемов, являющиеся частью клада *(Лебедев, Клоков, 2001. С.23-25, 45; 2004. С.27-28; Федоров-Давыдов, 2003. С.104, № 187в).* Монеты, на которых читалось имя хана, относились к чеканке Чокре, Давлет-Бирди и Улу -Мухаммеда; младшая монета с сохранившейся датой относится к 827 г.х.

31. Каменный Бугор III, 1998-1999 гг. Был найден клад из 31 дирхема ханов от Улу-Мухаммеда до Махмуда, сына Кичи-Мухаммеда, правившего в 1459-1465 гг. Большой Ордой, а с 1465 г. до своей смерти (не позднее 1476 г.) - Астраханским ханством *(Лебедев, Клоков, 2001. С.23-25, 45; 2004. С.27-28).*

32. Каменный Бугор IV, 1998-1999 гг. Был найден клад из 19 джучидских дирхемов в виде спекшегося столбика монет ханов от Улу-Мухаммеда до Махмуда *(Лебедев, Клоков, 2001. С.23-25, 45; 2004. С.27-28).*

33. Каменный Бугор V, 2000-2004 гг. Был найден клад, состоявший из джучидских дирхемов ханов от Улу-Мухаммеда до Махмуда,

31 акче Хаджи-Гирея (1428-1466), а также из аспра 1421-1435 гг. чекана генуэзской Каффы *(Лебедев, Клоков, 2004. С.27-28).* Младшие монеты клада датированы 867 г.х.

34. Каменный Бугор VI, 2000-2004 гг. Был найден клад из 49 серебряных джучидских монет, две из которых являлись дирхемами Давлет-Бирди и Улу-Мухаммеда, а еще 27 определимых монет несли имя Гияс-ад-Дина *(Лебедев, Клоков, 2004. С.27-28, 37-38,* 46)[16].

35. Черепаха. У этого села Астраханской губернии в 1910 г. было найдено в двух чугунах до 2 фунтов «русских и татарских» серебряных и медных монет *(Федоров-Давыдов, 1960. С.181, № 259).*

36. Хошеутово. В 1989 г. у данного села был найден клад из 218 серебряных монет *(Федоров-Давыдов, 2003. С.79, № 17д).* В кладе имелись джучидские дирхемы 710-768 гг.х. и подражание гюлистанскому дирхему Джанибека.

Датированные кладовые комплексы окрестностей Селитренного городища были сокрыты в период с конца 1320-х гг. до середины XV в., причем число кладов, зарытых после 1380 г. преобладает над количеством более ранних комплексов.

Литература:

Баллод Ф.В. Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды. Результаты археологических работ летом 1922 года. Казань, 1923.

Булатов НМ., Гусева Т.В., Егоров В.Л., Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки Поволжской археологической экспедиции на Селитренном городище // Археологические открытия 1975 года. М., 1976.

Клоков В.Б., Лебедев В.П. Монетный комплекс с Селитренного городища (Золотая Орда, г. Сарай) // Древности Поволжья и других регионов. М., 2002. Вып1У Нумизматический сборник. Т.3.

Лебедев В.П., Клоков В.Б. Монеты с юго-восточных окраин Сарая // Татарская археология. Казань, 2001. № 1-2 (8-9).

Лебедев В.П., Клоков В.Б. Денежное обращение Сарая и его округи после 1395 г. // Древности Поволжья и других регионов. М. - Нижний Новгород, 2004. ВыпУ. Нумизматический сборник. Т.4.

Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А. Склеп с кладом татарских монет XV в. из Старого Сарая // Новое в археологии. Сборник статей, посвященный 70-летию Артемия Владимировича Арциховского. М., 1972.

Недашковский Л.Ф. Монеты южных соседей Золотой Орды в собрании Саратовского областного музея краеведения // Россия и Иран: Иранистика в Татарстане. М., 2001.

[16] В статье дирхемы Джучида Гияс-ад-Дина (1422-1438), сына Шадибека или Таш-Тимура, были ошибочно отнесены к чеканке правителей династии Кара-Коюнлу.

Пачкалов А.В. Небольшой клад серебряных золотоордынских монет начала XV в. с Селитренного городища // Древности Поволжья и других регионов. М., 2000. Вып.Ш. Нумизматический сборник. Т.2.

Пачкалов А.В. Новые клады монет Золотой Орды // Древности Поволжья и других регионов. М., 2002. Вып!У Нумизматический сборник. Т.3.

Пигарев Е.М. Монеты в погребениях Золотой Орды // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2000. Т.1.

Тростьянский О.В. Клад суздальско-нижегородских монет XV века с Селитренного городища // Древности Поволжья и других регионов. М. - Нижний Новгород, 2004. ВыпУ. Нумизматический сборник. Т.4.

Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. 1960. Т.!

Федоров-Давыдов Г.А. Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. 1963. Т.ГУ

Федоров-Давыдов Г.А. Находки кладов золотоордынских монет // Города Поволжья в средние века. М., 1974.

Федоров-Давыдов Г.А. Клад серебряных джучидских монет с Селитренного городища // Нумизматика и эпиграфика. 1980. ТXIII.

Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М., 2003.

Е.А. Гаврилова, Р.А. Сингатулин (Саратов)

МУЗЕЙНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ ПРИ РЕКОНСТРУКЦИИ СОСУДОВ

Исследования, связанные с реконструкцией сосудов по её фрагментам, ведутся достаточно продолжительное время. До появления ЭВМ все подобные работы сводились к вычерчиванию профиля сосуда посредством проецирования его тени на экран, а задача восстановления размеров и формы сосуда (обладающего свойством симметричности) решалась по одному известному, либо по нескольким параметрам сохранившейся части сосуда *(Беговатов, Кочкина,* 1999).

С появлением ЭВМ ситуация кардинально изменилась (*Urbanczyk,* 1983. С. 204). Применение персональных компьютеров позволяет в настоящее время привлечь к этой проблеме апробированные информационно-математические решения. В частности, схожие задачи рассматривались при решении puzzle-головоломок *(Kampeel, Sablatnig,* 2004. С. 31-40), а также при решении криминалистических задач: написание программного алгоритма восстановления текста по сохранившимся фрагментам и др. Вместе с тем, проблемы реконструкции формы сосудов обычно являются стандартными задачами обработки информации - разбиением фрагментов на группы, поиск подходящих фрагментов,

сортировка, сопоставление текстур, цвета и т.д. Программно-аппаратная реализация этих действий позволяет ускорить выборку фрагментов, их восстановление, а также обеспечивает надлежащую достоверность формы и размеров реконструированных сосудов.

Алгоритмы, предлагаемые для решения данных задач *(Fornasier,* 1999; *Levison, Wu,* 1999), обычно сводятся к полному перебору пар фрагментов некоторой меры соответствия, так называемой «комплементарности» *(Грибов,* 2005). При этом используются различные методики: выделение наибольших общих участков границ прикладываемых фрагментов *(Freeman, Garder,* 1964. С. 118-127), прямое сопоставление визуальных объектов, изображенных на фрагментах *(Levison,* 1965. С. 275-277; *Levison, Wu,* 1999), метод максимального правдоподобия *(Willis, Cooper,* 2002) и др. Однако перечисленные методики несколько ограничены по своим возможностям, так как охватывают лишь один из аспектов проблемы синтеза. В то же время предложенные «расширенные» методики *(Weixin, Kimia,* 2001. С. 583-590) добавляют к локальному анализу пар фрагментов глобальный анализ структуры, который заключается в присоединении фрагментов к построенной части. В случае обнаружения противоречий алгоритм производит откат к последнему непротиворечивому состоянию. Аналогичный алгоритм встроен в систему безопасности операционной системы Windows, когда при нарушении текущей программной настройки производится откат до последней работоспособной конфигурации. Однако последовательный алгоритм, предложенный в «расширенной» методике *(Weixin, Kimia,* 2001. С. 583-590), не будет работать при отсутствии большей части фрагментов.

Вместе с тем, алгоритмы, входящие в описанные выше методы, не способны адаптироваться к новой задаче. Часть проблемного материала на практике обрабатывается экспертами, использующими, как правило, ограниченный набор эвристик *(Люггер,* 2003). В то же время, для решения подобных задач хорошо подходят системы KBS (knowledge-based systems), которые моделируют действия эксперта. В такой системе можно выделить несколько различных категорий *(Греков,* 1987; *Сингатулин,* 2007) применительно к проблемным фрагментам керамики:

- анализ механики разрушения;
- анализ отражающих свойств фрагментов;
- анализ геометрических особенностей границ фрагментов;
- анализ цвета, декора, трасологии, текстуры фрагментов.

Анализ механики разрушения сосудов позволяет охарактеризовать динамику, направление силового воздействия, остаточную деформацию и др.

Анализ отражающих свойств фрагментов керамики может быть ключевым, когда исследования сопровождаются инфракрасной инфор-

мационно-измерительной системой с широким диапазоном рабочих частот *(Plotnikov and ets.,* 2002. С. 339-345). В инфракрасном диапазоне отчётливо выделяются термографические признаки соответствующих типов фрагментов керамики *(Buck andets,* 2003. С. 973-989).

При анализе границ парные фрагменты подбираются впритык по совпадающим длинам сторон полигонов, аппроксимирующих границы. Причём физические размеры материала фрагментов, такие как толщина, должны совпадать у парных фрагментов.

Цветовые характеристики фрагментов дают большую часть атрибутной информации, однако сопоставления фрагментов необходимо производить только по цветовым гистограммам.

Оптико-геометрические характеристики фрагментов керамики также приносят достаточную информацию, которая определяется микротекстурой поверхности, декором и трасологическими образованиями, взаимным расположением фрагментов. При этом архитектура системы оптико-геометрического синтеза основана на иерархическом упорядочении эвристик поиска комплементарных пар. Отдельные категории комплементарных пар расположены на верхней иерархический ветви эвристики, отвечающей за грубую и быструю сортировку фрагментов. На нижней ветви категории - требующие для достоверности дополнительных вычислений. При ложном определении всплытие фрагмента вверх по иерархии (откат) также контролируется и используется для адаптации этими алгоритмами. Подобный «механизм» на базе среды разработки экспертных систем CLIPS (Common List Processing - начальная обработка списков) с подключением пакета численных расчетов Matlab был реализован в Московском техническом университете *(Грибов,* 2005). Аналогичный подход осуществлен на кафедре ИСиТО (Информационных систем и технологий в обучении) Педагогического института Саратовского госуниверситета в 2006 г. Программный механизм разработанной системы также был реализован на базе среды разработки экспертных систем CLIPS. Существенным отличием была реализация независимых пакетных программ, связанных с селективной выборкой фрагментов керамики, анализом гистограмм, численными расчетами на языке Turbo Pascal 6.0, построением трёхмерной модели сосуда и др. Для создания прототипа была проведена формализация некоторых эвристик, относящихся к качественному анализу формы трасологических образований с помощью палеофонографических технологий *(Сингатулин,* 2007). Производилась стереофотограмметрическая съёмка атрибутивных фрагментов керамики, на основании которых строилась 3Б-модель сосуда, заполняемая зафиксированными фрагментами. Особое внимание было уделено разработке пользовательского программного интерфейса, поз-

воляющего в доступной форме производить автоматизированную обработку фрагментов с помощью планшетного сканера. Результаты произведённых исследований позволяют сделать вывод о целесообразности применения пакетных программных алгоритмов, которые значительно упрощают камеральную обработку массового материала, повышают качество и достоверность обработки археологической керамики.

Литература:

Беговатов Е.А., Кочкина А.Ф. О восстановлении размеров сосудов по фрагментам // Восточноевропейский археологический журнал. № 1. 1999. <http://archaeology.kiev.ua/journal>

Глушков И.Г. Керамика как исторический источник. Новосибирск: Изд. ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1996.

Грибов Ю.Д. Система синтеза мозаичных изображений в классе систем, основанных на знаниях // МГИЭМ. 2005.

Греков А.П. Фрески церкви Спаса Преображения на Ковалеве. М.: Искусство, 1987.

Грязнов М.П. Техника графической реконструкции формы и размеров глиняной посуды по фрагментам // СА. № 8. 1946.

Люгер Д.Ф. Искусственный интеллект: стратегии и методы решения сложных проблем. М.: Вильямс, 2003.

Сингатулин Р.А. Практическая палеофонография. Технологии и результаты применения. Саратов: ПКИ, 2007.

Buck P., Sabol D., Gillespie A. Sub-pixel artifact detection using remote sensing // Journal of Archaeological Science. Issue 8. Vol. 30, 2003.

Fornasier M. A mathematical discussion on the repre-santation and the comparison of images independently by rotation // A contribution to the virtual restoration by computer of the Eremitani's church frescos in Padua, Internal note DFPD 99/EI/24, Department of Physics «Galileo Galilei», University of Padua, 1999.

Freeman H., Garder L. Apictorial jigsaw puzzles: The computer solution of a problem in pattern recognition // IEEE Trans. Electron. Comput. EC-13. 1964.

Kampeel M., Sablatnig R. 3D puzzling of archeological fragments // Proc. of 9-th CVWW. 2004.

Levison M. The Siting of Fragments // Computer Journal. Vol. 7. 1965.

Levison M., Wu J. The Jigsaw Puzzle Problem Revisited // ACH-ALLC. 1999.

Plotnikov P.K., Singatulin R.A., Ramzaev A.P., Dremov I.I. Application of method of infra-red photogrammetry for identification of underground archaeological tracks and rests of constructions in urbanists conditions // IV-International Symposium «Turkish-German Joint Geodetic Days». Berlin: Grunding, 2001.

Urbanczyk P. Rec.: Orion C.Я. An experiment in the Mathematical Reconstruction of the Pottery from a Roman-British kiln Site at Highgate Wood, London // Bull. Inst. Archaeol. № 11. 1973 // Archaeologia Polski. T. XXVIII. 1983.

Weixin K., Kimia B. On solving 2D and 3D puzzles using curve matching // Proc. IEEE Computer Vision and Pattern Recognition. Vol. 2. 2001.

Willis A., Cooper D. Bayesian pot assembly from fragments as problems in perceptual grouping and geometric learning // Proc. of ICPR. Vol. 3. 2002.

А.С. Сологуб, А.К. Козырев, Р.А. Сингатулин (Саратов)

ОХРАНА И ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ С ПОМОЩЬЮ WEB-ТЕХНОЛОГИЙ

Обширность территорий, на которых находятся памятники, удалённость от центров научных исследований вызывают существенную проблему, связанную с охраной и использованием объектов культурного наследия. Очевидным решением данного вопроса при разработке актуальных научных направлений в изучении истории, охраны памятников, могли бы стать методы информационных и коммуникационных технологий — дистанционного мониторинга с применением Web-камер.

Особенностью применения данных технологий является то, что исследования можно осуществлять не только на открытых площадках, но и внутри зданий и строений, непосредственно под объектом культурного наследия *(Слепак,* 2003; *Plotnikov and ets.,* 2001). В то же время, интерактивный фотограмметрический Web-мониторинг памятников культурного наследия позволяет оперативно решать правовые вопросы охраны, регулирования, разграничения и реставрации памятников культурного наследия, планировать и контролировать проведение археологических работ в зонах строительства *(Singatulin, Rashitov,* 2005).

Универсальность Web-технологий позволяет их использовать не только при археологических исследованиях, но и для изучения и охраны природных комплексов, окружающего ландшафта, проведения экологического мониторинга, для решения задач, связанных с выявлением особенностей геологического строения территорий, границ снежного покрова и др.

Эффективность применения Web-технологий также связана с экономической целесообразностью, т.к. дистанционный мониторинг позволяет резко снизить затраты на обслуживание, сопровождение, охрану памятников культурного наследия.

Решение перечисленных выше задач может осуществляться с помощью информационно-измерительных систем, представляющих собой видеосервер, аппаратно-интегрированный с цифровой камерой (Web-

камерой) и комбинацией методов математического анализа получаемых изображений. Преимущества используемой технологии основано на применении недорогих Web-камер, получении оперативной информации в режиме реального времени — как напрямую с камеры, посредством протокола семейства IP, так и через специальный видеосервер.

Примерами использования реализованных Web-технологий могут служить международные проекты COINE (www.uoc.edu/in3/coine), «VITRA» (www.vitra.org), ARCHEOGUIDE (archeoguide.intranet.gr) и некоторые другие. В странах СНГ описанные способы организации передачи видео по TCP/IP были успешно реализованы в системе видеонаблюдения и стереофотограмметрической съёмки в ходе охранно-спасательных работ на Увекском городище *(Singatulin, Rashitov,* 2005) в 2004-2006 гг. Испытания и дальнейшая эксплуатация показали, что информационно-измерительная система предсказуемо использует ресурсы сети и с надлежащим качеством обеспечивает выполнение поставленных задач.

Реализованный подход в ходе проведённых исследований на Увекском городище 2004-2006 гг. показал существенную роль используемых информационных и коммуникационных технологий, особенно при возникновении проблем получения оперативной консультации, выполнения функций обеспечения охранных мероприятий и других поставленных задач.

В своё время использование Web-технологий позволило в буквальном смысле революционизировать многие производства, обеспечив получение большого технико-экономического эффекта. В то же время, вопросы археологического применения данных технологий пока не реализованы, либо не реализованы полностью. Возможности здесь далеко не исчерпаны, и ещё больших успехов в применении Web-технологий можно ожидать в будущем.

Использование Web-технологий при покрытии больших территорий, на которых располагаются многочисленные курганные группы, средневековые городища и др. памятники, позволит решать не только вопросы сохранности объектов культурного наследия, но и станет неотъемлемой частью археологических исследований, демонстрации процесса археологических раскопок, мониторинга и множества других сопутствующих исследовательских задач.

Литература:

Слепак ЗМ. Геофизический мониторинг с целью сохранения Архитектурного ансамбля Казанского кремля / Археология и естественные науки Татарстана / Отв. ред. А.Г. Петренко. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2003.

Plotnikov P.K., Singatulin R.A., Ramzaev A.P., Dremov I.I. Application of method of infra-red photogrammetry for identification of underground archaeo-

logical tracks and rests of constructions in urbanists conditions // IV - International Symposium «Turkish-German Joint Geodetic Days». Berlin: Grunding, 2001.

Singatulin R.A, Rashitov F.A. The Project Virtual UKEK // EVA 2005 Florence Electronic Imaging & the Visual Arts (14-18 March 2005). <http://vasari.co.uk/eva/florence>.

Р.А. Сингатулин (Саратов)

ПРИМЕНЕНИЕ ЭБ-ТЕХНОЛОГИЙ В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ И НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТАХ

На современном этапе развития естественно-научных методов при решении широкого круга задач на первый план выдвигается проблема создания технологий эффективного использования получаемой информации. Таким требованиям в наибольшей мере отвечают динамично развивающиеся 3D-технологии, которые всё чаще используются в научно-исследовательских и научно-образовательных проектах. При этом широкое использование 3D-технологий связано не только с возросшим вычислительным уровнем персональных компьютеров, но и с появлением на рынке доступного программного обеспечения.

В плане достижения конкретных результатов и получения реальных продуктов (при использовании 3D-технологий) имеется явная тенденция к получению материально ощутимых результатов в виде виртуальных демо-версий, пакетов инструментальных средств разработки, цифровых карт, трёхмерных моделей, баз данных и т.п. За последние годы отчётливо прослеживается тенденция развития от простых индивидуальных проектов, баз управления данными, к чёткой организационной структуре через научно-ориентированный профессиональный доступ, к публичным сервисам, предоставляющим доступ к мультимедийным форматам, трёхмерным данным и к другим ресурсам.

Серьёзной проблемой является переход от разработки технологий и апробации их на культурных объектах к эффективному и непрерывному их использованию. Изначально акцент делался на стоимости и качестве оцифровки объектов и информации. Так, например, в течение последних 5 лет в странах Европейского Союза использование информационных технологий привело к снижению 50% стоимости съёма, регистрации и обработки данных в полевых условиях, так и общей стоимости архивации цифровых ресурсов и обладаниями ими. Теперь же приоритетными являются вопросы полной и достоверной информации.

Наибольший интерес вызывает трёхмерная съёмка объектов, причём всё большее значение придаётся внешней и внутренней структуре (с помощью интроскопии). Кроме того, новые 3D-системы при воссоздании расширенной реальности используют визуальное распознавание

местоположения с идентификацией опорных признаков, отслеживанием в реальном времени, наложением на реальное трёхмерное пространство в режиме реального времени трёхмерных моделей, в отличие от широко распространённого метода с наложением плоских моделей. Одновременно практикуется наделение трёхмерных объектов возможностями проведения совместных исследований в режиме реального времени и перехода к способам совместного одновременного изучения объектов с помощью так называемого «метода погружения» с применением высокоскоростных сетей передачи данных, что в итоге позволяет реализовать новую концепцию представления виртуальных данных.

Одним из реализованных проектов с использованием 3D-технологий является проект «Виртуальный Укек» *(Singatulin, Rashitov,* 2005) и его дальнейшее развитие в проекте «Средневековые города Поволжья: Укек-Булгар-Биляр» *(Huzin and ets.,* 2008). Уход от часто практикующей подгонки 3D-технологий позволил реализовать данный проект в совершенно ином ракурсе. Применение трёхмерных мультиспектральных и палеофонографических (виброакустических) технологий позволило получить совершенно новый тип данных, связанных с топографией средневекового города, расположением когда-то существовавших строений, позволило воссоздать реальную акустическую среду гончарной мастерской. Важно отметить, что результаты применения информационных методов на базе мультиспектральных 3D-технологий, позволили не только обнаружить и идентифицировать следы нескольких десятков уцелевших средневековых строений в условиях современной городской застройки, но и на основе исследования массового керамического материала заложить основы новой научной дисциплины - палеофонографии *(Сингатулин,* 2007).

Вполне очевидно, что дальнейшее расширение и реализация 3D-технологий, приобретающих весьма важное практическое значение, должны стать неотъемлемой частью приоритетных научно-исследовательских и научно-образовательных программ.

Литература:

Сингатулин Р. А. Введение в палеофонографию. Саратов: Научная книга, 2007.

Singatulin R.A., Rashitov F. I. The Project Virtual UKEK // EU EVA 2005 Florence. Electronic Imaging & the Visual Arts. Florence, 2005. <http://vasari.co.uk/eva/florence>

Huzin F.S., Hairutdinov R.R., Sitdikov I.G., Singatulin R.A., Golubtsov V.N. The Project "Ukek-Bulgar-Buljar"(Virtual medieval cities of the Volga region) // EU EVA 2008 Florence. Electronic Imaging & the Visual Arts. Florence, 2008. <http://vasari.co.uk/eva/florence>

СОДЕРЖАНИЕ

В.В. Ставицкий (Пенза)
ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МИХАИЛА РОМАНОВИЧА ПОЛЕССКИХ ПО АРХЕОЛОГИИ ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ……3

И.М. Бухтоярова (Воронеж)
ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ДОНА В СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ (1920-1930-Е ГГ.)……71

А.В. Вискалин (Ульяновск)
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КРЕМНЕВОГО ИНВЕНТАРЯ ПОЗДНЕМЕЗОЛИТИЧЕСКИХ И РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ВОЛГО-УРАЛЬСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ……74

Р.В. Смольянинов (Липецк)
ПАМЯТНИКИ ЕЛШАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ВЕРХНЕМ ДОНУ……89

А.А. Выборнов (Самара), Н.Н. Ковалюх (Киев), А.А. Ластовский (Самара), А.Е. Мамонов (Самара), Н.Л. Моргунова (Оренбург), В.В. Скрипкин
НОВЫЕ РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТЫ ДЛЯ НЕОЛИТА ЛЕСОСТЕПНОГО ЗАВОЛЖЬЯ……96

А.В. Сурков (Воронеж)
К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОМ СТАТУСЕ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ С НАКОЛЬЧАТО-ГРЕБЕНЧАТОЙ КЕРАМИКОЙ НА ВЕРХНЕМ ДОНУ……105

В.В. Ставицкий (Пенза)
О НЕКОТОРЫХ ДИСКУССИОННЫХ ПРОБЛЕМАХ ИЗУЧЕНИЯ ПОХОПЕРСКОГО НЕОЛИТА……113

А.И. Юдин (Саратов)
ХРОНОЛОГИЯ ВАРФОЛОМЕЕВСКОЙ СТОЯНКИ……121

А. Н. Бессуднов, Р. В. Смольянинов (Липецк)
НЕОЛИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ С ПОСЕЛЕНИЯ СТУДЁНОВКА 3 НА Р. ВОРОНЕЖ……127

С. А. Кондратьев (Самара)
О СВОЕОБРАЗИИ ЯМОЧНО-ГРЕБЕНЧАТОЙ КЕРАМИКИ
ВЕРХНЕГО ПРИМОКШАНЬЯ И СРЕДНЕГО ПОСУРЬЯ……136

А.И. Королев, А.А. Шалапинин (Самара)
ОБ ОДНОЙ ГРУППЕ ГУНДОРОВСКОЙ КЕРАМИКИ:
НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ВОЛОСОВСКУЮ КОЛЛЕКЦИЮ……148

В.В. Никитин (Йошкар-Ола)
ИСТОКИ ВОЛОСОВСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ НА ОКЕ И ВОЛГЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЙ КРАСНЫЙ МОСТ II И Ш) 152

О. Д. Мочалов (Самара)
КЕРАМИКА РАННЕЙ - НАЧАЛА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ
ЛЕСОСТЕПНОГО ВОЛГО-УРАЛЬЯ:
ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ……167

В.И. Мельник (Москва)
СМЕЩЕНИЯ ПРИРОДНЫХ ЗОН НА ЮГО-ВОСТОКЕ ЕВРОПЫ
И РАСПРОСТРАНЕНИЕ КУЛЬТУР ЭПОХИ БРОНЗЫ……177

В.В. Килейников (Воронеж)
МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ТОПОРЫ С ПАМЯТНИКОВ
БРОНЗОВОГО ВЕКА ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДОНЬЯ……178

Ю.А. Чекменев (Воронеж)
ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ СРЕДНЕГО ПОХОПЕРЬЯ
(КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК КАМЕНКА)……189

М.В. Ивашов (Липецк)
МАТЕРИАЛЫ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА
С МНОГОСЛОЙНОГО ПОСЕЛЕНИЯ БУХОВОЕ 9
НА ВЕРХНЕМ ДОНУ……201

В.И. Вихляев (Саранск), В.В. Ставицкий (Пенза)
ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ ШАВЕРКИ 2
НА СРЕДНЕЙ МОКШЕ……210

Т.В. Сарапулкина (Белгород)
КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС
ГОРОДЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ДОНУ……227

Л.Ф. Недашковский (Казань)
КЛАДЫ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ МОНЕТ С СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА И ИЗ ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ.....236

Е.А. Гаврилова, Р. А. Сингатулин (Саратов)
МУЗЕЙНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ ПРИ РЕКОНСТРУКЦИИ СОСУДОВ.....241

А.С. Сологуб, А.К. Козырев, Р. А. Сингатулин (Саратов)
ОХРАНА И ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ С ПОМОЩЬЮ WEB-ТЕХНОЛОГИЙ.....245

Р. А. Сингатулин (Саратов)
ПРИМЕНЕНИЕ 3D -ТЕХНОЛОГИЙ В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ И НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТАХ.....247

Пензенский институт развития образования
Пензенский государственный педагогический
университет имени В. Г. Белинского
Пензенский государственный краеведческий музей

АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Сборник материалов
II Международной научной конференции
«Археология восточноевропейской лесостепи»,
посвященной 100-летию со дня рождения археолога,
заслуженного работника культуры **М.Р. Полесских.**
(25 - 27 сентября 2008 г.)

Выпуск 2, том I

Материалы публикуются в авторской редакции
Верстка — О. В. Сиротин
Дизайн обложки — Н. В. Хлопцева

Подписано к печати 15.09.2008. Формат 60x84/16.
Бумага писчая белая. Уч.-изд. л. 14,9. Усл. печ. л. 14,65.
Тираж 100 экз. Заказ № .

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Копи-Ризо» ИП Поповой М.Г.
Адрес: г. Пенза, ул. Московская, 74, комн. 304.
Тел. 56-25-09, тел./факс 52-11-81.